

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 0130-3864

В НОМЕРЕ:

ЭДМУНД БЁРК, ЕГО ЧИТАТЕЛИ И ПОЧИТАТЕЛИ
В РОССИИ XVIII века. Часть первая

ЗА ФАСАДОМ ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ:
О РЕЗУЛЬТАТАХ ИСКУПИТЕЛЬНОЙ МИССИИ ХОСРОВА-МИРЗЫ
1829 года

«СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ»:
ПОЛЬСКИЕ ОФИЦЕРЫ НА СЛУЖБЕ В АРМИИ ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ В 1840–1870-х годах

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
М.И. РОСТОВЦЕВА В ЭМИГРАЦИИ (по переписке с П.Б. Струве)

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИНДОКТРИНАЦИЯ И ПРОПАГАНДА
В АНТИКЕМАЛИСТСКОЙ ПРЕССЕ НАЧАЛА 1930-х годов

ЧТО БЫЛО ДО «КРЕМЛЕВСКОЙ ВСТРЕЧИ»?
СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ «НОВОГО КУРСА»
СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1941–1943 годах

РЕЖИМ МУССОЛИНИ: КОНЦЕПЦИЯ КОНСЕНСУСА
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

СТАРЫЕ ИСТОЧНИКИ – НОВЫЕ ПОДХОДЫ:
ИЗУЧЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РАННЕГО
НОВОГО ВРЕМЕНИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI века

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ТУРЦИИ В НАЧАЛЕ XXI века:
ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

6

2024

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 6
НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ**

2024

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор В.С. Мирзеханов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**Одд Арне Вестада (США), А.Б. Давидсон (Россия), Штефан Карнер (Австрия),
Николаус Катцер (Германия), Доминик Ливен (Великобритания), Г.Ф. Матвеев (Россия),
В.С. Мясников (Россия), В.В. Наумкин (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), А.О. Чубарьян (Россия)**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Йорг Баберовски (Германия), Л.С. Белоусов (Россия), Д.М. Бондаренко (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), Владислав Зубок (Великобритания), Суви Кансикас (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), М.А. Липкин (Россия), Леонид Люкс (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), Мари-Пьер Рей (Франция),
Дональд Рейли (США), Л.П. Репина (Россия), И.М. Савельева (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), В.В. Согрин (Россия), Грегори Фриз (США), Б.Л. Хавкин (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), Франтишек Штелльнер (Чехия)**

Ответственный секретарь И.А. Фадеев

---

*Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru*

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 6
NOVEMBER–DECEMBER
2024

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL OF EDITORS

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Nikolaus Katzer (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

- Белоусов Л.С. Режим Муссолини: концепция консенсуса в современной историографии 5
- Петрова М.А. Старые источники — новые подходы: изучение европейской дипломатии раннего Нового времени в зарубежной историографии конца XX — начала XXI века ... 21

НОВОЕ ВРЕМЯ

- Панченко К.А. Российская миссия в Стамбуле в середине 1740-х годов: повседневная жизнь 40
- Карп С.Я. Эдмунд Бёрк, его читатели и почитатели в России XVIII века. Часть первая 54
- Кириллина С.А. Дар Божий: природа Ближнего Востока в паломнических записках российских иеромонахов Леонтия и Мелетия (XVIII столетие) 66
- Кобищанов Т.Ю. История одного пророчества: дамасская «Легенда об астраханских старцах» в контексте арабо-российских контактов XVIII века 77
- Орлов В.В. «Заклучим тогда статьи мирные...»: морская стратегия Российской империи и становление русско-марокканских отношений (вторая половина XVIII века) 92
- Ардашникова А.Н., Коняшкина Т.А. За фасадом церемониальной дипломатии: о результатах закупительной миссии Хосрова-мирзы 1829 года 103
- Жантiev Д.Р. Завоевание Сирии Мухаммадом Али-пашой в 1831—1832 годах и его влияние на российско-османские отношения 115
- Суриков К.А. «Свои среди чужих, чужие среди своих»: польские офицеры на службе в армии Османской империи в 1840—1870-х годах 126
- Черкасов П.П. Падение Адольфа Тьера 24 мая 1873 года (по документам российского посольства в Париже) 139

XX ВЕК

- Любчук А.С. Идеологическая индоктринация и пропаганда в антикемалистской прессе начала 1930-х годов 151
- Беглов А.Л. Что было до «кремлевской встречи»? Становление политики «нового курса» советского руководства в отношении Русской православной церкви в 1941—1943 годах ... 164

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Шлыков П.В. Отношения России и Турции в начале XXI века: трансформация моделей взаимодействия 179

ПУБЛИКАЦИИ

- Бухарин М.Д. Общественно-политическая деятельность М.И. Ростовцева в эмиграции (по переписке с П.Б. Струве) 194

РЕЦЕНЗИИ

- Бобкова М.С. Почему невозможно написать биографию Уильяма Шекспира (Y. Dureau. Why it is Impossible to Write a Biography of William Shakespeare: Multiple Names. Contradictory Sources and Political Purposes. Lewiston; New York, 2018) 204
- Комаров А.Н. Новый взгляд на историю советско-британских отношений в 1925—1932 годах: сущность, противоречия и динамика (Е.Ю. Сергеев. Обманчивый рассвет. Советский Союз и Великобритания в 1925—1932 гг. М., 2024) 207
- Петелин Б.В. Фашизм: Помнить. Знать. Предотвратить (Б.Л. Хавкин. Нацизм. Третий рейх. Сопротивление. М., 2023) 210

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- К юбилею академика А.Б. Давидсона 215
- Указатель материалов, опубликованных в журнале «Новая и новейшая история» в 2023 году .. 217

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Belousov L.S. Mussolini's Regime: The Concept of Consensus in Contemporary Historiography	5
Petrova M.A. Old Sources – New Approaches: Early Modern European Diplomacy in the International Historiography of the Late Twentieth and Early Twenty-First Centuries.....	21

MODERN HISTORY

Panchenko C.A. The Russian Mission in Istanbul in the mid-1740s: Everyday Life	40
Karp S.Ya. Edmund Burke, His Readers and Admirers in 18th Century Russia. Part One.....	54
Kirillina S.A. The Gift of God: The Nature of the Middle East in the Pilgrimage Writings of Russian Hieromonks Leontius and Meletius, 18th Century.....	66
Kobishchanov T.Yu. The Story of a Prophecy: The Damascene “Legend of the Astrakhan Elders” in the Context of Arab-Russian Encounters in the 18th Century.....	77
Orlov V.V. “Let Us Conclude Then the Articles of Peace...”: The Naval Strategy of the Russian Empire and the Formation of Russian-Moroccan Relations in the Second Half of the Eighteenth Century .	92
Ardashnikova A.N., Konyashkina T.A. Behind the Facade of Ceremonial Diplomacy: The Results of Khosrow Mirza's “Redemption” Mission of 1829.....	103
Zhantiev D.R. The Conquest of Syria by Muhammad Ali Pasha in 1831–1832 and Its Influence on Russian-Ottoman Relations.....	115
Surikov K.A. “Friends to Foes, Foes to Friends”: Polish Officers in the Ottoman Army in 1840–1870s...	126
Cherkasov P.P. The Fall of Adolphe Thiers on 24 May 1873: Documentary Evidence from the Russian Embassy in Paris.....	139

TWENTIETH CENTURY

Lyulchak A.S. Ideological Indoctrination and Propaganda in the Anti-Kemalist Press of the Early 1930s.....	151
Beglov A.L. What Happened Before the “Kremlin Meeting”? Formation of the Soviet Leadership's “New Deal” Policy Towards the Russian Orthodox Church in 1941–1943.....	164

CONTEMPORARY HISTORY

Shlykov P.V. Russia and Turkey in the Early 21st Century: Transformation of Bilateral Interaction Models	179

ANALYSING ORIGINAL DOCUMENTS

Bukharin M.D. Social and Political Activity of Mikhail Rostovtzeff in Emigration Through His Correspondence with Pyotr Struve	194

REVIEWS

Bobkova M.S. Why It Is Impossible to Write a Biography of William Shakespeare (Y. Dureau. Why it is Impossible to Write a Biography of William Shakespeare: Multiple Names. Contradictory Sources and Political Purposes. Lewiston; New York, 2018)	204
Komarov A.N. A New Perspective on the History of Soviet-British Relations in 1925–1932: Essence, Contradictions, and Dynamics (E.Y. Sergeev. An Illusory Dawn. The Soviet Union and Great Britain in 1925–1932. Moscow, 2024).....	207
Petelin B.V. Fascism: Remember. Know. Prevent (B.L. Khavkin. Nazism. Third Reich. Resistance. Moscow, 2023)	210

ACADEMIC LIFE

On the 95th Anniversary of Academician Apollon Davidson	215
Index of Contributions Published in the Journal “Modern and Contemporary History” in 2024	217

DOI: 10.31857/S0130386424060017

© 2024 г. Л.С. БЕЛОУСОВ

РЕЖИМ МУССОЛИНИ: КОНЦЕПЦИЯ КОНСЕНСУСА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Белouсов Лев Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, академик РАО, и.о. декана исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ (Москва, Россия).

E-mail: lbelousov@olympicuniversity.ru:

Scopus Author ID: 57198303575; *Researcher ID:* Y-8445-2018; *ORCID:* 0000-0002-0567-3912

Аннотация. Проблема общественного консенсуса в годы режима Муссолини была и остается одной из ключевых в исследованиях итальянского фашизма. Статья посвящена анализу зарубежной историографии этой проблемы: от первых работ, появившихся еще в годы диктатуры, до острой полемики в историографии, связанной с выходом в 1960–1980-е годы многотомной истории фашистского режима Р. Де Феличе, поставившего проблему консенсуса в центр своего исследования. Наряду с признанием достоинств книг Де Феличе, подвергнуты критике его методологические принципы, методы исследования и концепция в целом, декларирующая, что фашизм представлял собой политическую стратегию с дальним прицелом — «муссолинизм» как специфическую форму «левого тоталитаризма». Консенсус в трактовке Де Феличе поначалу представлял блок новых политических сил и старых элитарных структур, но к середине 1930-х годов обрел массовый характер, что фактически исключало необходимость применения насилия и придавало специфику режиму Муссолини — «незаконченный тоталитаризм». Его крушение, по Де Феличе, стало результатом просчетов военно-политического руководства в сочетании с объективными факторами слабости Италии, но не следствием раскола общества. Историографическую картину проблемы консенсуса формируют работы историков-марксистов и левых демократов, оппонирующие Де Феличе, либералов и апологетов режима. В 1990-е годы дискуссия продолжалась, охватив сферу локальной и социальной истории.

Ключевые слова: Италия, итальянский фашизм, политический режим, Б. Муссолини, консенсус, историография, тоталитарные режимы.

L.S. Belousov

Mussolini's Regime: The Concept of Consensus in Contemporary Historiography

Lev Belousov, Acting Dean of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: lbelousov@olympicuniversity.ru

Scopus Author ID: 57198303575; *Researcher ID:* Y-8445-2018; *ORCID:* 0000-0002-0567-3912

Abstract. One of the pivotal issues in the study of Italian fascism pertains to the question of public consensus under Mussolini's regime. In the article, the author presents a comprehensive examination of the international historiographic discourse pertaining to this issue, tracing its evolution

from the initial works published during the dictatorship to the impassioned debates that arose with the publication of Renzo De Felice's multi-volume history of the Fascist regime in the 1960–1980s. At the core of De Felice's research was the examination of the phenomenon of consensus within Italian society between 1920 and 1945. This paper acknowledges the value of De Felice's contributions but challenges the methodological principles, research methods, and the conceptualisation of fascism as a long-term political strategy, particularly the notion of "Mussolinism" as a distinct form of "left-wing totalitarianism". De Felice's interpretation initially posited a consensus comprising new political forces and established elite structures. However, by the mid-1930s, this consensus had acquired a mass character, effectively eliminating the necessity for recourse to violence and endowing Mussolini's regime with a distinctive quality: "incomplete totalitarianism". De Felice's analysis suggests that the collapse of the Fascist regime in Italy was primarily the result of a combination of miscalculations by the military and political leadership, coupled with inherent weaknesses in the system itself, rather than being driven by the erosion of mass consent. The historiographical debate surrounding the issue of consensus has been shaped by the works of Marxist historians and left-wing democrats who have opposed De Felice's views. Additionally, the perspectives of liberals and regime apologists have contributed to this ongoing discussion. The 1990s saw the debate continue to evolve, encompassing both local and social historical analysis.

Keywords: Italy, Italian fascism, political regime, Benito Mussolini, consensus, historiography totalitarian regimes.

Система взаимодействия общества с властью во всем многообразии не утрачивает своей научной актуальности для любого периода отечественной и всеобщей истории, но особую значимость приобретает применительно к XX в. в связи с появлением нового типа режима – тоталитарного. Консенсус – лишь одна из составляющих новой системы, но чрезвычайно важная. Без этой опоры не существовал и не мог существовать ни один режим, основанный преимущественно на насилии. Неудивительно, что проблема согласия общества при тоталитарных режимах стала предметом научного осмысления еще в годы их существования, но споры вокруг этого исторического феномена не утихают в профессиональном сообществе до сих пор¹.

В советские времена историки не очень тяготели к изучению проблем итальянского фашизма в целом и режима Муссолини в частности. Это и понятно: политическая цензура не позволила бы выйти в свет книге, в которой содержался бы даже отдаленный намек на сходство типов политической власти в фашистской Италии и Советском Союзе сталинской поры. Проблема консенсуса не появлялась в работах наших авторов, поскольку тезис о «согласии» общества с режимом Муссолини явно противоречил господствовавшей в отечественной науке со времен Коминтерна концепции классовой сущности фашизма. Это вовсе не означает, что советские авторы не видели здесь серьезную научную проблему. Они просто обходили ее красноречивым молчанием или формулировали свою мысль так, что оставляли возможность читателю додумывать остальное. К примеру, смелое для 1970-х годов по сути, но осторожное по формулировке высказывание Б.Р. Лопухова о характере фашизма ничуть не утратило своей научной значимости и сегодня: «Многое, пожалуй, трудно будет понять в фашизме, если искать во всем направляющую руку или крупной монополистической, или крупной аграрной буржуазии. Скорее, наверное, можно сказать об историческом синтезе и логике, обусловленной подлинными и мнимыми интересами, чувствами и действиями разных групп населения»², которые в конечном счете способствовали превращению фашистского движения в тоталитарный режим.

Б.Р. Лопухов рассматривал режим Муссолини в свете эволюции форм буржуазной власти в XX в., т.е. как исторический феномен, который «был в большей мере детерминирован логикой исторического развития, в том числе и социально-экономической реальностью, чем

¹ Данная статья основана на историографическом разделе монографии автора «Режим Муссолини и массы» (М., 2000), второе издание которой готовится к выходу в 2025 г.

² Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 11.

волей Муссолини или даже всех фашистских руководителей вместе взятых»³. В этой связи проблема «режим — массы» ставилась автором в плане расширения регулирующей социальной функции государства, которое в 1930-е годы вторгалось практически во все сферы жизни общества. Это государство создало весьма специфический, присущий лишь тоталитарным структурам алгоритм своих взаимоотношений с различными социальными слоями, механизм функционирования которого в работах Б.Р. Лопухова специально не освещался, поскольку автор не ставил перед собой такой задачи.

В этическом и психологическом аспектах эта лакуна отчасти восполняется в книгах заслуженно почитаемой у нас в стране и в Италии историка и писательницы Ц.И. Кин⁴. Прожив немало лет в удушающей атмосфере фашистской Италии, Ц.И. Кин, как тонкий наблюдатель и исследователь, уловила особый настрой значительной части итальянского общества. Он был охарактеризован ею как конформизм, основанный на моральном неприятии господствовавшей идеи и политической практики, далекий как от фашистского фанатизма, так и от непримиримого антифашизма. Монография Г.С. Филатова «Крах итальянского фашизма»⁵ остается единственным в отечественной историографии комплексным исследованием различных аспектов созревания кризиса фашистского режима во второй половине 1930-х годов. Наряду с социально-экономической и военно-политической составляющими кризиса, автор прослеживает также процесс распространения в обществе антифашистских идей, преимущественно среди молодежи, а также деятельность антифашистских партий по формированию организованной молодежной антифашистской оппозиции. Во второй половине 1930-х годов сопротивление фашизму в Италии не выливалось в массовые действия. «Скорее это было, — по мнению Г.С. Филатова, — капиллярное распространение антифашистских идей, которые постепенно все глубже проникали в массовую базу фашизма, подтачивали и размывали ее изнутри»⁶. Этот процесс протекал неравномерно, испытывал паузы и отступления, однако он «продолжал нарастать под влиянием внешних и внутренних мероприятий фашизма, направленных на подготовку империалистической войны»⁷. В этой связи любопытно отметить, что Г.С. Филатов априори исходит из того, что выросшее при режиме Муссолини новое поколение итальянцев было фашизировано, хотя нигде не пишет об этом прямо. И это тоже, на наш взгляд, пример глубокого понимания и «красноречивого» умолчания.

Тема «режим — массы» затрагивается в монографии В.И. Михайленко⁸ в связи с описанием полемики, сопровождавшей в Италии появление на свет многотомной биографии дуче Р. Де Феличе. Автор подверг тщательному анализу сильные и слабые стороны концепции Де Феличе в целом, не вдаваясь подробно в дискуссию о консенсусе, что не являлось предметом его исследования.

Этим исчерпывается перечень работ, содержащих хотя бы упоминания о наличии научной проблемы, которая в момент их написания была не только не изучена в отечественной историографии, но даже должным образом не обозначена в качестве таковой⁹.

В итальянской историографии картина совершенно иная. Тему вовлечения широких масс в так называемую «фабрику согласия» можно считать традиционной для итальянской исторической науки. В 1970–1990-е годы в связи с появлением работ Р. Де Феличе именно эта проблематика оказалась в центре жарких историографических дебатов и дала мощный импульс исследованиям отношений тоталитарного режима с массами. Однако эта тема в том или ином виде присутствовала и в работах итальянских историков, занимавшихся периодом

³ Там же. С. 291.

⁴ См., например: Кин Ц.И. Итальянский ребус. М., 1991.

⁵ Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М., 1973.

⁶ Филатов Г.С. Фашистский корпоративизм и империализм. Крах фашистского режима в Италии. Гл. 3 // История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 115.

⁷ Филатов Г.С. Усиление империалистических тенденций фашистской Италии. Гл. 2 // История Италии: в 3-х т. Т. 3. М., 1971. С. 138.

⁸ Михайленко В.И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987.

⁹ Впервые проблеме консенсуса была посвящена монография автора «Режим Муссолини и массы».

«черного 20-летия» сразу после Второй мировой войны. Они не могли обойти ее стороной, но не ставили в центр своего исследования. Это обусловлено, во-первых, тем, что количество доступных архивных и иных источников было еще явно недостаточным; во-вторых, тем, что сама постановка «проблемы консенсуса» неизбежно выводила дискуссию на более высокий уровень обобщения — о некоей «коллективной ответственности» итальянского народа за консолидацию и длительное господство фашистского режима.

Споры на этот счет еще далеки от завершения¹⁰. Термины, в которых ведется полемика, нередко расплывчаты, импрессионистичны, необходимых общепризнанных дефиниций до сих пор не существует, и каждый из авторов по-своему истолковывает содержание используемых им понятий¹¹. Один из историков левой ориентации Э. Францина еще в конце прошлого века справедливо утверждал, что сущность консенсуса по-прежнему «остается недостаточно изученной», хотя многие внешние формы его проявления исследованы досконально¹². Данное утверждение не утратило своей актуальности и ныне.

В этой связи уместно обозначить сначала крайние точки зрения, поскольку позиции более взвешенные, менее ангажированные в конечном счете занимают промежуточное положение и лишь весьма условно могут быть отнесены к одному из полюсов.

По мнению В.И. Михайленко, изучавшего историографию «черного 20-летия», в «интеллектуальном блоке», который обслуживал фашистский режим, «были представители практически всех известных к тому времени разновидностей буржуазного историзма»¹³, наиболее крупным из которых являлся Дж. Вольпе. Его работы многократно становились объектом справедливой научной критики. Поскольку фашизм интерпретировался Дж. Вольпе как явление закономерное, обусловленное всем ходом предшествующего исторического развития Италии, как «великая народная революция»¹⁴, постольку установленный им режим выражал концентрированную волю и мудрость итальянской нации. Политические институты режима Муссолини, по мнению Дж. Вольпе, отстаивали интересы всех социальных групп и способствовали консолидации национальной общности, режим прочно опирался на массы, в том числе на рабочий класс.

Против этого тезиса в 1930-е годы активно возражал историк и публицист Г. Сальвемини, относящийся к представителям «экономико-юридической» школы. В пылу спора он не задавался вопросом о поддержке или отторжении итальянцами тоталитарной диктатуры, но доказывал, что режим Муссолини не имел глубоких корней, носил временщический характер и не был принят обществом. Проблема консенсуса не была обозначена прямо, но мнение Сальвемини о ней известно: народ против режима.

Во второй половине 1930-х годов трудно было ожидать полноценной научной постановки вопроса о согласии. Тем удивительнее, что первая работа, которую можно считать открывающей дискуссию о консенсусе, вышла в свет уже в 1936 г. в Карловых Варах: «Между двумя мировыми войнами?»¹⁵. Ее автор, австрийский историк и социолог, известный социал-демократ О. Бауэр, заявил, что фашизм есть форма политической власти, стоящая над буржуазией и пролетариатом и осуществляющая «капиталистическо-милитаристскую диктатуру», подлинная новизна которой, по сравнению с бонапартизмом и прочими видами диктаторских режимов XIX в., состоит именно в попытке формирования консенсуса широких народных масс, необходимого для сохранения и упрочения власти. Эта констатация еще не могла быть веско аргументирована, но для середины 1930-х годов она была поразительно прозорлива.

¹⁰ О продолжении дискуссии в 2000–2024 гг. см. следующий номер журнала.

¹¹ Подробнее см.: *Palla M.* Sul regime fascista italiano. Precisazioni terminologiche e interpretative // *Italia contemporanea*. 1987. № 169. P. 17–35.

¹² *Franzina E.* Proteste sociali nel Veneto fra le due guerre // *Geografia e forme del dissenso sociale in Italia durante il fascismo (1928–1934)*. Cosenza, 1990. P. 301.

¹³ *Михайленко В.И.* Указ. соч. С. 39.

¹⁴ *Volpe G.* Storia del movimento fascista. Milano, 1939. P. 47. Дж. Вольпе близок по взглядам официальный историк и идеолог фашизма Ф. Эрколе: *Ercole F.* Storia del fascismo. Milano, 1939.

¹⁵ Итальянский перевод: *Bauer O.* Tra le due guerre mondiali? Torino, 1979.

После победы движения Сопротивления, когда накал страстей в обществе оставался весьма высоким и постоянно подогревался в условиях холодной войны, профессиональные историки так или иначе тяготели к тому или иному политическому полюсу. Крайние точки зрения на проблему «тоталитарный режим — массы» выглядели малоубедительными. Наследники традиции активного антифашизма, стоявшие на позициях марксистской методологии или причислявшие себя к таковым, заявляли, что фашизм затормозил социальное и культурное развитие рабочего класса, ограничил его участие в национальной жизни. Сами же рабочие остались верны своей «классовой целостности», сумели подспудно сохранить классовое сознание, которое постоянно подпитывалось эксплуатацией, выработали иммунитет против фашистской идеологии и выгонялись на массовые официальные мероприятия силой. Ни о какой поддержке антинародного режима не было и речи, что подтверждается итогами движения Сопротивления.

Эту позицию можно считать умеренной в сравнении с историографией левацкого (в том числе троцкистского) толка, утверждающей, что фашистский режим вообще не имел серьезной общественной поддержки и мог быть свергнут революционными действиями масс, которые якобы не велись из-за оппортунистической позиции итальянских коммунистов, не желавших поднять рабочий класс на восстание и «забывших военный опыт ленинизма»¹⁶. Сторонники этой концепции полагали, что классовая борьба являлась стержнем всего антифашистского движения¹⁷, но при этом они признавали существование «проблемы консенсуса» в том смысле, что режим ставил своей целью «осуществление контроля над процессом формирования согласия в обществе»¹⁸.

Диаметрально противоположная точка зрения состоит в том, что режим Муссолини якобы опирался на широкую поддержку масс, в том числе пролетарских, которые имели измененное фашистской пропагандой сознание. Поведение рабочего класса, «успокоенного» и «прикормленного» режимом, в целом вписывалось в установившийся общественный порядок, и этим якобы объясняется длительное и почти бесконфликтное господство в стране фашистской власти¹⁹.

По мере углубления исследований к пониманию, что все обстоит значительно сложнее, приходили сторонники обеих концепций. В конце 1960-х годов социолог А. Турэн попытался сформулировать некую третью, срединную точку зрения. Для изучения сознания рабочего класса он предложил ввести понятие «принцип идентичности», который в зависимости от конкретной, рожденной требованиями момента конфликтной ситуации может трансформировать сознание рабочих в классовое или, напротив, в некое иное, позволяющее обосновать концепцию социальных отношений внеклассового, сугубо функционального свойства и объяснить таким образом пассивность рабочих в течение длительного периода диктатуры²⁰. Этот подход представляется продуктивным при анализе сознания тех групп рабочего класса, которые влились в него недавно и еще не избавились от прежних, как правило, традиционалистских элементов мышления и оценки действительности. Речь идет о вчерашних крестьянах, пополнявших маргинальные слои городского общества.

Идея маргинализации промышленного рабочего класса в годы фашизма впервые была сформулирована юным социалистом Маттео Маттеотти в 1944 г. Подготовленное им исследование положения рабочих в 1920–1930-е годы²¹ было своего рода манифестом позиции левых сил. Выводы М. Маттеотти сформулированы четко и прямолинейно: в годы фашизма происходило постоянное обнищание рабочего класса, вплоть до полной его пауперизации; значительно увеличилась резервная армия труда; участились случаи производственного

¹⁶ *Del Carria R.* Proletari senza rivoluzione. Storia delle classi subalterne in Italia. Vol. 4. Roma, 1979. P. 74.

¹⁷ См., например, выступления ряда авторов на научной конференции, организованной Итальянской социалистической партией пролетарского единства во Флоренции в 1973 г.: *Antifascismo come lotta di classe*. Roma, 1974.

¹⁸ *Guerin D.* Fascismo e gran capitale. Roma, 1994. P. 24.

¹⁹ См., например: *Tamara A.* Venti anni di storia (1922–1943). Roma, 1953.

²⁰ *Touraine A.* La coscienza operaia. Milano, 1969.

²¹ *Matteotti M.* La classe lavoratrice sotto il fascismo (1922–1943) // *Annali Feltrinelli* 1972. Milano, 1973.

травматизма; сократилась и ухудшилась в качественном отношении структура потребления рабочих семей; уменьшились возможности для борьбы с неграмотностью и для приобщения рабочих к ценностям итальянской культуры. Все начинания фашистского правительства в области рабочей политики оценивались автором как демагогические, лишенные какой-либо реальной значимости, либо направленные к ухудшению положения рабочего класса. В последующих исследованиях ученых-марксистов выводы на эту тему стали значительно более осторожными и взвешенными, но ключевая идея — об относительном ухудшении положения рабочего класса в годы фашизма — оставалась прежней.

В 1950–1960-е годы историки левой ориентации, которых условно объединяют в рамках «прогрессивно-демократического» или «лево-демократического блока»²², занимались преимущественно разработкой проблем генезиса фашизма и его краха. Тем не менее в осмыслении особенностей самого тоталитарного режима ими был сделан шаг вперед: они признали, что нельзя недооценивать способность победившего фашизма к мобилизации масс и их включению в орбиту своего влияния.

Наиболее отчетливо эту мысль выразил марксист Э. Сантарелли в фундаментальной работе «История фашистского движения и режима»²³. В научный оборот было введено большое количество новых документов и фактов, которые иллюстрировали активную мобилизующую деятельность режима Муссолини. Тем самым преодолевалась типичная для антифашистов недооценка возможностей тоталитарного режима и намечались новые методические подходы, которые развивались все более активно по мере опубликования историко-философского наследия А. Грамши. Его рассуждения о проблеме гегемонии и «прогрессивном цезаризме», раздумья о мотивах влечения к фашизму мелкобуржуазных слоев и применяемых им методах идеологического воздействия на массы — все это оказало серьезное влияние на историков-марксистов, осознававших необходимость глубокого анализа механизма функционирования тоталитарного режима.

Однако действительно мощный импульс для развития исследований в этом направлении был дан в связи с публикацией в Италии «Лекций о фашизме» П. Тольятти²⁴. Оказалось, что 35 лет спустя после того, как они были прочитаны в Москве для итальянских коммунистов-подпольщиков, лекции не только не утратили своей оригинальности и свежести, но приобрели новое качество, оказывая серьезное влияние на участников разворачивавшейся научной дискуссии.

Наиболее ценным для историков было утверждение П. Тольятти, что фашистский режим в Италии имеет особый характер, не позволяющий смешивать его ни с обычной полицейской диктатурой XIX в., ни с бонапартизмом. В отличие от репрессивных режимов прошлого фашистская власть вынуждена мобилизовать массы с целью подавления любой возможности их автономного самовыражения и ради приобщения к выполнению своих программ. П. Тольятти дает блестящее определение существующей системе как «реакционного режима, опирающегося на массы». В его анализе, на наш взгляд, не хватает одного существенного элемента, для осмысления которого в 1935 г. было уже немало материала: факта признания определенного типа общественного согласия, которого удалось добиться режиму Муссолини. Но даже если этот факт не остался незамеченным П. Тольятти, вряд ли можно было в 1935 г. ожидать от одного из лидеров Коминтерна развернутой аргументации по столь «деликатной проблеме».

На формулировку П. Тольятти впоследствии опирались многие исследователи левой ориентации. Крупный историк-марксист Э. Раджиониери придал проблеме «режим — общество» историческое звучание. По его мнению, фашизм реализовал политическое единство имущих классов на основе общей программы подавления политической и культурной автономии низших классов и одновременно предложил решение сверху (в авторитарной форме) проблемы включения масс в государственную инфраструктуру, чего не сумело сделать либеральное государство после объединения Италии. Э. Раджиониери указывает и на

²² Михайленко В.И. Указ. соч. С. 97–107.

²³ Santarelli E. Storia del movimento e del regime fascista. Roma, 1967.

²⁴ Togliatti P. Lezioni sul fascismo. Roma, 1970.

потенциальные «пределы возможностей» нового режима, как внутренние (противоречия между различными компонентами блока власти), так и внешние (открытые противники фашизма), плюс недовольство населения²⁵. Фактор гражданского недовольства постоянно присутствовал в 1930-е годы. Этот факт не отрицается ни кем из авторов, но интерпретируется по-разному, причем с диаметрально противоположных позиций.

Левые авторы, условно причисляемые к «прогрессивно-демократическому блоку», усматривают в движении недовольных низов мощный потенциал протеста, интуитивно направленный против режима как главного виновника всех бед. При этом делается оговорка, что в фашистский период требовать большего от масс, лишенных традиционных форм самовыражения и самозащиты, было невозможно. Такой вывод сформулирован во многих работах, посвященных локальной истории²⁶. Их материал дает основания для определения характера стихийного протеста масс в 1930-е годы и ответа на вопрос, был ли он антифашистским. Многие локальные и некоторые общие исследования в этом направлении грешат смешением понятий «социально-экономическая нужда» и «оппозиционная деятельность», за что их справедливо упрекают оппоненты²⁷. Увлечение поиском антифашизма там, где его не было, зачастую приводит к преувеличению сознательной оппозиции режиму. В таких случаях антифашизм предстает как некий айсберг, на котором покоилось итальянское общество 1930-х годов²⁸. Цифры осужденных и сосланных, которыми оперируют авторы, документы полиции и осведомителей позволяют говорить о «массовом недовольстве» фашистским режимом²⁹. Никто из оппонентов этих авторов не отрицает полицейского характера диктатуры, но вопрос об условиях и времени, когда недовольство действительно стало массовым, до сих пор остается дискуссионным и одним из наиболее сложных.

В этой связи авторитетнейший историк левой ориентации Г. Куацца утверждает, что в течение всего периода диктатуры отношение рабочего класса к режиму Муссолини определялось не стремлением к антифашистской борьбе, а «инстинктивной защитой классовых интересов»³⁰. Недовольство рабочих концентрировалось на режиме лишь постольку, поскольку в их представлении он являлся «главным союзником хозяев»³¹. Рабочий антифашизм органически нес в себе классовые черты, а владельцы, директора и управленцы «идентифицировались с фашизмом как представители той же классовой системы»³². Г. Куацца не отрицает существования консенсуса в 1930-е годы, но полагает, что он распространялся лишь на мелкобуржуазную и студенческую молодежь, церковь и отчасти армию, тогда как в рабочем классе, помимо «сознательной и фронтальной оппозиции», обнаруживалась политическая отчужденность, отступавшая на задний план лишь в тех случаях, когда речь заходила о непосредственных условиях жизни и работы. В этом смысле, по его мнению, можно говорить о «пассивном консенсусе»³³, который следует рассматривать в сочетании с насилием, причем именно на насилие необходимо делать основной упор³⁴.

²⁵ *Ragionieri E.* La storia politica e sociale // *Storia d'Italia dall'Unità a oggi*. Vol. IV. T. III. Torino, 1976. P. 2197.

²⁶ См., например: *Bevilacqua P.* Le campagne del Mezzogiorno tra fascismo e dopoguerra. Il caso della Calabria. Torino, 1980; *Piva F., Toniolo G.* Sulla disoccupazione in Italia negli anni trenta // *Rivista di storia economica*. 1987. Vol. 4. P. 345–383; *Merlin T.* Storia di Monselice. Padova, 1988; *Cipriani A.* Il fascismo in una provincia creata dal Duce // *Farestoria*. 1996. № 27. P. 59–63.

²⁷ См., например: *De Felice R.* Mussolini il duce. Vol. 2. Torino, 1981. P. 156–253.

²⁸ *Dal Pont A., Leonetti A., Maiello P., Zocchi L.* Aula IV. Tutti i processi del Tribunale speciale fascista. Milano, 1976; *Dal Pont A., Carolini S.* L'Italia dissidente e antifascista. Vol. 1–3. Milano, 1980.

²⁹ См., например: *Casali L.* E se fosse dissenso di massa? Elementi per un'analisi della "conflittualità politica" durante il fascismo // *Italia contemporanea*. 1981. № 144. P. 101–120.

³⁰ *Quazza G.* Introduzione. Storia del fascismo e storia d'Italia // *Fascismo e società italiana*. Torino, 1973. P. 28.

³¹ *Quazza G.* Dal fascismo alla liberazione: l'attuale dibattito storiografico // *Politica e società in Italia dal fascismo alla Resistenza. Problemi di storia nazionale e storia umbra*. Bologna, 1978. P. 37.

³² *Ibid.* P. 45.

³³ *Ibid.* P. 38.

³⁴ *Quazza G.* Resistenza e storia d'Italia. Problemi e ipotesi di ricerca. Milano, 1976. P. 70–104.

Г. Куацца не первый и не единственный из историков, кто обратил внимание на проблему соотношения насилия и согласия в системе господства тоталитарного режима в Италии. Впервые она была обозначена историком либерального направления А. Аквароне в середине 1960-х годов³⁵. Изучая механизм функционирования фашистской власти, он пришел к выводу, что понятия «насилие» и «консенсус» не являются антагонистическими применительно к диктаторской форме правления. Речь шла не о том, что консенсус был навязан силой, а о том, что насилие, идеологически обоснованное и юридически закрепленное, составляло одну из ключевых опор консенсуса. Иными словами, насилие (А. Аквароне имеет в виду как само насилие, так и постоянную угрозу его применения) рассматривается не только в качестве инструмента подавления оппозиции и инакомыслия, но и как средство подогрева энтузиазма сторонников, рекрутирования новых adeptов, стимулирования согласия с политикой режима. Одна из пружин, приводящих в движение механизм консенсуса, состоит, по мнению А. Аквароне, в умении фашизма побеждать с применением силы³⁶. В период сквадризма это было способом самоутверждения фашистов, а в годы режима насилие приобрело еще и «ритуальную функцию». Возведя его в ранг идеологического принципа деятельности «хорошего правительства» в интересах большинства нации, режим Муссолини уже не мог отказаться от насилия, поскольку в противном случае потерял бы изрядную долю своей «законности» в глазах поддержавших его мелкобуржуазных масс³⁷. Таким образом, фашизм мог формировать консенсус, не отказываясь от насилия, а сами эти составляющие (независимые лишь в определенных пределах) являлись переменными одной постоянной величины — режима. Консенсус носил консервативный, а не революционный характер, т.е. в гораздо большей степени был обращен к фашизму-режиму, нежели к фашизму-движению.

Такова логика А. Аквароне, с ней в принципе можно было бы согласиться. Но есть вопрос, относящийся к исходному пункту концепции, ответ на который может разрушить все построение в целом: почему применение или угроза применения насилия приводят к укреплению консенсуса, а не наоборот? Так называемая «юридическая законность», ущемляющая права личности, может стимулировать реакцию прямо противоположную. Чтобы разобраться в этой проблеме, необходимо выявить масштабы и основные мотивы про- и антифашистских настроений в итальянском обществе в середине 1920-х — 1930-е годы, чего А. Аквароне не делает. Поэтому его интерпретация бинома «насилие — консенсус» носит во многом умозрительный характер.

К сказанному следует добавить, что оценка А. Аквароне антифашизма и настроения рабочего класса позиционирует его как прямого оппонента авторов «прогрессивно-демократического блока». В частности, он утверждает, что режим Муссолини завоевал симпатии в рабочем классе и, хотя речь шла о «феномене миноритарном», он оказался несопоставимо большим, чем то, чего удалось добиться либеральному государству. Антифашизм действия, по мнению А. Аквароне, имел место, но определяющим был «антифашизм пассивный, выжидательный», с плохо очерченными границами, не позволяющими отделить идейно-политическую оппозицию от общего негативного отношения к власти и ее структурам, столь характерного для итальянцев и формулируемого пословицей: «Идет дождь. Виногато правительство воров»³⁸.

Такая оценка весьма типична и для других представителей либеральной школы, в том числе Р. Де Феличе — признанного корифея итальянской историографии, с именем которого связывают появление новой концепции истории фашизма. Эта концепция сформулирована в многотомной биографии дуче, а по сути — фундаментальной истории фашистского

³⁵ Aquarone A. L'organizzazione dello stato totalitario. Torino, 1965.

³⁶ Эта мысль подробно развивается в исследованиях историков, примыкающих к школе Р. Де Феличе: Lyttelton A. Fascismo e violenza: conflitto sociale e azione politica in Italia nel primo dopoguerra // Storia contemporanea. 1982. № 6. P. 965–984; Petersen J. Il problema della violenza nel fascismo italiano // Ibid. P. 985–1008.

³⁷ Aquarone A. Violenza e consenso nel fascismo italiano // Storia contemporanea. 1979. № 1. P. 147.

³⁸ Ibid. P. 148–150.

движения и режима³⁹. Появление книг Де Феличе сопровождалось в Италии бурным ростом общественного интереса, острыми дискуссиями в средствах массовой информации и в научных изданиях⁴⁰. Внешне аполитичный (во всяком случае не заявляющий о своей идейной принадлежности) профессионал бросил вызов всей левой историографии, утверждая, что нельзя быть одновременно антифашистом и беспристрастным историком недавнего прошлого. Вокруг имени Де Феличе был создан ореол объективности, а его работы вызвали такой шквал критических и хвалебных отзывов, что отзвуки этой «историографической бури» слышны до сих пор.

В отличие от всех предшественников, писавших о фашизме, Де Феличе поставил проблему консенсуса в центр своего исследования. Созданная им концепция служит ответом на вопрос о характере взаимоотношений новой власти с гражданским обществом. Анализ этих отношений Де Феличе начинает с момента прорыва фашизма к рычагам управления государством: «Чтобы сделать эффективной эту власть ...помимо силы, было необходимо еще и согласие, но... не большинства страны (Муссолини, по крайней мере в данный момент, не испытывал иллюзий по поводу возможности его обеспечения), а тех сил и институтов, благодаря которым фашизм смог прийти в правительство»⁴¹. Таким образом, в начальной фазе фашистской диктатуры консенсус рассматривается Де Феличе как блок новых политических сил и старых элитарных структур, допустивших переход власти в руки фашистов. Процесс его формирования ограничен рамками блока, имеет внутренний характер, не захватывает основную массу граждан.

Следующий этап развития консенсуса имеет принципиально иное содержание. 1929–1936 гг. – период наивысшего подъема общественного согласия с окрепнувшим режимом. Консенсус выходит за рамки узкого социального слоя и вбирает в себя подавляющую часть гражданского общества. Поддержка режима становится слюшной, почти «без трещин» даже в неблагоприятных условиях мирового экономического кризиса⁴². Протест масс, усилившийся в те годы, не имел политической, антифашистской окраски. По мнению Де Феличе, это подтверждается тем, что даже недовольные слои общества вращались внутри установленных фашизмом рамок. За сохранение сложившегося статус-кво выступали две категории итальянцев: те, кто боялся утратить полученные льготы и собственное положение, т.е. преследовал личные интересы, и те, кто видел в режиме гарантию стабильности в стране, столь необходимую для экономического подъема. К этой категории относилась подавляющая часть бизнеса и рабочего класса. Активная социальная политика режима и установившаяся политическая стабильность сформировали иную, чем прежде, ментальную реальность в рабочей среде. «Большинство пролетариата уже не испытывало желания подвергать себя новым жизненным передрягам, – пишет Де Феличе, – терять то, что удалось сохранить, а также упускать возможность пользоваться материальными благами, особенно в рамках социального страхования... Рабочие не стремились встать в оппозицию, которая не смогла бы изменить ситуацию, но наверняка обеспечила бы только жертвы, безработицу, преследования, горе»⁴³. Связь между социальной политикой режима и широко распространенной в массах фаталистической концепцией кризиса 1929 г. (в смысле его неизбежности и необходимости примирения) мешала, по мнению Де Феличе, превращению недовольства «в рациональный акт обвинения правительства»⁴⁴. Более того, Де Феличе не боится, казалось бы, очевидного противоречия,

³⁹ Среди многочисленных работ Р. Де Феличе отметим лишь те, которые имеют прямое или косвенное отношение к проблеме консенсуса: *De Felice R. Mussolini il fascista. Vol. I–II. Torino, 1966–1968; Idem. Il fascismo. Le interpretazioni dei contemporanei e degli storici. Bari, 1970; Idem. Mussolini il duce. Vol. 1. Gli anni del consenso; Vol. 2. Lo stato totalitario. Torino, 1974–1981; Idem. Intervista sul fascismo. Bari, 1975; Idem. Mussolini l'alleato 1940–1945. Vol. I–II. Torino, 1990–1997; Idem. Rosso e nero. Milano, 1995.*

⁴⁰ Подробнее см.: Белоусов Л.С. По страницам журнала «Современная Италия» // Новая и новейшая история. 1984. № 6. С. 156–165.

⁴¹ *De Felice R. Mussolini il fascista. Vol. I. P. 427.*

⁴² *Ibid. P. 55.*

⁴³ *Ibid. P. 452–453.*

⁴⁴ *Ibid. P. 88.*

утверждая, что, несмотря на недоверие рабочих в период кризиса, именно «в первой половине 1930-х годов фашизм смог раздробить трудящихся, в том числе рабочих (причем не только категории, традиционно более корпоративные), и найти в них растущее согласие»⁴⁵.

Таким образом, консенсус трансформируется, становясь массовым, а результаты фашистской политики выглядят менее жесткими, чем могло показаться на первый взгляд. Оказывается, они были «столь поверхностными и обусловленными целой серией конъюнктурных и сугубо практических мотиваций, что, по сути дела, оказались лишь предварительными и преходящими, подверженными всем рискам и противоречиям, типичными для консенсуса традиционного, основанного почти исключительно на мотивациях конъюнктурных и практических и/или на внезапных психологических реакциях, не имеющих каких-либо корней в сознании или вере»⁴⁶.

В таком толковании консенсус как бы исключает тоталитарный характер власти, которая почти добровольно принимается обществом, а не утверждается над ним. Консенсус обретает у Де Феличе многофакторный и самодостаточный характер: согласие между новым господствующим слоем и традиционным, что обеспечивало преемственность господства, во-первых; поверхностное, спонтанное, конъюнктурное согласие масс, во-вторых; «согласие на веру», фанатичное, слепое, в-третьих; наконец, «репрессивный момент консенсуса»⁴⁷ как его незначительная, но необходимая составная часть в духе идей А. Аквароне. Консенсус вбирает в себя множество элементов: от мистической веры до подавления. Это и сильная, и слабая сторона концепции Де Феличе: сильная — поскольку позволяет объяснить под этим углом зрения весь период 1930-х годов, включая ряд внешнеполитических акций фашизма; слабая — поскольку нередко сглаживает и смешивает противоречивые интересы и конфликты, не выявляя, а затушевывая их суть. Даже если принять такое многослойное толкование консенсуса как несущую конструкцию всей системы социально-политического господства, остается непонятным, почему в ней отсутствует такой важный, системообразующий, присущий любой диктаторской форме правления элемент как прямое насилие над гражданским обществом в целом и над отдельным индивидом в частности, что, в свою очередь, определяет реакционный характер власти? Ответ на этот вопрос очевиден: Де Феличе не признает реакционный характер режима Муссолини. Вряд ли с этим можно согласиться.

Спорной представляется и интерпретация Де Феличе политики фашизации, осуществлявшейся режимом через систему массовых организаций. Собственно, фашизации как таковой он в ней не усматривает, полагая, что таким путем лишь формировался общественный консенсус. Это была некая «пассивная фашизация», под которой понимается совокупность действий властвующей элиты, направленных на «превращение итальянцев в “хороших граждан”, лояльных к правительству, не противопоставляющих себя политике режима, принимающих ее мотивировку и стратегические цели, приспособливающих к ним свое поведение и повседневную деятельность, не позволяющих потенциальной критике вылиться в понимание возможности изменения режима, но которые в то же время не участвуют активно в политической жизни, или, если участвуют, то делают это в ограниченных рамках чисто внешних проявлений, или в таких формах, которые позволяют пользоваться какими-то льготами и не быть ущемленными в своей деятельности в сравнении с более ревностными гражданами». Но была и «активная фашизация», также понимаемая как совокупность действий власти, направленных на формирование «настоящих фашистов, активных в этом качестве в жизни страны на всех уровнях повседневной деятельности и включенных в структуры режима как движущие элементы»⁴⁸.

В этой цитате, значительная часть которой не вызывает возражений, содержится положение, не находящее веских подтверждений в книге, — о принятии массами «мотивировки и стратегических целей» фашистской политики. Но от этого зависит очень многое и в первую

⁴⁵ Ibid. P. 195.

⁴⁶ Ibid. P. 180–181.

⁴⁷ Ibid. P. 181.

⁴⁸ Ibid. P. 199.

очередь — определение характера общественного согласия. «Активная фашизация» не могла быть осуществлена в широком масштабе из-за моральной уязвимости господствующей идеи, поэтому массовые фашистские организации выполняли исключительно важную функцию — закладывали основы для прагматичного восприятия режима и его целей. Именно в прагматизме, на наш взгляд, кроется ключ к пониманию проблемы стабильности режима, а не в принятии обществом «мотивировки и стратегических целей» режима в рамках «пассивной фашизации».

В наиболее общих чертах концепция Де Феличе сводится к тому, что фашизм являл собой политическую стратегию с дальним прицелом, вынашивавшуюся самим Муссолини, — муссолинизм, т.е. результат творческого гения дуче, феномен революционный, форма «левого тоталитаризма»⁴⁹. Однако реальное осуществление стратегии дуче приходилось откладывать на будущее, сделав ставку на новое поколение, поскольку массы, да и сама фашистская партия еще не поднялись до уровня осмысления его гениального замысла. Поэтому на смену общественному консенсусу первой половины 1930-х годов, достигшему пика после захвата Эфиопии и провозглашения империи, приходит пассивное общественное непротивление при некотором «психологическом отрыве» части буржуазных слоев, безграничной преданности активистов, особенно молодых, и полном крушении организованного антифашизма.

Этот новый тип консенсуса формируется в условиях тоталитарного государства, которое, по мнению Де Феличе, по сути своей тоталитарным никогда не было. Более того, режим Муссолини даже не ставил перед собой такой задачи, поскольку был основан на идее создания «нового человека», идее прогрессивной, не имеющей ничего общего с нацизмом. Режим действовал, сосредоточивая власть в руках государственной машины «вплоть до кажущейся ликвидации различий между государством и гражданским обществом, да и то лишь в перспективе, которая не имела ничего общего с нацизмом или сталинизмом». По Де Феличе, это был «незаконченный тоталитаризм», при котором его моральный аспект преобладал над политическим, а воспитательный — над репрессивным. Говорить же о действительном повороте к тоталитарной форме правления, осуществлявшемся в результате прямого нацистского влияния, можно лишь с 1938 г. (имеются в виду расовые законы), но и этот поворот не принес чего-либо, «сравнимого с разгулом массового террора, характеризующего нацистский и сталинский режимы»⁵⁰. Таким образом, массовый террор для Де Феличе — один из главных показателей тоталитарной диктатуры, который отсутствовал в фашистской Италии.

В центре многотомного труда — «исполинская фигура» дуче. Муссолини предстает харизматичной личностью, всемогущим диктатором, практически независимым в своих действиях от каких бы то ни было политических сил. Эту позицию Де Феличе декларировал в своем нашумевшем интервью о фашизме: «Не так уж важно устанавливать степень зависимости фашизма от определенных сил и интересов, сколько понять степень и основы его автономности от них»⁵¹.

В этом утверждении сформулирован методический принцип исследования Де Феличе. Его применение на практике вылилось в массированное использование автором однотипных источников (материалы правительства, канцелярии дуче, Большого фашистского совета, полиции, министерств и ведомств, фашистской партии, парламента и т.д.), в том числе ставших доступными в период написания первых томов биографии лишь ему одному, например личные архивы Д. Гранди и Дж. Боттаи. Характер этих документов таков, что позволяет обрисовать ситуацию внутри фашизма, его «кухню», а самого дуче представить в облике независимого арбитра. Феномен фашизма, консенсус, тоталитаризм исследуются как бы сами по себе, зачастую вне связи с гражданским обществом и социально-экономическими

⁴⁹ Тогда как германский национал-социализм — это тоталитаризм правый, феномен консервативный. Де Феличе не избегает аналогий двух режимов, германского и итальянского, но стремится свести их до минимума, ограничивая сходство тем, что оба режима отрицают большевизм, либерализм, демократию и т.п.

⁵⁰ *De Felice R. Mussolini il duce. Vol. II. P. 87.*

⁵¹ *De Felice R. Intervista sul fascismo. P. 49—50.*

процессами. В итоге и сам автор начинает «вариться в собственном соку», не замечая тех реалий, которые не укладываются в создаваемую им картину.

Де Феличе впервые ввел в научный оборот огромное количество новых документов и фактов, полагая, что этого вполне достаточно для обоснования концепции. Но позиция «факты говорят сами за себя» вряд ли может считаться неувязимой: факты говорят так, как их заставляет говорить историк. И это чувствуется всякий раз, когда Де Феличе переходит от эмпирического изложения материала к обобщениям. Будучи рабом им же самым отобранных фактов, он смотрит на них с одной стороны и лишает себя возможности высветить противоречия между тем, что видится на первый взгляд, и тем, что было на самом деле. По меткому замечанию одного из его оппонентов Р. Виварелли, Де Феличе не хватает иронии, столь необходимой любому историку⁵². Этот методический изъян исследования отмечают многие его критики⁵³.

Признавая в целом справедливость критики, нельзя не отметить, что многотомный труд Де Феличе, охватывающий целую эпоху в истории современной Италии (с конца прошлого века до падения «республики Сало»), является невероятно емким, многоплановым, действительно фундаментальным исследованием, аналогичного которому нет в историографии левой ориентации. Тезис о консенсусе в первой половине 1930-х годов прочно утвердился среди итальянских историков, причем не только последователей или единомышленников Де Феличе, но и его оппонентов. В их числе ведущие представители «прогрессивно-демократического блока»: Г. Куацца, Дж. Сапелли, Дж. Сантомассимо, Э. Коллотти, М. Леньяни и др. Приняв термин и проблему консенсуса, они возражают против ее толкования в духе Де Феличе. Наиболее отчетливо выразил эту позицию Дж. Сантомассимо, заявив, что есть веские основания говорить о формировании «элементов консенсуса по отношению к фашистскому государству, а не к фашизму как идеологии и политической партии»⁵⁴. С ним солидарны многие критики концепции Де Феличе, в особенности те из них, кто занимался проблемами социальной истории.

Полемика о консенсусе органично вплелась в более раннюю дискуссию в итальянской историографии: какую историю следует писать — преимущественно идейно-политическую («верхнюю») или «историю низов», основанную на традиционных и устных источниках. Последний мотив был типичен для «новых левых» историков, чьи позиции заметно окрепли в конце 1960-х — начале 1970-х годов, после того как Италия пережила мощный взрыв массового демократического движения, привлекшего внимание ученых-обществоведов к рядовому носителю протеста. «История низов» дает реальную возможность выявить историческую преемственность в том, что составляет непосредственную канву жизни обычного человека: семья, работа, отношения индивида и коллектива, мировоззрение, психология социальной группы и т.д. В этом подходе чувствовалось влияние той «новой социальной истории», которая появилась в 1960-е годы в англоязычной, преимущественно американской, историографии и распространилась впоследствии в странах Западной Европы.

Проблематика социальной истории наиболее полно раскрывалась на уровне региональных исследований, поэтому дискуссия о ключевых проблемах исторического познания тесно переплелась с вопросом о соотношении истории локальной и общенациональной.

⁵² *Vivarelli R.* Benito Mussolini dal socialismo al fascismo // *Rivista storica italiana*. 1967. Vol. LXXIX. P. 458.

⁵³ *Santomassimo G.* Il fascismo degli anni trenta // *Studi storici*. 1975. № 1. P. 102–125; *Idem.* Senza dubbio fu reazione. Fascismo: a proposito della polemica intono alla “Intervista” di Renzo De Felice // *Rinascita*. 1975. № 35. P. 29–30; *Idem.* Classi subalterne e organizzazione del consenso // *Storiografia e fascismo* / a cura di G. Quazza et al. Milano, 1985. P. 99–118; *Collotti E.* Lo stato totalitario // *Ibid.* P. 25–48; Una storiografia afascista per la “maggioranza silenziosa” // *Italia contemporanea*. 1975. № 119. P. 3–7; *Rochat G.* Il quarto volume della biografia di Mussolini di Renzo De Felice // *Italia contemporanea*. 1976. № 122. P. 89–102; *Idem.* Ancora sul “Mussolini” di Renzo De Felice // *Italia contemporanea*. 1981. № 144. P. 5–10; *Sapelli G.* La classe operaia durante il fascismo: problemi e indicazioni di ricerca // *La classe operaia durante il fascismo*. Milano, 1981. P. 7–98; *Legnani M.* Postilla sul fronte interno. Paese muto o storico sordo? // *Italia contemporanea*. 1991. № 182. P. 119–123.

⁵⁴ *Santomassimo G.* Classi subalterne... P. 104.

Первая волна локальных исследований прокатилась по Италии в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Однако во второй половине 1950-х годов эти сюжеты оказались отодвинуты на второй план работами по общенациональной проблематике. Осмысливая новизну ситуации после развенчания культа личности Сталина в СССР, историки разных направлений, но преимущественно левые, ставили вопрос о роли рабочего класса в истории и культуре страны.

В начале 1970-х годов в науке вновь стали раздаваться призывы к изучению локальной истории, необходимой для углубления идей общего характера. Новизна локальных исследований заключалась не в выборе тем, а в подходе к их изучению. Главная задача работ такого рода состояла в выявлении на конкретном региональном материале многообразия связей и динамики различных компонентов внутри объекта исследования и в использовании полученных выводов и гипотез в качестве критериев интерпретации общеисторических проблем, избегая, таким образом, как опасности их распыления, так и простого арифметического сложения.

1970—1980-е годы — пик исследований по локальной истории⁵⁵. Значительная их часть шла в русле идей «прогрессивно-демократического блока» и дополнялась работами по отдельным категориям рабочего класса и иных социальных групп в период фашизма⁵⁶. Обобщение работ, диверсифицированных по регионам и направлениям, позволяло делать выводы, которые активно использовались в продолжавшейся дискуссии.

Особый интерес в этой связи представляли объединенные общим замыслом тематические сборники статей. Так, в 1981 г. группа ученых опубликовала коллективную монографию «Рабочий класс в период фашизма»⁵⁷. Каждый из авторов изучал свою, не очень широкую тему (рынок рабочей силы в Эмилии-Романье, семья, школа, профтехобразование, длительность рабочего дня, положение рабочих-текстильщиков и т.д.), но их выводы позволили редактору всего тома Дж. Сапелли сформулировать общее видение проблемы. По его мнению, несмотря на упорное стремление фашистского режима интегрировать рабочий класс в созданные им структуры и привить ему корпоративную идеологию, развитие капитализма, объективно рождавшее «рабочий вопрос» в традиционном смысле, превращало промышленный пролетариат в весьма неудобный объект для фашистской «мобилизации сверху» (через массовые организации, в том числе профсоюзы). При этом рабочий класс оставался в течение всего периода диктатуры объектом фашистских репрессий и носителем «подрывной традиции»⁵⁸. Подавление становилось единственным средством решения «рабочего вопроса», когда действия пролетариата приобретали конфликтный характер и были направлены против «посредничества самих инструментов системы господства». Поскольку этот процесс нарастал, «мобилизация сверху» в конечном счете потерпела крах.

Сформулированная в первой половине 1980-х годов⁵⁹, эта концепция не претерпела существенных изменений вплоть до конца 1990-х. Ее придерживались многие, в том числе молодые историки, которые лишь условно могут быть причислены к продолжателям традиции «прогрессивно-демократического блока». Личное общение с ними (А. Паризелла, С. Сетта, Ф. Кордова, М. Палла, М. Леньяни, С. Коларици, Г. Тури, К. Натоли, К. Казула, Э. Коллотти и др.) и анализ их работ подводит к выводу, что в итальянской историографии фашизма в конце прошлого века продолжалось начатое ранее размывание границ между традиционными течениями, сложившимися в послевоенные годы. Декларируя приверженность принципу историзма, многие исследователи пресекали попытки причислить себя к представителям той или иной школы. Однако, несмотря на диверсификацию подходов к исследованиям

⁵⁵ См. подробнее: *De Felice R. Bibliografia orientativa del fascismo*. Roma, 1991.

⁵⁶ См., например: *Bonelli F. Lo sviluppo di una grande impresa in Italia. La Terni dal 1884 al 1962*. Torino, 1975; *Idem. Acciaio per l'industrializzazione. Contributi allo studio del problema siderurgico italiano*. Torino, 1982; *Rugaffiori P. Uomini, macchine, capitali. L'Ansaldo durante il fascismo 1922–1945*. Milano, 1981; *Scacchi D., Sircana D., Piccioni L., Lombardo T. Operai tipografi a Roma 1870–1970*. Milano, 1984; *Martini A. Biografia di una classe operaia. I cartai della Valle del Liri (1824–1954)*. Roma, 1984, и др.

⁵⁷ *La classe operaia durante il fascismo*. Milano, 1981.

⁵⁸ *Ibid.* P. LXIII.

⁵⁹ См. также: *Quazza G. Il fascismo: esame di coscienza degli italiani // Storiografia e fascismo*. P. 7–24.

и многообразие методических приемов, позиции авторов, изучавших историю «черного 20-летия», можно определить на основе их оценок доминировавших в науке концепций, в том числе принадлежащих Де Феличе и его сторонникам.

1990-е годы дали для этого обильный материал: переиздавались ранние произведения А. Аквароне⁶⁰ и Р. Де Феличе⁶¹, И. Силоне⁶² и А. Таски⁶³, большими тиражами уже в который раз выходили в свет дневники и воспоминания фашистских главарей⁶⁴, появились интересные работы многочисленных последователей Де Феличе⁶⁵, наконец, сам «маэстро» завершил знаменитую биографию дуче и опубликовал ряд новых исследований⁶⁶.

Однако, в отличие от 1970-х годов, выход очередных томов истории фашистской Италии не вызвал бурного общественного резонанса. Книг ждали, а некоторые специалисты даже небезуспешно пытались предугадать, какие идеи будут в них высказаны. Де Феличе остался верен себе как в плане методики исследования, так и в развитии концепции. Следует лишь отметить, что мы не можем согласиться с оценкой кризиса, переживавшегося итальянским обществом на рубеже 1930–1940-х годов. У Де Феличе это общество предстает малоподвижным, вяло реагирующим на бурные политические события предвоенной поры. В нем почти не слышен голос антифашистов, не ощутимы признаки неумолимо надвигающейся катастрофы. Складывается впечатление, что Де Феличе допускает возможность иного развития событий, будь Муссолини и окружавшие его люди прозорливее и мудрее, не допусти они вовлечения Италии во Вторую мировую войну. Элементы социально-экономического и политического кризиса, по мнению Де Феличе, нарастали, но не имели системообразующего характера и не влекли за собой необратимых изменений на уровне менталитета. Общество не ощущало необходимости политических перемен, оставаясь глухим вплоть до того момента, когда на головы людей начали сыпаться бомбы англо-американской авиации. Слабость военно-технической и материальной базы, оперативные просчеты командования, ошибки политического руководства, наконец, военные поражения на фронтах — таковы были, по мнению Де Феличе, решающие факторы «кризиса и агонии» режима. Таким образом, оценка степени зрелости внутрисистемного кризиса тоталитарного режима в начале 1940-х годов, глубина отторжения фашистской диктатуры гражданским обществом — вот та лакмусовая бумажка, которая позволяет разделить сторонников и противников «новой истории фашизма» после выхода в свет последних книг Де Феличе.

Эта проблема имеет еще один историографический аспект, связанный с движением Сопротивления. Отношение народных масс к вооруженной борьбе с фашизмом и нацизмом, особенно на раннем ее этапе, определялось состоянием общественных умонастроений летом — осенью 1943 г. Картина массового сознания в этот период складывалась как совокупный результат нарастания многообразных форм социально-политического и морального протеста (скрытых и явных) в предшествующие годы. Их изучение по отдельным регионам и социальным группам в середине 1990-х годов привело к открытию новой темы: «Невооруженная борьба в движении Сопротивления»⁶⁷. Речь идет о способах и особенностях проявления

⁶⁰ Aquarone A. L'organizzazione dello stato totalitario. Torino, 1995.

⁶¹ De Felice R. Intervista sul fascismo. Milano, 1992; *Idem*. Mussolini il rivoluzionario. Vol. 1–2. Torino, 1995; *Idem*. Mussolini il fascista. Vol. 1–2. Torino, 1995.

⁶² Silone I. Il fascismo: origini e sviluppo. Carnago, 1992.

⁶³ Tasca A. Nascita e avvento del fascismo. Scandicci, 1995.

⁶⁴ Bottai G. Diario 1935–1944. Milano, 1989; *Idem*. Quaderno africano. Firenze, 1995; Taccuini mussoliniani (raccolti da Yvon De Begnac). Bologna, 1990; Ciano G. Diario: 1937–1943. Milano, 1990; Federzoni L. 1927: diario di un ministro del fascismo. Firenze, 1993; Graziani R. Una vita per l'Italia: Ho difeso la patria. Milano, 1994.

⁶⁵ Среди них заслуживают особого внимания работы Э. Джентиле, в том числе: *Gentile E. Il culto del littorio: la sacralizzazione della politica nell'Italia fascista*. Roma, 1994.

⁶⁶ De Felice R. Il fascismo e l'Oriente: arabi, ebrei e indiani nella politica di Mussolini. Bologna, 1988; *Idem*. Mussolini l'alleato. Vol. 1–2. Torino, 1990; *Idem*. Rosso e nero. Milano, 1995.

⁶⁷ Эту тему обозначают по-разному: «Гражданское Сопротивление», «Невооруженное Сопротивление», «Пассивное Сопротивление».

негативного отношения масс к фашизму вообще и «республике Сало» в частности, которое определяло пути и условия вовлечения людей в вооруженную борьбу или отказ от таковой⁶⁸.

Дискуссия на эту тему тесно переплеталась с начавшейся ранее историографической полемикой о возможности определения движения Сопротивления как «гражданской войны», т.е. противостояния одной части общества другой по политическому признаку «фашист – антифашист». Не углубляясь в аргументацию сторон, лишь отметим, что доводы, которыми оперировали авторы, по большей части черпались из сферы общественного сознания в предшествовавший Сопротивлению период и во многом опирались на представление о характере и глубине консенсуса во второй половине 1930-х годов.

На этом этапе, в конце 1990-х годов, многим казалось, что дискуссии о консенсусе исчерпали свой ресурс и должны постепенно сойти на нет. Однако начало XXI в. удивило специалистов новым всплеском полемики, которая вышла за пределы Апеннин. Об этом – в нашей следующей статье.

Библиография / References

- Белусов Л.С.* По страницам журнала «Современная Италия» // Новая и новейшая история. 1984. № 6. С. 156–165.
- Белусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. М., 2000.
- История Италии: в 3-х т. Т. 3. М., 1971.
- История фашизма в Западной Европе М., 1978.
- Кин Ц.И.* Итальянский ребус. М., 1991.
- Лопухов Б.Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977.
- Михайленко В.И.* Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987.
- Филатов Г.С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973.
- Belousov L.S.* Po stranicam zhurnala "Sovremennaya Italiya" [On the pages of the journal "Modern Italy"] // Novaya i Noveishaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 1984. № 6. S. 156–165. (In Russ.)
- Belousov L.S.* Rezhim Mussolini i massy [Mussolini's regime and the masses]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Filatov G.S.* Krakh ital'yanskogo fashizma [The collapse of Italian fascism]. Moskva, 1973. (In Russ.)
- Istoriya fashizma v Zapadnoi Evrope [History of fascism in Western Europe]. Moskva, 1978. (In Russ.)
- Istoriya Italii [History of Italy]: v 3 t. Moskva, 1971. (In Russ.)
- Kin Ts.I.* Ital'yanskii rebus [Italian Rebus]. Moskva, 1991. (In Russ.)
- Lopukhov B.R.* Istoriya fashistskogo rezhima v Italii [History of the fascist regime in Italy]. Moskva, 1977. (In Russ.)
- Mikhailenko V.I.* Ital'yanskii fashizm: osnovnye voprosy istoriografii [Italian fascism: Basic problems of historiography]. Sverdlovsk, 1987. (In Russ.)
- Antifascismo come lotta di classe. Roma, 1974.
- Aquarone A.* L'organizzazione dello stato totalitario. Torino, 1995.
- Aquarone A.* Violenza e consenso nel fascismo italiano // Storia contemporanea. 1979. № 1. P. 145–155.
- Bauer O.* Tra le due guerre mondiali? Torino, 1979.
- Bevilacqua P.* Le campagne del Mezzogiorno tra fascismo e dopoguerra. Il caso della Calabria. Torino, 1980.
- Bonelli F.* Lo sviluppo di una grande impresa in Italia. La Terni dal 1884 al 1962. Torino, 1975.
- Bonelli F.* Acciaio per l'industrializzazione. Contributi allo studio del problema siderurgico italiano. Torino, 1982.
- Bottai G.* Diario 1935–1944. Milano, 1989.
- Bottai G.* Quaderno africano. Firenze, 1995.
- Casali L.* E se fosse dissenso di massa? Elementi per un'analisi della "conflittualità politica" durante il fascismo // Italia contemporanea. 1981. № 144. P. 101–120.
- Ciano G.* Diario: 1937–1943. Milano, 1990.
- Cipriani A.* Il fascismo in una provincia creata dal Duce // Farestoria. 1996. № 27. P. 59–63.
- Collotti E.* Lo stato totalitario // Storiografia e fascismo / a cura di G. Quazza et al. Milano, 1985. P. 25–48.
- Cotta S.* Resistenza. Come e perché. Roma, 1994.
- Dal Pont A., Carolini S.* L'Italia dissidente e antifascista. Vol. 1–3. Milano, 1980.
- Dal Pont A., Leonetti A., Maiello P., Zocchi L.* Aula IV. Tutti i processi del Tribunale speciale fascista. Milano, 1976.
- De Felice R.* Mussolini il fascista. Vol. I–II. Torino, 1966–1968.

⁶⁸ См.: *Oliva G.* I vinti e i liberati. Milano, 1994; La lotta non armata nella Resistenza. Atti del Convegno 25 ottobre 1993. Roma, 1994; *Cotta S.* Resistenza. Come e perché. Roma, 1994; L'uso pubblico della storia. Milano, 1995; La lotta non armata nella Resistenza. Atti del Convegno del 24–25 novembre 1994. Roma, 1995; La Resistenza tra storia e memoria. Milano, 1999.

- De Felice R.* Il fascismo. Le interpretazioni dei contemporanei e degli storici. Bari, 1970.
- De Felice R.* Mussolini il duce. Vol. 1. Gli anni del consenso 1929–1936; Vol. 2. Lo stato totalitario. Torino, 1974–1981.
- De Felice R.* Intervista sul fascismo. Bari, 1975.
- De Felice R.* Il fascismo e l'Oriente: arabi, ebrei e indiani nella politica di Mussolini. Bologna, 1988.
- De Felice R.* Mussolini l'alleato 1940–1945. Vol. 1–2. Torino, 1990.
- De Felice R.* Bibliografia orientativa del fascismo. Roma, 1991.
- De Felice R.* Rosso e nero. Milano, 1995.
- De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario. Torino, 1995.
- Del Carria R.* Proletari senza rivoluzione. Storia delle classi subalterne in Italia. Vol. 4. Roma, 1979.
- Ercole F.* Storia del fascismo. Milano, 1939.
- Federzoni L.* 1927: diario di un ministro del fascismo. Firenze, 1993.
- Franzina E.* Proteste sociali nel Veneto fra le due guerre // Geografia e forme del dissenso sociale in Italia durante il fascismo (1928–1934). Cosenza, 1990. P. 301–322.
- Gentile E.* Il culto del littorio: la sacralizzazione della politica nell'Italia fascista. Roma, 1994.
- Graziani R.* Una vita per l'Italia: Ho difeso la patria. Milano, 1994.
- Guerin D.* Fascismo e gran capitale. Roma, 1994.
- L'uso pubblico della storia.* Milano, 1995.
- La classe operaia durante il fascismo.* Milano, 1981.
- La lotta non armata nella Resistenza.* Atti del Convegno 25 ottobre 1993. Roma, 1994.
- La lotta non armata nella Resistenza.* Atti del Convegno del 24–25 novembre 1994. Roma, 1995.
- La Resistenza tra storia e memoria.* Milano, 1999.
- Legnani M.* Postilla sul fronte interno. Paese muto o storico sordo? // Italia contemporanea. 1991. № 182. P. 119–123.
- Lyttelton A.* Fascismo e violenza: conflitto sociale e azione politica in Italia nel primo dopoguerra // Storia contemporanea. 1982. № 6. P. 965–984.
- Martini A.* Biografia di una classe operaia. I cartai della Valle del Liri (1824–1954). Roma, 1984.
- Matteotti M.* La classe lavoratrice sotto il fascismo (1922–1943) // Annali Feltrinelli 1972. Milano, 1973.
- Merlin T.* Storia di Monseice. Padova, 1988.
- Oliva G.* I vinti e i liberati. Milano, 1994.
- Palla M.* Sul regime fascista italiano. Precisazioni terminologiche e interpretative // Italia contemporanea. 1987. № 169. P. 17–35.
- Petersen J.* Il problema della violenza nel fascismo italiano // Storia contemporanea. 1982. № 6. P. 985–1008.
- Piva F., Toniolo G.* Sulla disoccupazione in Italia negli anni trenta // Rivista di storia economica. 1987. Vol. 4. P. 345–383.
- Quazza G.* Introduzione. Storia del fascismo e storia d'Italia // Fascismo e società italiana Torino, 1973. P. 3–44.
- Quazza G.* Resistenza e storia d'Italia. Problemi e ipotesi di ricerca. Milano, 1976.
- Quazza G.* Dal fascismo alla liberazione: l'attuale dibattito storiografico // Politica e società in Italia dal fascismo alla Resistenza. Problemi di storia nazionale e storia umbra. Bologna, 1978. P. 25–47.
- Quazza G.* Il fascismo: esame di coscienza degli italiani // Storiografia e fascismo / a cura di G. Quazza et al. Milano, 1985. P. 7–24.
- Ragionieri E.* La storia politica e sociale // Storia d'Italia dall'Unità a oggi. Vol. IV. T. III. Torino, 1976. P. 1667–2832.
- Rochat G.* Il quarto volume della biografia di Mussolini di Renzo De Felice // Italia contemporanea. 1976. № 122. P. 89–102.
- Rochat G.* Ancora sul “Mussolini” di Renzo De Felice // Italia contemporanea. 1981. № 144. P. 5–10.
- Rugafiori P.* Uomini, macchine, capitali. L'Ansaldo durante il fascismo 1922–1945. Milano, 1981.
- Santarelli E.* Storia del movimento e del regime fascista. Roma, 1967.
- Santomassimo G.* Il fascismo degli anni trenta // Studi storici. 1975. № 1. P. 102–125.
- Santomassimo G.* Senza dubbio fu reazione. Fascismo: a proposito della polemica intorno alla “Intervista” di Renzo De Felice // Rinascita. 1975. № 35. P. 29–30.
- Santomassimo G.* Classi subalterne e organizzazione del consenso // Storiografia e fascismo / a cura di G. Quazza et al. Milano, 1985. P. 99–118.
- Sapelli G.* La classe operaia durante il fascismo: problemi e indicazioni di ricerca // La classe operaia durante il fascismo. Milano, 1981. P. 7–98.
- Scacchi D., Sircana D., Piccioni L., Lombardo T.* Operai tipografi a Roma 1870–1970. Milano, 1984.
- Silone I.* Il fascismo: origini e sviluppo. Carnago, 1992.
- Taccuini mussoliniani* (raccolti da Yvon De Begnac). Bologna, 1990.
- Tamara A.* Venti anni di storia (1922–1943). Roma, 1953.
- Tasca A.* Nascita e avvento del fascismo. Scandicci, 1995.
- Togliatti P.* Lezioni sul fascismo. Roma, 1970.
- Touraine A.* La coscienza operaia. Milano, 1969.
- Una storiografia afascista per la “maggioranza silenziosa”* // Italia contemporanea. 1975. № 119. P. 3–7.
- Vivarelli R.* Benito Mussolini dal socialismo al fascismo // Rivista storica italiana. 1967. Vol. LXXIX. P. 428–458.
- Volpe G.* Storia del movimento fascista. Milano, 1939.

© 2024 г. М.А. ПЕТРОВА

СТАРЫЕ ИСТОЧНИКИ – НОВЫЕ ПОДХОДЫ: ИЗУЧЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ конца XX – начала XXI века

Петрова Мария Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Scopus Author ID: 57211014068; Researcher ID: V-2400-2019

Аннотация. В последние 30 лет история дипломатии как область политической истории и истории международных отношений переживает всплеск исследовательского интереса, во многом под влиянием лингвистического, культурного, антропологического, гендерного и других поворотов в гуманитарных и общественных науках XX в. Ученые, работающие в русле так называемой новой дипломатической истории, понимают дипломатию как коммуникативный акт и как способ взаимодействия с другой культурой и шире – с инаковостью, и поэтому основное внимание уделяют непосредственным участникам этого взаимодействия. К ним относятся аккредитованные дипломаты, сотрудники посольств, консулы, миссионеры, переводчики, купцы, местные агенты и другие, чей социальный и культурный капитал оказывал влияние на межгосударственные, международные и межличностные связи. Цель статьи – познакомить российского читателя с избранной зарубежной научной литературой по истории европейской дипломатии раннего Нового времени, поскольку именно в этот период дипломатические акторы играли самые разные роли. Выявляя эти роли, историки подходят к изучению дипломатии как комплекса социальных и культурных практик (среди них – представительство, ведение переговоров, составление донесений, собирание информации, создание дипломатических сетей, письменный и устный перевод, обмен подарками, организация приемов и балов, коллекционирование и др.), заимствуя проблематику и инструментарий смежных дисциплин – социологии и политической науки, филологии и лингвистики, археологии и истории искусств. Тематика исследований, обзор которых дается в статье, включает организационные формы, практики дипломатии и проблемы профессионализации дипломатической службы; церемониал и символическую коммуникацию; патрон-клиентские отношения; культурный трансфер и межкультурную коммуникацию; языки дипломатии; восприятие «другого»; материальные аспекты дипломатии; самовосприятие дипломатических акторов и проблемы идентичности; конфессиональный и гендерный факторы в дипломатии.

Ключевые слова: историография зарубежная, дипломаты, дипломатия, международные отношения, новая дипломатическая история, культурная история.

M.A. Petrova

Old Sources – New Approaches: Early Modern European Diplomacy in the International Historiography of the Late Twentieth and Early Twenty-First Centuries

Maria Petrova, Institute of World History Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Scopus Author ID: 57211014068; Researcher ID: V-2400-2019

Abstract. Over the past three decades, the field of diplomatic history has witnessed a surge in research interest, largely influenced by the linguistic, cultural, anthropological, and gender turns in the humanities and social sciences that occurred during the twentieth century. Those engaged in what is known as the ‘new diplomatic history’ understand diplomacy to be a communicative act, as well as a means of interacting with another culture and, more broadly, with what is considered to be “otherness”. Consequently, the focus is on actors, namely direct participants in this interaction. These include accredited diplomatic representatives, embassy staff, consuls, missionaries, translators and interpreters, merchants, local agents, and women, whose social and cultural capital also influenced interstate, international, and interpersonal relations. The objective of this article is to present an overview of selected academic literature on the history of early modern European diplomacy, as this period saw the emergence of a multitude of diplomatic roles. Having identified these roles, historians then proceed to the study of diplomacy as a complex of social and cultural practices. These include representation, negotiations, drafting reports, information gathering, the establishment of diplomatic networks, writing and translation, the exchange of gifts, the organisation of receptions and balls, and the collection of data, among other activities. To gain a deeper understanding of the subject, historians draw upon the problems and tools of related disciplines, such as sociology and political science, philology and linguistics, and archeology and art history. The author presents a comprehensive review of a range of research topics, including organisational forms, diplomatic practices and the professionalisation of the diplomatic service; ceremonial and symbolic communication; patron-client relationships; cultural transfer and intercultural communication; languages of diplomacy; the perception of the “other”; material aspects of diplomacy; self-perception of diplomatic actors and problems of identity; and confessional and gender factors in diplomacy.

Keywords: international historiography, diplomats, diplomacy, international relations, new diplomatic history, cultural history.

В конце XX — начале XXI в. история дипломатии, традиционно развивавшаяся в русле политической истории и истории международных отношений, удивительным образом оказалась тем проблемным полем, в котором отразились основные повороты, произошедшие в исторической науке во второй половине XX в.: социальный, культурный, антропологический, лингвистический. Это позволило истории дипломатии стать поистине междисциплинарной областью исследований, заимствующей проблематику и инструментарий из политологии, социологии, антропологии, истории искусства, литературоведения, лингвистики и включающей в свой арсенал элементы истории права, истории материальной культуры, истории медиа и символической коммуникации, истории театра и музыки, истории тела и медицины. Автор предлагаемой статьи ставит перед собой цель познакомить российского читателя с тематикой и методологией современных зарубежных исследований, преимущественно на английском, немецком, отчасти французском и итальянском языках, по истории европейской дипломатии раннего Нового времени — эпохи, когда происходило постепенное становление централизованных государств нового типа, основанных на принципах территориальности и суверенитета, разрабатывалась современная модель дипломатической службы (постоянные посольства) и при этом существовали другие организационные формы дипломатии (чрезвычайные миссии, конгрессы и рейхстаги/сеймы). Хронологические рамки этого периода разнятся в зависимости от традиций национальных историографий. Нам представляется целесообразным включить в него события конца XV — конца XVIII столетия¹.

Так как охватить в рамках одной статьи огромный пласт литературы не представляется возможным, наш подход заключается в том, чтобы по возможности широко показать спектр исследовательских направлений по истории дипломатии, проиллюстрировав их наиболее яркими примерами. По такому пути идут все авторы уже появившихся в последние

¹ См. дискуссии об этом: *Ивонин Ю.Е.* Раннее Новое время и концепция модерна // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Вып. 2 (10). URL: <https://history.jes.su/s207987840000324-5-1/> (дата обращения: 30.07.2024); *Уваров П.Ю.* На пути к раннему Новому времени // Там же. URL: <https://history.jes.su/s207987840000305-4-1/> (дата обращения: 30.07.2024).

годы историографических обзоров, во многом руководствуясь сферой своих научных интересов. Одним из первых таких обзоров стала статья 2008 г. американского исследователя Д. Уоткинса, констатировавшего, что «пришло время для междисциплинарной переоценки одной из старейших и традиционно одной из самых консервативных областей современной (modern) дисциплины истории – истории досовременной (premodern, т.е. раннего Нового времени. – М.П.) дипломатии»². Призыв Уоткинса привел к закреплению в историографии термина «новая дипломатическая история» (new diplomatic history), появившегося в начале 2000-х годов, который с тех пор присутствует во многих названиях современных обзоров научной литературы³.

Прежде чем показать, в чем заключается новизна «новой дипломатической истории», кратко проследим, как развивалась «старая» история дипломатии. Сложившаяся под влиянием работ классика германской научной историографии Л. фон Ранке, она утверждала примат внешней политики над внутренней и оперировала прежде всего категориями «большой политики» и «государственных интересов» европейских кабинетов, используя в качестве источника дипломатическую корреспонденцию⁴. Как отмечает современный немецкий историк Ю. Гебке, классическая история дипломатии опиралась на концепцию нации-государства, фокусируясь на институтах и больших игроках, и во многом укоренила тенденцию к использованию дихотомии: Запад/Восток, государственный/негосударственный, внешний/внутренний, публичный/частный, официальный/неофициальный, война/мир, теория/практика и т.д., за что в XX в. подверглась нападкам со стороны самых разных научных школ⁵.

Пренебрежительное отношение к истории дипломатии как истории событийной («что один клерк сказал другому») во многом было связано с изменением объекта исторических исследований: под влиянием марксистской историографии и школы «Анналов» политические события уступили место общественным процессам и социально-экономическим структурам. Кроме того, сразу после Первой мировой войны в Великобритании в рамках политической науки (political science) возникла новая академическая дисциплина – международные исследования (international studies, в настоящее время международные отношения – international relations), которая занималась теоретическим обоснованием современной международной политики и быстро завоевала популярность в европейских и американских университетах и научных учреждениях⁶.

² Watkins J. Toward a New Diplomatic History of Medieval and Early Modern Europe // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2008. Vol. 38 (1). P. 1.

³ См. избранные статьи о новых подходах к истории дипломатии и международных отношений: *Lehmkuhl U.* Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen Historischer Kulturwissenschaft und Soziologischen Institutionalismus // *Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft*. 2001. Bd. 21. H. 3. S. 394–423; *Курилла И.И.* Изучение истории международных отношений в социокультурном контексте // *Новая и новейшая история*. 2012. № 6. С. 65–74; *Sowerby T.A.* Early Modern Diplomatic History // *History Compass*. 2016. Vol. 14 (9). P. 441–456; *Hennings J., Sowerby T.A.* Introduction. Practices of diplomacy // *Practices of Diplomacy in the Early Modern World: c. 1410–1800* / eds T.A. Sowerby, J. Hennings. New York, 2017. P. 1–21; *Thiessen H. von.* Geschichte der Außenbeziehungen / *Neue Diplomatiegeschichte* // *Konstruktionen Europas in der Frühen Neuzeit: Geographische und historische Imaginationen* / Hrsg. S. Richter, M. Roth, S. Meurer. Heidelberg, 2017. S. 315–323; *Alloul H., Auwers M.* What is (New in) New Diplomatic History? // *Journal of Belgian History*. 2018. Vol. XLVIII (4). P. 112–122; *Мазарчук Д.В.* «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития // *Весті Національної академії наук України. Серія гуманітарних наук*. 2021. Т. 66. № 3. С. 283–292; *Goetze D., Oetzel L.* A Diplomat is a Diplomat is a Diplomat? On How to Approach Early Modern European Diplomacy in its Diversity. An Introduction // *Early Modern European Diplomacy: A Handbook* / eds D. Goetze, L. Oetzel. Berlin, 2024. P. 1–24; *Gebke J.* New Diplomatic History and the Multi-Layered Diversity of Early Modern Diplomacy // *Ibid.* P. 27–48.

⁴ См., например: *Bourgeois E.* Manuel historique de politique étrangère: 4 vol. Paris, 1893–1926; *Sorel A.* L'Europe et la Révolution française: 9 vol. Paris, 1865–1911; *Debidour A.* Histoire diplomatique de l'Europe: 2 vol. Paris, 1891–1916.

⁵ *Gebke J.* Op. cit. P. 33.

⁶ *Burk K.* Britische Traditionen internationaler Geschichtsschreibung // *Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten* / Hrsg. W. Loth, J. Osterhammel. München, 2000. S. 51.

Одним из критиков классической истории дипломатии был французский ученый П. Ренувен, который сформулировал еще в 1934 г. представление о «глубинных силах», оказывающих влияние на отношения между народами, подразумевая под этими силами географические, демографические, экономические и социальные факторы. С 1954 г. Ренувен издавал многотомную «Историю международных отношений», ставшую настоящим прорывом в послевоенной историографии⁷. Однако, как отмечает современный исследователь Л. Бадель, работа П. Ренувена по сути являлась «перевернутым и позитивным образом старой дипломатической истории»⁸. Перезапустил историю дипломатии на примере XX в., во многом опираясь на опыт предшественников конца XIX в., ученик П. Ренувена Ж.-Б. Дюрозель⁹. Фокус своего исследования он направил на административные структуры, работу министерств и дипломатический персонал, хотя вновь изучал их с точки зрения власть предержащих¹⁰. Процессы, происходившие в отечественной науке, мы оставим за скобками, отметим только, что в СССР вышло два издания «Истории дипломатии», а термин «международные отношения» в этих книгах применительно к древней, средневековой и новой истории использовался довольно редко¹¹.

Классической работой по истории европейской дипломатии раннего Нового времени до 1990-х годов оставалась «Дипломатия Ренессанса» американского исследователя Г. Мэттингли, который предположил, что истоки постоянной дипломатии лежат в политических потрясениях эпохи войн в Ломбардии 1425–1454 гг., побудивших итальянских князей направлять друг к другу постоянных послов, чтобы укрепить существующие союзы и более эффективно координировать свои военные усилия. Мэттингли описал «модернизацию» дипломатии от Средневековья к Новому времени как процесс секуляризации и профессионализации, начавшийся с постепенного распространения постоянных посольств после мира в Лоди 1454 г. на Европу к северу от Альп и фактически закончившийся созданием после заключения Вестфальского мира в 1648 г. полноценной международной системы. Эта система утверждала территориальный суверенитет, принцип внутренней автономии, право государств контролировать свои границы и принцип баланса сил между крупными и мелкими игроками¹². Модернизационный подход Мэттингли разделяло не одно поколение историков, к примеру на нем основана еще одна классическая работа М.С. Андерсона «Рождение современной дипломатии»¹³.

Вторую половину XX в. ознаменовал бурный рост так называемой новой социальной истории в Европе, «становление которой проходило под знаменем социологии, социальной антропологии, демографии, количественных методов»¹⁴. В Германии это породило дискуссии об изучении внешней политики и международных отношений. Родоначальник Билефельдской школы социальной истории, возникшей в начале 1970-х годов, Х.-У. Велер в лучших традициях школы «Анналов» критиковал классическую политическую историю за узкую направленность на внешнюю политику и ее главных действующих лиц, прусско-малогерманское национальное государство и европейскую систему государств, в которую оно было интегрировано, и призывал к созданию современной политической истории как субдисциплины всеохватной социальной истории, дословно «истории

⁷ Histoire des relations internationales / publ. sous la dir. de P. Renouvin: 8 vol. Paris, 1953–1958.

⁸ Badel L. Diplomacy and the History of International Relations: Redefining a Conflictual Relationship // *Diplomatica*. 2019. Vol. 1. P. 34.

⁹ Duroselle J.-B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris, 1953. Эта тенденция была подхвачена в Великобритании с появлением работ по истории дипломатической службы. См., например: Horn D.B. *British Diplomatic Service, 1689–1789*. Oxford, 1961.

¹⁰ Badel L. *Op. cit.* P. 35–36.

¹¹ История дипломатии: в 3-х т. / под ред. В.П. Потемкина. Т. 1. М., 1941; История дипломатии: в 5-ти т. / под ред. В.А. Зорина, В.С. Семёнова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. Т. 1. М., 1959.

¹² Mattingly G. *Renaissance Diplomacy*. Boston, 1955.

¹³ Anderson M.S. *The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919*. Harlow; Essex, 1993.

¹⁴ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальная теория и историографическая практика. М., 2011. С. 63.

общества» (*Gesellschaftsgeschichte*), поскольку лишь она способна объяснить механизмы и пределы принятия внешнеполитических решений¹⁵. Оппоненты Х.-У. Велера А. Хильгрубер и К. Хильдебранд, увидев в этом притязание социальной истории на гегемонию, настаивали на самостоятельности внешней политики и международных отношений; они признавали необходимость установления связей с социальной и структурной историей, но подчеркивали, что методы политической истории не могут быть просто выведены из смежных дисциплин, и отвергали сложные теории, как это предлагала делать социальная история. Никаких новых подходов они не предложили, поэтому дебаты зашли в тупик¹⁶.

Примерно с 1980-х годов социальная история вступила в определенное противоречие с историей ментальности и с исторической антропологией, в свое время выросших из нее. Интерес к истории масс сменился интересом к человеку, а на место универсального понятия в историографии (каким прежде были «государство» или «общество») стала претендовать «культура». При этом под культурой понималась не столько деятельность человека, рукотворная или интеллектуальная, или ее материальное воплощение, сколько коллективные представления, ценности, символы, ритуалы, образцы поведения¹⁷. Изменению содержания понятия «культура» в гуманитарных и социальных науках способствовал также лингвистический поворот в философии второй половины XX в., в результате которого культура стала рассматриваться как текст, т.е. связанная совокупность знаков. Лингвистический поворот в историографии, начавшийся в конце 1970-х годов, привел историков к неутешительному выводу, что постичь историческую реальность практически невозможно, поскольку она не существует сама по себе, а конструируется с помощью языковых средств, которые изначально есть в арсенале исследователей¹⁸.

Для истории международных отношений и истории дипломатии этот вывод, до сих пор вызывающий бурные дискуссии, оказался плодотворным. Уже в 1990-е годы увидели свет работы, исходившие из того, что терминология международной истории является результатом возникновения в XIX в. политических наций и государств, или национальных государств, а потому применительно к раннему Новому времени часто выглядит анахронизмом. Такие термины, как «государство», «нация», «межправительственный», «международный», «внешняя» и «внутренняя» политика или «дипломатия», не существовали или использовались по-другому, в том числе в русском языке¹⁹. И хотя полностью отказываясь от этой терминологии не представляется возможным, призыв не отождествлять исторические процессы и явления с текущими процессами и явлениями, используя современные аналитические категории, определенно был услышан. Следует констатировать и постепенный пересмотр или даже полный отказ от концепции абсолютизма, на которой во многом основывалась классическая история дипломатии²⁰.

На первый план в исследованиях 1990-х – первой половины 2000-х годов вышла проблема трансформации систем международных отношений. Историки попытались выявить закономерности их развития, осмыслить место крупных игроков в европейском балансе сил, а также определить факторы (политические, династические, юридические, военные, религиозные, экономические, национальные, личностные), оказывавшие влияние на их

¹⁵ Loth W. Einleitung // Internationale Geschichte... S. VIII.

¹⁶ Ibid. S. IX.

¹⁷ Берк П. Историческая антропология и новая культурная история / пер. с англ. М. Неклюдовой // Новое литературное обозрение. 2005. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-i-novaya-kulturnaya-istoriya.html> (дата обращения: 24.07.2024).

¹⁸ Лубский А.В. Лингвистический поворот // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 245–247.

¹⁹ К примеру, термин «дипломатия» в современном значении возник в начале 1790-х годов, однако понятие «дипломатия» описывалось через термины «политика» или «переговоры». В дипломатической корреспонденции речь шла об «иностранных» и «домашних» делах (фр. *affaires étrangères* / *affaires domestiques*, англ. *foreign affairs* / *domestic affairs*), а не внешней или внутренней политике.

²⁰ См., например: *Der Absolutismus – ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft in West- und Mitteleuropa (ca. 1550–1700)* / Hrsg. R.G. Asch, H. Duchhardt. Köln; Weimar; Wien, 1996.

содержание²¹. Благодаря работам французского историка Л. Бели политическая и международная история раннего Нового времени и история Франции так называемого Старого порядка стала изучаться как история взаимоотношений внутри своего рода корпорации — сообщества князей (фр. *société des princes*, нем. *Fürstengesellschaft*), которыми двигали династические интересы, шедшие иногда вразрез с законодательством и интересами набиравшей силу бюрократии²². Бели подчеркивал, что развитие дипломатии выступало в качестве одного из двигателей государственного строительства и создания современной государственности. Несмотря на отсутствие полноценных внешнеполитических ведомств в ряде европейских стран, недостаток институционализации дипломатии не мешал ей успешно выполнять поставленные задачи благодаря наличию агентов самого разного уровня и статуса, в том числе международного, таких как духовные ордена или торговые компании²³.

В это же время итальянские историки Д. Фриго и Р. Фубини начали пересмотр утвердившейся концепции Г. Мэттингли, что современная дипломатия возникла из баланса сил, достигнутого между итальянскими государствами после договора в Лоди 1454 г., и что следует ставить знак равенства между постоянными посольствами XV в. и современной дипломатией. Исследования по истории внешней политики итальянских княжеств и городов-государств поставили под сомнение утверждение, что обмен постоянными посольствами стал нормой во второй половине XV в., так как некоторые крупные итальянские государства, к примеру Венеция, не учреждали их до заключения мира в Като-Камбрези (1559), завершившего Итальянские войны, а более мелкие республики сделали это еще позже²⁴. Были опровергнуты и выводы Мэттингли о профессионализации итальянской дипломатии XV–XVI вв., так как многие дипломаты совмещали свою деятельность с судебной практикой или службой в системе городского управления²⁵.

В связи с 350-летием Вестфальского мира вышло множество новых работ, посвященных этому эпохальному для европейской истории событию²⁶. В частности, американские исследователи С. Краснер и Д. Крокстон и немецкий А. Осиандер начали пересмотр так называемого Вестфальского мифа — представления о том, что мирные договоры в Мюнстере и Оснабрюке 1648 г. стали переломным моментом в создании современной системы государств, закреплении принципов суверенитета и баланса сил²⁷. Историки параллельно пришли к одному и тому же выводу, что Вестфальский мир был основан на еще средневековых, по сути, концептуальных положениях и дипломатической практике: участники переговоров в значительной степени заимствовали их из более ранних мирных соглашений, например

²¹ Среди наиболее интересных исследований см.: *Schilling H.* Höfe und Allianzen. Deutschland 1648–1763. Berlin, 1989; *Schroeder P.* The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford, 1994; *Osiander A.* The States System of Europe 1640–1990. Peacemaking and the Conditions of International Stability. Oxford, 1994; *Duchhardt H.* Balance of Power and Pentarchie: Internationale Beziehungen, 1700–1785. Paderborn; Wien, 1997; *Black J.* European International Relations 1648–1815. London, 2003; *Scott H.M.* The Birth of a Great Power System. 1740–1815. London, 2006.

²² *Bély L.* Les Relations internationales en Europe (les 17–18 siècles). Paris, 1992; *Idem.* La société des princes, XVIe–XVIIIe siècle. Paris, 1999.

²³ *Bély L.* L'invention de la diplomatie // L'invention de la diplomatie: Moyen Age – temps modernes / sous la dir. de L. Bély. Paris, 1998; *Idem.* L'art de la paix en Europe: Naissance de la diplomatie moderne. Paris, 2007.

²⁴ *Frigo D.* Introduction // Politics and Diplomacy in Early Modern Italy: The Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800 / ed. D. Frigo. Cambridge, 2000. P. 1–24.

²⁵ *Fubini R.* La “résidentialité” de l'ambassadeur dans le mythe et dans la réalité: une enquête sur les origines // L'invention de la diplomatie. P. 28–35; *Idem.* Diplomacy and Government in the Italian City States of the Fifteenth Century (Florence and Venice) // Politics and Diplomacy in Early Modern Italy. P. 25–48.

²⁶ См., например: *Der Westfälische Friede. Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte* / Hrsg. H. Duchhardt. München, 1998.

²⁷ *Krasner S.D.* Westphalia and All That // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change / eds J. Goldstein, R.O. Keohane. London, 1993. P. 235–264; *Croxton D.* The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty // The International History Review. 1999. Vol. 21. № 3. P. 569–591; *Osiander A.* Sovereignty, International Relations and the Westphalian Myth // International Organization. 2001. Vol. 55/2. P. 251–287.

франко-испанского в Вервене 1598 г. Вестфальский мир зафиксировал существовавший расклад сил внутри Священной Римской империи, главой которой по-прежнему оставался император, имевший право представлять империю на международной арене. Словосочетание *libero iuris territorialis* (*hohe Lands-Obrigkeit*), т.е. право верховенства имперских штатов на принадлежавших им территориях, перестало однозначно трактоваться как суверенитет²⁸. Само это понятие, находившееся в раннее Новое время в процессе разработки, стало предметом научных дискуссий. Как показал впоследствии немецкий историк А. Кришер, политический статус суверенного государя раннего Нового времени был в большей степени социальным статусом, неразрывно связанным со средневековым понятием сословной чести²⁹.

Влияние на историю дипломатии, безусловно, оказал и начавшийся в 1980-е годы «исторический поворот» в дисциплине «международные отношения», которую критиковали за пустое теоретизирование и отсутствие исторической основы. Отметим здесь только две ставшие классическими работы. Американский политолог и международник Д. дер Дерриан, давая экскурс в историю дипломатии, преимущественно европейской, впервые определил ее как «посредничество между отчужденными людьми, организованными в государства, которые взаимодействуют в системе», понимая под посредничеством не только формирование устойчивых связей, но и заступничество людей друг за друга. В дипломатической культуре исследователь видел средство преодоления отчуждения с помощью символической власти (имея в виду церемониал как важнейший регулятор отношений между людьми, сообществами и государствами в Средние века и Новое время) и социальных ограничений³⁰. Дер Дерриан утверждал, что именно Утрехтский мир 1713 г. (а вовсе не Вестфальский), урегулировавший часть противоречий по итогам войны за Испанское наследство (1701–1714), стал «дипломатическим водоразделом между посредничеством в целях мифического единства божественного закона и превосходства силы и посредничеством разобщенных государств с помощью международного права и баланса сил»³¹.

Выявляя механизмы формирования коллективных идентичностей (национальных, региональных, общеевропейских) через образы «другого», в частности образы Востока, норвежский политолог, социальный антрополог и дипломат И. Нойманн призвал рассматривать и международные отношения через оппозицию «Я/Другой». Исследователь исходил из фундаментального положения антропологического подхода, что отграничение «я» от «другого» является важнейшей составляющей формирования идентичности, поэтому историки должны не только изучать физические и экономические границы между государствами, но и наблюдать, как и с помощью каких средств поддерживаются и нарушаются границы между человеческими сообществами³². Отметим, что поддержание этих границ и есть одна из важнейших задач дипломатии.

Указанные сдвиги в историографии поначалу казались не столь заметными. Во всяком случае авторы коллективной монографии «Международная история: темы – результаты – возможности», констатировали, что история дипломатии и международных отношений по-прежнему изучает войну и мир, государства и народы, проблемы господства и подчинения, последовательно не замечает вопросы, задаваемые сначала социальной, затем

²⁸ См. подробнее: Куприянов А.В. «Вестфальский миф»: история и критика // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 37–50; *Его же*. «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 11–23.

²⁹ Krischer A. Souveränität als sozialer Status: Zur Funktion des diplomatischen Zeremoniells in der Frühen Neuzeit // Diplomatische Praxis und Zeremoniell in Europa und dem Mittleren Osten in der frühen Neuzeit / Hrsg. J.-P. Niederkorn, R. Kauz, G. Rota. Wien, 2009. S. 4–7.

³⁰ Derian J. der. On Diplomacy: A Genealogy of Western Estrangement. Oxford; New York, 1987. P. 42.

³¹ Ibid. P. 133.

³² Neumann I.B. The Uses of the Other. “The East” in European Identity Formation. Minneapolis, 1999. См.: Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В.Б. Литвинова, И.А. Пильщикова. М., 2004. С. 68.

культурной историей и исторической антропологией, и остается непроницаемой для теоретических и методологических новаций³³.

Этот суровый приговор был справедлив лишь отчасти, так как авторы упомянутых работ предшествующего десятилетия пытались не только оценить внешнеполитические цели игроков на международной арене, но прежде всего показать, каким образом они выстраивали отношения. Отсюда возрос интерес к фигуре дипломата как посредника (в том числе между разными культурами), мировоззрение и опыт которого не могли не оказывать влияние на переговорный процесс. Уже Л. Бели в книге «Шпионы и послы в эпоху Людовика XIV» писал о множественности ролей, которые играли во внешней политике Франции дипломатические агенты разного уровня – консулы, миссионеры, военные, аккредитованные представители при иностранных дворах. Исследователь поставил вопрос о возможностях и пределах их деятельности в зависимости от статуса, а также о средствах (вербальных и невербальных), с помощью которых эти агенты исполняли возложенные на них обязанности³⁴.

Знаковой также стала работа швейцарского историка К. Виндлера «Дипломатия как опыт “другого”: французские консулы в Магрибе (1700–1840)»³⁵. Свою задачу автор видел не в том, чтобы шаг за шагом реконструировать историю торговых отношений Франции с государственными образованиями Северной Африки, в большей степени Тунисом, а в том, чтобы показать, как на протяжении полутора столетий формировались и менялись взаимные представления французских консулов как торговых агентов королевской власти и тех, с кем им по долгу службы приходилось общаться: это местные власти и местные жители; соотечественники; иностранные консулы и дипломаты, а также французские власти, контролирующие своих подчиненных из Парижа. Виндлер воссоздал сети влияния французских консулов с учетом их происхождения, профессионального опыта, социальных связей, показал их взаимодействие и столкновение с представителями разных культур, в том числе через церемонии (аудиенции, обмен подарками) и повседневное общение через жесты, что позволило ему внести вклад в изучение символической коммуникации и наметить подходы к «новой дипломатической истории» (*nouvelle histoire diplomatique*) и «перекрестной (переплетенной) истории» (фр. *histoire croisée*, англ. *entangled history*) задолго до того, как эти термины прочно утвердились в историографии.

Дипломатический материал оказался востребован в имагологических исследованиях, поскольку в раннее Новое время дипломаты, наряду с учеными, путешественниками и студентами, относились к небольшой части населения, для которых общение с иностранцами было частью повседневной жизни, причем на протяжении длительного времени, если речь шла о постоянных посольствах. По мнению немецкого историка А. Штрומайера, важной характеристикой европейской политической культуры является дихотомия «свой – чужой», поэтому изучение проблемы восприятия с помощью дипломатической корреспонденции позволяет привнести в историю дипломатии ранее игнорируемое антропологическое измерение³⁶.

Большинство современных западных историков описывают дипломатию как способ взаимодействия с чужой культурой и, шире – с инаковостью, заимствуя методологические подходы из сравнительно новой научной и учебной дисциплины – межкультурной коммуникации, возникшей в 1960-е годы на стыке психологии, социологии и антропологии, и оперируя ее терминологией³⁷. Определяя дипломатию как межкультурную коммуникацию,

³³ Loth W. Op. cit. S. VII.

³⁴ Bély L. *Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV*. Paris, 1990.

³⁵ Windler C. *La diplomatie comme expérience de l'Autre: consuls français au Maghreb (1700–1840)*. Geneva, 2002.

³⁶ Strohmeier A. *Wahrnehmungen des Fremden: Differenzenerfahrungen von Diplomaten im 16. Und 17. Jahrhundert: Forschungsstand – Erträge – Perspektiven // Wahrnehmungen des Fremden. Differenzenerfahrungen von Diplomaten im 16. und 17. Jahrhundert / Hrsg. M. Rohrschneider, A. Strohmeier*. Münster, 2007. S. 1–52.

³⁷ См., например: Lüsebrink H.J. *Interkulturelle Kommunikation: Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer*. Stuttgart; Weimar, 2005.

историк имеет дело с тремя или даже четырьмя знаковыми системами, а именно с языком и культурным горизонтом одного дипломата, языком и системой интерпретации его коллеги, с общим дипломатическим кодом, а с какого-то момента – еще и общественным мнением в соответствующей стране³⁸.

Изучение «символической коммуникации» оказалось особенно плодотворным там, где конкурировали принципиально разные нормативные системы, например европейская и не-европейская. Вслед за К. Виндлером современные исследователи свидетельствуют, что политические, религиозные и культурные различия не являются непреодолимыми: акторы из разных нормативных систем могут путем переговоров и компромиссов сформировать общее понимание политических процессов посредством повторяющихся церемониальных действий. Таким образом, был поставлен под сомнение еще один важный аспект модернизационной парадигмы Г. Мэттингли – евроцентризм, так как развитие «резидентной дипломатии», или постоянных посольств, находилось под сильным влиянием контактов с неевропейскими политическими образованиями (Османской империей, Китаем, Персией), отправлявшими в Европу только чрезвычайные миссии по особым случаям³⁹. Важным для нашей страны является тезис Я. Хеннингса, что русский «посольский обычай» второй половины XVII – первой четверти XVIII в. был своего рода изводом общеевропейской дипломатической практики и что уже тогда, пусть и с рядом оговорок, Россия и Европа говорили на одном церемониальном языке, так как русские цари были признаны суверенными государями⁴⁰.

Символическая коммуникация активно изучается и на примере типологически близких нормативных систем, прежде всего внутри европейского «сообщества князей»⁴¹, взаимодействовавших не только друг с другом, но с отличными от них акторами – республиками, городами, швейцарскими кантонами, духовными орденами, торговыми компаниями⁴². Во многом благодаря работам немецкого социолога Н. Элиаса о придворном обществе раннего Нового времени⁴³ возник интерес к проблемам репрезентации власти и церемониалу, который стал восприниматься как «особый, крайне формализованный символический код, следовавший собственной социальной логике»⁴⁴. Как показала немецкий историк Б. Штольберг-Рилингер, одна из основоположников этого исследовательского направления,

³⁸ Schattenberg S. Diplomatie als interkulturelle Kommunikation // Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History. 2011. Bd. 8. H. 3. S. 459–460.

³⁹ См. статьи в сборнике: Ottoman Diplomacy: Conventional or Unconventional? / ed. A.N. Yurdusev. Basingstoke, 2004; Goffman D. Negotiating with the Renaissance State: the Ottoman Empire and the New Diplomacy // The Early Modern Ottomans: Remapping the Empire / eds V.H. Aksan, D. Goffman. Cambridge, 2007. P. 61–74; Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im mittleren Osten in der frühen Neuzeit / eds R. Kautz, G. Rota, J.P. Niederkorn. Wien, 2009; Subrahmanyam S. Courtly Encounters: Translating Courtliness and Violence in Early Modern Eurasia. Cambridge, 2012; Duindam J. Crossing Boundaries: Diplomacy and the Global Dimension, 1700–1850 // The International History Review. 2019. Vol. 41 (5). Transformations of Intercultural Diplomacies. Comparative Views on Asia and Europe (1700 to 1850) / eds N. Amsler, H. Harrison, C. Windler. P. 1092–1099.

⁴⁰ Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016.

⁴¹ См. публикации по проекту университета Мюнстера Symbolische Kommunikation und gesellschaftliche Wertesysteme vom Mittelalter bis zur Französischen Revolution под руководством Б. Штольберг-Рилингер и Г. Альтхофа (1999–2011) // URL: <https://www.uni-muenster.de/SFB496/> (дата обращения: 20.07.2024).

⁴² См., например: Windler C. Diplomatie als Erfahrung fremder politischer Kulturen: Gesandte von Monarchen in den eidgenössischen Orten (16. Und 17. Jahrhundert) // Geschichte und Gesellschaft. 2006. Bd. 32 (1). S. 5–44; Krischer A. Syndici als Diplomaten in der Frühen Neuzeit. Repräsentation, politischer Zeichengebrauch und Professionalisierung in der reichsstädtischen Außenpolitik // Spezialisierung und Professionalisierung. Träger und Foren städtischer Außenpolitik während des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit / Hrsg. C. Jörg, M. Jucker. Wiesbaden, 2010. S. 254–286.

⁴³ Elias N. Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Basel, 1939; München, 1969; Idem. Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Frankfurt a. M., 1969. См. переводы на русский язык: Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1–2. М.: СПб., 2001; Его же. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002.

⁴⁴ Stollberg-Rilinger B. Rituale. Frankfurt a. M.; New York, 2013. S. 51.

дипломатические церемонии раннего Нового времени были необходимы для установления места правителя в международной иерархии, ибо споры о первенстве или старшинстве рассматривались как средство борьбы государств и правительств за упрочение своих позиций и как альтернатива войнам⁴⁵. Во вступительной статье к сборнику «Что значит культурная история политического?» историк сформулировала и обоснование подхода к изучению политической истории как к культурной истории, заслужившего признание в историографии и одновременно вызвавшего критику⁴⁶.

В Великобритании изучением европейской политической культуры второй половины XVII–XVIII в. занимался в своей книге историк Т. Бланнинг. В книге «Культура власти и власть культуры» он взял за основу определение политической культуры, предложенное американской исследовательницей Л. Хант, теоретиком новой культурной истории: «ценности, ожидания и неясные правила, которые выражали и формировали коллективные намерения и действия»⁴⁷. В содержательном и методологическом плане книга Т. Бланнинга была вдохновлена концепцией публичной сферы немецкого социолога Ю. Хабермаса. Он связывал рождение публичной сферы с появлением прессы и ростом влияния буржуазии на общественные процессы в эпоху Просвещения, раньше всего — на рубеже XVII–XVIII вв. — в Англии, где благодаря парламенту формировалась площадка для дискуссий⁴⁸. Бланнинг развил идею Хабермаса о том, что публичность была изначально присуща придворной культуре раннего Нового времени, которую оба характеризуют как представительскую (*representational*)⁴⁹. Эта публичность достигла своего апогея при версальском дворе в эпоху Людовика XIV, когда его утренний и вечерний туалет стал церемонией, предназначенной для глаз широкого круга людей. Представительская культура была европейским феноменом (Бланнинг рассматривает его на примере германских государств), развивавшимся под мощным влиянием образцового версальского двора, пользовавшимся поддержкой со стороны многоязычной аристократии и в значительной степени созданным международным сообществом художников (в самом широком смысле), свободно перемещавшихся от одного двора к другому. В какой-то момент государство больше не могло воплощаться исключительно через личность правителя, и представительская культура начала размываться под натиском принципиально иной публичной сферы, связанной прежде всего с появлением читающей публики и общественного мнения⁵⁰.

Исследования европейской политической культуры раннего Нового времени дали толчок исследованиям по истории дипломатии. С начала 2000-х годов и до настоящего времени количество вышедших книг и статей исчисляется сотнями. Британский историк Т. Осборн очень точно, на наш взгляд, выделил устоявшиеся характеристики новой дипломатической истории: она стремится избегать повествования о «высокой» политике; изучает практики во всех своих проявлениях; рассматривает дипломатическую корреспонденцию не только как источник фактической информации, но и как околотекстовые тексты, которые сообщают нам о духовном и материальном мире дипломатов, их социальной и культурной среде, в результате чего дипломаты становятся рассказчиками. В то же время новая дипломатическая

⁴⁵ Stollberg-Rilinger B. Zeremoniell als politisches Verfahren. Rangordnung und Rangstreit als Strukturmerkmale des frühneuzeitlichen Reichstags // Neue Studien zur frühneuzeitlichen Reichsgeschichte // Hrsg. J. Kunisch. Berlin, 1997. S. 91–132; Eadem. Honores regii: Die Königswürde im zeremoniellen Zeichensystem der Frühen Neuzeit // Dreihundert Jahre Preußische Königskronung. Eine Tagungsdokumentation / Hrsg. J. Kunisch. Berlin, 2002. S. 1–26; Eadem. Symbolische Kommunikation in der Vormoderne. Begriffe – Thesen – Forschungsperspektiven // Zeitschrift für Historische Forschung. 2004. Bd. 31. S. 489–527.

⁴⁶ Stollberg-Rilinger B. Einleitung // Was heißt Kulturgeschichte des Politischen? / Hrsg. B. Stollberg-Rilinger. Berlin, 2005. S. 9–26.

⁴⁷ Blanning T. The Culture of Power and the Power of Culture: Old Regime Europe, 1660–1789. Oxford, 2002. P. 4.

⁴⁸ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Berlin, 1962. Рус. пер.: Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.

⁴⁹ Blanning T. Op. cit. P. 5–15.

⁵⁰ Ibid. P. 29–99.

история больше не воспринимает Европу как единственную или исключительно важную сферу дипломатической практики и, применяя подходы транснациональной и «переплетенной» истории, размывает границы между Европой и остальным миром, показывая, каким образом дипломатические агенты всех мастей маневрируют между разными, но взаимосвязанными культурными, религиозными и этническими сообществами⁵¹. Заметим также, что в научный оборот вводятся новые источники и ведется большая работа по их публикации⁵².

При этом большой пласт научной литературы по-прежнему посвящен официальным, аккредитованным представителям европейских монархов при иностранных дворах. Одной из первых работ, во многом образцовой, признана диссертация немецкой исследовательницы Х. Кугелер ««Идеальный посол»: теория и практика дипломатии на протяжении столетия после Вестфальского мира». Сравнивая особенности дипломатической культуры Франции, Великобритании и Священной Римской империи, Кугелер анализирует представления современников-юристов (Г. Гроция, С. фон Пуфендорфа, Э. де Ваттеля, Я. Мозера, Г. Мабли), дипломатов и публицистов (А. де Викфора, Ж. Руссе де Мисси, Ф. де Кальера и др.), специалистов по церемониалу (З. Цванцига, К. Люнига) об идеальном после. Эти авторы подчеркивали изменения, произошедшие в отношениях между европейскими государствами, прежде всего в дипломатической практике. 167 делегатов Вестфальского конгресса учились взаимодействовать друг с другом, исходя из принципа церемониального равенства, внедряемого постепенно и спустя примерно столетие сменившегося представлением о том, что все суверены, независимо от древности их титула, военной мощи или размера приобретенных территорий, имеют равные права⁵³.

Констатируя связь дипломатии с европейской придворной культурой, основанной на представлениях о социальном статусе и аристократических манерах, Кугелер призывает осторожно относиться к высказываемому в историографии утверждению, что раннее Новое время следует рассматривать как эпоху профессионализации дипломатической службы. Ведь профессионализация в современном смысле подразумевает прежде всего набор кадров, систематическую выплату жалованья и карьерный рост. Между тем на протяжении столетия после Вестфальского мира дипломаты принадлежали, скорее, к политической и социальной элите и воспринимали получение очередного поста во многом как возможность стать ближе ко двору и монаршей особе, за что подвергались критике со стороны ученого сообщества. В пользу суждения Кугелер говорит и отсутствие в Европе специализированных учреждений для подготовки дипломатов, которым до определенного момента было достаточно владеть навыками светского общения, знаниями в области церемониала и иностранными языками, в том числе набиравшим силу французским. При этом примерно с начала – середины XVIII в. дипломаты постепенно встраивались в систему государственной службы, вследствие чего повышались и требования к соискателям дипломатических постов. Кроме того, вводились новые должности секретарей и советников посольств, куда также направляли молодых дворян для обучения⁵⁴. К подобным же выводам пришел и британский исследователь Х. Скотт, характеризовавший дипломатическую культуру второй половины XVII–XVIII в. как представительскую. Будучи членами международного закрытого сообщества, дипломаты жили

⁵¹ Osborne T. Whither Diplomatic History? An Early-Modern Historian's Perspective // *Diplomatica*. 2019. Vol. 1. P. 41–42.

⁵² Один из ярких примеров – публикация дневников посланников на рейхстагах Священной Римской империи и делегатов Вестфальского конгресса, осуществляемая Центром исторических исследований мира Университета Бонна. См.: URL: <https://www.igw.uni-bonn.de/fnztgl/de/forschung/diarien-und-editionen> (дата обращения: 04.08.2024).

⁵³ Kugeler H. "Le Parfait Ambassadeur". The Theory and Practice of Diplomacy in the Century following the Peace of Westphalia: Phd diss. Oxford, 2006. P. 27–47.

⁵⁴ Ibid. P. 162–167.

и действовали согласно предписанному церемониальному поведению, говорили на одном (французском) языке и имели общий культурный код⁵⁵.

В программной статье немецкий историк Х. фон Тиссен сформулировал основные признаки дипломата «старого типа» — в идеале аристократа в ранге посла, действовавшего от имени монарха (дипломатическую службу республиканских правительств историк не рассматривает). Как и большинство придворных, дипломат находился на личной службе у князя и рассматривал отношения с ним как обмен ресурсами для себя и своей семьи по принципу *do-ut-des* (лат. «я даю, чтобы и ты дал»). Поэтому дипломат мог быть как подданным князя, так и иностранцем, если считал службу полезной для своей чести. Пост он, как правило, получал по протекции какого-либо влиятельного лица при дворе, имевшего прямой доступ к князю. Профессионализм дипломата старого типа Тиссен считает скорее сословным, характерным для дворянства, а не специфичным для конкретной должности, так как компетентность дипломата проявлялась прежде всего в усвоении особых норм поведения, соответствовавших его статусу. Только овладев этими нормами, дипломат мог выполнить главную задачу — быть представителем или даже воплощением своего государя⁵⁶.

Проследивая основные тенденции развития дипломатии в раннее Новое время, Тиссен также подчеркивает, что не следует переоценивать ее модернизационный потенциал, потому что появление постоянных посольств в Европе происходило неравномерно. От идеи христианского универсализма и иерархии, присущей Средневековью, в пользу концепции баланса сил удалось отказаться только к середине XVIII в. Церемониал был теперь связан не столько с установлением места князей и республик в иерархии, сколько с демонстрацией суверенитета. Окончательно идея суверенитета, по мнению Тиссена, была закреплена в международном праве только на Венском конгрессе через закрепление иерархии дипломатических представителей в специальном регламенте⁵⁷.

А. Кришер также считает, что именно вопрос о суверенитете в европейском сообществе князей был самым большим препятствием на пути формализации дипломатической системы в соответствии с международным правом. Дифференциация дипломатических рангов была выражением неспособности решить эту центральную проблему. Ее суть состояла в том, что согласно обычаю дипломатов первого ранга (послов) могли направлять только суверены к государям и республикам, равным по статусу, т.е. тоже к суверенам. Остальные вынуждены были направлять к иностранным дворам представителей более низких рангов, что проявлялось в церемониальном общении при дворе. Таким образом, заключает Кришер, именно эта проблема, а не усложнение компетенций, привела к множественности дипломатических рангов и постоянной необходимости различать их носителей⁵⁸.

Помимо общих работ о статусе дипломата и европейской дипломатической культуре раннего Нового времени, свет увидели и конкретно-исторические исследования. Одни

⁵⁵ Scott H. *Diplomatic culture in old regime Europe // Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century* / eds H. Scott, B. Simms. Cambridge, 2007. P. 58–85.

⁵⁶ Thiessen H. von. *Diplomatie vom type ancien: Überlegungen zu einem Idealtypus des frühneuzeitlichen Gesandtschaftswesens // Akteure der Außenbeziehungen: Netzwerke und Interkulturalität im historischen Wandel* / Hrsg. H. von Thiessen, C. Windler. Köln, 2010. S. 487–488. Сборник стал первым в серии *Externa*. Geschichte der Außenbeziehungen in neuen Perspektiven, которая выходит в крупнейших европейских научных издательствах под редакцией Б. Штольберг-Рилингер, Х. фон Тиссена, К. Виндлера, А. Кришера и отдает предпочтение исследованиям, написанным в русле культурно-антропологического подхода. См.: URL: <https://www.vandenhoeck-ruprecht-verlage.com/reihe-externa> (дата обращения: 20.07.2024).

⁵⁷ Thiessen H. von. *Diplomatie vom type ancien...* S. 481–483.

⁵⁸ Krischer A. *Das Gesandtschaftswesen und das moderne Völkerrecht // Rechtsformen internationaler Politik, Theorie, Norm und Praxis vom 12. bis 18. Jahrhundert* / Hrsg. M. Jucker, M. Kintzinger, R. Schwinges. Berlin, 2011. S. 238–239. О функциях церемониала см. также: May N.F. *Zwischen fürstlicher Repräsentation und adliger Statuspolitik. Das Kongresszeremoniell bei den westfälischen Friedensverhandlungen. Ostfildern*, 2016; *Idem*. *Le cérémonial diplomatique et les transformations du concept de représentation au XVIIe siècle // À la place du roi: Vice-rois, gouverneurs et ambassadeurs dans les monarchies française et espagnole (XVIe–XVIIIe siècles)* / sous la dir. de D. Aznar, G. Hanotin, N.F. May. Madrid, 2017. P. 35–49.

создают коллективный портрет дипломатических представителей (например, Швеции⁵⁹ и Саксонии⁶⁰), другие – раскрывают деятельность дипломатов отдельных держав при дворах, городах и республиках⁶¹. Помещение дипломатов в центр исследования предполагает, что успех их деятельности и карьеры зависел, по крайней мере частично, от отношений, которые они могли выстраивать при дворе пребывания или с монархами, которым служили, благодаря наличию связей и личных ресурсов. Поэтому одной из центральных тем указанных исследований и многих других, базирующихся в том числе на теории социального капитала П. Бурдьё, является патронат как система покровительства, в ней отношения между выше- и нижестоящими по положению носят взаимовыгодный характер⁶².

Помимо выстраивания агентских сетей, интерес историков вызывают и другие коммуникативные практики, прежде всего составление донесений, являющихся важнейшим источником по истории раннего Нового времени. Как отмечает К. Ролль, донесения являлись не просто описанием увиденного или пересказом услышанного, а коммуникативным действием, поскольку их составление было сопряжено с огромными посредническими и переводческими усилиями. Тексты имели и свои повествовательные стратегии – от завоевания доверия адресата до предвосхищения его ожиданий, от передачи фактической информации до формулирования послания, заключающего в себе смысловую ценность. Поэтому взгляд на этот источник как на эго-документ, т.е. текст, имеющий автора с его мировоззрением, уровнем образования, опытом и т.д., делает наше представление о дипломатии раннего Нового времени более объемным⁶³. Отметим также исследовательский интерес к проблеме языков дипломатии, вдохновленный изучением международных конгрессов, на которых делегатам приходилось взаимодействовать друг с другом на вербальном и невербальном уровнях⁶⁴.

Еще один нетривиальный для современной историографии сюжет – взаимосвязь дипломатии и литературы, особенно театрального искусства, так как сравнение дипломата с актером, играющим свою роль на сцене, проходит красной нитью через сочинения об «идеальном после» или искусстве переговоров. Американский историк Т. Хэмптон изучил те из них, что были написаны между 1450 и 1700 г. (например, Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини, А. Джентили), и пришел к выводу, что они оказали большое влияние на состав и структуру литературных текстов, способствовали разработке новых жанров. Сцены дипломатических встреч в произведениях Шекспира, Мора, Рабле, Монтеня, Тассо, Корнеля, Расина и Камюэнса ярко свидетельствуют о представительском характере дипломатии, о силе репрезентации в публичном пространстве, о том, что взаимодействие между различными народами – это

⁵⁹ Droste H. Im Dienst der Krone: Schwedische Diplomaten im 17. Jahrhundert. Berlin, 2006.

⁶⁰ Matzke J. Gesandtschaftswesen und diplomatischer Dienst Sachsens 1694–1763. Leipzig, 2011.

⁶¹ См., например: Schütz E. Die Gesandtschaft Großbritanniens am Immerwährenden Reichstag zu Regensburg und am kur(pfalz-)bayerischen Hof zu München. 1683–1806. München, 2007; Legutke D. Diplomatie als soziale Institution: brandenburgische, sächsische und kaiserliche Gesandte in den Haag. Münster, 2010; Fletcher C. Diplomacy in Renaissance Rome: The Rise of the Resident Ambassador. Cambridge, 2015; Steppan C. Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandte im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016.

⁶² См., например: Nähe in der Ferne: personale Verflechtung in den Außenbeziehungen der Frühen Neuzeit / Hrsg. H. von Thiesen, C. Windler. Berlin, 2005; Thiesen H. von. Diplomatie und Patronage: Die spanisch-römischen Beziehungen 1605–1621 in akteurszentrierter Perspektive. Epfendorf, 2010; Haug T. Ungleiche Außenbeziehungen und grenzüberschreitende Patronage. Die französische Krone und die geistlichen Kurfürsten (1648–1679). Köln; Weimar; Wien, 2017; Stuber R., Tischer A. Clientele and Patronage in Early Modern Diplomacy // Early Modern European Diplomacy. S. 593–611.

⁶³ Roll C. Einleitung // Berichten als kommunikative Herausforderung: Europäische Gesandtenberichte der Frühen Neuzeit in praxeologischer Perspektive / Hrsg. T. Dorfner, T. Kirchner, C. Roll. Köln, 2021. S. 10–11.

⁶⁴ См., например: Braun G. La connaissance du Saint-Empire en France du baroque aux Lumières. 1643–1756. München, 2010; Frieden übersetzen in der Vormoderne. Translationsleistungen in Diplomatie, Medien und Wissenschaft / Hrsg. H. Duchhardt, M. Espenhorst. Göttingen, 2012; Holm S. Language and Diplomatic culture // Early Modern European Diplomacy. P. 613–630.

культурный обмен и что литература предоставляет собой линзу, через которую мы можем научиться читать языки дипломатии в прямом и в переносном смысле⁶⁵.

Вдохновленная работой Т. Хэмптона, американский историк Э.Р. Уэлч рассматривает дипломатию через метафору театрального представления, уделяя внимание не литературным текстам, а придворным празднествам на примере Франции от Карла IX до последних лет правления Людовика XIV. Исследовательница утверждает, что театр служил не просто декоративным сопровождением дипломатических переговоров, но, скорее, лежал в основе практики представления и зрительского наблюдения, которые и составляли культуру дипломатии в этот период. Грандиозные придворные развлечения — аллегорические балеты, балы-маскарады, рыцарские турниры, оперы и комедии — были «дипломатическими» как по своей цели — оказать честь и произвести впечатление на приезжих дипломатов, так и по своей тематике. Дипломатические развлечения, подчеркивает Уэлч, даже более чем клишированные метафоры, сравнивающие роль посла с актером, раскрывают перформативность (театральность) международных отношений, которая проявлялась и в ходе проведения международных конгрессов или подписания договоров⁶⁶. Любопытным представляется наблюдение автора, что дипломатические развлечения на Венском конгрессе 1814–1815 гг. воспринимались как пустые и неуместные, как «остаточные и ретроградные», что резко контрастирует с обилием дипломатических развлечений середины XVII в., когда театр дипломатии на сцене «создавал новые идеи и концепции для теорий политического представительства»⁶⁷.

С другого ракурса рассуждает о публичности и публичной дипломатии нидерландский историк Х. Хелмерс. На примере Республики Соединенных провинций он освещает общение ее официальных представителей с иностранной аудиторией не только через участие в придворных церемониях, но и через работу с общественным мнением. Дипломаты были производителями новостей, распространяемых как в виде слухов, так и в печатных изданиях, вмешиваясь таким образом в официальную политику государей и правительств, при которых они находились. Так, вопреки собственным намерениям, дипломаты обеспечивали «выживание открытой и разнообразной медиа-системы» и политических дебатов даже в самых авторитарных государствах⁶⁸. Еще одной формой публичной дипломатии раннего Нового времени Хелмерс считает распространение среди читающей иностранной аудитории исторических трудов, часто написанных по заказу того или иного суверена, который предлагал свой взгляд на события давнего и недавнего прошлого. Историк, нередко бывший дипломат (например, авторы XVI в. Й. Слейданус, Ж.О. де Ту, Г. Бентивольо), использовавший в качестве источника собственные донесения, выступал как адвокат, в чью задачу входило представить своего клиента (в данном случае государя или государство) в лучшем свете и, следовательно, оказать влияние на международную повестку⁶⁹.

Большой пласт литературы посвящен участию дипломатов в культурном трансфере, прежде всего объектов материальной культуры (произведений искусства, книг, предметов роскоши и т.д.), но также идей и практик. Итальянский историк Э. Колантуоно предположил, что произведения искусства, особенно монументальные картины и скульптуры, могут сыграть заметную роль в деликатных переговорах (облегчить их ход, передать тайное послание

⁶⁵ Hampton T. *Fictions of Embassy: Literature and Diplomacy in Early Modern Europe*. New York; Ithaca, 2009.

⁶⁶ Welch E.R. *A Theater of Diplomacy: International Relations and the Performing Arts in Early Modern France*. Philadelphia, 2017. P. 10.

⁶⁷ Ibid. P. 211.

⁶⁸ Helmers H. Public Diplomacy in Early Modern Europe: Towards a new history of news // *Media History*. 2016. Vol. 22 (3–4). P. 401–420. См. сборник статей, актуализирующий роль двора и международных конгрессов как мест распространения знаний и печатной продукции: *Diplomatische Wissenskulturen der Frühen Neuzeit. Erfahrungsräume und Orte der Wissensproduktion* / Hrsg. G. Braun. Berlin; Boston, 2018. См. также: *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Внешняя политика Нидерландов в историографии: книги и авторы // *Новая и новейшая история*. 2020. № 6. С. 5–21.

⁶⁹ Helmers H. *History as Diplomacy in Early Modern Europe*. Emanuel van Meteren's *Historia Belgica and International Relations, 1596–1640* // *Renaissance Studies*. 2021. Vol. 36. № 1. P. 27–45.

или упрек через созданные художниками аллегории) европейских правителей XVI–XVII вв. Таким образом, произведение искусства, подаренное или предложенное в сложной политической ситуации, могло стать «средством дипломатического убеждения, даже соблазнения» и эффективно функционировать как «немой дипломат», полагающийся на общие коды визуальной коммуникации⁷⁰.

Идеи Колантуоно остаются востребованными, поскольку они предполагают, что предметы искусства и материальные объекты являются важным элементом функционирования дипломатии раннего Нового времени. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования обмена дипломатическими дарами, которые были средством утверждения статуса, равенства и авторитета в сообществе князей⁷¹. Не менее интересным представляется и визуальный подход к изучению истории дипломатии, так как в качестве источника используются изображения на различных носителях, фиксировавших дипломатические встречи и приемы⁷².

Помимо официальных аккредитованных представителей, растет интерес к тем, кто выполнял дипломатические функции разной степени официальности и выступал в качестве культурных посредников: консулам, музыкантам, купцам, художникам, антикварам, путешественникам и придворным артистам⁷³; а также к тем, кто непосредственно участвовал в дипломатическом процессе: к переводчикам, персоналу миссий, к тем, кто занимался приемом и размещением дипломатов. Британский историк Т. Соверби даже предупреждает о рисках размытия понятия дипломатии, когда любого, кто пересекал границу или имел возможность в какой-то степени влиять на международные отношения, можно назвать дипломатом⁷⁴. Т. Осборн также видит подводные камни новой дипломатической истории и задается вопросом: что мы понимаем под неофициальной, неформальной и субгосударственной дипломатией? Могла ли она действовать без согласия суверена/государя и какое значение она имела вследствие своего неопределенного статуса? Осборн призывает не забывать, что только аккредитованные дипломаты, которые путешествовали с верительными грамотами и паспортами, имели возможность отстоять свои права и иммунитет, а содержание и обеспечение официальных представителей ввиду сложной и дорогостоящей логистики требовали привлечения государственных ресурсов⁷⁵.

Гендерная история лишь недавно нашла свое отражение в истории дипломатии⁷⁶. Возникший исследовательский интерес ко двору как месту дипломатии раннего Нового времени

⁷⁰ Colantuono A. The Mute Diplomat: Theorizing the Role of Images in Seventeenth-Century Political Negotiations // *The Diplomacy of Art: Artistic Creation and Politics in Seicento Italy* / ed. E. Cropper. Milan, 2000. P. 54.

⁷¹ Um N., Clark L.R. Introduction. The Art of Embassy: Situating Objects and Images in the Early Modern Diplomatic Encounter // *Journal of Early Modern History*. 2016. Vol. 20. The Art of Embassy: Objects and Images of Early Modern Diplomacy. P. 3–18; Rudolph H. Entangled Objects and Hybrid Practices? Material Culture as a New Approach to the History of Diplomacy // *Material Culture in Modern Diplomacy from the 15th to the 20th Century* / ed. H. Rudolph. Berlin; Boston, 2016. P. 1–28; Practices of Diplomacy in the Early Modern World: c. 1410–1800 / eds T.A. Sowerby, J. Hennings. Pt. 3. Objects and beasts. New York, 2017.

⁷² См., например: Polleroß F. Gesandte im Bild. Repräsentationsformen der Diplomatie // *Politische Kommunikation zwischen Imperien. Der diplomatische Aktionsraum Südost- und Osteuropa* / Hrsg. H. Rudolph, G. Barth-Scalmani, C. Steppan. Innsbruck; Wien; Bozen, 2013. S. 41–67.

⁷³ См., например: *Intermédiaires culturels / Cultural intermediaries: Séminar international des jeunes dixhuitiémistes* (2010: Belfast) / sous la dir. de / eds V. Alayrac-Fielding, E.R. Welch. Paris, 2015; *Journal of Early Modern History*. 2015. Vol. 19. Cross-confessional Diplomacy and Diplomatic Intermediaries in the Early Modern Mediterranean / eds M. van Gelder, T. Krstić.

⁷⁴ Sowerby T. Op. cit. P. 445.

⁷⁵ Osborne T. Op. cit. P. 42–44.

⁷⁶ См., например, сборники статей, в которых среди прочего освещается роль супругов послов и формулируется понятие «рабочая пара», необязательно супружеская, когда мужчина и женщина, состоявшие в родственных, дружеских или любовных отношениях, добивались решения поставленных перед ними дипломатических задач: *Das Geschlecht der Diplomatie: Geschlechterrollen in den Außenbeziehungen vom Spätmittelalter bis zum 20. Jahrhundert* / Hrsg. C. Bastian C. Windler, E.K. Dade, H. von Thiesen. Köln, 2013; *Gender and Diplomacy: Women and Men in European Embassies from the 15th to the 18th century* / eds R. Anderson, L. Oliván Santaliciestra, S. Suner. Wien, 2021.

также привлек внимание к возможностям женщин оказывать влияние в придворном обществе. Их участие обычно обозначается как неформальное. При этом неформальное и неофициальное участие мужчин — представителей двора — в дипломатических контактах до сих пор практически не изучено. Эта группа находилась и продолжает находиться в тени официальных посланников, которые также были мужчинами, что приводит, по мнению немецкой исследовательницы Д. Нольде, к искажению перспективы. Пока мужчины в придворном обществе остаются как бы невидимыми, придворная дипломатия имплицитно предстает как сфера неформального, женского влияния, антитезой которой является официальная дипломатия, в которой доминируют мужчины. Дихотомия официального и неофициального подсознательно разделяет гендерные пространства, что не соответствует механизмам функционирования двора в раннее Новое время, который не предполагал строгого разделения публичной и частной сфер или официальной и неофициальной политики⁷⁷.

Новая история дипломатии институционализируется, причем подходы, успешно апробированные в исследованиях по раннему Новому времени, переносятся на изучение не только истории XIX в., но и новейшей истории. В 2011 г. было основано научное междисциплинарное сообщество The Network for New Diplomatic History (сегодня оно находится в Лейденском университете), позиционирующее себя как «группу ученых, чья работа в основном сосредоточена на историческом изучении дипломатов, их методов, а также их культурной, политической и социальной среды»⁷⁸.

Определенный итог современным исследованиям подвела в 2024 г. коллективная монография «Европейская дипломатия раннего Нового времени. Руководство» под редакцией немецких историков Д. Гёце и Л. Оцель, собравших большую интернациональную команду специалистов⁷⁹. Они констатировали, что социокультурные подходы придали истории дипломатии новое дыхание, а дипломатия и внешняя политика больше не рассматриваются как нечто совпадающее. Исследователи признают, что то, как выстраивались отношения между государями и государствами, было столь же важно, как и их цели и интересы. Обращение к опыту и мировоззрению дипломатов, выступающих посредниками в самых разных сферах и создающих агентские сети, также способствует более глубокому погружению в международные процессы. Ученые по-новому интерпретировали хронологию и географию появления постоянных посольств в Европе, расширили проблемное поле исследований, включив в него дипломатические церемонии и другие аспекты дипломатической культуры. Современные исследователи также пытаются преодолеть разделительные линии между ранним Новым и Новым временем, показывая, что границы между ними во многом размыты и что, несмотря на возникновение национальных государств в XIX в., прочность Старого порядка была особенно сильной в сфере дипломатии.

Библиография / References

Берк П. Историческая антропология и новая культурная история / пер. с англ. М. Неклюдовой // Новое литературное обозрение. 2005. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-i-novaya-kulturnaya-istoriya.html> (дата обращения: 24.07.2024).

Ивонин Ю.Е. Раннее Новое время и концепция модерна // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Вып. 2 (10). URL: <https://history.jes.su/s207987840000324-5-1/> (дата обращения: 30.07.2024).

История дипломатии: в 3-х т. / под ред. В.П. Потемкина. Т. 1. М., 1941.

История дипломатии: в 5-ти т. / под ред. В.А. Зорина, В.С. Семёнова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. Т. 1. М., 1959.

⁷⁷ Nolde D. Was ist Diplomatie und wenn ja, wie viele? Herausforderungen und Perspektiven einer Geschlechtergeschichte der frühneuzeitlichen Diplomatie // Historische Anthropologie: Kultur – Geschichte – Alltag. 2013. Jg. 21. H. 2. S. 181–182.

⁷⁸ URL: <https://newdiplomatichistory.org/about/> (дата обращения: 19.07.2024).

⁷⁹ Early Modern European Diplomacy. A Handbook.

- Курилла И.И. Изучение истории международных отношений в социокультурном контексте // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 65–74.
- Лубский А.В. Лингвистический поворот // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 245–247.
- Мазарчук Д.В. «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития // Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2021. Т. 66. № 3. С. 283–292.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальная теория и историографическая практика. М., 2011.
- Шатохина-Мордвинцева Г.А. Внешняя политика Нидерландов в историографии: книги и авторы // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 5–21.
- Berk P. Istoricheskaya antropologiya i novaya kul'turnaya istoriya [Historical anthropology and new cultural history] / per. s angl. M. Neklyudovoj // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2005. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-i-novaya-kulturnaya-istoriya.html> (access date: 24.07.2024). (In Russ.)
- Istoriya diplomatii [The History of Diplomacy]: v 3 t. / pod red. V.P. Potemkina. T. 1. Moskva, 1941. (In Russ.)
- Istoriya diplomatii [The History of diplomacy]: v 5 t. / pod red. V.A. Zorina, V.S. Semyonova, S.D. Skazkina, V.M. Hvostova. T. 1. Moskva, 1959. (In Russ.)
- Ivonin Yu.E. Rannee Novoe vremya i koncepciya moderna [Early Modern times and the concept of modernity] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2012. T. 3. Vyp. 2 (10). URL: <https://history.jes.su/s207987840000324-5-1/> (access date: 30.07.2024). (In Russ.)
- Kurilla I.I. Izuchenie istorii mezhdunarodnyh otnoshenij v sociokul'turnom kontekste [Studying the history of international relations in a socio-cultural context] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2012. № 6. С. 65–74. (In Russ.)
- Lubskij A.V. Lingvisticheskij povorot [Linguistic turn] // Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar' [Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary] / отв. ред. А.О. Чубар'ян. Moskva, 2014. С. 245–247. (In Russ.)
- Mazarchuk D.V. "Novaya diplomaticheskaya istoriya": stanovlenie, napravleniya issledovaniya i perspektivy razvitiya ["New diplomatic history": formation, directions of research and development prospects] // Vesci Nacyyanal'naj akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk [Reports of the National Academy of Sciences of Belarus. The family of humanitarian sciences]. 2021. T. 66. № 3. С. 283–292. (In Russ.)
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'naya teoriya i istoriograficheskaya praktika [Historical science at the turn of the 20–21 centuries: social theory and historiographical practice]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Shatikhina-Mordvintseva G.A. Vneshnyaya politika Niderlandov v istoriografii: knigi i avtory [Dutch Foreign Policy in Historiography: Books and Authors] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 6. С. 5–21. DOI: 10.31857/S013038640012687-3 (In Russ.)
- Alloul H., Auwers M. What is (New in) New Diplomatic History? // Journal of Belgian History. 2018. Vol. XLVIII (4). P. 112–122.
- Anderson M.S. The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919. Harlow; Essex, 1993.
- Badel L. Diplomacy and the History of International Relations: Redefining a Conflictual Relationship // Diplomatica. 2019. Vol. 1. P. 33–39.
- Bély L. Les Relations internationales en Europe (les 17–18 siècles). Paris, 1992.
- Bély L. L'invention de la diplomatie // L'invention de la diplomatie: Moyen Age – temps modernes / sous la dir. de L. Bély. Paris, 1998.
- Bély L. La société des princes, XVIe–XVIIIe siècle. Paris, 1999.
- Bély L. L'art de la paix en Europe: Naissance de la diplomatie moderne. Paris, 2007.
- Black J. European International Relations 1648–1815. London, 2003.
- Blanning T. The Culture of Power and the Power of Culture: Old Regime Europe, 1660–1789. Oxford, 2002.
- Bourgeois E. Manuel historique de politique étrangère: 4 vol. Paris, 1893–1926.
- Braun G. La connaissance du Saint-Empire en France du baroque aux Lumières. 1643–1756. München, 2010.
- Burk K. Britische Traditionen internationaler Geschichtsschreibung // Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten. München, 2000. С. 45–59.
- Colantuono A. The Mute Diplomat: Theorizing the Role of Images in Seventeenth-Century Political Negotiations // The Diplomacy of Art: Artistic Creation and Politics in Seicento Italy / ed. E. Cropper. Milan, 2000. P. 51–76.
- Das Geschlecht der Diplomatie: Geschlechterrollen in den Außenbeziehungen vom Spätmittelalter bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. C. Bastian, E.K. Dade, H. von Thiessen, C. Windler. Köln, 2013.

- Debidour A.* Histoire diplomatique de l'Europe: 2 vol. Paris, 1891–1916.
- Der Absolutismus – ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft in West- und Mitteleuropa (ca. 1550–1700) / Hrsg. R.G. Asch, H. Duchhardt. Köln; Weimar; Wien, 1996.
- Der Westfälische Friede. Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte / Hrsg. H. Duchhardt. München, 1998.
- Droste H.* Im Dienst der Krone: Schwedische Diplomaten im 17. Jahrhundert. Berlin, 2006.
- Duchhardt H.* Balance of Power and Pentarchie: Internationale Beziehungen, 1700–1785. Paderborn; Wien, 1997.
- Duindam J.* Crossing Boundaries: Diplomacy and the Global Dimension, 1700–1850 // The International History Review. 2019. Vol. 41 (5). Transformations of Intercultural Diplomacies. Comparative Views on Asia and Europe (1700 to 1850) / eds N. Amsler, H. Harrison, C. Windler. P. 1092–1099.
- Early Modern European Diplomacy. A Handbook / eds D. Goetze, L. Oetzel. Berlin; Boston, 2024.
- Fletcher C.* Diplomacy in Renaissance Rome: The Rise of the Resident Ambassador. Cambridge, 2015.
- Frieden übersetzen in der Vormoderne. Translationsleistungen in Diplomatie, Medien und Wissenschaft / Hrsg. H. Duchhardt, M. Espenhorst. Göttingen, 2012.
- Frigo D.* Introduction // Politics and Diplomacy in Early Modern Italy: The Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800 / ed. D. Frigo. Cambridge, 2000. P. 1–24.
- Fubini R.* La “résidentialité” de l'ambassadeur dans le mythe et dans la réalité: une enquête sur les origines // L'invention de la diplomatie: Moyen Age-temps modernes / sous la dir. de L. Bély. Paris, 1998. P. 28–35.
- Fubini R.* Diplomacy and Government in the Italian City States of the Fifteenth Century (Florence and Venice) // Politics and Diplomacy in Early Modern Italy: The Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800 / ed. D. Frigo. Cambridge, 2000. P. 25–48.
- Gender and Diplomacy: Women and Men in European Embassies from the 15th to the 18th century / eds R. Anderson, L. Oliván Santaliestra, S. Suner. Wien, 2023.
- Goffman D.* Negotiating with the Renaissance State: the Ottoman Empire and the New Diplomacy // The Early Modern Ottomans: Remapping the Empire / eds V.H. Aksan, D. Goffman. Cambridge, 2007. P. 61–74.
- Haug T.* Ungleiche Außenbeziehungen und grenzüberschreitende Patronage. Die französische Krone und die geistlichen Kurfürsten (1648–1679). Köln; Weimar; Wien, 2017.
- Helmerts H.* Public Diplomacy in Early Modern Europe: Towards a new history of news // Media History. 2016. Vol. 22 (3–4). P. 401–420.
- Helmerts H.* History as diplomacy in early modern Europe. Emanuel van Meteren's Historia Belgica and international relations, 1596–1640 // Renaissance Studies. 2021. Vol. 36. № 1. P. 27–45.
- Hennings J.* Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016.
- Hennings J., Sowerby T.A.* Introduction. Practices of diplomacy // Practices of Diplomacy in the Early Modern World: c. 1410–1800 / eds T.A. Sowerby, J. Hennings. New York, 2017.
- Histoire des relations internationales / publ. sous la dir. de P. Renouvin: 8 vol. Paris, 1953–1958.
- Horn D.B.* British Diplomatic Service, 1689–1789. Oxford, 1961.
- Intermédiaires culturelles / Cultural intermediaries: Séminar international des jeunes dixhuitiémistes (2010: Belfast) / sous la dir. de / eds V. Alayrac-Fielding, E.R. Welch. Paris, 2015.
- Journal of Early Modern History. 2015. Vol. 19. Cross-confessional Diplomacy and Diplomatic Intermediaries in the Early Modern Mediterranean / eds M. van Gelder, T. Krstić.
- Krischer A.* Souveränität als sozialer Status: Zur Funktion des diplomatischen Zeremoniells in der Frühen Neuzeit // Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im mittleren Osten in der frühen Neuzeit / Hrsg. R. Kauz, G. Rota, J.P. Niederkorn. Wien, 2009. S. 1–32.
- Krischer A.* Syndici als Diplomaten in der Frühen Neuzeit. Repräsentation, politischer Zeichengebrauch und Professionalisierung in der reichsstädtischen Außenpolitik // Spezialisierung und Professionalisierung. Träger und Foren städtischer Außenpolitik während des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit / Hrsg. C. Jörg, M. Jucker. Wiesbaden, 2010. S. 254–286.
- Krischer A.* Das Gesandtschaftswesen und das moderne Völkerrecht // Rechtsformen internationaler Politik, Theorie, Norm und Praxis vom 12. bis 18. Jahrhundert / Hrsg. M. Jucker, M. Kintzinger, R. Schwinges. Berlin, 2011. S. 197–239.
- Kugeler H.* “Le parfait ambassadeur”. The Theory and Practice of Diplomacy in the Century Following the Peace of Westphalia: Phd diss. Oxford, 2006.
- Legutke D.* Diplomatie als soziale Institution: brandenburgische, sächsische und kaiserliche Gesandte in den Haag. Münster, 2010.
- Lehmkuhl U.* Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen Historischer Kulturwissenschaft und Soziologischen Institutionalismus // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft. 2001. Bd. 21. H. 3. S. 394–423.
- Loth W.* Einleitung // Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten. München, 2000. S. VII–XIV.

- Mattingly G. Renaissance Diplomacy. Boston, 1955.
- Matzke J. Gesandtschaftswesen und diplomatischer Dienst Sachsens 1694–1763. Leipzig, 2011.
- May N.F. Zwischen fürstlicher Repräsentation und adliger Statuspolitik. Das Kongresszeremoniell bei den westfälischen Friedensverhandlungen. Ostfildern, 2016.
- May N.F. Le cérémonial diplomatique et les transformations du concept de représentation au XVIIe siècle // À la place du roi: Vice-rois, gouverneurs et ambassadeurs dans les monarchies française et espagnole (XVIe–XVIIIe siècles) / sous la dir. de D. Aznar, G. Hanotin, N.F. May. Madrid, 2017. P. 35–49.
- Nähe in der Ferne: personale Verflechtung in den Außenbeziehungen der Frühen Neuzeit / Hrsg. H. von Thiesen, C. Windler. Berlin, 2005.
- Nolde D. Was ist Diplomatie und wenn ja, wie viele? Herausforderungen und Perspektiven einer Geschlechtergeschichte der frühneuzeitlichen Diplomatie // Historische Anthropologie: Kultur – Geschichte – Alltag. 2013. Jg. 21. H. 2. S. 179–198.
- Osborne T. Whither Diplomatic History? An Early-Modern Historian's Perspective // Diplomatica. 2019. Vol. 1. P. 40–45.
- Ottoman Diplomacy: Conventional or Unconventional? / ed. A.N. Yurdusev. Basingstoke, 2004.
- Polleroß F. Gesandte im Bild. Repräsentationsformen der Diplomatie // Politische Kommunikation zwischen Imperien. Der diplomatische Aktionsraum Südost- und Osteuropa / Hrsg. H. Rudolph, G. Barth-Scalmani, C. Steppan. Innsbruck; Wien; Bozen, 2013. S. 41–67.
- Roll C. Einleitung // Berichten als kommunikative Herausforderung: Europäische Gesandtenberichte der Frühen Neuzeit in praxeologischer Perspektive / Hrsg. T. Dorfner, T. Kirchner, C. Roll. Köln, 2021. S. 9–47.
- Rudolph H. Entangled Objects and Hybrid Practices? Material Culture as a New Approach to the History of Diplomacy // Material Culture in Modern Diplomacy from the 15th to the 20th Century / ed. H. Rudolph. Berlin; Boston, 2016. P. 1–28.
- Schattenberg S. Diplomatie als interkulturelle Kommunikation // Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History. 2011. Bd. 8. H. 3. S. 457–462.
- Schroeder P. The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford, 1994.
- Schütz E. Die Gesandtschaft Großbritanniens am Immerwährenden Reichstag zu Regensburg und am kur(pfälz-)bayerischen Hof zu München. 1683–1806. München, 2007.
- Scott H.M. Diplomatic Culture in Old Regime Europe // Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century / eds H.M. Scott, B.P. Simms. Cambridge, 2007. P. 58–85.
- Sorel A. L'Europe et la Révolution française: 9 vol. Paris, 1865–1911.
- Sowerby T.A. Early Modern Diplomatic History // History Compass. 2016. Vol. 14 (9). P. 441–456.
- Steppan C. Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandte im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016.
- Stollberg-Rilinger B. Honores regii: Die Königswürde im zeremoniellen Zeichensystem der Frühen Neuzeit // Dreihundert Jahre Preußische Königskrönung. Eine Tagungsdokumentation / Hrsg. J. Kunisch. Berlin, 2002. S. 1–26.
- Stollberg-Rilinger B. Symbolische Kommunikation in der Vormoderne. Begriffe – Thesen – Forschungsperspektiven // Zeitschrift für Historische Forschung. 2004. Bd. 31. S. 489–527.
- Stollberg-Rilinger B. Rituale. Frankfurt a. M.; New York, 2013.
- Subrahmanyam S. Courtly Encounters: Translating Courtliness and Violence in Early Modern Eurasia. Cambridge, 2012.
- Thiesen H. von. Diplomatie und Patronage: Die spanisch-römischen Beziehungen 1605–1621 in akteurszentrierter Perspektive. Epfendorf, 2010.
- Thiesen H. von. Diplomatie vom type ancien: Überlegungen zu einem Idealtypus des frühneuzeitlichen Gesandtschaftswesens // Akteure der Außenbeziehungen: Netzwerke und Interkulturalität im historischen Wandel / Hrsg. H. von Thiesen, C. Windler. Köln, 2010. S. 471–503.
- Thiesen H. von. Geschichte der Außenbeziehungen / Neue Diplomatiegeschichte // Konstruktionen Europas in der Frühen Neuzeit: Geographische und historische Imaginationen / Hrsg. S. Richter, M. Roth, S. Meurer. Heidelberg, 2017. S. 315–323.
- Wahrnehmungen des Fremden. Differenzenerfahrungen von Diplomaten im 16. und 17. Jahrhundert / Hrsg. M. Rohrschneider, A. Strohmeier. Münster, 2007.
- Watkins J. Toward a New Diplomatic History of Medieval and Early Modern Europe // Journal of Medieval and Early Modern Studies. 2008. Vol. 38 (1). P. 1–14.
- Welch E.R. A Theater of Diplomacy: International Relations and the Performing Arts in Early Modern France. Philadelphia, 2017.
- Windler C. La diplomatie comme experience de l'Autre: consuls français au Maghreb (1700–1840). Geneva, 2002.
- Windler C. Diplomatie als Erfahrung fremder politischer Kulturen: Gesandte von Monarchen in den eidenössischen Orten (16. Und 17. Jahrhundert) // Geschichte und Gesellschaft. 2006. Bd. 32 (1). S. 5–44.

DOI: 10.31857/S0130386424060034

© 2024 г. **К.А. ПАНЧЕНКО**

РОССИЙСКАЯ МИССИЯ В СТАМБУЛЕ В СЕРЕДИНЕ 1740-х годов: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

Панченко Константин Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: const969@gmail.com

Scopus Author ID: 57190410154; ORCID: 0000-0003-4155-5187; Researcher ID: KBF-2827-2024

Аннотация. Статья рассматривает различные аспекты повседневного быта российского дипломатического представительства в Стамбуле в середине XVIII в. Восточное направление российской дипломатии петровской и постпетровской эпох относится к числу наименее изученных сюжетов международных отношений Российской империи. При этом в фокусе внимания исследователей естественным образом оказываются политические проблемы, и остается за кадром тема повседневной жизни персонала миссии — его численность и состав, расходы на содержание, материальная культура и питание. Неопубликованные документы Архива внешней политики Российской империи содержат уникальную информацию по многим из этих аспектов по состоянию на конец лета — осень 1745 г. После внезапной кончины резидента Алексея Вешнякова 29 июля 1745 г. его помощники, вставшие во главе миссии, опасались оказаться обвиненными в расхищении казенного имущества диппредставительства. Это побудило их составить детальную опись всех материальных ценностей, находившихся в миссии и загородной посольской резиденции, а также вести скрупулезные подсчеты ежедневных расходов на питание персонала, насчитывавшего в тот момент 42 человека, из которых 16 были членами семьи и слугами покойного резидента. Подобные сюжеты, как правило, не отражались в посольской документации, однако чрезвычайные обстоятельства, сложившиеся в результате смерти А. Вешнякова, предоставили ученым возможность прикоснуться ко многим сторонам повседневной жизни русской колонии Стамбула.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, XVIII в., дипломатия, российское посольство в Стамбуле, повседневная жизнь.

C.A. Panchenko

The Russian Mission in Istanbul in the mid-1740s: Everyday Life

Constantin Panchenko, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: const969@gmail.com

Scopus Author ID: 57190410154; ORCID: 0000-0003-4155-5187; Researcher ID: KBF-2827-2024

Abstract. In the article, the author examines the daily activities of the Russian embassy in Istanbul during the mid-18th century. The eastern orientation of Russian diplomatic efforts during the era of

Peter the Great and his successors represents a relatively understudied aspect of the foreign policy of the Russian Empire. Furthermore, the focus of researchers is understandably on political issues, while the everyday reality of embassy staff – including the actual number of personnel, their individual personalities, maintenance costs, material culture and food – is overlooked. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire contains a wealth of hitherto unpublished documents that shed light on a number of subjects from the late summer and autumn of 1745. Following the unexpected passing of the Russian resident (the head of the embassy), Alexey Veshniakov, on 29 July 1745, his deputies, who had assumed the role of senior representatives of the Russian Mission, were concerned about the potential allegations of misappropriation of state-owned assets. It compelled them to meticulously catalogue all items stored within the mission, in addition to maintaining comprehensive records of the daily expenditure incurred for food supplies for a total staff complement of 42 individuals, including the family and domestic personnel of the late resident (16 persons). It would be fair to say that such matters are rarely addressed in diplomatic missives. However, the exceptional circumstances following the demise of Alexey Veshniakov provided scholars with the opportunity to reconstruct certain aspects of the daily life of the Russian colony in Istanbul.

Keywords: Russian Empire, Ottoman Empire, eighteenth century, diplomacy, Russian embassy in Istanbul, daily life.

РУССКИЕ В СТАМБУЛЕ В XVIII веке – РАКУРСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первые десятилетия российского дипломатического присутствия в османской столице оставили о себе значительный пласт документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи и еще должным образом не обработанных. Они таят массу открытий, касающихся самых разных сторон российско-османских отношений, прежде всего, разведывательной деятельности отечественных дипломатических представителей в Стамбуле¹, проблем обмена военнопленными, оставшимися в неволе после прежних русско-турецких войн, оценок российскими наблюдателями текущего состояния дел в Османской империи и ее дальнейших политических перспектив. Наряду с этими направлениями исследований² источники позволяют реконструировать ряд сюжетов микро-истории, прежде всего некоторые черты повседневной жизни российской дипломатической миссии. Мы можем прикоснуться к тому, что называют материальной культурой – как в целом османского общества середины XVIII в., так и маленькой русской колонии в Стамбуле.

Конечно же, в реляциях резидентов, составляющих основной объем дипломатической корреспонденции, подобные вопросы почти не затрагиваются. Исторические источники, как правило, не склонны обращать внимание на сюжеты повседневной жизни. Однако на руку будущим исследователям сыграло печальное обстоятельство: внезапная кончина 29 июля 1745 г. российского резидента в Стамбуле Алексея Вешнякова. Его помощники – поручик Алексей Обресков и переводчик Александр Пини – во избежание обвинений в расхищении казенного имущества миссии составили детальную опись всех материальных ценностей, находившихся в здании миссии и загородной посольской резиденции в селении Терапия

¹ Постоянными российскими дипломатическими представителями в Османской империи в первой половине XVIII в. являлись Петр Андреевич Толстой (1645–1729), посол в 1702–1713 гг.; Алексей Иванович Дашков (ум. 1733), посланник в 1720–1721 гг.; Иван Иванович Неплюев (1693–1773), резидент в 1722–1735 гг.; Алексей Андреевич Вешняков (1700–1745), резидент в 1734–1736 и 1739–1745 гг.; Адриан Иванович Неплюев (1712–1751), резидент в 1746–1751 гг.; Алексей Михайлович Обресков (1720–1787), резидент в 1751–1768 гг. Наряду с ними в Стамбуле периодически работали дипломаты более высокого ранга, как вице-канцлер Петр Павлович Шафиров в 1711–1714 гг., чрезвычайный посланник А. Румянцев в 1724–1726 гг., он же в ранге чрезвычайного посла в 1740–1742 гг.

² См. в частности, о российской дипломатии на Босфоре в середине XVIII в.: Панченко К.А. «Приятели наш мулла». Русская разведка в Османской империи в середине XVIII века // Родина. 2011. № 12. С. 73–77; *Его же*. Иерусалимский патриарх Парфений (1737–1766 г.) и Россия. Непонятый союзник // Панченко К.А. Православные арабы: путь через века. М., 2013. С. 406–423; *Его же*. Геополитика Алексея Вешнякова: мысли российского резидента в Стамбуле 1740-х гг. // Исторический вестник. 2019. Т. 30. С. 186–207. DOI: 10.35549/HR.2020.81.87.008

под Стамбулом. Помимо материальной ответственности, преемники А. Вешнякова столкнулись с финансовыми трудностями: по их утверждениям, «в казне не толико многого числа, но ниже десяти рублей не осталось»³, так что возникли проблемы даже с достойным погребением усопшего. Для удовлетворения самых необходимых нужд миссии Обресков и Пини сделали заем в 5 тыс. левков⁴ у австрийского дипломатического резидента, после чего вели скрупулезные отчеты о расходовании этих денег⁵. Тратились они главным образом на то, чтобы «довольствоваться пропитанием» служащих, что позволяет судить как о структуре питания, так и о ценах на продукты в Стамбуле конца лета — осени 1745 г.

КАК ЖИЛИ РОССИЙСКИЕ РЕЗИДЕНТЫ

Рапорт А. Обрескова и А. Пини от 15 августа 1745 г. скрупулезно перечисляет имущество дипломатического представительства. Центральное место в отчете занимает серебряный сервиз на десятки персон с точным указанием состава и веса посуды, а также степени сохранности предметов. Так, в рапорте фигурируют 30 ложек серебряных, 29 ножей серебряных, в том числе три с отломленными лезвиями, 17 вилок серебряных трехконечных и 12 только с серебряными черенками и т. д.⁶ Все это было оставлено в миссии послом А. Румянцевым по отбытии из Стамбула в 1742 г. Он же оставил 11 скатертей и девять дюжин салфеток, но, как указывала опись, «все изодрались, ни куды ни годятся»⁷. Из ценной мебели упоминались три зеркала средней величины с позолоченными рамами, десять позолоченных кресел с зелеными покрывками, четыре «простых» кресла, 20 стульев («многие изломаны») ⁸.

С особой тщательностью было описано содержание кладовой («магазина»), где хранилась пушнина: рысей — 40, волков — восемь, барсов — 12, медведей белых — восемь и т. д. Большую часть мехов составляли лисьи шкуры («мех лисий хрептовый красный») ⁹. Также в резиденции наличествовало 14 пудов 10 фунтов ревеня, 34 фунта 48 золотников зеленого чая и 10 фунтов черного ¹⁰.

Пушнина выступала «мягкой валютой» того времени. Именно мехами резидент одаривал своих осведомителей и других османских сановников, с которыми рассчитывал установить дружеские отношения. Как писал А. Вешняков про одного из своих османских агентов, алима Али-эфенди, именуемого в посольской документации «приятель наш мулла», «он корыстным себя показал, что есть начальнейшее свойство всякого турка, с салтана начав до последнего. Сам Перизаде ¹¹ не постыдился бы принять одной пары соболей, не толико б большего чего» ¹². В другой ситуации А. Пини был приглашен Али-эфенди для политических

³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 89/1. 1745 г. № 6. Л. 35. При цитировании архивных документов восстановлены «ъ», «й» и знаки препинания.

⁴ Базовым денежным эквивалентом в финансовых расчетах выступала западноевропейская золотая монета высокой пробы (как правило, голландские дукаты), именуемая в русских источниках «червонный» («большой» или «христианский червонный»). Курс рубля по отношению к нему несколько колебался, составляя 210—225 руб. за 100 червонных. Османская серебряная монета левков (именуемая также пиастром или курушем) на протяжении XVI—XVIII вв. стремительно обесценивалась. В 1740-е годы за 100 червонных давали 366 левков и 26 2/3 пара (мелкая османская монета, 1/40 левка). Таким образом, соотношение рубля и левка на тот период составляло 1:1,8. Об этом же см. подробнее: *Мейер М.С.* О состоянии денежной системы Османской империи (по донесениям А.А. Вешнякова) // Восточное историческое источниковедение. Вып. 2 / под ред. В.В. Волгина. М., 1994. С. 248—261. См. также об османских денежных и весовых единицах: Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы / сост., пер. и комм. А.С. Тверитиновой. М., 1963. С. 79, 193, 200, 204—212.

⁵ АВПРИ. Ф. 89/1. 1742 г. № 33. Л. 31—34 об.

⁶ Там же. 1745 г. № 6. Л. 66.

⁷ Там же. Л. 66 об.

⁸ Там же. Л. 67.

⁹ Там же. Л. 66 об.

¹⁰ Там же. Л. 66.

¹¹ Имеется в виду один из высших османских сановников Пиризаде Мехмет Сахиб-эфенди (1674—1749), шейх-уль-ислам в 1745—1746 гг.

¹² АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 4. Л. 129—129 об.

консультаций, «а чтоб не с пустыми руками быть», мулле был послан в подарок лисий красный мех ценой ок. 150 левков, «которой, с крайним благодарением приняв, мерил по шубе своей, но нашед малым, не обвиняясь, просил добавки, а по извинении Пинием, что иного нет, сказал, что оставит до будущей зимы, яко де тогда и харему его будет нужна обнов...»¹³.

Чай тоже мог выступать в качестве подарка, но исключительно символического — он предназначался для греческих церковных иерархов, сообщавших резиденту секретную политическую информацию бесплатно, чисто из православной солидарности. Как писал об этих людях в 1747 г. резидент А. Неплюев, «хотя знакомство с ними и продолжается, и они временно малые вести сказывают, но им ничего знатного не дано, и дружба содержится без дальняго убытку чаем, ревенем и тому подобным...»¹⁴.

Возвращаясь к описи «магазина», следует отметить хранившиеся в другом сундуке 11 кафтанов и камзолов (в каждом случае подробно описывалась расцветка и декор — «кафтан поношенной, бархатной, малинного шелка, подбитый горностаем») и туфли, шитые серебром. В другой кладовой камере было складировано менее ценное имущество — упряжь, кожи, свечи, посуда¹⁵.

В спальне находились «постеля китайская», шпага с серебряным эфесом, кофейник фарфоровый, пять чайных чашек с блюдечками, три блюда японского зеленого фарфора, зеркало с позолоченной рамкой. Там же стоял шкаф венецианской работы с чарками, уборный столик и «застав» (видимо, ширма. — К.П.), «расписан с географическими картами»¹⁶.

Так же описывались комната за комнатой — в «красной камере» подушки, паникадило и др., в «аудиенц камере» — подсвечники, столики, подушки и т.д. В резиденции имелась художественная галерея с десятью полотнами неаполитанской работы и девятью меньшими картинами того же происхождения. «Кабинет господина резидента им заперт, а нами запечатан, — доносили А. Обресков и А. Пини, — но сколько мы при жизни его видели, там ничего не находится, кроме одного шкафа Агленской работы, такожде множество книг и писем»¹⁷.

Подобная же опись была составлена в загородной посольской резиденции в Терапии. Здесь, помимо ящиков с письмами, также фигурировал «сундук с платьем», где хранились кафтаны, штаны и прочая одежда. Для холодного времени имелись два тулупа, крытых сукном, и епанча серого немецкого сукна с золотым позументом. Отдельно упоминались шляпа, трость, серебряные шпоры, 15 париков. Рубахи делились по критерию стоимости на тонкие с кружевами (их было две), голландские (шесть) и турецкого полотна (десять). Гардероб резидента дополняли 12 фуфаяк, шесть пар шелковых чулков различных цветов, 14 пар исподних нитяных чулков, полтора десятка белых спальных колпаков, десять хлопчатобумажных платков голландской работы, шесть шелковых носовых платков и восемь галстуков¹⁸.

Примечательно, что в резиденции имелось оружие — два пистолета с кобурой для кавалерийского седла и пять фузей. Картинная галерея, похоже, считалась такой же обязательной частью загородного жилища, как и посольского дома в Стамбуле — опись называет 25 картин в золотых и черных рамах. Была и библиотека, но составители рапорта, к сожалению, не взяли на себя труд указать заглавия книг. Обресков и Пини выделили из них лишь географический атлас, прочие же книги описали, исходя из формата: «в десть» (видимо, in folio) — 11, «в полдесть» — 3, в четверть и одну восьмую долю — 54, всего — 69¹⁹.

Надо сказать, книги хранились там не просто для украшения. Алексей Вешняков, судя по его реляциям, представляется достаточно образованным человеком, знакомым и с историей Византии, и с европейской географией, политикой и недавним прошлым, в том числе

¹³ Там же. Л. 368.

¹⁴ Выписка о тайных российскому двору в Константинополе приятелях и о назначении им денежных пенсий // АВПРИ. 1742 г. № 33. Л. 15.

¹⁵ АВПРИ. 1745 г. № 6. Л. 72а.

¹⁶ Там же. Л. 72а об.

¹⁷ Там же. Л. 73.

¹⁸ Там же. Л. 73 об.—74.

¹⁹ Там же. Л. 73 об.

таких стран, которые не могли представлять прямого интереса для резидента в Стамбуле. Даже за день до смерти, по свидетельству своих сотрудников, Вешняков, почувствовав облегчение от болезни, «ходил по каморе многое время и книгу читал»²⁰.

Помимо одежды, книг и картин, в опись вошли серебряная столовая посуда, кухонная посуда, поделенная на медную (котлы, кастрюли, крышки, ложки), железную (вертела, таганы, жаровни), оловянную (блюда, тарелки), «порселиновую» (фарфоровую) — 24 синих тарелки, 10 красных, 2 салатницы; наконец, «муравленную венецкую» — блюда круглые и овальные, горшки, тарелки²¹.

Отдельным блоком шла мебель — стулья, кресла, «шкаф высокий», «три стола картошные, обитые зеленым сукном», два складных стола, софы, кровати с занавесом²². Замыкали опись конская упряжь, ливрея и список лошадей, принадлежавших дипломатической миссии, — два жеребца, два мерина, две старые колясочные лошади²³.

При знакомстве с описью посольского имущества бросаются в глаза признаки неблагодарности — драные скатерти, ломаная мебель и столовые приборы, поношенный кафтан. Очевидно, что финансовое обеспечение миссии оставляло желать лучшего.

ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Назвать точную сумму, ежегодно уходившую на содержание миссии в Константинополе, пока не представляется возможным. Эта сумма складывалась из нескольких статей расходов, но не все они поддаются подсчету. Значительные средства шли на выплаты тайным политическим агентам. В 1747 г. на это было потрачено 2800 руб.²⁴ Официальное годовое жалованье членам миссии на момент смерти А. Вешнякова составляло в совокупности 3798 руб. Впрочем, эта цифра не имела ничего общего с реальностью — жалованье не выплачивалось годами, особенно низкостатусным сотрудникам, таким как малолетние ученики переводческих дел. Еще 29 июня 1745 г. в письме канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину руководство миссии жаловалось на перебои с финансированием, сообщая, что многие сотрудники не получили содержание за 1744 г., а некоторые — и за 1743 г.²⁵ Похоже, это была неизбывная проблема российского внешнеполитического ведомства петровской и постпетровской эпохи.

Ситуация вынуждала руководство миссии держать «публичный стол», т.е. централизованно, за казенный счет обеспечивать питание персонала. Сколько на это тратилось денег — остается неясным²⁶. После смерти А. Вешнякова его помощник А. Обресков, ответственный за учет казенных затрат, жаловался начальству, что не получил от резидента шнурованную книгу и ордера, по которым должны были производиться выплаты, «хотя о сем многократно почти со слезами прашивал» усопшего. В результате документация за два прошедших года не была оформлена должным образом, что Обресков «рабски» просил не ставить ему в вину²⁷.

Сам А. Вешняков неоднократно сталкивался с проблемой отсутствия свободных денег для срочных выплат своим тайным осведомителям или агентам влияния. Это вынуждало его брать займы, как, например, в феврале 1745 г., когда он позаимствовал, как кажется, у дипломатического представителя Голландии 12 тыс. левков (18 тыс. гульденов), выдав вексель на имя российского посла в этой стране А.Г. Головкина. Хотя векселей давать было не велено, резидент писал, что уповает «всемилоштивейшего милосердствования

²⁰ Там же. Л. 19 об.

²¹ Там же. Л. 74–75.

²² Там же. Л. 75.

²³ Там же. Л. 75 об.

²⁴ АВПРИ. 1742 г. № 33. Л. 16 об.

²⁵ Там же. № 5. Л. 290.

²⁶ В какой-то мере об этих расходах дает представление перечень «партикулярных» долгов миссии (см. ниже).

²⁷ АВПРИ. 1742 г. № 33. Л. 29–29 об.

в рассуждении сей крайней нужды»²⁸. Там же он жаловался на греческих банкиров, отказывавших ему в ссудах. Возможно, греки питали сомнения в кредитоспособности российского резидента, обремененного долгами.

Действительно, после кончины А. Вешнякова его помощники представили счет казенным долгам, «висевшим» на миссии, — они составили внушительную сумму 34 700 левков 58 аспр²⁹. В перечне заимодавцев выделяется Смирнский митрополит — не размерами долга, но связанной с ним историей. Этот греческий иерарх в 1742 г. принимал участие в сборе и возвращении на родину русских военнопленных. Более трех месяцев он содержал в своем монастыре 32 освобожденных солдат, которых, снабдив провизией, затем отправил в Стамбул в российскую миссию. Митрополит ничего не просил за содержание пленных, кроме выплаты 70 левков капитану («реизу») того корабля, который доставил их в османскую столицу. Как сообщает источник, архиерей «о заплате оному Реизу от господина Вешнякова был обнадежен; однако ж за неимением денег и поныне не отдано»³⁰. Случай более чем симптоматичный — в течение трех лет дипломатическое представительство не смогло изыскать 70 левков для оплаты греческим единоверцам за помощь в возвращении русских пленных.

Помимо «казенных» долгов, в документации был представлен и счет долгам «партикулярным» — похоже, речь шла о расходах на питание персонала миссии, которые по идее должны были покрываться из жалования сотрудников. В частности, перечислялись долги рыбнику греку Василию (1062 левка 45 аспр), хлебнику французу (560 левков), двум птичникам-грекам (848 и 595 левков), турку-мяснику за говядину (287 левков), другому — за баранину (377 левков), угольнику Мимиш-баше за уголья (134 левка), «одному греку за свиное мясо» (150 левков), другому греку за молоко (25 левков), «агленскому переводчику Монск за вино» (233 левка), «одному турку за сахар и кофе» (39 левков) и т.д. Общая сумма составляла 12 567 левков³¹.

Из этого перечня можно составить лишь самое общее преставление о структуре питания и вкусовых предпочтениях русских в Стамбуле. Подробнее эта тема будет рассмотрена ниже, там, где пойдет речь о ежедневных расходах на питание персонала миссии.

СОСТАВ РУССКОЙ КОЛОНИИ

А. Обресков и А. Пини, возглавившие российское диппредставительство после смерти А. Вешнякова (вплоть до официального назначения на должность резидента Адриана Неплюева в 1746 г.), должны были как-то содержать около полусотни человек, связанных с миссией. Эти люди делятся на две неравные группы — с одной стороны, семья и челядь покойного резидента, общим числом 16 человек, и, с другой — персонал миссии, насчитывавший 26 человек.

В первую группу входили вдова А. Вешнякова, двое ее малолетних детей (в ряде документов указано, что их было трое), некая «родственница», камердинерша, камердинер, кормилица, «одна при ней баба», «одна старуха», «одна девка», два лакея, «один чегодарь, который кофе варит», конюх и две портмои³². Видно, что резидента и его жену сопровождала в Стамбул целая толпа слуг и приживалок. Супруга А. Вешнякова, согласно дипломатическому этикету, вела активную светскую жизнь, участвуя в приемах и обедах, обменах визитами с другими иностранными дипломатами в Стамбуле. Иногда эти протокольные поездки она совершала даже одна, в силу занятости или нездоровья своего супруга³³.

Собственно, персонал миссии тоже можно разделить на несколько групп. Во-первых, это «элита» — переводчик Алессандро Пини (видимо, левантиец с итальянскими корнями),

²⁸ Там же. № 4. Л. 196—196 об.

²⁹ Там же. № 6. Л. 70.

³⁰ Там же. Л. 68 об.—69.

³¹ Там же. Л. 71.

³² Там же. Л. 220.

³³ См., например: Там же. Л. 19.

получавший годовое жалованье 680 руб., «правая рука» резидента Вешнякова, и поручик Алексей Обресков, довольствовавшийся куда более скромным жалованьем в 260 руб.

Особую группу составляло духовенство — иеромонах Иосиф Краснянский, исполнявший обязанности капеллана посольской церкви (с годовым жалованьем 200 руб.), иеромонах Игнатий Часовиков (ему причиталось 100 руб. в год), являвшийся одновременно учителем при миссии, и монах Захарий, служивший пономарем за 24 руб.³⁴ Нельзя не вспомнить в этой связи великого путешественника Василия Григоровича-Барского, который в 1743 г. (после долгих странствий) на какое-то время осел при миссии. Алексей Вешняков хотел сделать его капелланом при посольской церкви, но неугомонный бродяга отпросился у него на богомолье на Афон, где провел следующие несколько лет³⁵, поэтому в списках персонала миссии 1745 г. он не значится.

Следующая большая и разнородная группа — это «переводческих дел ученики». Трое из них, получавшие по 200 руб. жалованья, занимали привилегированное положение. Это Николай Буйди, тоже итальянского происхождения; племянник покойного резидента Николай Вешняков и некий Вилим (?) Дандри³⁶. В посольской документации первый из них фигурирует настолько регулярно, что складывается впечатление, что именно он (наряду с руководством миссии) и выполнял львиную долю работы, возможно, потому, что, в отличие от других, владел языками на нужном уровне.

Николай Вешняков появляется в источниках только после смерти своего дяди-резидента, когда начинает писать письма в Коллегию иностранных дел и лично Адриану Неплюеву, будущему преемнику А. Вешнякова на посту руководителя миссии, с просьбами о покровительстве и разрешении вернуться в Россию вместе с вдовой резидента и ее детьми, о которых больше некому позаботиться. Николай также просил А. Неплюева о «милостивом призрении» своего младшего брата Федора, учившегося в Кадетском корпусе³⁷. В этих письмах упоминается, что Николай Вешняков был отправлен в Стамбул в ноябре 1742 г. с грузом «мягкой рухляди» как «переводческих дел ученик по языкам турецкому, арабскому, персидскому и прочим»³⁸. Обращает на себя внимание клановость российского дипломатического корпуса. Резидент А. Вешняков выписывает к себе в Стамбул племянника на должность с высоким жалованьем. Другого племянника препоручают покровительству А. Неплюева и, видимо, тоже прочат ему дипломатическую карьеру. Сам Адриан Неплюев был сыном прежнего российского резидента в Стамбуле Ивана Неплюева, когда-то бывшего непосредственным начальником А. Вешнякова. Такие примеры можно множить долго.

Возвращаясь к перечню учеников переводческих дел, следует назвать студента Петра Щукина, «управлявшего канцелярскую должность», и Петра Воронина — обоим было назначено жалованье по 180 руб.³⁹ В этой связи можно вспомнить, что А. Вешняков в письме к канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину от 5 июля 1745 г. сообщал, что ученики переводческого дела, направленные в миссию для изучения турецкого и, по возможности, арабского и персидского, а также европейских языков, сильно загружены канцелярской работой и от изучения восточных языков освобождены⁴⁰.

В конце списка идут малолетние низкооплачиваемые ученики, которым, как уже говорилось, хронически не присылали жалованья: Иван Фотеев (100 руб.), Василий Рубанов, Иван Адверков, Симеон Дементиев, Василий Пастушков (жалованье в диапазоне 42–80 руб.)⁴¹.

³⁴ Там же. Л. 100, 220 об.

³⁵ Кириллина С.А. «Очарованные странники». Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010. С. 37–38.

³⁶ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 6. Л. 100, 220 об.

³⁷ Там же. Л. 26–26 об.

³⁸ Там же. Л. 56–56 об.

³⁹ Там же. Л. 100, 220 об.

⁴⁰ Там же. Л. 6.

⁴¹ Там же. Л. 100, 220 об.

Среди учеников обращает на себя внимание Иван Марини, хотя и получавший небольшой оклад в 50 руб., но, похоже, бывший на особом счету. Судя по всему, это был сын или какой-то другой родственник рагузинца Андрея Магрини (ум. после 1742 г.), многие годы состоявшего на российской службе и во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. возглавлявшего разведывательную деятельность на территории Османской империи. Он считался исключительно ценным агентом и в начале 1740-х годов получал годовое жалованье в 1 тыс. левков⁴². Разницу в написании имени («Марини» — «Магрини») вполне можно объяснить ошибкой писца, со слуха воспроизводившего незнакомое слово. Это подтверждается тем, что среди лиц, в 1745 г. получавших от миссии казенные выплаты, числится некая вдова по имени Люция Марини с солидной пенсией в 360 руб.⁴³ Скорее всего, речь идет о вдове Андрея Магрини. Таким образом, их сын тоже был принят в штат миссии в Стамбуле в память о заслугах отца.

Следующую группу персонала составляли достаточно разнородные и зачастую неожиданные люди. Как ходжа Мегмет Эфенди с жалованьем в 180 руб. За что он получал деньги, в документах не указано, однако можно предположить, что его функции были аналогичны обязанностям другого сотрудника — неназванного по имени «армянского попа» с окладом 120 руб., который учил молодых учеников латинскому и итальянскому языкам, арифметике и геометрии. Возможно, Мегмет Эфенди подобным же образом преподавал турецкий и другие восточные языки⁴⁴. Вахмистр Соловков, видимо, был приставлен для поддержания внутреннего порядка. Вслед за ним в списке идет некий Филипп Добышенской. Не указано ни его жалованье, ни род деятельности, однако он явно не относился к обслуге — эти люди проходят в документах безымянными. Так, среди персонала миссии упоминается повар, и лишь в другом месте случайно всплывает его имя — Федор⁴⁵. Также перечислены привратник, один невольник на поварне, другой «в официи моет тарелки», слуга поручика Обрескова и слуга Николая Вешнякова⁴⁶.

Кроме того, казенное жалованье полагалось еще нескольким лицам, не входившим в штат диппредставительства. Помимо упомянутой вдовы Люции Марини, это был врач Франциск Кастелли, «германского и российского народов допущенный доктор»⁴⁷, с жалованьем 210 руб., лекарь Стефанелий (150 руб.) и ходжа Али Эфенди, «который служит за писаря», видимо, для составления документов на османском языке (90 руб.)⁴⁸.

Не вполне ясен вопрос, кто осуществлял охрану миссии и сопровождение посла во время официальных выездов. Похоже, эти функции выполняли янычары, приставленные от Высокой Порты и не получавшие российского жалованья. Тем не менее они иногда мельком появляются в посольской документации. Так, в перечне расходов на погребение А. Вешнякова отдельной строкой значится: «всем янычарам иностранных министров (послов. — К.П.), бывшим на погребении, дано по левку, итого — 25 левков»⁴⁹. В одном из осенних донесений А. Обрескова передается драматическая история двух русских военнопленных (солдата ярославского полка и казака полтавского полка), которые в плену были обрезаны и, по мнению османской стороны, не подлежали возвращению в Россию. Один анатолийский турок в расчете на вознаграждение выкрал их у хозяев и привел в российскую миссию. Однако прежний хозяин, прибыв в Стамбул, сумел с помощью охранника-янычара выманить из миссии своих пленников и схватил их. Последовали тяжелые разбирательства российских дипломатов с Высокой Портой, обрезаны пленные или нет. С большим трудом их удалось вернуть, а янычар, способствовавший похищению пленников, был уволен

⁴² Там же. 1742 г. № 33. Л. 2 об. — 3.

⁴³ Там же. 1745 г. № 6. Л. 100.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 280 об.

⁴⁶ Там же. Л. 220 об.

⁴⁷ Там же. Л. 22.

⁴⁸ Там же. Л. 100.

⁴⁹ Там же. Л. 132.

из охранной службы⁵⁰. Таким образом, руководство миссии по крайней мере могло влиять на состав янычарской стражи.

Конечно же, персоналом миссии не исчерпывалась русская община Стамбула. В нее входили и купцы, приезжавшие по торговым делам, и паломники, направлявшиеся к святым местам. Резидент взаимодействовал с ними, в частности переправлял через купцов не самую секретную корреспонденцию⁵¹, однако никакой статистики состава и численности русских, находившихся в османской столице, в посольской документации не имеется.

ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ МИССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АЛЕКСЕЯ ОБРЕСКОВА

Преемники А. Вешнякова, управлявшие миссией после его смерти, направили в Петербург свои расчеты дневной стоимости «столовых припасов» для персонала при условии жесткой экономии («по последнему самому нужному расположению»). Любопытно посмотреть, каким им представлялся столовый рацион и другие ежедневные нужды подчиненных и подопечных. Излишне говорить, что стол руководства миссии должен был отличаться от пищевого довольствия низшего персонала и obsługi, но у нас нет возможности определить эту разницу. Поэтому мы можем лишь попытаться реконструировать рацион среднестатистического члена миссии, понимая всю условность этих усредненных показателей.

В списке необходимого продовольствия указаны предполагаемые расходы на покупку тех или иных продуктов, но не всегда приводится их вес и другие параметры. Поэтому, когда там фигурирует хлеб на общую сумму полтора левка, мы не знаем, сколько лепешек можно было купить на эти деньги. Можно лишь предположить, что достаточно много, и хлеб, что неудивительно, выступал одним из основных компонентов питания русских в Стамбуле.

Рыбы предполагалось закупать на 30 пара, но ввиду разброса цен на разные сорта морепродуктов, конкретная стоимость тех или иных видов рыбы не указана. Больше определенности с мясом: стоимость одного окка (1,282 кг)⁵² говядины составляла пять пара, в день планировалось брать три окка, итого на 15 пара. Баранина стоила дороже — шесть пара за окка (в реальности еще дороже — семь-восемь пара, как явствует из дальнейшей отчетности); дневное потребление тоже оценивалось в три окка. Кроме того, отдельной строкой шли два чыпленка, в сумме — восемь пара, из чего видно, что куриное мясо было не дешевле говядины⁵³. Оно, похоже, рассматривалось как диетический продукт не для всеобщего потребления. Таким образом, на прокорм четырех десятков человек в день предназначалось порядка восьми килограммов мяса (или в среднем около 200 г на человека), не считая рыбы и птицы. Как представляется, это достаточно много, тем более если сравнить с питанием податных сословий в Российской империи, где мясо было роскошью.

Заметно дороже мяса обходилось «масло деревянное», т.е. оливковое, — 27 пара за три окка. Необходимой частью рациона считался также уксус (1 окка за 4 пара), а также различные овощи и зелень — салаты, сельдерей, петрушка, репа, морковь и др. На каждый из продуктов предполагалось тратить два-три пара в день (вес товара при этом не указан). Странно, что нигде не упоминается крупа. Возможно, в миссии хранились оптовые запасы круп, которых должно было хватить надолго, и в расчетах текущих расходов они не фигурируют. Итого, общая стоимость продовольственного минимума составляла четыре левка 16 пара в день (напомним, один левко/куруш состоял из 40 пара)⁵⁴.

Но это не считалось достаточным. Составители счета не могли отказаться от вина — его требовалось 20 окка в день (при стоимости три пара за окка). Несколько непривычная практика измерения жидкости в категориях веса, а не объема, позволяет тем не менее говорить, что на каждого сотрудника миссии должно было приходиться около 600 г вина

⁵⁰ Там же. Л. 156–158.

⁵¹ Там же. Л. 19.

⁵² Об османских весовых единицах см.: Аграрный строй... С. 200, 204–209.

⁵³ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 6. Л. 222.

⁵⁴ Там же.

в день. Дневной расход кофе оценивался в сто драхм (дирхемов), т.е. 315 г (по 7,5 г на человека), — это стоило в сумме 32 пара. Также предполагалось брать на 20 пара в день сахара (вес не вполне ясен), три окка свеч на один левок 14 пара, два окка мыла (20 пара), 100 окка древесного угля (1 левок) и 2 кинтара (112 кг) дров за 1 левок 6 пара. В целом ежедневные издержки прогнозировались в сумме 11 левков 8 пара⁵⁵.

Судя по пометкам в тексте счета, его, как и прочую посольскую корреспонденцию, просматривал сам канцлер А.П. Бестужев-Рюмин. Рядом с итоговой цифрой расходов он поставил коричневым карандашом пометку «NB» (*Nota bene* — лат. «заметь хорошо»), а против строк с расходами на вино и мыло — крестики. Возможно, канцлер посчитал эти затраты неоправданно раздутыми.

Зная стоимость говядины и баранины в османской столице середины XVIII в., а также дневной рацион миссии, мы можем подсчитать, за какое время накопились те «партикулярные» долги, которые обременяли российское представительство к моменту кончины А. Вешнякова (см. выше). Если тратить на говядину 15 пара в день, то долг в 287 левков набегит за 712 дней, т.е. почти за два года. Если сделать поправку на церковные посты, когда мясо не покупали, то срок образования долга увеличится еще на несколько месяцев. За это время персонал миссии съел около 2850 кг говядины. По накоплению задолженности за баранину цифры выходят примерно такие же. Остается удивляться долготерпению мясников и рыбаков, столь продолжительное время обслуживавших российскую миссию в кредит.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ РЫНОК СТАМБУЛА ЛЕТОМ — ОСЕНЬЮ 1745 года

В документации, поступавшей из Стамбула в Коллегию иностранных дел, содержатся «рописи» ежедневных расходов миссии после смерти А. Вешнякова — помощники покойного резидента, как уже говорилось, боялись материальной ответственности и вели скрупулезный перечень затрат на питание и другие повседневные нужды. Из этих десятков листов нами были выбраны для анализа записи за периоды: 30 июля — 6 августа, 1—2 октября и 1—2 ноября 1745 г.⁵⁶ Что дает эта информация?

Прежде всего, она содержит более подробные и приближенные к реальности данные о кулинарной культуре русской общины Стамбула в сравнении с рассмотренными выше примерными оценками расходов на питание. Как правило, руководству миссии удавалось оставаться в рамках планируемых расходов: шесть — шесть с половиной пара в день. Номенклатура покупок в целом была однообразна.

В «рописях» детально перечисляются сорта рыбы и морепродуктов, закупувавшихся для миссии. Не всегда, к сожалению, можно эти сорта идентифицировать — записи часто неразборчивы или же указывают греческие названия пород рыб и моллюсков, малопонятные российскому читателю. Расходы опять же иногда указываются без уточнения веса приобретенного товара. Чаще всего фигурирует кефаль (в одном месте говорится о покупке 28 рыбин за 1 левок и 2 пара, в другом — 20 кефалей за 35 пара, трех рыб за 4 пара или 20 — за 15 пара). Как видно, цена кефали очень сильно колебалась в зависимости от размеров тушки. Можно упомянуть также «морских раков» (крабов?) — 10 пара за сто штук, мидий (200 шт. за 4 пара, в другой раз — за 6), устриц, ставрид, сельдей (сразу 400 шт., видимо, соленых). Не очень поддаются идентификации луфарсы, каганусы (8 пара за 100 шт.), этеринисы (14 пара за три с половиной окка), экривисы, эрины, барбони, «4 рыбы харрагус называемые» за 15 пара и т.д. Рыбу и морепродукты закупали в среднем через день, но в эти «рыбные» дни мясо покупали тоже.

Обращает на себя внимание, что представители персонала миссии полностью восприняли кулинарные привычки окружающего населения. Как думается, питание русских в Стамбуле мало отличалось от рациона местных греков. Это выглядит достаточно контрастно с отношением к средиземноморской кухне полувеком раньше русского паломника-писателя

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 263—269, 280—281, 291—294 об.

Ивана Лукьянова, точно так же долго жившего в Стамбуле, но не сумевшего побороть в себе безразличность к морепродуктам. Во время трапезы на подворье иерусалимского патриарха в Стамбуле греческий игумен спрашивал паломника: «Для чего де не ешь раков и мяса, что в раковинах...? И я ему молвил: у нас мол это гнусно, и обычая такового нет, чтоб нам есть; так мол мне смердит»⁵⁷.

Что касается мяса, то его брали заметно больше, чем указывалось в предварительных расчетах, — и шесть, и десять окка в день. Кроме того, регулярно покупали мясные субпродукты — бараньи ноги (по цене три пара за 12 шт., шесть — за 18), «потрох», голова, рубец, «голова и ноги телячьи». Если говяжьи ноги могли идти на холодец, то из остальных субпродуктов, видимо, варили бульон. Изредка брали и свинину, причем она стоила в разы дороже другого мяса — 12 пара за окка⁵⁸. Периодически покупали курятину; цыпленок стоил три-четыре пара, курица — шесть-семь пара. Похоже, мясо птицы считалось роскошью: лишь один раз цыплят взяли сразу два десятка, видимо, на общий стол. В остальных случаях их покупали по две-три тушки за раз, явно для «избранных». Иногда «роспись» уточняет, что курица была куплена для одной из женщин, «лежащей в болезни», «два цыпленка для детей», «1 курица для госпожи»⁵⁹.

«Госпожа» — это вдова А. Вешнякова. Похоже, она была весьма требовательна по части питания, и в документах периодически фигурируют то «12 апельсинов для мадамы», то одно окка «груш для мадамы», то данный ей заем в несколько пара, и постоянно — куры «для госпожи»⁶⁰.

Составляя роспись предварительных расходов на питание миссии, ее авторы забыли про яйца и молоко, которые, однако, приходилось покупать почти каждый день. Молоко стоило по 3 пара за окка, и его брали сразу четыре-шесть окка, явно, для всего персонала, в другие дни — по одному окка. Цена на яйца сообщается один раз: в начале ноября сотня яиц в Стамбуле стоила один левка⁶¹.

Крупой руководству миссии тоже пришлось озаботиться, хотя она и отсутствовала в планах закупок. В первый же день было приобретено впрок 20,5 окка «сарачинского пшена», т.е. пшенки, общей стоимостью в два левка 20 пара (т.е. окка стоило пять пара). Риса ели, похоже, меньше, хотя он стоил примерно столько же (1 октября было закуплено пять окка риса за 28 пара)⁶².

Посольская документация позволяет также составить представление о сортах зелени, овощах и фруктах, доступных в османской столице в этот период. Летом каждый день брали арбузы (по пять-шесть, ценой в два пара за штуку или чуть меньше), две-три дыни по одному пара, а также лук, петрушку, хрен, салат, редьку, баклажаны, лимоны (обычно без подробностей, но в одном месте уточняется, что за 30 лимонов уплатили 5 пара). В октябре-ноябре арбузы и дыни пропадают, но в расходных записях появляются яблоки, капуста, шпинат, оливки (пять окка черных оливок за два пара). Виноград («винные ягоды») в августе шел по цене два пара за один окка, изюм — по два-три. Виноград был доступен и осенью, в октябре — за ту же цену, в ноябре — чуть дороже. Виноград, яблоки и груши стоили примерно одинаково — два пара за окка.

Отдельно следует сказать об алкоголе. 6 августа была закуплена оптом 181,5 окка вина по цене три пара за окка⁶³. Его держали в бочках, которые приходилось поддерживать в рабочем состоянии — так, 2 октября было потрачено 8 пара на починку двух винных бочонков⁶⁴. Обитатели миссии не отказывали себе и в крепком алкоголе — одновременно с вином

⁵⁷ Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив. 1863. Вып. 2. Стб. 141.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 89/1. 1745 г. № 6. Л. 293 об.

⁵⁹ Там же. Л. 291 об., 294. Среди других птиц изредка упоминаются голуби (6 голов за 18 пара) и рябчики (2 за 18 пара). Там же. Л. 281, 294 об.

⁶⁰ Там же. Л. 265, 267, 267 об.

⁶¹ Там же. Л. 293 об.

⁶² Там же. Л. 263, 280.

⁶³ Там же. Л. 267 об.

⁶⁴ Там же. Л. 280 об.

была приобретена «бутылка водки для домашних» стоимостью 9 пара. Неясно, за какое время они опустошили эту бутылку, но даже случайная выборка ежедневных трат позволяет периодически наталкиваться на схожие покупки. Так, 2 ноября фигурирует еще одна окка водки (почему-то указанная одной строкой с 25 канцелярскими перьями — в сумме за все это отдали 22 пара)⁶⁵. На соседнем листе еще раз фигурируют 25 перьев за 10 пара, что позволяет оценить стоимость окка водки (точнее, видимо, ракии) в 12 пара, а объем вышеупомянутой бутылки за 9 пара — приблизительно 0,7 л.

Из других напитков в отчетах регулярно фигурирует кофе. Его, похоже, старались брать оптом, это выходило дешевле. Так, 30 июля удалось купить пять окка по цене за окка 112 пара или 2 левка 32 пара; в другой раз, покупая одно окка, пришлось отдать 3 левка 13 пара. 1 ноября, похоже, кофе в миссии закончился, и было срочно куплено 100 драм (дневной расход) этого товара за 34 пара⁶⁶. 100 драм — это 1/4 окка. Таким образом, за окка пришлось бы отдать 136 пара (3 левка 16 пара).

Сахара потребляли немного, и он был дорог: окка «ординарного сахару» стоило один левок или чуть больше. За весь рассмотренный период сахар покупали лишь дважды по одному окка⁶⁷, что представляется мизерным, если разделить на сорок человек, кормившихся при миссии.

В расходных записях начала августа почему-то отсутствует оливковое («деревянное») масло (оставались старые запасы?). В осенних «рописях» закупки масла фигурируют, причем оно стоило несколько дешевле летних ожиданий: восемь с половиной окка за 1 левок 28 пара, шесть окка и 350 драм за 1 левок 17 пара⁶⁸.

Помимо этого, ежедневно покупали, естественно, хлеб и время от времени муку (10 окка за 23 пара) и соль (10 окка за 13 пара)⁶⁹. Ассортимент товаров этим не исчерпывался, но прочие покупки были единичными.

Расходы миссии, впрочем, не ограничивались закупками продовольствия. Для кухни нужно было топливо, и периодически приходилось покупать уголь и дрова. Тут счет шел на возы (стандартная цена — 25 пара за воз угля), хотя один раз приводится точный вес товара: «пять телег угля весом 452 окка», что обошлось в 4 левка 20 пара⁷⁰. То есть за один пара можно было купить два с половиной окка древесного угля, а в арбу насыпали чуть менее 100 кг груза.

Постоянно приходилось нести транспортные расходы — плату носильщикам, лодочникам. Причем цена за проезд в шлюпке по одному и тому же маршруту могла в разные дни заметно колебаться.

Из непродовольственных товаров самым частотным были свечи. Их покупали килограммами один раз в несколько дней. 1 октября была осуществлена закупка свечей в объеме 258 окка. Цена могла колебаться на порядок в зависимости, конечно, от размеров свечи — от одного-двух до 11-12 пара за окка⁷¹. Изредка покупали перья (как уже говорилось, 25 перьев стоили 10 пара), песок, бумагу для канцелярских нужд. Десть бумаги (т.е., видимо, большой лист *in folio*) стоила восемь пара⁷². Были разовые траты — например, замена лошадиной подковы (20 пара)⁷³. Любопытная статья расхода встречается 2 ноября: «червонец неполновесной, 5 пара»⁷⁴. Т.е. кто-то всучил сотрудникам миссии неполноценную

⁶⁵ Там же. Л. 292.

⁶⁶ Там же. Л. 263, 291 об., 292.

⁶⁷ Там же. Л. 269, 293 об.

⁶⁸ Там же. Л. 280, 291 об.

⁶⁹ Там же. Л. 280 об., 291, 292 об.

⁷⁰ Там же. Л. 267 об., 291 об.

⁷¹ Там же. Л. 263, 266 об., 280, 291 об.

⁷² Там же. Л. 291 об.

⁷³ Там же. Л. 265 об.

⁷⁴ Там же. Л. 292 об.

монету, что привело к убытку в 5 пара. Малая репрезентативность выборки не позволяет судить, сколь часто в обороте попадались фальшивые монеты.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Кончина в июле 1745 г. резидента Алексея Вешнякова и страх его помощников перед материальной ответственностью дали в руки историков уникальный материал о казенном имуществе российской миссии в Константинополе и ее повседневной жизни, прежде всего расходах на питание сотрудников.

Среди прочего обращает на себя внимание недостаточное финансирование дипломатического представительства — поношенные камзолы, ломаная мебель, драные скатерти и хроническая невыплата жалования низкоранговым сотрудникам, а также пустая казна, вынуждавшая резидента и его преемников влезать в долги. Дальнейшие архивные изыскания — уже в материалах непосредственно петербургской КИД, — возможно, позволят пролить свет на то, выделялись ли в принципе положенные миссии деньги, а если выделялись, то на каком этапе разворачивались.

Мы имеем относительно подробную информацию о лицах, живших при миссии. Из этих 42 человек примерно треть составляли члены семьи, домочадцы, слуги, приживалки самого резидента. Из собственно персонала миссии почти половина относилась к категории «переводческих дел учеников», сильно различавшихся по возрасту, статусу и роли в дипломатической работе.

«Росписи» ежедневных расходов конца лета — осени 1745 г. дают возможность также составить представление о кулинарной культуре русской колонии в Стамбуле и, шире, о состоянии продовольственного рынка османской столицы, покупательной способности денег, доступности тех или иных продуктов. Как правило, это достаточно редкая информация. Если для сравнения обратиться к арабо-османским летописям, создававшимся в Сирии в это же время, то там можно встретить только сведения о ценах на товары первой необходимости, как пшеница, и то лишь в голодные годы. Летописцы считали нужным зафиксировать пугающие скачки цен, но не так просто понять, какова должна была быть нормальность с точки зрения обывателя стоимости пшеницы. Авторы источников, как уже говорилось, не считали нужным писать о всех известных подробностях повседневной жизни — их можно найти только у иностранных наблюдателей.

Тема культуры повседневности является очень востребованной в современной науке, а архивные материалы российской миссии в Стамбуле хранят массу не введенной в научный оборот информации, затрагивающей самые разные стороны повседневной жизни османского и российского обществ XVIII столетия.

Библиография

Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. Документы и материалы // сост., пер. и комм. А.С. Тверитиновой. М., 1963.

Кириллина С.А. «Очарованные странники». Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010.

Мейер М.С. О состоянии денежной системы Османской империи (по донесениям А.А. Вешнякова) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2 / под ред. В.В. Волгина. М., 1994. С. 248–261.

Панченко К.А. Геополитика Алексея Вешнякова: мысли российского резидента в Стамбуле 1740-х гг. // Исторический вестник. 2019. Т. 30. С. 186–207. DOI: 10.35549/HR.2020.81.87.008

Панченко К.А. Иерусалимский патриарх Парфений (1737–1766 г.) и Россия. Непонятый союзник // Панченко К.А. Православные арабы: путь через века. М., 2013. С. 406–423.

Панченко К.А. «Приятель наш мулла». Русская разведка в Османской империи в середине XVIII века // Родина. 2011. № 12. С. 73–77.

Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив. 1863. Вып. 2. Стб. 113–159.

References

Agrarnyi stroi Osmanskoi imperii XV–XVII vv. Dokumenty i materialy [The Agricultural System of the Ottoman Empire in the 15th and 17th cc. Documents and Materials] / sost., per. i komm. A.S. Tveritinovoi. Moskva, 1963. (In Russ.)

Kirillina S.A. “Ocharovannye stranniki”. Arabo-osmanskii mir glazami rossiiskikh palomnikov XVI–XVIII stoletii [“Charmed Travelers”. The Arab-Ottoman World in the Eyes of Russian Pilgrims of the 16th–18th Centuries]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Meyer M.S. O sostoyanii denezhnoi sistemy Osmanskoi imperii (po doneseniim A.A. Veshniakova) [The monetary system of the Ottoman Empire (according to reports of A.A. Veshn’akov)] // Vostochnoe istoricheskoe istochnikovedenie [The Studies of Oriental Historical Sources]. Vyp. 2 / pod red. V.V. Volgina. Moskva, 1994. S. 248–261. (In Russ.)

Panchenko K.A. Geopolitika Alekseia Veshniakova: mysli rossiiskogo rezidenta v Stambule 1740-kh gg. [Alexey Veshnyakov’s Geopolitics: Thoughts of a Russian Resident in Istanbul in 1740s] // Istoricheskii vestnik [The Historical Reporter]. 2019. T. 30. S. 186–207. DOI: 10.35549/HR.2020.81.87.008 (In Russ.)

Panchenko K.A. Ierusalimskii patriarkh Parfenii (1737–1766 g.) i Rossiia. Neponiatyi soizuznik [Patriarch of Jerusalem Parthenios (1737–1766) and Russia: The Neglected Ally] // Panchenko K.A. Pravoslavnye araby: put’ cherez veka [The Orthodox Arabs: The Way Through Centuries]. Moskva, 2013. S. 406–423. (In Russ.)

Panchenko K.A. “Priiatel’ nash mulla”. Russkaia razvedka v Osmanskoi imperii v seredine XVIII veka [“Our Friend the Mullah”. Russian Intelligence in the Ottoman Empire in the mid-18th Century] // Rodina [Motherland]. 2011. № 12. S. 73–77. (In Russ.)

Puteshestvie v Sviatuiu zemliu sviashchennika Luk’ianova [Pilgrimage to the Holy Land of priest Ioann Lukyanov] // Russkii arkhiv [The Russian Archive]. 1863. Vyp. 2. Stb. 114–159. (In Russ.)

© 2024 г. С.Я. КАРП

ЭДМУНД БЁРК, ЕГО ЧИТАТЕЛИ И ПОЧИТАТЕЛИ В РОССИИ XVIII века. Часть первая

Карп Сергей Яковлевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: s.karp@mail.ru

Scopus Author ID: 56962711200; ORCID: 0000-0001-8869-012X

Аннотация. Интерес к наследию Эдмунда Бёрка (1730–1797), знаменитого британского оратора, политика, философа и публициста, на протяжении длительного периода времени не являлся предметом специальных исследований в отечественной науке. Причины подобного положения вещей очевидны: красноречивые нападки Бёрка на Французскую революцию, а также его приверженность «английским свободам», парламентской форме правления и конституционной монархии делали его неприемлемой фигурой как для «освободительного», так и для «охранительного» направлений российской общественной мысли. Настоящая статья призвана хотя бы отчасти восполнить данный пробел. Основными целями исследования являются обобщение и анализ фактов, свидетельствующих об оценках личности и наиболее известных сочинений Бёрка («Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» и «Размышления о революции во Франции») его российскими современниками.

Ключевые слова: Эдмунд Бёрк, Россия, русско-британские связи XVIII в., Французская революция.

S.Ya. Karp

Edmund Burke, His Readers and Admirers in 18th Century Russia. Part One

Sergey Karp, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: s.karp@mail.ru

Scopus Author ID: 56962711200; ORCID: 0000-0001-8869-012X

Abstract. The interest in the legacy of Edmund Burke (1730–1797), the celebrated British orator, statesman, philosopher, and publicist, has remained largely outside the scope of specialised research in Russia. It is evident that Burke's incisive critiques of the French Revolution, coupled with his staunch advocacy for English liberties, parliamentary democracy, and constitutional monarchy, rendered him a controversial figure within both the "liberating" and "conservative" schools of Russian social thought. The objective of this article is to address the existing gap in the literature by collating, elucidating, and analysing the facts that bear testimony to the perception of Burke's personality and major writings, specifically "A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful" (1757) and "Reflections on the Revolution in France" (1790), by his Russian contemporaries.

Keywords: Edmund Burke, Russia, eighteenth century Russian-British relations, French Revolution.

В 2017 г. лондонское издательство Bloomsbury выпустило обширный коллективный труд, посвященный восприятию идей и деятельности Эдмунда Бёрка в различных странах Европы в XVIII–XIX вв.¹ Раздел о России в нем отсутствует, но не по той причине, что в рассматриваемый период в нашей стране Э. Бёрком не интересовались, а вследствие того, что рецепция наследия этого знаменитого британского оратора, политика, философа и публициста на протяжении длительного времени не являлась предметом специальных исследований. Причины подобного положения вещей очевидны. Громы и молнии, обрушенные автором «Размышлений о революции во Франции» (1790) на головы якобинцев, и в то же время его приверженность «английским свободам», парламентской форме правления и конституционной монархии делали Бёрка фигурой неприемлемой как для «освободительного», так и для «охранительного» направлений российской общественной мысли в XIX – начале XX в. Особая враждебность, с которой отзывался о британском мыслителе Карл Маркс на страницах «Капитала»², а также подчеркнутый пиетет по отношению к Великой французской революции со стороны официальных властей препятствовали изучению сочинений Бёрка и откликов на них в советский период.

В конце 1980-х годов, накануне 200-летнего юбилея Французской революции, автор настоящего исследования попытался восполнить данный пробел. К более детальному изучению указанной темы он вернулся совсем недавно в связи с подготовкой первого полного издания «Размышлений о революции во Франции» на русском языке, вышедшего в серии «Литературные памятники»³. В представленной вниманию читателя статье предпринимается попытка уточнить, обобщить и проанализировать факты, свидетельствующие о восприятии личности и сочинений Бёрка его российскими современниками.

Первым из таких сочинений стало «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного»⁴, имевшее мало общего с политикой. Оно обстоятельно изучено западными и отечественными специалистами, определившими оригинальный характер этого труда и установившими его влияние на эстетику Дидро, Лессинга, Гердера, Канта⁵. Сформированные Бёрком общие представления о прямой зависимости «возвышенного» от «ужасного», а способности суждения от воображения придали мощный импульс развитию европейской эстетики XVIII в., готического романа, «Озерной школы» поэзии⁶. «Философское исследование» было напечатано в 1757 г. анонимно, по заказу лондонского книготорговца и литератора Роберта Додсли, а также его брата и делового партнера Джеймса. В 1759 г. этот трактат был переиздан с новым авторским предисловием («О вкусе»). Имя Бёрка вскоре сделалось известным, его сочинение было переведено на французский

¹ The Reception of Edmund Burke in Europe / eds M. Fitzpatrick, P. Jones. London, 2017.

² Признавая талант Бёрка, Маркс тем не менее именовал его «разносчиком гнусного политического лицемерия», «софистом» и «сикофантом», который, «находясь на содержании английской олигархии, разыгрывал роль романтика по отношению к Французской революции». См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: в 3-х т. Т. I. Кн. I / пер. И. И. Степанова-Скворцова. М., 1952. С. 763–764, прим. 248.

³ Карп С.Я. «Размышления о революции во Франции» Эдмунда Бёрка (русские отклики 90-х годов XVIII века) // Книга в России в эпоху Просвещения. Сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Зайцева. Л., 1988. С. 79–95; *Его же*. «По плодам их узнаете их»: Эдмунд Бёрк и его «Размышления о революции во Франции» // Бёрк Э. Размышления о революции во Франции / изд. подг. С.Я. Карп. М., 2023. С. 291–293, 313–324.

⁴ См.: Burke E. A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful. London: printed for R. and J. Dodsley, in Pall-mall, 1757; русский перевод: Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / общ. ред., вступ. ст. и комм. Б.В. Мееровского, пер. с англ. Е.С. Лагутиной. М., 1979.

⁵ См.: May G. Diderot and Burke: A Study in Aesthetic Affinity // Publications of the Modern Language Association. 1960. Vol. 75. № 5. P. 527–539; Мееровский Б.В. Эдмунд Бёрк как эстетик // Бёрк Э. Философское исследование... С. 25–26, 36–37; Подорога В.А. Возвышенное. После падения. Краткая история общего чувства. М., 2022. С. 22–41.

⁶ См., например: Cobban A. Edmund Burke and the Revolt Against the Eighteenth Century. A Study of the Political and Social Thinking of Burke, Wordsworth, Coleridge and Southey. London, 1929; Вацура В.Э. Готический роман в России. М., 2002. С. 25, 107, 124.

(1765) и немецкий (1773) языки и привлекло внимание многих просвещенных читателей⁷. Российский посланник при Версальском дворе князь Д.А. Голицын, регулярно информировавший вице-канцлера князя А.М. Голицына о событиях политической и культурной жизни Франции, считал нужным сообщить ему о выходе французского перевода сочинения Бёрка, попутно отметив сильные и слабые стороны трактата:

Paris, ce. 3. fevrier 1765⁸

Mon Prince,

Depuis la traduction des œuvres de Mr Hume, qui ont eu un succès aussi brillant ici, on aime beaucoup a traduire de l'Anglois. Les Recherches Philosophiques sur l'origine des idées que nous avons du Beau et du Sublime, par Mr Burke, viennent de l'être par l'Abbé Des François en 2 vol. in-12. L'auteur de ces recherches examine dans la premiere partie de son ouvrage la nature de nos sentimens, et dans les quatre autres, quels sont les objets qui produisent en nous les affections du Sublime et du Beau. Il prouve que le Sublime est toujours l'effet d'une impression vive d'étonnement ou de terreur. Tout ce qui presente aux hommes l'idée de grandeur, d'infini, d'immensité, de pouvoir, de danger, voila le genre de Sublime. L'idée du danger est surtout celle qui produit l'effet le plus prompt et le plus sure. Le bœuf par exemple, est un animal très robuste, mais peu dangereux, aussi l'idée d'un bœuf ne produit elle en nous aucune sensation qui tienne au Sublime. Mais a l'aspect de ce Taureau que Virgile nous represente remplissant les Vallons de ses mugissemens, frappant du pied la plaine, faisant voler la poussiere, aiguissant ses cornes contre les arbres et pretendant au combat qu'il va livrer à son terrible adversaire, pouvons nous nous defendre d'une emotion forte et profonde. En cet endroit, l'Auteur revele un de grands secrets de la Poësie. Ce secret a été connu principalement des anciens. Il consiste a accumuler les images vagues, incertaines et par là d'autant plus propres à faire naître dans l'ame l'étonnement et l'effroi qu'elles attachent⁹ à des objets sur les quels elle ne peut pas se reposer. Virgile veut il nous dévoiler les secrets de l'Enfer, saisi de l'horreur qui inspire ce tenebreux sejour, il ne place autour de nous que le vuide, les tenebres, les ombres, les manes, le silence, la solitude. Il y a des choses qu'on ne peut definir que negativement, il en est d'autres qu'on ne peut peindre que par des privations, et le vuide. Il semble que la nature ait voulu humilier notre imagination comme notre jugement¹⁰; Ensuite l'auteur considere le Beau comme distingué du Sublime. Cette partie paroît fort inferieure a la premiere. Le resultat de ses principes est moins utile, et moins philosophique. D'ailleurs il avance plusieurs paradoxes assez bizarres. Il pretend par exemple, que l'idée de beauté ne s'allie guere avec celle de grandeur, parcequ'on ne dit pas une grande belle chose, et qu'on vit une grande laide. La proportion, la convenance, la perfection ne sont pas, selon lui, la cause de la beauté il la fait consister dans l'uni ou le poli et dans une variation graduelle¹¹. Il pretend que les personnes qui se sont trouvées dans des voitures aisées, tirées avec rapidité sur un gazon inegal, dont les hauts et les bas se succedent d'une maniere doucement graduée, doivent avoir l'idée la plus juste du beau. Je crois qu'on ne peut donner une meilleure, et que puiser l'idée du beau dans le mouvement d'une voiture, c'est un peu ressembler à ce Philosophe qui tiroit d'une figure geometrique sa principale preuve de l'existence de Dieu. ...¹²

⁷ Так, 1 марта 1765 г. Фридрих Мельхиор Гримм оставил в своей «Литературной корреспонденции» отклик на выход французского перевода сочинения Бёрка: он отметил глубину и новизну идей трактата, упомянув, что тот пользуется в Англии немалым успехом, несмотря на ряд содержащихся в нем сомнительных парадоксов. См.: *Grimm F.M. Correspondance littéraire*. T. XII: 1765 / éd. S.G. Gavoty. Ferney-Voltaire, 2020. P. 127.

⁸ В оригинале письма рядом с датой сделана следующая пометка: «Получено 24 февраля»; в самом низу листа: «à M^r le P^e de Gallitzin Vice-chancelier./»

⁹ «S'attachent» исправлено на «attachent».

¹⁰ Из текста вычеркнуто «et nous faire sortir».

¹¹ Подчеркнуто в оригинале.

¹² Российский государственный архив древних актов. Ф. 1263 (Голицыны). Оп. 1. Д. 1113. Л. 26–27 об., автограф.

Перевод¹³

Париж, 3 февраля 1765 г.

Мой князь,

Со времени перевода сочинений г-на Юма, также имевших здесь блестящий успех, французы увлеклись переводами с английского. Только что вышли «Философские исследования о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» г-на Бёрка в переводе аббата Де Франсуа¹⁴ в двух томах in-12¹⁵. В первой части своего труда автор этих исследований изучает природу наших чувств, а в четырех других — те предметы, кои порождают в нас аффекты возвышенного и прекрасного. Он доказывает, что возвышенное всегда является результатом сильного впечатления, вызванного изумлением или страхом. Все, что вызывает в людях мысль о величии, безграничности, громадности, мощи, опасности, относится к категории возвышенного. Подобный эффект быстрее и вернее всего производит мысль об опасности. Например, вол — животное, обладающее большой силой, но не слишком опасное, поэтому мы и не видим в нем ничего возвышенного. Однако можем ли мы при виде описываемого Вергилием быка, который ревом своим заполняет долины, топчет землю и пыль подымает, точит рога о деревья, к битве готовясь с ужасным врагом¹⁶, не испытывать сильного и глубокого волнения? Здесь автор раскрывает одну из великих тайн поэзии. Тайна эта была известна главным образом древним. Она заключается в нарочном употреблении расплывчатых и неясных образов, особенно подходящих для того, чтобы вызвать в душе смятение и страх в связи с предметами, которые не могут ее не волновать. Пожелав раскрыть нам тайны преисподней, Вергилий, охваченный ужасом, который внушает это мрачное место, окружает нас лишь пустотой, тьмой, тенями, манами, безмолвием, одиночеством¹⁷. Есть вещи, определить которые можно только через отрицание; есть и другие, описать которые можно лишь через утрату и пустоту. Похоже, природа пожелала унижить наше воображение, как и нашу способность суждения. Далее автор рассматривает прекрасное как нечто отличное от возвышенного. Эта часть, кажется, сильно уступает первой. Итог, к которому подводят излагаемые в ней принципы, менее полезен и менее философичен. К тому же автор приводит несколько довольно странных парадоксов. Так, он заявляет, что большой размер предмета плохо сочетается с представлением о красоте, поскольку никто не говорит об «огромной красивой вещи», зато встречается выражение «огромная безобразная вещь». Пропорциональность, соответствие, совершенство не являются, по его мнению, причинами красоты, каковую он обнаруживает в гладкой или полированной поверхности и в постепенном разнообразии. Он утверждает, что лица, которые находятся в удобных экипажах, быстро движущихся по ровной и мягкой поверхности с пологими подъемами и спусками, должны иметь самое наглядное представление о прекрасном. Полагаю, этим все сказано: черпать представление о прекрасном из движения экипажа — значит в чем-то походить на того философа, который выводит из геометрической фигуры главное доказательство Божьего бытия...

¹³ Здесь и далее иноязычные тексты сопровождаются нашими переводами.

¹⁴ Имеется в виду аббат Луи Антуан Де Франсуа (1728 — ок. 1800).

¹⁵ См.: *Burke E. Recherches philosophiques que nous avons du Beau & du Sublime, précédées d'une dissertation "Sur le goût"*: En 2 vol. / Traduites de l'anglois de M. Burke par l'Abbé D... F..... A Londres et se vend à Paris, chez Hochereau, quai de Conti, vis-à-vis les Marches du Pont-neuf, au Phénix. Paris, 1765.

¹⁶ См.: *Вергилий*. Георгики. Книга III. Ст. 233—234.

¹⁷ См.: *Вергилий*. Энеида. Книга VI.

Эти рассуждения любопытны не только потому, что они подтверждают широкий интерес к трактату Бёрка, но и потому, что принадлежат одному из наиболее тонких знатоков теории и истории искусства в России в XVIII в.¹⁸

«Философское исследование» стало единственным сочинением Бёрка, опубликованным на территории Российской империи. Впервые оно было выпущено в Риге в переводе Кристиана Гарве (1742–1798) на немецкий язык издателем и книготорговцем Иоганном Фридрихом Гарткнохом¹⁹. К этой публикации имели отношение такие выдающиеся мыслители, как Гердер и Лессинг. Известно, что они намеревались комментировать текст Бёрка. При этом Гердер состоял в переписке с Гарткнохом и сообщал ему пожелания Лессинга²⁰.

Вероятно, одним из первых россиян, прочитавших «Философское исследование» в оригинале, стал князь Павел Михайлович Дашков (1763–1807), сын известной княгини Екатерины Романовны Дашковой (1743–1810), урожденной графини Воронцовой. В 1770 г. княгиня привезла семилетнего сына в Лондон, собираясь отдать его на обучение в престижную школу. Однако вскоре ее планы изменились. В ноябре того же года Дашковы отбыли на континент и вернулись в Британию лишь спустя шесть лет. Сведения об их пребывании там были собраны крупным специалистом по истории русско-английских связей в XVIII в. Энтони Кроссом, опиравшемся не только на мемуары Дашковой, но и на менее известные источники, в том числе архивные²¹. С начала 1777 г. Павел Дашков посещал занятия в Эдинбургском университете. В конце марта 1779 г. князь выдержал испытания, предусмотренные уставом этого университета для кандидатов на степень *Magister artium*, каковая была присвоена ему в начале апреля²². Его выпускная работа «Философское рассуждение о трагедии», написанная в соответствии с правилами того времени на латыни, была опубликована университетом на 27 страницах (с учетом титульных элементов, посвящения графу Панину и приложения)²³. Как выяснила Г.И. Смагина²⁴, это сочинение князя было переведено на русский язык и опубликовано под названием «Разсуждение о печальном лицедейственном представлении» весной 1794 г. в «Новых ежемесячных сочинениях» —

¹⁸ Подробнее см., например: *Мозговая Е.Б.* Сочинения Д.А. Голицына по вопросам изобразительного искусства // Знаточество, коллекционирование, меценатство / сост. и науч. ред. Н.С. Кутейникова. СПб., 1992. С. 11–19; *Шарнова Е.Б.* О создании языка истории искусства в России: «Описание знаменитых произведенийми школ и вышедших из оных художников и проч.» князя Д.А. Голицына // Век Просвещения. Вып. V. География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью / отв. ред. С.Я. Карп. М., 2015. С. 337–360; *Сечин А.Г.* Истоки и смысл термина «пристойность» в сочинениях князя Д.А. Голицына об изобразительных искусствах // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2022. Т. 12. Вып. 4. С. 682–707.

¹⁹ См.: *Burkes philosophische Untersuchungen über den Ursprung unsrer Begriffe vom Erhabnen und Schönen.* Nach der fünften englischen Ausgabe. Riga: Johann Friedrich Hartknoch, 1773.

²⁰ *Gaim P.* Гердер, его жизнь и сочинения: в 2 т. Т. 1 / пер. с нем. В.Н. Неведомского. СПб., 2011. С. 487.

²¹ *Cross A.G.* “By the Banks of the Thames”: Russians in Eighteenth Century Britain. Newtonville, 1980. P. 235–240 (см.: *Кросс Э.Г.* У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в. / пер. Н.Л. Лужецкой. СПб., 1996. С. 151–155); *Idem.* “A Red Hot English Woman”: Princess Dashkova’s Love Affair with Britain // *The Princess & the Patriot* / ed. S.A. Prince. Philadelphia, 2006. P. 89–96; *Кросс Э.Г.* Поездки княгини Е.Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776–1780 гг.) и ее «Небольшое путешествие в Горную Шотландию» (1777) // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С. 223–238; *Его же.* Павел Дашков: новые и малоизвестные британские страницы биографии // Е.Р. Дашкова: портрет в контексте истории / отв. ред. Л.В. Тычинина. М., 2004. С. 20–34.

²² *Кросс Э.Г.* Поездки княгини Е.Р. Дашковой... С. 233.

²³ *Dashkov P.* Dissertatio philosophica inauguralis: de Tragoedia. Quam, Favente Numine, Ex Auctoritate reverendi admodum viri, Gulielmi Robertson, S. S. T.P. Academiae Edinensis praefecti: Nec non Amplissimi Senatus Academici consensu, Et Nobilissimae Facultatis Artium decreto, ad gradum magisti in artibus liberalibus rite et legitime capessendum, in auditorio publico, viii. Id. April. Hora Meridiana, Professorum Examini subjecit Paulus Daschkovia princeps, Auct. et Resp. Edinburgi: Excudebant Balfour et Smellie, Academiae Typographi, 1779.

²⁴ См.: *Смагина Г.И.* Княгиня Екатерина Романовна Дашкова: штрихи к портрету // Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы / сост., вступ. ст., прим. Г.И. Смагиной. СПб., 2001. С. 30–31.

журнале, издававшемся в Санкт-Петербурге Императорской Академией наук²⁵. Оценивая эту публикацию, Э. Кросс в 2004 г. предположил, что она стала «первым упоминанием о Бёрке в российской прессе»²⁶.

В своей работе Дашков обращается к идеям Бёрка, вкратце изложив перед этим взгляды других «любомудрых мужей» — Жана-Батиста Дюбо, Бернара де Фонтенеля, Дэвида Юма и Джорджа Кэмпбелла — на природу того удовольствия, которое человек получает от «представления печального действия». Он сравнил это чувство с переживанием бед и тягот, с которыми приходится встречаться в реальной жизни, попытавшись объяснить разницу в их воздействии на людей. Называя Бёрка «scriptor pulcherrimus simul ac sagacissimus» («изящнейшим и при том и проницательнейшим писателем»)²⁷, Дашков ссылается на его «Философское исследование». При этом он уделяет изложению идей Бёрка менее страницы и упоминает лишь один из его ключевых парадоксов: «наибольшее удовольствие» должно проистекать не только из «соболезнования» (сострадания к страждущему), но и из страха²⁸.

Э. Кросс также установил, что уже летом 1780 г., через год после издания «Dissertatio philosophica inauguralis: de Tragoedia», состоялось личное знакомство Дашковых с Бёрком в его имении Грегорис в Биконсфилде (графство Бакингемшир)²⁹. Сведения об этом британский исследователь почерпнул из недатированного письма Е.Р. Дашковой, отправленного Бёрку перед ее отъездом из Англии; из письма П.М. Дашкова Бёрку, написанного в Бате 19 сентября 1780 г.; а также из письма самого Бёрка российскому посланнику в Лондоне (с 1784 г.) графу С.Р. Воронцову, родному брату Е.Р. Дашковой, от 10 января 1792 г. О содержании первых двух документов, хранящихся в Шеффилдском городском архиве³⁰ и до сих пор не изданных, мы можем судить лишь по пересказу Э. Кросса и приводимым им цитатам (главным образом в русском переводе). Третье письмо — один из двух автографов Бёрка, впервые публикуемых в приложении к этой статье³¹; к нему мы еще вернемся.

Е.Р. Дашкова в своем письме относит Бёрка к числу тех людей, что «делают честь человеческому роду»³². Ее сын, также воздавая ему хвалу, обнаруживает знакомство и с текущими обстоятельствами политической карьеры Бёрка, а именно — с постигшей его в сентябре 1780 г. неудачей при попытке добиться переизбрания в Палату общин от Бристоля³³:

«Родиться, как Вы, в свободной стране, быть, как Вы, членом Сената свободного государства, быть похожим на Вас, обладать такими же качествами, было бы моим самым сокровенным желанием; обладание таким же характером, как у Вас, должно быть естественным желанием всякого человека. И огромным несчастьем этой страны, и свидетельством ее морального разложения является то, что она по собственному желанию отказалась от полезных услуг такого талантливой и глубокоуважаемого человека»³⁴.

²⁵ Дашков П.М. Разсуждение о печальном лицедейственном представлении // Новые ежемесячные сочинения. 1794. Апрель. Ч. 94. С. 18—28; Май. Ч. 95. С. 6—14. Как свидетельствует заключительное примечание (см. С. 14), перевод с латыни был выполнен воспитанниками Академии. Ко времени появления этой публикации П.М. Дашков успел принять участие в Русско-турецкой войне 1787—1791 гг., стать генерал-майором (1790), и, вероятно, мог судить на собственном опыте, чем отличаются чувства, испытываемые при созерцании страданий в реальной жизни, от того впечатления, которое производит их представление на театральных подмостках.

²⁶ Кросс Э. Павел Дашков... С. 28. Из этого предположения следует, что исследователь не был знаком с нашей статьей 1988 г. См.: Карп С.Я. «Размышления о революции во Франции» Эдмунда Бёрка.

²⁷ Dissertatio philosophica inauguralis... Р. 17; Дашков П.М. Разсуждение о печальном лицедейственном представлении // Новые ежемесячные сочинения. 1794. Май. Ч. 95. С. 10.

²⁸ Дашков П.М. Указ. соч. Май. Ч. 95. С. 10.

²⁹ Кросс Э. Павел Дашков... С. 29.

³⁰ Sheffield City Archives. Wentworth Woodhouse Muniments, WWM Bki/1401; Bki/1361.

³¹ См. это приложение во второй части настоящей статьи, которая будет опубликована в следующем номере нашего журнала.

³² Cross A. "A Red Hot English Woman"... Р. 93.

³³ 9 сентября 1780 г. Бёрк был вынужден снять свою кандидатуру. См.: Lock F.P. Edmund Burke: in 2 vol. Oxford, 2008. Vol. I. P. 476.

³⁴ Цит. по: Кросс Э. Павел Дашков... С. 29 (с изменениями).

Впрочем, благодаря влиянию лидера вигов Чарльза Уотсона-Уэнтурта, 2-го маркиза Рокингема (1730—1782), Бёрк получил место депутата от Малтона (графство Йоркшир) и продолжил свою работу в Палате общин, играя важную роль в парламентских дебатах. К началу 1780-х годов Бёрк уже обладал репутацией одного из самых значительных государственных деятелей Европы. В 1783 г. в Берлине было издано сочинение популярного писателя Карла Филиппа Морица (1757—1793) «Путешествие немца по Англии в 1782 году»³⁵, впоследствии оказавшее немалое влияние на Н.М. Карамзина³⁶. В 1795 г. эта книга вышла в Москве в русском анонимном переводе под названием «Картина нынешнего естественного и политического состояния Англии»³⁷. В разделе «Парламент», после характеристики одного из лидеров левого крыла партии вигов Чарльза Джеймса Фокса, К.Ф. Мориц отмечает: «Бурке, рослый человек, собою тонок и кажется уже в летах»³⁸. Далее следует описание выступления Бёрка:

«Встал Бурке и говорил в весьма хороших выражениях в похвалу умершего маркиза Рокингема. Но, заметив, что многие его не слушали, а шумели и роптали вокруг него, он сказал с великим негодованием и чувством оскорбленного достоинства: “Это не есть хороший поступок для столь почтенного члена парламента, каковым я являюсь; я хочу, чтобы меня слушали!” После чего тотчас последовало всеобщее молчание»³⁹.

Об исключительном ораторском таланте Бёрка, его умении захватывать внимание слушателей упоминает и А.Н. Радищев в «Слове о Ломоносове» (он работал над этим текстом в 1780—1788 гг. и включил его в последнюю главу «Путешествия из Петербурга в Москву»):

«Человек, рожденный с нежными чувствами, одаренный сильным воображением, побуждаемый любовью к истине, исторгается из среды народных. Восходит на лобное место. Все взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его произречения. Его же ожидает плескание рук или посмеяние, горшее самой смерти. Как можно быть ему посредственным? Таков был Демосфен, таков был Цицерон; таков был Пит; таковы ныне Бурк, Фокс, Мирабо и другие. Правила их речи почерпаемы в обстоятельствах, сладость изречения — в их чувствах, сила доводов — в их остроумии»⁴⁰.

Как известно, «Путешествие из Петербурга в Москву», содержащее резкую критику крепостничества, было издано в Санкт-Петербурге в мае 1790 г. Его тираж был почти целиком уничтожен, а автор сослан в Сибирь и более века спустя назван В.И. Лениным первым в ряду русских революционеров⁴¹. Между тем 1 ноября 1790 г. в Лондоне у Джеймса Додсли вышел анонсированный еще в феврале⁴² памфлет Бёрка «Размышления о революции во Франции». Этому произведению была суждена совсем иная слава. В том же году оно стало бестселлером. Уже в первую неделю ноября было продано 7 тыс. экземпляров книги, к середине месяца ее тираж достиг 13 тыс., а к концу 1790 г. — 17,5 тыс. копий, цифры по тому времени колоссальной.

³⁵ Moriz C.Ph. Reisen eines Deutschen in England im Jahr 1782. In Briefen an Herrn Direktor Gedike. Berlin, 1783.

³⁶ См., например: Алтамова Т.А. Н.М. Карамзин и К.Ф. Мориц // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 2. С. 65—74.

³⁷ Мориц К.Ф. Картина нынешнего естественного и политического состояния Англии / пер. с нем. [М.М.]. М., 1795. Спустя менее 10 лет вышел в свет новый перевод сочинения К.Ф. Морица. См.: Путешествие г-на Морица по Англии. В письмах. Ч. 1—2 / пер. с нем. М., 1804.

³⁸ Мориц К.Ф. Указ. соч. С. 74.

³⁹ Там же. С. 348—349.

⁴⁰ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения / общ. ред. и вступ. ст. И.Я. Шипанова. М., 1952. С. 209. Сравнение Бёрка с Демосфеном и Цицероном встречается также и у других авторов. Например, С.Р. Воронцов писал в октябре 1817 г. из Лондона Ф.В. Ростопчину, что надеется увидеть его в Париже и услышать речи выдающихся французских ораторов — «Цицеронов, Демосфенов, Бёрков и Питтов великой нации». См.: Архив князя Воронцова: в 40 кн. / [под ред. П.И. Бартечева]. Кн. VIII. М., 1876. С. 533.

⁴¹ В статье «О национальной гордости великороссов» (1914).

⁴² Lock F.P. Op. cit. Vol. II. P. 332.

В конце ноября 1790 г. в газете «Санктпетербургские ведомости» были размещены сообщения из Лондона от 29 октября. Среди прочих новостей можно было найти сведения о предстоящем выходе «Размышлений о революции во Франции»: «Известный г-н Калон издал описание настоящего и будущего состояния Франции... Он представляет последовавшую в Отечестве его перемену в весьма ненавистном виде. Другого подобного сему сочинения ожидаем мы на будущей неделе от г-на Бурка»⁴³.

Спустя несколько дней та же газета со ссылкой на известия из Лондона от 5 ноября сообщила: «Сочинение г-на Бурка о последовавшей во Франции перемене вступило уже в продажу. Некоторые думают, что он вскоре удалится от общества противников Министерства совершенно»⁴⁴. Таким образом, «Санктпетербургские ведомости» отметили враждебное отношение Бёрка к Французской революции и связанную с этим опасность раскола внутри партии вигов.

В ноябре 1790 г. «Политический журнал» сообщил о выходе сочинения Бёрка, «понагравшего голову начальникам переворота» во Франции и показавшего «недостатки нынешнего народного французского правительства совершенно методически»⁴⁵.

Примерно через полгода «Санктпетербургские ведомости», наряду с объявлениями о розыске сбежавшей бурой коровы, о продаже домов, лошадей, овса и «девки, по-немецки читать и писать разумеющей», опубликовали небольшой рекламный анонс: «У Клостермана в продажу следующая новая книга: *Reflexions sur la Revolution de France et sur les Procédés de certains sociétés à Londres relatifs à cet événement* par M. Edmund Bourke, traduit de l'Anglais, grand Vol: in 8. broché 536 pages à 3 rouble»⁴⁶.

Действительно, еще при жизни Бёрка его памфлет получил распространение в России в англо- и немецкоязычной версиях, но прежде всего – во французском переводе Гаэтана Пьера Мари Дюпона (1762–1817), вышедшем в свет уже 29 ноября 1790 г.⁴⁷ В крупнейших библиотеках на территории бывшей Российской империи хранятся отдельные экземпляры этого издания, происходящие из Императорской Эрмитажной иностранной библиотеки (Российская национальная библиотека, РНБ), собраний Голицыных (Государственная публичная историческая библиотека, ГПИБ), Воронцовых (Научная библиотека Одесского национального университета им. И.И. Мечникова), Шереметевых (Институт научной информации по общественным наукам РАН) и других коллекций. Некоторые из этих книг содержат читательские пометы, еще не ставшие предметом исследования специалистов.

Сохранились свидетельства, позволяющие судить о реакции «августейших» читателей на «Размышления о революции во Франции». Уильям Факнер (1747–1811), британский посланник, прибывший в Россию со специальной миссией в связи с русско-турецкими переговорами 1791 г., по возвращении на родину писал Бёрку (корреспонденция от 5 октября того же года):

⁴³ Санктпетербургские ведомости. 22.XI.1790. № 94. С. 1522.

⁴⁴ Санктпетербургские ведомости. 29.XI.1790. № 96. С. 1557.

⁴⁵ Политический журнал с показанием ученых и других вещей, издаваемый в Гамбурге Обществом ученых мужей / пер. с нем. Ноябрь 1790. Ч. 11. С. 1886–1887. Этот журнал начал выходить в Москве в январе 1790 г. и поначалу представлял собой русскую версию немецкого *Politisches Journal nebst Anzeige von gelehrten und andern Sachen*, который издавался с 1781 г. в Альтоне (в настоящее время округ Гамбурга).

⁴⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 23.V.1791. № 41. С. 759. В каталоге книг, бывших в продаже у петербургского книготорговца Германа Иоганна Клостермана в 1794 г., значится парижское издание (1791) сочинения Бёрка. См.: *Catalogue des Livres François, Latins, Italiens et Anglois qui se vendent chez Germain Klostermann Perspective de Newsky vis-à-vis la Rue d'Isaac, maison de Mr. le Pr. de Schagffskoy*, Nro. 69. et au mois de Janvier l'année prochaine 1795, dans la nouvelle Rue d'Isaac, presque vis-à-vis l'Hôtel de Mr. le Pr. de Galitzin, ci-devant Hôtel de Talyzin, Nro. 96. St.-Petersbourg, 1794. P. 133.

⁴⁷ Todd W.B. *Bibliography of Edmund Burke*. Godalming, 1982. P. 158.

Став советником Парижского парламента, Дюпон в 1788 г. приехал в Англию с целью изучения британской судебной системы и познакомился с Бёрком. Пользуясь его поддержкой и советами, он приступил к переводу «Размышлений о революции во Франции» еще до выхода в свет первого английского издания этого памфлета. Подробнее см.: Карп С.Я. «По плодам их узнаете их». С. 308–313.

«Императрица неоднократно отзывалась при мне с величайшим восхищением о Вашем сочинении, посвященном Французской революции; великая княгиня⁴⁸, прощаясь со мной, особо поручила передать Вам, что ей еще не доводилось встречать книги (а она прочла их множество и с изрядным успехом), в которой она почерпнула бы столько удовольствия и наставления, как в Вашей»⁴⁹.

За четыре месяца до этого, еще находясь в Петербурге, Факнер сообщал министру иностранных дел Великобритании лорду Уильяму Уиндему Гренвиллу, что в ходе беседы с ним императрица «выразила самое восторженное восхищение последней книгой мистера Бёрка, а также глубочайшее отвращение к Французской революции... По ее словам, представляется невероятным, чтобы в Англии могли сыскаться защитники Французской революции. С безграничным удивлением она отозвалась о том, что один из них — мистер Фокс»⁵⁰. Граф С.Р. Воронцов также передал Бёрку похвалы Екатерины II и великокняжеской четы⁵¹. 1 ноября 1791 г. английский мыслитель направил императрице пространное благодарственное письмо, призывая ее «спасти мир от варварства»⁵².

Разумеется, отвращение представителей высшей российской аристократии к революции было во многом обусловлено их верностью политическим принципам империи. Так, еще за несколько месяцев до выхода в свет памфлета Бёрка С.Р. Воронцов писал вице-канцлеру И.А. Остерману:

«Разврат французских дел сделал весьма осторожными англичан и наивяще привязал их к сохранению конституции, мудрость которой они толь щастливо целое столетие испытали. ... К чести аглицкого народа надобно признать, что все новости, коими заразились французы, коими заражаются Нидерланды и некоторая часть Германии, близ лежащая ко Франции, никакого действия здесь не имеют. Несмотря на множество французских апостолов, кои и здесь, как и везде, теперь проповедуют небывалое нигде в обществах метафизическое равенство людей и кои сии проповеди изуство и в книгах разлагают, аглицкой народ, презирая сию теорию и видя пагубные действия практики оной, тем крепче стоит в сохранении щастливых своих законов»⁵³.

Однако есть основания полагать, что сочинение Бёрка рассматривалось российскими политиками и в совершенно ином контексте. Весной 1791 г. в ходе Русско-турецкой войны (1787–1791) разразился так называемый Очаковский кризис. Правительство У. Питта-младшего направило Екатерине II ультиматум, требуя вернуть под контроль Османской империи Очаков, взятый русскими войсками в конце 1788 г., и начать переговоры о мире с Портой на основе *status quo ante bellum*. Великобритания угрожала России вступлением в войну на стороне султана в случае отказа императрицы от выполнения предъявленных условий. Английский флот готовился к отплытию на Балтику. Однако подобная перспектива не вдохновляла представителей британских деловых кругов. Кроме того, правительство недооценило влияние вигской оппозиции и ее лидеров — Ч. Дж. Фокса, Э. Бёрка и других. Выступая в конце марта 1791 г. в Палате общин, Бёрк назвал Россию «естественным

⁴⁸ Имеется в виду Мария Фёдоровна (1759–1828) — вторая супруга великого князя Павла Петровича, будущего императора Павла I.

⁴⁹ Цит. по: The Correspondence of Edmund Burke: in 10 vol. Vol. VI / eds A. Cobban, R.A. Smith. Cambridge; Chicago, 1967. P. 442, n. 4.

⁵⁰ Ibidem. Известно о двух аудиенциях У. Факнера у императрицы и великокняжеской четы. Первая состоялась по его прибытии в Санкт-Петербург, 15/26 июня 1791 г., вторая — накануне его отъезда, 20/31 июля того же года. См.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1791 года. СПб., 1890. С. 391–397, 486–492.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Ibid. P. 442–445. См. также: Гаврилин Б.А. «Россия спасет мир от варварства и разрухи», письмо Э. Бёрка российской императрице Екатерине II // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* 2021. № 11. Серия: Интеллектуальная история. Вып. 5. С. 30–38.

⁵³ С.Р. Воронцов — И.А. Остерману, 22 февраля / 5 марта 1790 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 35. Оп. 6. Д. 410. Л. 81 об.—82 об.

союзником» и самым «полезным» коммерческим партнером Великобритании⁵⁴. Однако заинтересованность российской дипломатии в отстаивании английской парламентской оппозицией выгодной для Петербурга внешнеполитической линии спустя несколько недель послужила причиной выпада против Бёрка и даже косвенной критики его «Размышлений о революции во Франции». В депеше вице-канцлеру графу И.А. Остерману С.Р. Воронцов сообщал о скандальной сцене, разыгравшейся в Палате общин 6 мая 1791 г.:

«Господин Бурк всегда чрезвычайный в своих мнениях и не доволен господином Фоксом, который нашел некоторые погрешности в сочинении первого и отзывался о том с ним и общими друзьями с тою чистосердечностью, которая отличает его нрав. За сие Г-н Бурк толь на него оскорбился, что самолюбие сочинителя превозмогло над дружбою, двадцать два года между ими продолжавшеюся, вследствие чего в прошлую пятницу атаковал он в нижней каморе Г-на Фокса весьма неблагопристойно и несправедливо яко человека, который ищет ввести здесь демократическое правление. Г-н Фокс отвечал ему с чувствительностью, но весьма умеренно, и оправдал себя пред камерою и тем опровергнул намерение Министерства замарать его в нации и сделать сверх того разделение в членах оппозиции. Сие последнее также не удалось Министру, ибо вся оппозиция взяла сторону Г-на Фокса. Впрочем здесь ничего нет нового, и нация продолжает упорствовать видам Министерства, которое никак не в состоянии начать войну противу России за Очаков»⁵⁵.

Таким образом, памфлет Бёрка и полемика вокруг него, которая могла ослабить единство выгов, вызвали недовольство российского посланника. С.Р. Воронцов оказал явное предпочтение оппоненту Бёрка — Фоксу, с прочностью позиций которого он связывал «виды» своего правительства. В августе 1791 г. императрица приобрела за 63 фунта мраморный бюст Фокса работы Джозефа Нолленкса⁵⁶, ныне хранящийся в Государственном Эрмитаже⁵⁷. Она распорядилась также изготовить его бронзовую копию и установить ее в Камероновой галерее Царского Села, между бюстами Демосфена и Цицерона.

Продолжение следует

Библиография / References

Алпатова Т.А. Н.М. Карамзин и К.Ф. Мориц // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 2. С. 65–74.

Архив князя Воронцова: в 40 кн. / [под ред. П.И. Бартенева]. Кн. VIII. М., 1876.

Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / общ. ред., вступ. ст. и комм. Б.В. Мееровского, пер. с англ. Е.С. Лагутиной. М., 1979.

Вацуро В.Э. Готический роман в России. М., 2002.

Гаврилин Б.А. «Россия спасет мир от варварства и разрухи», письмо Э. Берка российской императрице Екатерине II // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* 2021. № 11. Серия: Интеллектуальная история. Вып. 5. С. 30–38.

Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения: в 2 т. Т. 1 / пер. с нем. В.Н. Неведомского. СПб., 2011.

Дашков П.М. Разсуждение о печальном лицедейственном представлении // Новые ежемесячные сочинения. 1794. Апрель. Ч. 94. С. 18–28; Май. Ч. 95. С. 6–14.

Карп С.Я. «По плодам их узнаете их»: Эдмунд Бёрк и его «Размышления о революции во Франции» // Бёрк Э. Размышления о революции во Франции / изд. подг. С.Я. Карп. М., 2023. С. 287–341.

Карп С.Я. «Размышления о революции во Франции» Эдмунда Бёрка (русские отклики 90-х годов XVIII века) // Книга в России в эпоху Просвещения. Сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Зайцева. Л., 1988. С. 79–95.

Кросс Э.Г. Павел Дашков: новые и малоизвестные британские страницы биографии // Е.Р. Дашкова: портрет в контексте истории / отв. ред. Л.В. Тычинина. М., 2004. С. 20–34.

Кросс Э.Г. Поездки княгини Е.Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776–1780 гг.) и ее «Небольшое путешествие в Горную Шотландию» (1777) // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С. 223–238.

Кросс Э.Г. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в. / пер. Н.Л. Лужецкой. СПб., 1996.

⁵⁴ Цит. по: Кросс Э. У темзских берегов... С. 29.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 35. Оп. 6. Д. 422. Л. 207–208 об.

⁵⁶ См.: «Билет» Дж. Нолленкса С.Р. Воронцову от 16 августа 1791 г. // Там же. Д. 425. Л. 17.

⁵⁷ Государственный Эрмитаж. Мрамор, выс. 0,56 м, Н. ск. 13.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: в 3-х т. Т. I. Кн. I / пер. И.И. Степанова-Скворцова. М., 1952.

Мееровский Б.В. Эдмунд Бёрк как эстетик // Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / общ. ред., вступ. ст. и комм. Б.В. Мееровского, пер. с англ. Е.С. Лагутиной. М., 1979.

Мозговая Е.Б. Сочинения Д.А. Голицына по вопросам изобразительного искусства // Знаточество, коллекционирование, меценатство / сост. и науч. ред. Н.С. Кутейникова. СПб., 1992. С. 11–19.

Мориц К.Ф. Картина нынешнего естественного и политического состояния Англии / пер. с нем. [М.М.]. М., 1795.

Подорога В.А. Возвышенное. После падения. Краткая история общего чувства. М., 2022.

Политический журнал с показанием ученых и других вещей, издаваемый в Гамбурге Обществом ученых мужей / пер. с нем. Ноябрь 1790. Ч. 11.

Путешествие г-на Морица по Англии. В письмах. Ч. 1–2 / пер. с нем. М., 1804.

Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения / общ. ред. и вступ. ст. И.Я. Щипанова. М., 1952. С. 49–214.

Сечин А.Г. Истоки и смысл термина «пристойность» в сочинениях князя Д.А. Голицына об изобразительных искусствах // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2022. Т. 12. Вып. 4. С. 682–707.

Смагина Г.И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова: штрихи к портрету // Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы / сост., вступ. ст., прим. Г.И. Смагиной. СПб., 2001. С. 9–91.

Шарнова Е.Б. О создании языка истории искусства в России: «Описание знаменитых произведений школ и вышедших из оных художников и проч.» князя Д.А. Голицына // Век Просвещения. Вып. V. География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью / отв. ред. С.Я. Карп. М., 2015. С. 337–360.

Apatova T.A. N.M. Karamzin i K.F. Morits [N.M. Karamzin and K.Ph. Moriz] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaia filologiya [Bulletin of Moscow State Regional University. The series: Russian philology]. 2020. № 2. S. 65–74. (In Russ.)

Arkhiv kniazia Vorontsova [Archives of Prince Vorontsov]: v 40 kn. / [pod red. P.I. Barteneva]. Kn. VIII. Moskva, 1876. (In Russ.)

Berk E. Filosofskoe issledovanie o proiskhozhdenii nashih idei vozvyshennogo i prekrasnogo [A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful] / obshch. red., vstup. st. i komm. B.V. Meerovskogo, per. s angl. E.S. Lagutinoi. Moskva, 1979. (In Russ.)

Dashkov P.M. Razsuzhdenie o pechal'nom litsedeistvennom predstavlenii [A discourse on the gloomy dramatic performance] // Novye ezhe mesiachnye sochineniia [New Monthly Essays]. 1794. April'. Ch. 94. S. 18–28; Mai. Ch. 95. S. 6–14. (In Russ.)

Gaim R. Gerder, ego zhizn' i sochineniia [Herder: his life and works]: v 2 t. T. 1 / per. s nem. V.N. Nevedomskogo. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)

Gavrilin B.A. "Rossiya spaset mir ot varvarstva i razruhi", pis'mo E. Berka rossiiskoi imperatritse Ekaterine II ["Russia Will Save the World from Barbarism and Ruin", a Letter by E. Burke to the Russian Empress Catherine II] // Images mundi: al'manakh issledovaniia vseobshchei istorii XVI–XX vv. 2021. № 11. Seriya: Intel'ktual'naia istoriia [Images mundi: Almanac of Studies in General History of 16th–20th cc. Series: Intellectual history]. Vyp. 5. S. 30–38. (In Russ.)

Karp S.Ia. "Po plodam ikh uznaete ikh": Edmund Byork i ego "Razmyshleniia o revoliutsii vo Frantsii" ["You will know them by their fruits": Edmund Burke and his "Reflections on the revolution in France"] // Berk E. Razmyshleniia o revoliutsii vo Frantsii [Reflections on the Revolution in France] / izd. podg. S.Ia. Karp. Moskva, 2023. S. 287–341. (In Russ.)

Karp S.Ia. "Razmyshleniia o revoliutsii vo Frantsii" Edmunda Berka (russkie otkliki 90-kh godov XVIII veka) ["Reflections on the Revolution in France" by Edmund Burke (Russian reader reactions of the 90s of the 18th century)] // Kniga v Rossii v epokhu Prosveshcheniia. Sbornik nauchnykh trudov [Book in Russia in the Age of Enlightenment. Collection of Scientific Papers] / отв. ред. А.А. Зайтцева. Leningrad, 1988. S. 79–95. (In Russ.)

Kross E.G. Pavel Dashkov: novye i maloizvestnye britanskii stranitsy biografii [Pavel Dashkov: new and little-known British pages of his biography] // E.R. Dashkova: portret v kontekste istorii [E.R. Dashkova: portrait in the context of history] / отв. ред. Л.В. Тychинина. Moskva, 2004. S. 20–34. (In Russ.)

Kross E.G. Poezdki kniagini E.R. Dashkovo v Velikobritaniu (1770 i 1776–1780 gg.) i ee "Nebol'shoe puteshestvie v Gornuiu Shotlandiiu" (1777) [Princess E.R. Dashkova's trips to Great Britain (1770 and 1776–1780) and her "A Short Trip to the Scottish Highlands" (1777)] // XVIII vek [18th century]. Sb. 19. Sankt-Peterburg, 1995. S. 223–238. (In Russ.)

Kross E.G. U temzskikh beregov. Rossiiane v Britanii v XVIII v. [By the Banks of the Thames. Russians in 18th Century Britain] / per. N.L. Luzhetskoii. Sankt-Peterburg, 1996. (In Russ.)

- Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii [Capital. Critique of Political Economy]: v 3-kh t. T. I. Kn. I / per. I.I. Stepanova-Skvortsova. Moskva, 1952. (In Russ.)
- Meerovskii B.V.* Edmund Berk kak estetik [Edmund Burke as an Aesthetician] // Berk E. Filosofskoe issledovanie o proiskhozhdenii nashikh idei vozvyshennogo i prekrasnogo [A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful] / obshch. red., vstup. st. i komm. B.V. Meerovskogo, per. s angl. E.S. Lagutinoi. Moskva, 1979. (In Russ.)
- Morits K.F.* Kartina nyneshnego estestvennogo i politicheskogo sostoianiia Anglii [A Picture of the Present Natural and Political State of England] / per. s nem. [M.M.]. Moskva, 1795. (In Russ.)
- Mozgovaia E.B.* Sochineniia D.A. Golitsyna po voprosam izobrazitel'nogo iskusstva [The Writings of D.A. Golitsyn on Issues of Fine Arts] // Znatochestvo, kollektсионирование, metsenatstvo [Connoisseurship, Collecting, Arts Patronage] / sost. i nauch. red. N.S. Kuteinikova. Sankt-Peterburg, 1992. S. 11–19. (In Russ.)
- Podoroga V.A.* Vozvyshennoe. Posle padeniia. Kratkaia istoriia obshchego chuvstva [Sublime. After the Fall. A Brief History of a Common Sensation]. Moskva, 2022. (In Russ.)
- Politicheskii zhurnal s pokazaniem uchenykh i drugikh veshchei, izdavaemyi v Gamburgue Obshchestvom uchenykh muzhei [The Political Journal of Scholars and Other Things Published in Hamburg by the Society of Men of Letters] / per. s nem. Noiabr' 1790. Ch. II. (In Russ.)
- Puteshestvie g-na Moritsa po Anglii. V pis'makh* [Travels of Mr. Moritz in England Described in Letters]. Ch. 1–2 / per. s nem. Moskva, 1804. (In Russ.)
- Radishchev A.N.* Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu [A Journey from St. Petersburg to Moscow] // Radishchev A.N. Izbrannye filosofskie i obshchestvenno-politicheskie proizvedeniia [Selected Philosophical and Socio-Political Writings] / obshch. red. i vstup. st. I.Ia. Shchipanova. Moskva, 1952. S. 49–214. (In Russ.)
- Sechin A.G.* Istoki i smysl termina “pristoinnost” v sochineniiakh kniazia D.A. Golitsyna ob izobrazitel'nykh iskusstvakh [The sources and meaning of the term “decency” in Prince D.A. Golitsyn's writings on the fine arts] // Vestnik SPbGU. Iskuststvedenie [Bulletin of St. Petersburg State University. Art Criticism]. 2022. T. 12. Vyp. 4. S. 682–707. (In Russ.)
- Sharnova E.B.* O sozdanii iazyka istorii iskusstva v Rossii: “Opisanie znamenitnykh proizvedeniiami shkol i vyshedshikh iz onykh khudozhnikov i proch.” kniazia D.A. Golitsyna [On the Creation of the Language of Art History in Russia: “Description of the Famous Works of Schools and Artists Who Came Out of them, etc.” by Prince D.A. Golitsyn] // Vek Prosveshcheniia. Vyp. V. Geografiia epokhi Prosveshcheniia: mezhdu imagozhnymi i real'nost'iu [Age of Enlightenment. Iss. V. Geography of the Enlightenment: Between Imagination and Reality] / otv. red. S.Ia. Karp. Moskva, 2015. S. 337–360. (In Russ.)
- Smagina G.I.* Kniaginia Ekaterina Romanovna Dashkova: shtrikhi k portretu [Princess Ekaterina Romanovna Dashkova: touches to her portrait] // E.R. Dashkova. O smysle slova “vospitanie”. Sochineniia, pis'ma, dokumenty [On the Meaning of the Word “Education”. Essays, Letters, Documents] / sost., vstup. st., prim. G.I. Smaginoi. SPb., 2011. S. 9–91. (In Russ.)
- Vatsuro V.E.* Goticheskii roman v Rossii [The Gothic Novel in Russia]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Burke E.* A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful. London: printed for R. and J. Dodsley, in Pall-mall, 1757.
- Burke E.* Recherches philosophiques que nous avons du Beau & du Sublime, précédées d'une dissertation “Sur le goût”: En 2 vol. / Traduites de l'anglais de M. Burke par l'Abbé D... F..... A Londres et se vend à Paris, chez Hochereau, quai de Conti, vis-à-vis les Marches du Pont-neuf, au Phénix. Paris, 1765.
- Catalogue des Livres François, Latins, Italiens et Anglois qui se vendent chez Germain Klostermann Perspective de Newsky vis-à-vis la Rue d'Isaac, maison de Mr. le Pr. de Schagffskoy, Nro. 69. et au mois de Janvier l'année prochaine 1795, dans la nouvelle Rue d'Isaac, presque vis-à-vis l'Hôtel de Mr. le Pr. de Galitzin, ci-devant Hôtel de Talyzin, Nro. 96. St.-Petersbourg, 1794.
- Cobban A.* Edmund Burke and the Revolt Against the Eighteenth Century. A Study of the Political and Social Thinking of Burke, Wordsworth, Coleridge and Southey. London, 1929.
- Cross A.G.* “A Red Hot English Woman”: Princess Dashkova's Love Affair with Britain // The Princess & the Patriot / ed. S.A. Prince. Philadelphia, 2006. P. 89–96.
- Cross A.G.* “By the Banks of the Thames”: Russians in Eighteenth Century Britain. Newtonville, 1980.
- Dashkov P.* Dissertatio philosophica inauguralis: de Tragoedia. Edinburgi, 1779.
- Grimm F.M.* Correspondance littéraire. T. XII: 1765 / éd. S.G. Gavoty. Ferney-Voltaire, 2020.
- Lock F.P.* Edmund Burke: in 2 vol. Oxford, 2008.
- May G.* Diderot and Burke: A Study in Aesthetic Affinity // Publications of the Modern Language Association. 1960. Vol. 75. № 5. P. 527–539.
- Moriz C.Ph.* Reisen eines Deutschen in England im Jahr 1782. In Briefen an Herrn Direktor Gedike. Berlin, 1783.
- The Correspondence of Edmund Burke: in 10 vol. Vol. VI / eds A. Cobban and R.A. Smith. Cambridge; Chicago, 1967.
- The Reception of Edmund Burke in Europe / eds M. Fitzpatrick, P. Jones. London, 2017.
- Todd W.B.* Bibliography of Edmund Burke. Godalming, 1982.

DOI: 10.31857/S0130386424060059

© 2024 г. С.А. КИРИЛЛИНА

ДАР БОЖИЙ: ПРИРОДА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В ПАЛОМНИЧЕСКИХ ЗАПИСКАХ РОССИЙСКИХ ИЕРОМОНАХОВ ЛЕОНТИЯ И МЕЛЕТИЯ (XVIII столетие)

Кириллина Светлана Алексеевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: s.kirillina@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 55587183900; ORCID: 0000-0001-5769-3715

Аннотация. Описания путешествий на Святую землю российскими паломниками-писателями XVIII в. представляют собой репрезентативные эго-документы, содержащие информацию, далеко выходящую за границы хрестоматийных религиозных интересов. В центре их внимания, помимо иных не связанных с религией аспектов, оказывается и поражающая своим разнообразием и экзотикой природа Ближнего Востока. В исследовательском фокусе статьи находится тема природы в двух нарративных источниках — повествованиях о хождении в Святую землю российских иеромонахов Леонтия (1763—1766) и Мелетия (1793—1794). Заметки о путешествии к святым местам Египта и Палестины Леонтия хранятся в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ и ждут своего издателя. «Путешествие во Иерусалим» Мелетия дважды публиковалось (в 1798 и 1800 гг.), но до настоящего времени лишь изредка привлекало внимание исследователей. Анализ этих травелогов показывает, что оба паломника-писателя демонстрируют пытливость, наблюдательность и открытость инаковому окружению, которые позволяют им воспроизвести зримый облик арабо-османского мира. Его природные феномены они оценивают исключительно эмоционально, отталкиваясь от православно-церковного теоцентричного взгляда на мир. Через описание ближневосточной природы Леонтий и Мелетий доносят до нас сакральный образ Святой земли, которая выглядит как прекрасный призрачный мираж, навевающий ностальгические мысли о далеком прошлом, но не о настоящем.

Ключевые слова: Ближний Восток, Святая земля, Россия, паломничество, путешественники, травелог.

S.A. Kirillina

The Gift of God: The Nature of the Middle East in the Pilgrimage Writings of Russian Hieromonks Leontius and Meletius, 18th Century

Svetlana Kirillina, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: s.kirillina@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 55587183900; ORCID: 0000-0001-5769-3715

Abstract. Russian Christian pilgrims who visited the Holy Land in the eighteenth century and have left written accounts were interested in more than simply the customary religious aspects of pilgrimage. They also explored secular motifs and issues. In addition to religious concerns, they sought to understand the nature of the Middle East and the striking diversity and exoticism that

characterised the region. The article focuses on the theme of nature as presented in two narrative sources: the pilgrimage accounts written by the Russian hieromonks Leontius (1763–1765) and Meletius (1793–1794). Leontius' notes on his journey to the holy sites of Egypt and Palestine are currently in the archive and awaiting publication. Meletius' "Journey to Jerusalem" was published twice (1798 and 1800), but failed to gain much scholarly attention. Analysis of these travelogues reveals that both inquisitive pilgrims articulated their perspectives on the Middle East with remarkable candour and openness. They are extremely emotional about its natural phenomena, guided by the God-centred perception of the world through the prism of Russian Orthodoxy. In describing the nature of the Middle East, Leontius and Meletius conveyed to us the sacred image of the Holy Land, which looked like a beautiful but elusive mirage, evoking nostalgic thoughts of the very distant past, but not of the present.

Keywords: Middle East, Holy Land, Russia, pilgrimage, travellers, travelogues.

Господня — земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней, ибо Он основал ее на морях и на реках утвердил ее (Пс. 23:1-2).

Историко-культурная ценность описаний путешествий на Святую землю российскими паломниками-писателями XVIII в. определяется не только присущим им мощным религиозно-нравственный посыл, но и ценнейшей для историка многофокусностью. «Хождения» представляют собой повествующие о конкретике повседневности эго-документы¹, в которых рельефно проступает личность автора с его богатым внутренним миром, тревогами, душевными волнениями и чаяниями, житейскими заботами и интенсивными духовными переживаниями. Путь российских богомольцев пролегал через бескрайние пространства Османской империи, раскинувшейся на трех континентах. На страницах наиболее информативных повествований о путешествии на Ближний Восток восприятие его природы многократно усиливается за счет широкого спектра эмоций, которые порождает встреча с инаковым неизведанным миром.

Весьма репрезентативны в этом отношении два паломнических описания, составленные в период царствования Екатерины Великой. Первое — заметки о путешествии 1763–1766 гг. к святым местам Египта и Палестины иеромонаха полтавского Крестовоздвиженского монастыря Леонтия (в миру Луки Степановича Зеленского, 1726–1807 гг.), которые представлены в первых трех томах его неопубликованной тринадцатитомной «Истории жизни младшего Григоровича»². Этот монументальный труд, до сих пор ожидающий своего издателя, по характеристике видного историка церкви А.А. Дмитриевского, исполнен «неподдельной красоты и поэтической художественности», а сам Леонтий, будучи «умным от природы и начитанным», предстает перед нами как писатель плодовитый и наделенный недюжинным литературным даром³. Второе — повествование о хождении в Палестину выходца из астраханской

¹ О теоретико-аналитическом подходе к анализу эго-документов см.: Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte / Hrsg. W. Schulze. Berlin, 1996; Touching the Past. Studies in the Historical Sociolinguistics of Ego-documents / eds M.J. van der Wal, G. Rutten. Amsterdam; Philadelphia, 2013.

² Леонтий (архимандрит). История жизни младшего Григоровича. Т. 1–3 // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 152. Библиотека Азиатского департамента. Оп. 505. Не ранее 1763 г. Д. 4 (Т. 1); 1765 г. Д. 7 (Т. 2); 1765 г. Д. 8 (Т. 3). О Леонтии см.: Попов А.П. Младший Григорович. Новооткрытый паломник по св. местам XVIII века. Кронштадт, 1911. Краткая информация о Леонтии содержится в предисловии к публикации извлечений из «Истории жизни младшего Григоровича»: Перминов П.В. (псевдоним П.В. Стегния). История жизни младшего Григоровича (отрывки) // Путешествия в Святую Землю. Записки русских путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 300–318. В романе П.В. Стегния о российском резиденте в Стамбуле А.М. Обрескове Леонтий выведен в качестве одного из главных героев: Перминов П.В. Посол III класса. М., 1992.

³ А.Д. (Дмитриевский А.А.) Критика и библиография: Прот. А.П. Попов. Младший Григорович. Новооткрытый паломник по св. местам XVIII века // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1911. Т. 22. С. 480, 477.

купеческой семьи⁴ иеромонаха Саровской пустыни Мелетия (ум. в 1805 г.), которое он совершил в 1793–1794 гг.⁵ Его «Путешествие во Иерусалим», хотя и дважды публиковалось (в 1798 и 1800 гг.), тем не менее практически выпало из исследовательского фокуса отечественного научного сообщества, что, вероятно, связано с нелестным отзывом Н.Г. Чернышевского, незаслуженно приписавшего труду Мелетия вторичный характер⁶. Однако тезис о его заурядности никак не подтверждается при детальном с ним ознакомлении. Напротив, мы имеем дело с исключительно содержательной работой, повествующей не только о хрестоматийных христианских святынях, но и о разных гранях бытия обитателей Османской державы. Автор «Путешествия во Иерусалим» высокообразован, обладает обширными познаниями в духовной и светской сферах, он — апологет российской официальной церковной политики и иеромонах «острого ума и благомыслящий о России»⁷.

Природа в паломническом восприятии — это неразрывная часть мироздания, возникшего в процессе Божественного творения. С искренним восхищением, а порой и с детским простодушием, богомольцы вглядываются в широкую палитру природного мира Ближнего Востока. В их описаниях ландшафтов и природных феноменов проявляется чувственно-эстетическое восприятие природы, любование свойственной ей красотой. В то же время, пленяясь природой, преклоняясь перед ее стихиями и трепеща перед ними, путники воспринимали естественную среду обитания весьма прагматично и утилитарно с точки зрения ее полезности для человека.

Прежде всего паломников привлекала экзотика и богатство ближневосточной флоры, изобилие произрастающих в субтропиках невиданных растений и плодов — наранжей (апельсинов) и померанцев⁸, лимонов и лаймов, смокв (инжира), мушмулы⁹, винограда, маслин, фиников, миндаля и др.¹⁰. Будучи в «морских воротах» Палестины — в Яффе, Леонтий изумлялся тому, как в апреле ветви лимонных деревьев склонялись под тяжестью зрелых плодов¹¹. По его наблюдению, в котором неизбежно присутствует сравнение ближневосточного растительного мира с русской природой, яффская земля была столь плодородна, что дары природы его отчего края — Полтавщины — достигали на ней гигантских размеров и обретали новые вкусовые качества: «Всего красивее в Иопии произрастения земли, редкая и по большей части нашим землям вовсе несвойственные, как то необычной величины огурцы, приторной сладости дини, круглые как шар, арбузы столь крепкия, что так же, как и в Египте, додержуются от новых до новых»¹². Возбуждая любопытство читателя, Мелетий рассказывает об

⁴ Болховитинов Е. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. М., 1995. С. 213.

⁵ Путешествие во Иерусалим Саровския Общежительная Пустыни Иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. М., 1798. Краткую информацию о нем см.: Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973. С. 85–86; Кобищанов Ю.М. Встреча христианских цивилизаций в святых местах Палестины и Египта (глазами русских паломников XV–XVIII веков) // Богословские труды. Сб. 35. К 150-летию Русской духовной миссии в Иерусалиме (1847–1997). М., 1999. С. 202–203. Показательно, что Мелетий, как и Леонтий, присутствует в самой пространной на данный момент аннотированной библиографии трудов русских путешественников по христианскому Востоку, составленной американскими славистами Т. Ставру и П. Вейсенселем: *Stavrou T.G., Weisensel P.R. Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century*. Columbus, 1986 (о Мелетии — р. 129–130; о Леонтии — р. 82–83).

⁶ По словам Н.Г. Чернышевского, книга Мелетия — это «компиляция из прежних путешествий, уже бывших известными русской публике» (*Чернышевский Н.Г. Путешествие А.С. Норова* // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15-ти т. Т. II. М., 1949. С. 518).

⁷ Путешествие во Иерусалим... С. 310. При цитировании источников в целом сохранены грамматика, стилистика и пунктуация оригинала. Однако в ряде случаев мы сочли необходимым установить последовательность в слитном и раздельном написании слов и скорректировать пунктуацию по смыслу.

⁸ Померанец, или бигарадия, — горький апельсин.

⁹ Мушмула, или локва, — плоды с приятным кисло-сладким вкусом употребляются в пищу в свежем виде.

¹⁰ Леонтий. Указ. соч. Т. I. С. 375; Путешествие во Иерусалим... С. 62, 70, 77, 82, 314, 315.

¹¹ Леонтий. Указ. соч. Т. 2. С. 401.

¹² Там же. С. 400.

увиденном им в Палестине неведомом фрукте, именуемом местными жителями «хох»¹³ (размером «с малое яблоко, вкусом похоже на недоспелой огурец»¹⁴), который был на поверку то ли сливой, то ли персиком, только зеленым, потому как испробовал путник этот плод в начале апреля. Однако к завершению своих странствий иеромонах уже отлично разбирался в восточно-средиземноморских плодовых культурах и опытным глазом отличал отменные анатолийские смоквы из Смирны от проигрывавшего им в сладости инжира с Эгейского архипелага¹⁵.

У богомольцев, переместившихся в пространстве в среду обитания с иным, нежели на родине, климатом, возникало вящее ощущение, что они попали в «богонасаженный едемский сад»¹⁶. После треволнений плаванья по Черному морю Мелетий воспринял как райские кущи «прекрасныя Босфорския места... веселое зрелище гор, долин и равнин, покрытых различным лесом, одетых зеленостию и испещренными цветами, с протекающими источниками»¹⁷. На европейском берегу Босфора его внимание привлекли «села, замки, раскрашенные дома с прекрасными садами и рощами», которые, однако, как не преминул заметить приметливый саровский священноинок, при всех своих «приятностях» были наполнены «великими огнестрельными орудиями»¹⁸.

«Преддверье Святой земли» — Стамбул — поражал паломников красочностью парков и садов, заполненных «кипарисными и другими благолиственными древами»¹⁹. Обозрев снаружи расположенный «в изящнейшем месте города» султанский дворец Топкапы, Мелетий особо отметил, что внутри высоких крепостных стен находится гарем — «жилище Султанских жен и сад, различными древесами и произрастаниями с протекающими водами, для зрения и вкуса изобилующий»²⁰. Однако свежие яркие впечатления никоим образом не сказались на трезвости оценки увиденного им в османском стольном граде. Так, расположенные рядом с кварталом Фанар «сады и рощи с прохлаждающими источниками» оттолкнули Мелетия своим нестерпимым смрадом, так как, по его словам, в тех «прекрасных... местах, по причине повсюду на кладбищах лежащих трупов, естественный воздух существовать не может»²¹.

В Египте, который, в отличие от Мелетия, Леонтий включил в свой паломнический маршрут, его, как и других побывавших там богомольцев, не оставили равнодушными доминировавшие в местном ландшафте финиковые пальмы. По свидетельству Леонтия, во время «нилоплаванья» «не насыщалось любопытное... [его] зрение красотою финиковых плодородных лесов»²². Он высоко оценивал мастерство египетских ремесленников, изготавливавших из пальмовых листьев разнообразные предметы быта — циновки, корзины, канаты, веревки и т.п.²³ Леонтий не раз упоминал, как ему пригодился в путешествии «робазембил»²⁴ — прочная торба для пожитков, которую на Ближнем Востоке «вояжиры употребляют... вместо чемодана». Эти мешкообразные сумы, по свидетельству иеромонаха, местные умельцы «соплетают... художественно с финикового, на нашу осоку похожего листу длиннаго в 2 ½ аршина»²⁵. Привычная россиянам гречиха используется богомольцами для сравнения при описании культивируемого в дельте Нила хлопчатника. По замечанию Леонтия, «стебля (хлопковые стебли. — С.К.) до самого ея цвету не можно не почестъ за нашу гречиху, то ж пока она не цветет»²⁶.

¹³ Собирательное «хух» (араб.) на сирийском диалекте означает «сливы», а на египетском и иракском — «персики».

¹⁴ Путешествие во Иерусалим... С. 300.

¹⁵ Там же. С. 315.

¹⁶ Леонтий. Указ. соч. Т. 1. С. 15.

¹⁷ Путешествие во Иерусалим... С. 9.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ Там же. С. 23.

²¹ Там же. С. 31.

²² Леонтий. Указ. соч. Т. 1. С. 73, 78, 363.

²³ Там же. С. 75.

²⁴ «Роба зембили» (тур.) — буквально «корзина для одежды».

²⁵ Леонтий. Указ. соч. Т. 1. С. 380, 382; Т. 2. С. 161 и др.

²⁶ Там же. Т. 1. С. 363.

Из всех вечнозеленых растений Земли обетованной богомольцы выделяют «масличные древа»²⁷. При этом в их религиозно ориентированном восприятии среди всех олив Палестины первенствуют те, которые растут на склоне освещенной драматическими событиями Нового Завета Елеонской горы. По свидетельству предшественника Леонтия и Мелетия Вассилия Григоровича-Барского, там «маслинни великие и сице ветхие (такие древние.— С.К.), яко еще от воплощения Христова (якоже повествуют), даже доселе стоят и плодородят, не усихающе»²⁸. Однако, будучи в Иерусалиме, Мелетий с сожалением констатировал: «Гора Елеонская имя Елеона получила по причине в древности покрывавших ее во многом количестве масличных дерев, которые на оной и ныне растут, но уже изредка»²⁹.

Среди в изобилии произраставших в Билад аш-Шаме³⁰ плодоносящих деревьев богомольцы выделяли шелковицу. Тутовое дерево заинтриговало Леонтия еще когда он находился на Афоне. При этом он, минуя связанное с ним шелководство, пишет, что оно «приносит приятнейшаго вкуса виннаго плод», который «подобен вишневым ягодам, но не имеет... в себе косточки» и служит сырьем, из коего «неленивые охотники делают водку» — тутовку³¹.

Неспешно двигавшихся по просторам владений османского падишаха российских странников не могли не очаровывать поражающие своей строгой красотой Галилейские горы или, как писал Мелетий, открывавшийся с борта корабля сказочный вид громады горы Афон, которая, казалось, плыла по волнам навстречу богомольцам³².

Среди лежащих на паломническом пути гор доминировали те, которые были осены библейской историей, благословлены деяниями святых и подвижничеством «великаго образа... схимников»³³. Потрясающая картина природы, представлявшая перед Леонтием при приближении к значимой вершине Святой земли — месту Преображения Господня, Фаворской горе,— сподвигла его на проникновенные строки: «На лощинах между дремучим лесом яркая зелень не наших родов трав и пестрота прелестнейших цветов с первого взгляду на красоту оних привели... меня в восхищение». По убеждению священноинока, гора Фавор, покрытая густой дубравой и напоминающая «превеликой круглой курган, сделанный человеческими руками, но не человеческою силою», достойна именоваться «царицею всех гор не по одной своей внешней красоте», но прежде всего по явленному там Иисусом Христом чуду³⁴.

Путь российских паломников, которым довелось добраться до еще одной ключевой точки христианской сакральной географии — горы Синай — и расположенного у ее подножья монастыря святой Екатерины, пролегал как через пустынные, так и гористые участки Синайского полуострова. Синайские «бесчисленные разнофигурные горы» настолько впечатлили Леонтия, что в его подаче местный ландшафт, будучи частью заповедного пространства, приобрел фантазмагорические черты. Дав волю воображению, он рисует картину, крайне далекую от того, как выглядит Синай, иссушенный нещадным июльским зноем. Явно плодом богатой авторской фантазии выглядят строки: «Всего больше привели... в восхищение мой ум долины, промежу гордыми горами лежа, своей приятностию умеряющие покрывающий их от пустоты происходящий ужас, тщетно борющийся с приятностию присноторжествующей над ним весны, которая чудное извитие мой взор пленивших долин покрывает низким, всегда зеленеющим моругом (дымкой.— С.К.), ни в чем не уступающим венецкой фабрики бархату, при том приметные нам неизвестные цветы, кои чрез неблизкое расстояние смеялись над моим тупозрением, их красот недосызающим»³⁵.

²⁷ Путешествие во Иерусалим... С. 134, 143.

²⁸ Григорович-Барский В.Г. Странствования по святым местам Востока. Ч. I. 1723—1727 гг. М., 2004. С. 325.

²⁹ Путешествие во Иерусалим... С. 295.

³⁰ Билад аш-Шам (*араб.*) — историко-географическая область, включающая территории Сирии, Ливана и Палестины.

³¹ Леонтий. Указ. соч. Т. 1. С. 45—46.

³² Путешествие во Иерусалим... С. 318.

³³ Леонтий. Указ. соч. Т. 2. С. 220.

³⁴ Там же. С. 76, 77.

³⁵ Леонтий. Указ. соч. Т. 1. С. 289.

Воспроизводя зримый образ странствия на Ближний Восток и пребывания на Святой земле, паломники постоянно упоминают воду. Едва ли не в каждом «Хождении» мы обнаруживаем описание буйства грозной морской стихии. Леонтия лютая непогода застала в Черном море на пути в Стамбул, и его «обезображенное... суденышко, будучи хотя и чежолее морских волн, прыгало по ним, однако ж, как пешая саранча»³⁶. Насмерть перепуганный иеромонах, «видя перед собою почти живую смерть и себя почитая в царстве мертвых», тем не менее прежде всего думал о том, как бы нечаянно не лишиться зашитых в воротник кафтана червонцев, и, сетуя на свою горькую судьбу, винил во всем управлявших судном турок за то, что они, «по несчастию нимало не разумеющие мореплавания, отпустив корабль на волю ...Боряя, принялись за глупые свои молитвы, тщетно полагаясь на Магомета»³⁷.

Мелетия, до путешествия в Святую землю ни разу в море не ходившего, разгул морской стихии поразил своей мощью и свирепостью. Неизгладимые впечатления от шторма на Черном море на подходе к Босфору он передал ярко и талантливо: «Ветер увеличился до чрезвычайности, помчал нас на подобие быстролетающей птицы; море, воскипев, ужасно свирепствовало, и горами подобныя волны его, корабль, то вверх, как бы на воздух, то вниз, аки в пропасть бросали. И как сие, так равно непрерывное поворачивание его с боку на бок, колебание мачт, скрип, перерывание снастей, треск и звуки со взливающеюся... на корабль водою, не малой страх и опасность нам причиняли»³⁸. Несколько пережитых священноиноком морских бурь были столь неистовыми, что во время одной из них его попутчики в отчаянии рыдали, моля «Бога о избавлении от потопления», а сам Мелетий, полуживой от морской болезни, переносил ураган стоически и, по его словам, «страхом, упоая на милость Божию... не был поражен»³⁹.

Не меньшим тяжким испытанием морского плавания был сильный встречный ветер и изнуряющий штиль. Корабль Леонтия, направлявшийся из Палестины в османскую столицу, из-за противного ветра достиг Дарданелл только через три долгие недели⁴⁰. Однако «сущим горем в море», по суждению Леонтия, была именно «долговременная тишина», когда судно, согласно его витиеватому сравнению, «собой представляет томящегося при смерти либо мертвого человека, если не живую, но уже довольно старую бабу, обвесившую все своя органы на своем шкелете»⁴¹.

Намыкавшись на море, «беды приемлюще»⁴², и добравшись до долгожданной земли, которая, по словам Леонтия, была «светла как луна»⁴³, вконец измотанные паломники узнавали, что пристать к берегу невозможно, и они должны переправляться на сушу на лодках с неглубокой осадкой. Так, акватория у Яффы имела опасный рельеф дна с рифами и отмелями, о чем пишет Мелетий: «Корабли по неудобности места близко к городу не подходят, но далеко в море останавливаются на якорях»⁴⁴. Такими же непригодными для швартовки крупных морских кораблей были гавани Рашида (Розетты) и Думьята (Дамьетты) — узловых пунктов на «египетском отрезке» паломнического маршрута.

Упомянем еще один соленый водоем, который оставлял неизгладимый след в памяти богомольцев, — Мертвое море — связанное с ветхозаветным прошлым (истреблением Господом нечестивых жителей Содомы и Гоморры и спасением Лота с дочерьями). Мелетий, углубляясь в стародавние времена, напоминает читателям о жене Лота, превращенной в «столб сланный», который, как он пишет, «у Арапов как Христианских, так и Магометанских... в памяти неизглажен». И далее он рассуждает о географии этого бессточного озера и его солёности: «Оное никуда далее себя истоку не имеет. Всегдашнее же вхождение в него Иорданских

³⁶ Там же. С. 17.

³⁷ Там же. Т. 1. С. 17—18, 13; Т. 2. С. 441, 443—444.

³⁸ Путешествие во Иерусалим... С. 8.

³⁹ Там же. С. 59.

⁴⁰ Леонтий. Указ. соч. Т. 3. С. 276.

⁴¹ Там же. Т. 2. С. 421, 422.

⁴² Там же. Т. 1. С. 173.

⁴³ Там же. Т. 2. С. 422.

⁴⁴ Путешествие во Иерусалим... С. 75.

вод, не иначе в равномерности его содержит, как точию извлечением из него воздухом воды в облака, орошающая тамошняя земля. Море сие премножество в себе соли имеет, так что... к полуденному его краю (на южной стороне. — С.К.) можно оное по наседшейся соли поперек переехать на верблюде, которому глубины не более будет как по колена»⁴⁵.

По-иному воспринимается российскими богомольцами пресная вода — источник жизни и символ благодати. Те паломники-писатели, которые добирались до Палестины через Египет, первым делом пишут о Ниле. Леонтий начал описание великой водной артерии с присущей ему высокопарностью: «С начала душеполезной моей peregrinacii, хотя я не приметил... в себе никакого любопытства, однако в Египте... нечувствительно вкралась в мою голову странная нашей братии охота примечать изредка слова, дела, вещи и места, заслуживающие наше внимание, из коих первое было место, земляная дельта, коя одному боговидцу Моисею едва известно, когда именно написанная природой вместо пера водою на земли в самом том месте, где... славнейшая в свете река Нил впадает в Средиземное море двумя устьями, исключая малые ея ручьи (рукава. — С.К.)». Далее, оставив выпренный слог, иеромонах переходит к топографии низовий Нила, свидетельствуя, что его межеустье своей конфигурацией напоминает «греческую букву дельта» или на «славенское добро» (буква Д)⁴⁶.

Нил у Леонтия ассоциируется прежде всего с развитым в его долине земледелием, состояние которого напрямую зависит как от природных факторов, так и от человека. Плывя из Каира в Думьят вдоль «длинных на наши нивы похожих гряд, зимой и летом покрытых пашнями... Нилом сделанных на песках с ила безподобных равнин, трудом жителей совершенно обработанных», он фиксирует свои впечатления: «Хотя нилевские поля и дважды в год поливает Нил от себя в два разлития от излишества вод своих, однако оныя верно позасыхали б, если б земледельцы не поливали их из того ж Нила, растворяя теплыя его воды горячим своим потом вместо дождя, коего Египет мало когда видит, хоть в нем и всегда зимует наше малороссийское лето»⁴⁷.

Пресную воду паломники-писатели оценивали педантично и тщательно: мимо их внимания не проходят ни ее вкус, ни запах, ни цвет, ни температура, ни свежесть или затхлость, ни прозрачность или загрязненность. Так, согласно суждению Леонтия, нильская вода «беломутная, но ни чьему здоровью не вредная»⁴⁸.

Богомольцы дружно восторгались превосходными вкусовыми качествами воды из реки Иордан, где принял крещение Иисус Христос, а иные утверждали, что она чиста и прозрачна, к числу которых относился и Мелетий: «Вода в Иордане чиста, легка и вкусна. Все поклонники берут оною в сосуды и отвозят в дома свои»⁴⁹. Однако это следует признать очевидным преувеличением. Еще игумен Даниил, автор первого дошедшего до нас отечественного письменного памятника о странствовании на христианский Восток (XII в.), писал, что она «сладка вельми, и несть сыти пиющим воду ту святую», однако она «мутна»⁵⁰. Место крещения Спасителя располагается в низовьях реки Иордан, где воду вряд ли можно назвать кристально чистой, а в период дождей она и вовсе помутневшая и коричневатого цвета. Леонтий, впервые побывавший на Иордане ранней осенью и с напрягом перебравшийся на другой берег (отмели, где «не было воды по пояс», перемежались с глубоководьем, где его сносило стремительное течение), записал в дневнике: «В святопочитаемой реке Иордане вода мутна, потому что грунт ея больше иловат, нежели пещан, а где каменной, там она больше быстра, нежели глубока»⁵¹.

Находясь в Иерусалиме, масса паломников стремилась посетить Силоамскую купель, где, согласно Евангелию от Иоанна, омывшись, слепорожденный благодаря явленному Иисусом Христом чуду прозрел, и зачерпнуть из нее святую воду. Однако на исходе XVIII в.

⁴⁵ Там же. С. 185.

⁴⁶ Леонтий. Указ. соч. Т. 1. С. 363–364.

⁴⁷ Там же. С. 363.

⁴⁸ Там же. С. 76.

⁴⁹ Путешествие во Иерусалим... С. 183.

⁵⁰ «Паломник» — вторая редакция «Хожения» игумена Даниила // «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. СПб., 2007. С. 196.

⁵¹ Леонтий. Указ. соч. Т. 2. С. 94.

достопамятная Силоамская купель являла собой унылое зрелище. По свидетельству Мелетия, пить из нее воду стало небезопасно: «Она ныне испорчена, поелику тут напояют овец и измывают бумажные ткани... что я сам видел»⁵².

Паломники-писатели живо интересуются всем, что связано с «водной темой». Так, у Мелетия мы обнаруживаем информацию о городском водоснабжении, акведуках и подземных водопроводных трубах, водонапорных башнях, колодцах, цистернах для хранения дождевой воды, искусственных водопоях и системе ирригации⁵³.

Мечта о животворной воде и ее критический недостаток служат исходным пунктом при восприятии богомольцами пустыни Ближнего Востока как безводного пространства, лишённого растительности. Захватывающее дух описание пустынного ландшафта включено в пространственный рассказ Леонтия о его путешествии «безмерного труда»⁵⁴ из египетской столицы на Синай, в монастырь святой Екатерины, и обратно. Пустыня воспринималась священноиноком как «пешаное море», «песчаная пучина»⁵⁵ или «необитаемая... пустая и безводная степь», в которой нет ничего, «кроме песку... [и] едкой пыли... как горстью сыплемой в глаза», в которой не могут водиться «ни звери, ни птицы за неимением ни лесу, ни воды», и где не бывает «ни снегу, ни дождя», отчего «тщетно... кому вздумается там искать дремучаго лесу дубоваго, березовых густых рош, садов, наполненных... райскими деревьями, кои от бремени редчайшаго вкуса плодов их покрывающих все приклонены до земли»⁵⁶. Безжизненными, под стать окружающему бесплодному пейзажу, показались вначале Леонтию встречавшиеся на пути кустарники верблюжьей колючки. Характеризуя диковинное растение, он сравнивает его с понятной ему флорой и фауной⁵⁷. «Сухообразные те деревянные шкелеты» иеромонах счел похожими «на наши яблони», а едва различимые на ветках листики — на «мышьи уши». Это растение, продолжал иеромонах, можно уподобить «по бодистым (острым, колючим. — С.К.) его хотя и деревянным иглам... ежели не лесному, то морскому ежу, поелику у морского ежа не столь костяные осты, как у леснаго»⁵⁸. Переход по засушливой местности, своей пустотой и безлюдьем приводящей в «ужас всякаго проходящаго», сопровождался «тяготами... дневного... нестерпимаго зноя», когда беспощадное «арапское солнце... не светит, но жжет как огнем»⁵⁹, и неукротимой жаждой, когда притороченная к верблюжьему седлу «черепяная бутылия» была уже наполовину пуста, а впереди предстоял шестичасовой марш-бросок до следующего источника воды⁶⁰. Во время ночлега путешественников докупал сыпучий песок, от которого было невозможно укрыться. Леонтий так описывает ночевку на подступах к Красному морю: «[Мы] поклали свои торбы в возглавие себе, все поуспнули на месте оном, и где ж недолго спали за ветром, дышущим всю ночь ужасно песком, кой нас... [так] толсто засыпал, что мы, лишь с полуночи тронувшись, едва всяк нашел себя как заживо погребенного в песке мертвеца, но в три минуты воскресшаго на верблюде»⁶¹.

Не раз, странствуя по бескрайней пустыне, Леонтий, когда силы были на пределе, приходил в отчаяние и молил Бога уберечь его от «малодушья бури»⁶², и не было предела его агитации, когда взору открывались обжитые места. Так было на подходе к долгожданному Суэцу, когда вдаль замаячили «верьхи мачт кораблей, покрывавших... гавань». «Недавно умирающий дух мой, — описывал свое воодушевление иеромонах, — толико оживотворился,

⁵² Путешествие во Иерусалим... С. 93.

⁵³ Там же. С. 21, 22, 34, 39, 66–67, 104–105, 152, 187–188, 246, 279–280.

⁵⁴ Леонтий. Указ. соч. Т. 3. С. 3.

⁵⁵ Там же. Т. 1. С. 153, 338, 155.

⁵⁶ Там же. С. 169, 155–156.

⁵⁷ О ближневосточной фауне в «Хождениях» русских паломников XVI–XVIII вв. см.: Kirillina S. Representations of the Animal World of the Ottoman Empire in Russian Christian Pilgrims' Accounts (Sixteenth – Eighteenth Centuries) // Animals and People in the Ottoman Empire / ed. S. Faroqhi. Istanbul, 2010. P. 75–97.

⁵⁸ Леонтий. Указ. соч. Т. 1. С. 157.

⁵⁹ Там же. С. 169, 104, 168, 188, 232.

⁶⁰ Там же. С. 97, 98.

⁶¹ Там же. С. 154.

⁶² Там же. С. 104.

что и немного пожилая плоть моя обновилась, яко юность нестарого орла; и от сих то двух благ... родилась в душе моей неизреченная радость»⁶³.

Перемещаясь в ином географическом ареале и сталкиваясь с природными и температурными условиями, кардинально отличающимися от привычных, паломники-писатели сравнивали климат иноземья с погодой в родных местах. К примеру, Леонтий, будучи на Красном море, делает пометку: «Египетская зима в теплоте не уступит нашему лету»⁶⁴. Не могли российские богомольцы оставить без внимания и погодные аномалии. Так, Мелетий, находясь в Иерусалиме в марте 1794 г., зафиксировал в своем дневнике, что в Святом граде разразилась редкостной силы гроза с порывистым ветром, дождем, снегом и градом величиной с горошину, что не случалось там уже как 40 лет⁶⁵. Он же упоминает о случившейся в Иерусалиме за несколько лет до его приезда в Палестину лютой стуже, во время которой погибло множество «разноверных убогих людей»⁶⁶.

За методично фиксируемыми в «Хождениях» достоверными географическими реалиями, которые перемежаются описаниями природы, порожденными разыгравшимся воображением, отчетливо просматривается свойственная религиозно ориентированному теоцентричному мировосприятию ценностная система координат, согласно которой, с одной стороны, мироздание членится на светлую и темную сферы, а с другой — признается зависимость всего сущего от Божественного промысла («Все в руце Божией»). В восходящей к Ветхому Завету картине мира, устроенного по заданным Творцом законам, все движимо Божьей волей, включая созидательные и разрушительные силы природы. Гнев Господин карает зло, порожденное прегрешениями человеческими, как это произошло с Содомом и Гоморрой. Такие проклятые Вседержителем места, так и попусшением Всевышнего опустевшие, заброшенные и испепеленные «подобными огню солнечными лучами»⁶⁷ края, противопоставляются землям, отмеченным благодатью Божьей и его благоволением.

Первостепенным по значимости пространством в этом отношении выступает Святая земля Палестины — место действия героев библейских сказаний и земного бытия Иисуса Христа. Природа — неотделимая часть этого сакрального пространства, а посвященные ей нарративы подчас сопровождаются легендарно-библейскими реминисценциями, а если они и не вербализованы, то явственно ощущаются. Образом сакрального восприятия Палестины служит проникновенный отрывок из «Путешествия во Иерусалим» Мелетия — славословие в адрес реки Иордан как «участника» священной истории: «Благословенный Иордан сколько ни знаменит естъ по прехождению в нем по суху сынов Израилевых со Иисусом Навином, такожде Илии и Елисея, по очищению Нееманову от проказы и других чудесностях, воспоминаемых в Ветхом Завете; но всего более и преславнее просиял крещением во струях своих Сына Божия, при котором трисолнечное Божество открылось вселенной, Сын крещался плотию, Дух Святыи в виде голубине (голубя. — С.К.) осенял его, Отец с небеси испустил глас: “Сей естъ Сын мой возлюбленный, о нем же благоволих”»⁶⁸.

Богатство и изобилие природы ближневосточного региона, как оно живописуется российскими паломниками-писателями, отчетливо вписывается в образ Святой земли как земного воплощения рая, благословленного Устроителем всего существующего. При этом на первый план выступает образ рая как Эдема, имеющего географическую локализацию «на востоке»⁶⁹. Еще игумен Даниил, оставивший описание Святой земли, видел в ней и в ее природе «райские» черты. Странник Даниил был сдержан и немногословен, признавая, что пишет он «не хитро, но просто»⁷⁰. Однако, когда речь заходила о колыбели христианства, он, не сдерживая

⁶³ Там же. С. 105.

⁶⁴ Там же. С. 119.

⁶⁵ Путешествие во Иерусалим... С. 149, 310.

⁶⁶ Там же. С. 246.

⁶⁷ Леонтий. Указ. соч. Т. I. С. 155.

⁶⁸ Путешествие во Иерусалим... С. 184.

⁶⁹ «И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке» (Быт. 2:8).

⁷⁰ «Хожение» игумена Даниила. Первая редакция // «Хожение» игумена Даниила... С. 120.

перехлестывавшие его эмоции, возглашал: «И ныне поистинне есть земля та Богом обетованна и благословена есть от Бога... Несказанна есть земля та... красотою и всем добром»⁷¹.

Спустя шесть веков паломники-писатели, не скрывая восторга, продолжали славить Святую землю. Она как авансцена библейских событий выдерживает сравнение с раем у Мелетия, когда он пишет о ее «доброй... для паствы (выпаса. — С.К.) скота» и «к возделыванию» земле, приносящей «великой урожай», о дивных дарах природы, «плодоносных и сладкоуханных» деревьях, «благотворительной природе» с ее «рощами и пролесками»⁷².

Однако сакральный образ Земли обетованной, как он подается на страницах «Хождений» Леонтия и Мелетия, выглядит, скорее, как чарующий, но ускользающий мираж, порождающий острую ностальгию по давно минувшим дням.

На Леонтия, созерцающего красоты «святославной Иордан реки»⁷³ и вслушивающегося в «журчание ручаев приснохолодной воды, быстротекущей из ключей, изригаемых каменными превысокими горами», нахлынули грустные мысли о запустении некогда цветущего края, где ныне обитают «одни дикие пастухи, скотина и звери»⁷⁴. Иеромонах спросил проводника, человека непритязательного и бесхитростного: «Зачем... столь тучная, равно к хлебопашеству и к скотоводству удобная земля не населена трудолюбивым народом, как то была в старие времена?» На прозвучавший почти риторически вопрос был получен лаконичный ответ: «Не велел Бог быть иначе, благоволивый тако»⁷⁵.

Мелетий побывал на Ближнем Востоке через 30 лет после Леонтия. В завершающую часть своего «Путешествия во Иерусалим» он поместил гимн в честь Святой земли, начав свое славословие в настоящем времени и завершив его в прошедшем: «В разсуждении же всей Палестины излишне упоминать о произрастаниях и изобилии оной, поелику никто, кроме вольнодумческих суетных умов, о том не противоречит, что бог шествующему из Египта Израильскому народу страну сию предлагает как полную трапезу, кипящую медом и млеком. Пшеница, ячмень и проч. раждались тамо до преизобилия; винограды, смоквы, масличния и другия плодоносныя древа покрывали землю, так что в мирное царство Соломоново все люди жительствовали под виноградами своими и под смоковницами, ядуще и пиюще без печали»⁷⁶. Деструктивная деятельность человека стала причиной экологических проблем еще в незапамятные времена. «Окрестность Иерусалимская, как и другие места, — читаем у Мелетия, — при пагубном Титовом пленении Иерусалима⁷⁷ была вся опустошена; леса, рощи и сады вырублены, и тогда лишились поток Кедрский всех своих осеняющих кедров, Елеон же маслин»⁷⁸. Иеромонах переполняет чувство горести и сострадания, когда он думает о постигшей Палестину незавидной судьбе: «К жалости, вся почти обетованная земля ныне остается без возделования и опустошается от необузданных своих жителей, которые за лучшее поставляют жить грабительством и терпеть скудость, нежели от трудов быть в довольствии»⁷⁹. Однако под каким бы углом зрения российские паломники-писатели не смотрели на Святую землю — «естествоведческим», духовным, историческим или бытийным, она неизменно была для них отмеченной печатью сакральности родиной христианства.

Библиография

А.Д. (Дмитриевский А.А.) Критика и библиография: Прот. А.П. Попов. Младший Григорович. Новооткрытый паломник по св. местам XVIII века // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1911. Т. 22. С. 475—480.

Болховитинов Е. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-русской церкви. М., 1995.

⁷¹ Там же. С. 74.

⁷² Путешествие во Иерусалим... С. 134, 76, 187, 77, 300, 299—300, 309.

⁷³ Леонтий. Указ. соч. Т. 2. С. 94.

⁷⁴ Там же. С. 97.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Путешествие во Иерусалим... С. 300.

⁷⁷ Имеется в виду захват города римским императором Титом в 70 г.н.э.

⁷⁸ Путешествие во Иерусалим... С. 299, 295.

⁷⁹ Там же. С. 301.

- Григорович-Барский В.Г. Странствования по святым местам Востока. Ч. I. 1723–1727 гг. М., 2004.
- Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973.
- Кобищанов Ю.М. Встреча христианских цивилизаций в святых местах Палестины и Египта (глазами русских паломников XV–XVIII веков) // Богословские труды. Сб. 35. К 150-летию Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1847–1997). М., 1999. С. 197–204.
- Перминов П.В. Посол III класса. М., 1992.
- Перминов П.В. История жизни младшего Григоровича (отрывки) // Путешествия в Святую Землю. Записки русских путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 300–318.
- Попов А.П. Младший Григорович. Новооткрытый паломник по св. местам XVIII века. Кронштадт, 1911.
- Путешествие во Иерусалим Саровския общежительныя пустыни Иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. М., 1798.
- «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / изд. подг. О.А. Белоброва, М. Гардзанини, Г.М. Прохоров (отв. ред.), И.В. Федорова. СПб., 2007.
- Чернышевский Н.Г. Путешествие А.С. Норова // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15-ти т. Т. II. М., 1949.
- Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte / Hrsg. W. Schulze. Berlin, 1996.
- Kirillina S. Representations of the Animal World of the Ottoman Empire in Russian Christian Pilgrims' Accounts (Sixteenth – Eighteenth Centuries) // Animals and People in the Ottoman Empire / ed. S. Farroghi. Istanbul, 2010. P. 75–97.
- Stavrou T.G., Weisensel P.R. Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. Columbus, 1986.
- Touching the Past. Studies in the Historical Sociolinguistics of Ego-documents / eds M.J. van der Wal, G. Rutten. Amsterdam; Philadelphia, 2013.

References

- A.D. (Dmitrievskij A.A.) Kritika i bibliografija: Prot. A.P. Popov. Mladshij Grigorovich. Novootkrytyj palomnik po sv. mestam XVIII veka [Critique and Bibliography: Protopope A.P. Popov. Grigorovich the Junior. A Newly Discovered Pilgrim to the Holy Places of the 18th Century] // Soobshhenija Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva [Proceedings of the Imperial Orthodox Palestinian Society]. 1911. Vol. 22. S. 475–480. (In Russ.)
- Bolhovitinov E. Slovar' istoricheskij o byvshih v Rossii pisateljah duhovnogo china Greko-rossijskoj cerkvi [The Historical Dictionary of the Russian Writers – Clerics of the Greek Orthodox Church]. Moskva, 1995. (In Russ.)
- Chernyshevskij N.G. Puteshestvie A.S. Norova [The Journey of A.S. Norov] // Chernyshevskij N.G. Poln. Sobr. Soch. [Complete Works]: v 15 vols. Vol. II. Moskva, 1949. S. 517–543. (In Russ.)
- Dancig B.M. Blizhnij Vostok v russkoj nauke i literature (dooktjabr'skij period) [The Middle East in Russian Scholarship and Literature (Pre-October Period)]. Moskva, 1973. (In Russ.)
- Grigorovich-Barskij V.G. Stranstvovanija po svjatym mestam Vostoka [The Wanderings to the Holy Places of the East]. Pt. I. 1723–1727. Moskva, 2004. (In Russ.)
- «Hozhenie» igumena Daniila v Svjatuju Zemlju v nachale XII v. [The Pilgrimage of Abbot Daniel to the Holy Land in the Early 12th Century] / izd. podg. O.A. Belobrova, M. Gardzaniti, G.M. Prokhorov (otv. red.), I.V. Fedorova. Sankt-Peterburg, 2007. (In Russ.)
- Kobishchanov Ju.M. Vstrecha hristianskih civilizacij v svjatyh mestah Palestiny i Egipta (glazami russkih palomnikov XV–XVIII vekov) [An Encounter of Civilizations in the Holy Places of Palestine and Egypt (through the Eyes of Russian Pilgrims of the 15th–18th centuries)] // Bogoslovskie trudy. Sb. 35. K 150-letiju Russkoj Duhovnoj Missii v Ierusalime [Theological Works. Collection 35. On the 150th Anniversary of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem]. Moskva, 1999. S. 197–204. (In Russ.)
- Perminov P.V. Istoriya zhizni mladshego Grigorovicha (otryvki) [History of the Life of Grigorovich the Junior (Fragments)] // Puteshestvija v Svjatuju Zemlju. Zapiski russkih puteshestvennikov XII–XX vv. [Travels to the Holy Land. Accounts of Russian Travelers of the 12th–20th Centuries]. Moskva, 1994. S. 300–318. (In Russ.)
- Perminov P.V. Posol III klassa [Ambassador of the III Rank]. Moskva, 1992. (In Russ.)
- Popov A.P. Mladshij Grigorovich. Novootkrytyj palomnik po sv. mestam XVIII veka [Grigorovich the Junior. A Newly Discovered Pilgrim to the Holy Places of the 18th Century]. Kronstadt, 1911. (In Russ.)
- Puteshestvie vo Ierusalim Sarovskija Obshchegzhitel'nyja Pustyni Ieromonaha Meletija v 1793 i 1794 godu [The Journey to Jerusalem of Priest-Monk Meletij of the Sarov Cenobitic Pustyn in 1793 and 1794]. Moskva, 1798. (In Russ.)
- Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte / Hrsg. W. Schulze. Berlin, 1996.
- Kirillina S. Representations of the Animal World of the Ottoman Empire in Russian Christian Pilgrims' Accounts (Sixteenth – Eighteenth Centuries) // Animals and People in the Ottoman Empire / ed. S. Farroghi. Istanbul, 2010. P. 75–97.
- Stavrou T.G., Weisensel P.R. Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. Columbus, 1986.
- Touching the Past. Studies in the Historical Sociolinguistics of Ego-documents / eds M.J. van der Wal, G. Rutten. Amsterdam; Philadelphia, 2013.

DOI: 10.31857/S0130386424060062

© 2024 г. Т.Ю. КОБИЩАНОВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРОРОЧЕСТВА: ДАМАССКАЯ «ЛЕГЕНДА ОБ АСТРАХАНСКИХ СТАРЦАХ» В КОНТЕКСТЕ АРАБО-РОССИЙСКИХ КОНТАКТОВ XVIII века

Кобищанов Тарас Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: kobishchanov@mail.ru

Scopus Author ID: 57220932499; *ORCID:* 0000-0001-8165-0897; *Researcher ID:* AAV-6437-2021

Аннотация. Во второй половине XVIII в. между арабским миром и Россией в дополнение к существовавшим церковным связям возникли первые дипломатические и военно-политические контакты. Принято считать, что религиозные сношения и взаимодействие по светской линии являлись параллельными, слабо пересекавшимися друг с другом процессами. Недавно обнаруженные в российских архивах документы опровергают эту теорию. Тем не менее остается не до конца ясным ход мыслей, который толкнул в начале 1770-х годов ряд ближневосточных правителей и их арабо-христианских советников к ставшему для них фатальным военному союзу с Россией. В поисках возможного ответа автор статьи обращается к документу, который ранее не являлся предметом детального изучения историков: «Легенде об астраханских старцах», пророчеству, зафиксированному дамаским хронистом Михаилом Брайком (ум. 1781 г.). В статье исследуется текст предсказания, якобы пришедшего в 1758 г. в Иерусалим из российской Астрахани; анализируются предпосылки его появления и социальный фон, сделавший это откровение актуальным для жителей Сирии; выявляется его предполагаемый автор, демонстрируются использованные им литературные и манипулятивно-психологические приемы; препарируется внутренняя структура документа; предлагается гипотеза о влиянии пророчества на последовавшие политические решения ближневосточных правителей.

Ключевые слова: Сирия, Россия, внешняя политика, эсхатология, пророчества, Османская империя, Михаил Брайк, военные союзы.

T.Yu. Kobishchanov

The Story of a Prophecy: The Damascene “Legend of the Astrakhan Elders” in the Context of Arab-Russian Encounters in the 18th Century

Taras Kobishchanov, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: kobishchanov@mail.ru

Scopus Author ID: 57220932499; *ORCID:* 0000-0001-8165-0897; *Researcher ID:* AAV-6437-2021

Abstract. In the second half of the 18th century, the initial diplomatic and military-political contacts emerged between the Arab world and Russia, in addition to the pre-existing inter-religious ties. It is commonly accepted that religious relations and interactions along the secular line were parallel processes that exhibited a degree of intersection with each other. Recently discovered documents in Russian archives refute this theory. Nevertheless, rationale behind the decision of

several Middle Eastern rulers and their Arab-Christian advisers to form a fatal military alliance with Russia in the early 1770s remains opaque. In order to shed further light on the matter, the author of the article turns to a document that has not previously been subjected to in-depth historical analysis: “The Legend of the Astrakhan Elders”, a prophecy recorded by the Damascus chronicler Mikhail Brayk (d. 1781). The author examines the text of the purported prophecy that is alleged to have originated in Astrakhan, Russia, and made its way to Jerusalem in 1758. He analyses the prerequisites for its appearance and the social background that made this revelation relevant to the inhabitants of Syria. Furthermore, he identifies its alleged author, demonstrates the literary and manipulative psychological techniques used by him; dissects the internal structure of the document, and suggests a hypothesis about the influence of this prophecy on subsequent political decisions of Middle Eastern leaders.

Keywords: Syria, Russian-Arab contacts, eschatology, prophecy, Ottoman Empire, Mikhail Brayk.

С 1739 по 1768 г. Османская империя наслаждалась редким периодом продолжительного мира с западными соседями. Предыдущие войны закончились для Высокой Порты¹ удачно: на Балканах удалось отстоять от посягательств Австрии Сербию и Валахию; попытки России прорваться к устьям Дона, Днепра и Дуная привели к утрате лишь небольших территорий, включая демилитаризованный Азов; Венеция была вытеснена из Эгейского моря и потеряла почти все владения в Греции. Единственный за эти десятилетия крупный вооруженный конфликт с иранским правителем Надир-шахом в итоге также завершился восстановлением статус-кво.

На границах Османской империи в 1750-х годах было спокойно, чего нельзя сказать о ее столице и провинциях. За внешним фасадом благополучия в «Верховном государстве» нарастал глубокий внутренний кризис². Причины этого кризиса современникам были неясны, но последствия ощущались ими весьма отчетливо. Падение престижа олицетворяемой падишахом центральной власти вело к мятежам в центре и на периферии империи. Стамбул утрачивал рычаги эффективного руководства провинциями, в них усилились центробежные тенденции. Подданные султана теряли веру в его способность стоять на страже законности и справедливости, а также столь ценимых простонародьем порядка и безопасности. Османская монета девальвировалась, усиливалась инфляция, росли цены. Чиновникам и военным перестало хватать их жалования. Процветала коррупция, горожане страдали от стычек вооруженных группировок, сельскую местность терроризировали кочевники и разбойничьи шайки, на дорогах стало небезопасно. Жители столицы и провинциальных центров с тоской вспоминали о спокойной и благополучной жизни своих отцов и дедов.

На этом сумрачном общественно-политическом фоне обитателям Дамаска — крупнейшего сирийского мегаполиса, третьего города империи по числу жителей — не повезло вдвойне.

Казалось, сирийцев наказывает сам Господь.

На 1740-е годы пришлось начало новой волны похолодания, так называемой Третьей фазы Малого ледникового периода³. Климатические изменения затронули не только Европу, в которой установились чрезвычайно суровые зимы, но и Ближний Восток. В частности, для Дамаска снегопады стали нередким явлением, а зимой 1749–1750 гг. и 1756–1757 гг. снег по 20 дней лежал на городских улицах и крышах⁴. Глобальное похолодание принесло в Сирию значительные бедствия. Арабские летописи середины XVIII в. фиксируют неожиданные весенние и осенние заморозки; губящий посевы и урожай огромный град; необычайно продолжительные дожди; вышедшие из берегов реки, потоками воды, сносящие все на своем пути; ураганные ветры; нашествия саранчи.

¹ Высокая Порта — наименование центрального аппарата власти Османской империи.

² Подробнее см.: Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке: черты структурного кризиса. М., 1991.

³ Фейган Б. Малый ледниковый период. Как климат изменил историю, 1300–1850. М., 2022.

⁴ ал-Будайри Шихабдин Ахмад. Ежедневные события Дамаска аш-Шам с 1154 по 1176 год (1741–1763). М., 2021. С. 202, 269.

В эти же десятилетия Средиземноморский регион вошел в период сейсмической активности. Тектонический процесс нарастал с 1747—1749 гг., а после Великого Лиссабонского землетрясения 1 ноября 1755 г. в Западной Европе и Средиземноморье началась многолетняя серия подземных толчков, отличавшихся неслыханной силой. Сейсмическая активизация шла волнами, достигла высшего уровня в 1755—1760 гг., а после 1769 г. упала до фоновой. Про европейские землетрясения середины XVIII в. известно хорошо⁵, но значительно пострадала и Сирия. В сентябре 1757 г., октябре и ноябре 1759 г., а также в феврале — марте 1760 г. Дамаск потрясла серия мощнейших подземных толчков. Наиболее гибельным был ноябрьский цикл сейсмических ударов. Рухнуло множество минаретов, мечетей и медресе, главный купол мечети Омейядов, «башни крепости и большинство домов Дамаска. А то, что избежало обрушения, осыпалось, и было убито много народу, особенно в деревнях»⁶.

Политические потрясения и стихийные бедствия влекли за собой дороговизну продуктов на рынках, а иногда и голод. Городская беднота открыто выражала недовольство. Летописец Шихабaddin Ахмад аль-Будайри описывал, как простые жители кричали представителям городской знати: «Убирайтесь! Нет для вас благословения Аллаха! Вы лицемеры, помогающие правителям притеснять бедняков и обездоленных!» Целые кварталы были разрушены в ходе землетрясений, а также военных операций властей и стычек противоборствующих группировок. Антисанитария привела к распространению болезней. Ослабленные недоеданием организмы бедняков не могли сопротивляться заболеваниям. Начались эпидемии оспы, чумы, холеры, кори и краснухи. В итоге после катастрофы 1757—1759 гг. чума достигла неслыханных масштабов. В марте 1760 г. рамадан, месяц поста, «стал праздником для мертвых и живых, но для мертвых больше... каждый день было около тысячи похоронных шествий»⁷.

Как отмечала И.М. Смилянская, «эпидемию чумы ал-Будайри связывает с появлением в городе большого числа “дочерей греха и страсти” и с их разнузданным поведением»⁸. Моральная деградация сама превратилась в эпидемию, распространяясь по стране как чума: «Женщины стали общедоступными, мужчины преступают запретное, границы [морали] сметены, знатные заняты собою, мужская доблесть скована, каждый занят своими делами, и люди гибнут неизбежно»⁹, — так начинается в хронике описание 1164 г. хиджры (1750—1751).

Вскоре сирийцам довелось столкнуться с событиями столь ужасными, что они затмили прежние людские грехи и пороки. В результате климатических изменений Малого ледникового периода на рубеже XVII—XVIII вв. в Аравии стали реже идти дожди. Засуха заставила покинуть традиционные места кочевания могущественный бедуинский союз *аназа*. Миграция продолжалась всю первую половину XVIII в. и резко ускорилась после неимоверной засухи 1750 г. В ходе нескольких битв *аназа* разгромили кочевавший в Южной Сирии и Заиорданье «Союз племен Севера» (араб. Ахль аш-шималь) и к 1757—1758 гг. достигли Хомса и Хамы¹⁰. Лишившись традиционных источников пропитания и добычи, утратив многочисленные стада, потеряв в сражениях, от голода и болезней тысячи единоплеменников, бедуины стали терроризировать торговцев и паломников. Наиболее трагична оказалась судьба каравана хаджа 1757 г. Бедуинов, атаковавших хаджи, аль-Будайри называл *кафирами* (араб. «неверными»), будучи не в силах представить, что такое могли совершить мусульмане. В поисках ценностей кочевники «раздевали мужчину и искали у него под мышками, между ягодицами, во рту и под ятрами. А если находили мужчину с большим животом или с кармом, то есть водянкой мошонки, то они вспарывали его живот и вскрывали

⁵ Иогансон Л.И. О связи сейсмической активизации в приатлантической Европе и Америке с землетрясениями 1 ноября 1755 и 31 марта 1761 годов // Необычные и экстремальные явления XVIII века. Сборник научных трудов. Вып. 3 / сост. С.Ю. Нечаев. СПб., 2020. С. 111—129.

⁶ ал-Будайри. Указ. соч. С. 299.

⁷ Там же. С. 272. 303.

⁸ Смилянская И.М., Нофал Ф.О. Предисловие // ал-Будайри Шихабaddin Ахмад. Ежедневные события Дамаска аш-Шам... С. 28.

⁹ ал-Будайри. Указ. соч. С. 216.

¹⁰ Аганин А.Р. Племена Сирийской пустыни и долины Евфрата. М., 2018. С. 45, 58, 65—66.

его карр... Они залезали руками в задний проход мужчинам и в гениталии к женщинам... Одним словом, — суммировал аль-Будайри, — бедуины натворили таких дел, о которых не слышали с давних времен». Полураздетые паломники, страдая от голода и жажды, четыре дня добирались до обитаемых мест. Тысячи хаджи не смогли этого сделать, хотя «некоторые из них пили мочу друг друга»¹¹. Многие из тех, кто достиг Дамаска, начали умирать уже в городе от истощения, обезвоживания и перенесенного шока¹².

Разгром каравана паломников лишь усилил разочарование сирийцев действиями властей. Пашу Хусайна аль-Макки дамаскинцы обвиняли в неспособности защитить хадж и даже в присвоении денег, предназначенных на обеспечение безопасности каравана. Отдельные стычки между различными военными корпусами вспыхивали и прежде, теперь же волнения приобрели неслыханный размах, погружая Дамаск в кровавый хаос. Усмирить мятежный город Порты поручила новому наместнику 'Абдалла-паше аш-Шатиджи. В Дамаск он прибыл в январе 1758 г. во главе отрядов стамбульских солдат и незамедлительно обрушился на местных янычар. «Солдаты, — писал аль-Будайри, — не оставили ни дома, ни лавки, ни женщин, ни детей без того, чтобы не ограбить или взять в плен, и среди добычи обесчестить красивых женщин или непорочных девушек или совершить что-либо еще, от чего меркнет взор. [Люди] предпочли бы смерть кружащую, чем видеть столь ужасающие и огромные зверства... Когда произвели подсчет домов, которые были ограблены, — ужасался летописец, — то получилось около 24 тысяч домов, а лавок еще больше»¹³.

1740–1750-е годы, особенно 1757–1759 гг., можно назвать одним из самых тяжелых периодов в многотысячелетней истории Дамаска. Происходившие в это время страшные события, как рукотворные, так и вызванные силами, неподвластными человеку, заставляли сирийцев думать, что чаша терпения Господня исчерпана. Ожидание конца света, Апокалипсиса, Судного дня было характерно для ряда периодов Средневековья и Нового времени, в том числе и на Ближнем Востоке. Это отмечалось и И.М. Смилянской, которая так писала о предчувствии, пронизывающем хронiku аль-Халляка: «Частые упоминания о Конце света при всех природных катаклизмах свидетельствовали о реальных ожиданиях кончины мира, хотя современный читатель может принять эти упоминания за словесные клише»¹⁴.

Еще в начале 1740-х годов аль-Халляк надсмехался над ходившими среди земляков суевериями: «Среди простонародья поползли слухи, — иронизировал он, — что в Дамаске произойдут великие землетрясения, из-за которых случатся многочисленные разрушения, что мужчины превратятся в женщин, что реки аш-Шама (Сирии. — Т.К.) потекут едой»¹⁵. В распространении этих измышлений хронист обвинял шиитов, которых презрительно называл *рафидитами* (араб. «отвергающими»):

«Рафидиты столько врани, что мы поседели.

Они не ведают, что ложь позорна,

Смущали слухами о землетрясении...

Проклятые! — они, видите ли, знают сокровище»¹⁶.

Однако полтора десятилетия спустя хронисту стало уже не до сарказма. После истребления каравана хаджа в 1757 г., разрушения города правительственными войсками в 1758 г. и землетрясением в 1759 г. Ахмада аль-Будайри оставили энергия и желание писать: страницы его хроники становятся сухими и краткими. Исследователи считают, что события конца 1750-х годов разрушили уверенность аль-Будайри в существовании «справедливого равновесия между нарушением божественных законов и возмездием»¹⁷.

¹¹ *ал-Будайри*. Указ. соч. С. 282.

¹² Там же. С. 285.

¹³ Там же. С. 289.

¹⁴ *Смильская И.М., Нофал Ф.О.* Указ. соч. С. 27.

¹⁵ *ал-Будайри*. Указ. соч. С. 47.

¹⁶ Там же. С. 54.

¹⁷ *Смильская И.М., Нофал Ф.О.* Указ. соч. С. 28–29.

И в это же время другой дамаский летописец зафиксировал в своих анналах грозное пророчество, в точных датах предсказывавшее хронологию грядущего конца света. Это предсказание было непосредственно связано с Россией, а записал его православный христианин Михаил Брайк¹⁸.

Основные сведения о Михаиле Брайке содержатся в его хронике. 8 сентября 1748 г. он получил пост дьякона при дамаском кафедральном соборе аль-Марьямийя (Успения Богородицы) православного Антиохийского патриархата, а 10 дней спустя был рукоположен в священники. В 1750 г. отец Михаил был возведен в более высокий пресвитерский сан *хури* и протопопа. Как минимум дважды, в 1750 и 1767 гг., он выполнял обязанности патриаршего наместника (вакия) в Дамаске. В 1768 г., а также, возможно, в начале 1770-х годов отец Михаил служил экономом-настоятелем Сайднайского монастыря, хотя, как он сам отмечал в летописи, эта должность не привлекала его¹⁹. Страстью Михаила Брайка были исторические исследования²⁰. До нашего времени дошли несколько составленных им сочинений, включая анналы «История Дамаска», содержащие вставную новеллу о пророчестве.

Хроника фокусируется на жизни местной православной общины, однако в поле зрения автора неизбежно попадают и основные городские происшествия, а также некоторые события региональной и даже мировой истории. Дана Саджди, известная исследовательница сирийской историографии XVIII в., заключала, что из всех современных ему летописцев «Бурайк обладает самым замечательным историческим видением»²¹. При всем новаторстве «История Дамаска» одновременно является и типичной арабо-христианской летописью, лейтмотивом которой выступает плач о страданиях и лишениях, которые претерпевают истинно верующие под властью мусульман.

Михаил Брайк был чрезвычайно обеспокоен воцарившейся среди его единоверцев распущенностью, падением нравов и утратой моральных ориентиров. Особое негодование вызывали у священника те христианки, что позволяли себе по субботам ярко наряжаться и выезжать на загородные пикники, где они, не скрываясь, курили и распивали кофе и спиртное. «Кислый виноград ели они, а оскоминой в результате сводило зубы их мужей. Воистину, говорим мы, — резюмировал священник, — что нет такого вреда или зла, причиной которых не были бы женщины»²².

Помимо распущенности слабого пола, Михаила Брайка явно тревожило падение нравов в среде православного духовенства. Он сетовал, что антиохийский патриарх Даниил (1767—1791) активно ссужал деньги под проценты, превратившись в ростовщика, что церковные иерархи публично ели мясо на праздновании Рождества, что они злоупотребляли сотруничеством с мусульманскими властями²³. «Знайте, вы, кто сейчас читает эту мою историю, — обращался отец Михаил к будущим поколениям, — если в ваше время вы видите отсутствие согласия или недостаток любви меж епископов, а также меж священников, монахов и христиан в целом, знайте, что так было и в прежние времена, но еще более усилилось в наше время»²⁴.

Моральное разложение клира Брайк считал одной из причин того, что многие его единоверцы отвортились от православия, перейдя во «франкскую ересь» — унию с Римом. Свою уменьшавшуюся в размерах общину хронист сравнивал с «новым народом Израилевым»²⁵, богоизбранной группой, правоверие которой будет обязательно вознаграждено, не на этом свете, так на том.

¹⁸ Исследователи также транскрибируют его фамилию как Брейк, Барик или Бурайк.

¹⁹ *Brayk Mikā'il ad-Dimašqī*. Ta'riḥ aš-Šām, 1720—1782. Damascus, 1982. С. 92—93.

²⁰ Панченко К.А. Михаил Брейк // Православная энциклопедия. Т. 45. М., 2017. С. 703—704.

²¹ *Sajdi D. The Barber of Damascus. Nouveau Literacy in the Eighteenth-Century Ottoman Levant*. Stanford, 2013. P. 81.

²² *Brayk Mikā'il ad-Dimašqī*. Op. cit. P. 63—64.

²³ Ibid. P. 32, 94—95, 109.

²⁴ Ibid. P. 78—79.

²⁵ Ibid. P. 84.

Таким образом, грозные природные катаклизмы, падение общественной морали, кризис законности и порядка, ожесточение и разврат — все в конце 50-х годов XVIII в. указывало жителям Дамаска на то, что приходят последние времена перед концом света. И тут христианам Сирии были явлены не просто божественные знаки, но прямое и недвусмысленное пророчество, записанное Михаилом Брайком. Историки еще не подвергали разбору этот достаточно объемный документ, воспринимавшийся лишь как одно из эсхатологических предсказаний. Текст помещен в анналы Брайка в конце 1759 г., хотя в преамбуле летописец отмечал, что «послание» прибыло в Иерусалим в феврале 1758 г.²⁶ Нам неизвестны в точности причины расхождения указанных дат. Можно предположить, что зафиксировать апокалиптическое пророчество Михаила Брайка заставило катастрофическое землетрясение ноября 1759 г. Отдельного заглавия этот текст не имеет, поэтому нами он условно назван «Легенда об астраханских старцах».

Структура записанного Михаилом Брайком пророчества строится по формуле: «надежный передатчик» + «авторитетный рассказчик» + «сверхъестественная фигура предсказателя» + «христианская природа пророчества»-«достоверное предсказание».

Цепочка передатчиков, приведенная в преамбуле повествования, напоминает классический мусульманский *иснад*²⁷, призванный через опору на авторитетность источников подтвердить достоверность самого текста. Вот как эта цепочка описана в летописи: «Это текст послания, которое отправил правитель Астрахани царице Елизавете²⁸, а от царицы — к приближенному к ней послу в Константинополе, а из Константинополя его отправили патриарху Кириллосу, сосланному в то время на Кипр. Упомянутый же патриарх отправил этот текст даскалосу²⁹ отцу Йа'кубу, в Благородный Иерусалим, а из Благородного Иерусалима это послание забрал отец Сильвестр и отправил его своему дяде антиохийскому патриарху Сильвестру»³⁰.

Список передатчиков пророчества позволяет предположить, кто являлся его составителем. Автора следует искать в кругу упомянутых церковных иерархов: константинопольского патриарха Кирилла V Каракалла; просветителя и педагога Иакова (араб. Йа'куба) Патмосского; антиохийского патриарха Сильвестра Кипрского и его племянника Сильвестра, митрополита Латакии. Эти высокопоставленные православные клирики были весьма близки между собой, солидаризировались по важнейшим церковным вопросам и вели совместную борьбу против католического прозелитизма.

Из упомянутого списка, вероятно, следует исключить обоих антиохийских иерархов, дядю и племянника. Аргументов, как представляется, три. Во-первых, сложно предположить, чтобы в тесно связанной друг с другом среде высшего православного клира автором «пророчества» было, если так можно выразиться, последнее звено в цепи его передатчиков. Обман вскрылся бы быстро. Вторым аргументом является то, что зафиксированный Михаилом Брайком текст, несомненно, являлся переводом с греческого, на что указывал его первый издатель Кустантын аль-Баша аль-Мухаллыси³¹. Ряд топонимов и имен собственных переданы в эллинизированной версии; звучание других настолько исказилось при арабской транскрипции, что определить их невозможно. Это исключает авторство арабоязычного сочинителя. В то же время мы знаем, что и сам патриарх Сильвестр, и его племянник свободно владели как арабским, так и греческим: оба языка были для них родными³². Двухязычие Сильвестра не позволило бы появиться путанице в переводе топонимов. Третьей же, хотя и косвенной причиной может стать довольно скромное образование, полученное патриархом. Как отмечал отечественный исследователь К.А. Панченко, «Сильвестр не оставил литературного наследия, за исключением переводов, посланий

²⁶ Ibid. P. 53.

²⁷ Иснад (араб. «подписание») — совокупность ссылок на рассказчиков в сборниках хадисов Сунны.

²⁸ Российской императрице Елизавете Петровне.

²⁹ Даскалос — от дидакал (греч. «учитель»).

³⁰ Brayk Mik'ıl ad-Dimaşqı. Op. cit. P. 53.

³¹ Ibid. P. 54.

³² Панченко К.А. Сильвестр // Православная энциклопедия. Т. 63. М., 2021. С. 355.

и административных документов»³³. Словом, для автора столь замысловатого текста патриарх обладал слишком бедной писательской фантазией.

В этой связи следует более пристально присмотреться к двум другим иерархам, упомянутым в цепочке передатчиков. К 1758 г. Кирилл V Каракалла уже пережил низложение в мае — июне 1751 г., недолгое изгнание, восстановление на патриаршем престоле в сентябре 1752 г., повторную отставку в январе 1757 г. и ссылку на Кипр. Реформаторская деятельность Кирилла V заключалась в его решительной борьбе с леностью и сибаритством архиереев, желавших жить в столице, а не в своих епархиях, а также в восстановлении пошатнувшегося финансового положения патриархата и развитии внутрицерковной системы здравоохранения и образования. В частности, в 1749—1750 гг. он основал Афонскую академию (Афониаду) в Ватопедском монастыре на горе Афон.

Другим центром православного просвещения в Восточном Средиземноморье середины XVIII в. являлась школа Иакова Патмосского. В августе 1726 г. преподаватель Патмиады (Патмосской академии) иеромонах Иаков по приглашению Антиохийского патриарха Сильвестра открыл училище в Халебе (Алеппо), в 1728 г. оно было перенесено в сирийский Триполи, а в 1733 г. — в Дамаск. Школа Иакова Патмосского приобрела широкую известность среди православных Ближнего Востока, в ней одновременно занимались более 100 учеников. В силу финансовых трудностей, противодействия католиков и разразившейся в Сирии эпидемии училище пришло в упадок, и в 1736—1737 гг. дидакал восстановил преподавание в Иерусалиме. К 1758 г. схоларх Иаков являлся уважаемым педагогом-просветителем и одним из самых авторитетных православных проповедников и богословов, приближенным иерусалимского патриарха Парфения Гераниса.

В числе важнейших внутрицерковных проблем, волновавших в то время православный клир Османской империи, был спор о повторном крещении католиков. В этом вопросе Кирилл V, Иаков Патмосский и покровитель последнего Парфений Геранис заняли единую непримиримую позицию: иноверным христианам, желавшим перейти в православие, необходимо пройти повторный обряд полного крещения. В июле 1755 г. Кирилл Каракалла издал *орос*³⁴, в котором ультимативно заявлялось о необходимости перекрещивания. Помимо патриархов Кирилла Константинопольского и Парфения Иерусалимского, *орос* подписал Александрийский патриарх Матфей Псалт. Антиохийский патриарх Сильвестр после некоторых колебаний от подписания уклонился, как полагает К.А. Панченко, «возможно, надеясь на возвращение в Православие многих недавно принявших унию, он не хотел создавать для этого канонические препятствия»³⁵.

«Орос о латинском крещении собора Восточных патриархов 1755 года» отменить было нельзя, но оппоненты Кирилла V не смирились с поражением. Против Константинопольского патриарха была развязана широкая кампания по дискредитации. Она включала несколько полемических произведений, наиболее значительным из которых являлся стихотворный памфлет «Разрушитель заблуждений, или Обличение Авксентия и Кирилла»³⁶. Архиереи, выступившие в 1755 г. против повторного крещения католиков, были высланы Кириллом из столицы, но его главный противник, митрополит проилавский Каллиник, нашел убежище во французском посольстве. Французские дипломаты использовали давление и подкуп, чтобы убедить султанский двор и Высокую Порту сместить патриарха. В январе 1757 г. Константинопольский синод избрал на престол Каллиника, собственноручно подписавшего акт о низвержении своего предшественника. Интронизация нового патриарха проходила под усиленной охраной янычар, сдерживавших толпу православных от расправы над владыкой. Предстоятельство Каллиника IV продолжалось лишь полгода.

³³ Там. же.

³⁴ Орос — от греч. «граница, рубеж, предел» — догматическое положение, сформулированное на Вселенском соборе.

³⁵ Панченко К.А. Сильвестр. С. 354.

³⁶ Луховицкий Л.В. Кирилл V // Православная энциклопедия. Т. 34. М., 2014. С. 561—562.

Однако после его отставки в июле 1757 г. Кириллу Каракалла не разрешили вернуться из ссылки, а на патриарший трон был избран митрополит филиппопольский Серафим.

Итак, Кирилл Каракалла и дидаскал Иаков Патмосский (а также его покровитель Парфений Геранис) были единомышленниками. Этнические греки, высокообразованные, явно недовольные мягкотелостью и конформизмом значительной части клира, с тоской глядевшие в сторону единой России. Парфений Геранис как минимум с начала 1740-х годов поставлял секретную информацию российскому резиденту в Стамбуле в 1734–1736 и 1739–1745 гг. А.А. Вешнякову³⁷. Восточные православные иерархи регулярно отправляли в Санкт-Петербург и Москву посланников с просьбами о «милостыни», которые удовлетворялись царским правительством более или менее щедро.

Наиболее вероятным автором «пророчества» является Кирилл Каракалла. Причина не только в том, что он назван первым в цепочке передатчиков. В «Легенде» говорится, что именно священнослужители более, чем миряне, стали источником «неисправимой ненасытной алчности и сребролюбия, барышничества и зависти, распутства и воровства, богохульства и злодеяний»³⁸. Подобный антиклерикальный выпад более естественен для с позором низложенного и изгнанного в ссылку патриарха, нежели для благоденствующего схоларха Иерусалимской академии. О возможных мотивах, которыми руководствовался Кирилл Каракалла при составлении «пророчества», мы поговорим после анализа текста, а пока обратимся к фигуре литературного героя-рассказчика.

В качестве такового выступает некий «правитель Астрахани Курлос»³⁹, фигура явно вымышленная. Губернатором Астрахани с декабря 1753 по 1760 г. являлся генерал-майор А.С. Жилин, сменивший на этом посту камергера И.О. Брылкина. Курлос назван «московским солдатом (офицером)» и грузином по национальности⁴⁰. Вероятно, автору легенды было известно, что в Астрахани, действительно, существовала значительная грузинская община. С 1724 по 1737 г. в городе со своей свитой поселился царь Картли Вахтанг VI, там он умер и был похоронен в Успенском соборе Астраханского кремля. После смерти царя его наследники остались жить в городе⁴¹.

Автору «Легенды» нужно было убедить читателя в том, что Курлос – надежный рассказчик. Для этого он использовал несколько литературных приемов. Во-первых, текст представлен в виде письма, который астраханский наместник отправил своему коллеге «уважаемому правителю Дургру»⁴², неопределимого города, название которого, возможно, вымышлено изначально, возможно, исказилось при переводе с греческого⁴³. При этом послание является лишь частью переписки между двумя чиновниками: Курлос ссылается на предыдущее письмо, якобы отправленное в 1754 г., в нем повествуется о явлении старцев в Париже.

Уверению читателя в надежности рассказчика, помимо эпистолярного жанра, служит и техника подачи информации. Курлос выступает в качестве одного из главных персонажей происшедших событий, при этом автор не стремится ни приукрасить себя лично, ни скрыть свои просчеты и явные ошибки. Астраханский губернатор предстает честным, но не слишком прозорливым служакой, более всего опасавшимся общественных беспорядков и гнева начальства. Испугавшись «смуты и волнений в народе», правитель приказал заключить старцев в тюрьму, а сам направил донесение в Петрополь⁴⁴ и стал ждать высочайших инструк-

³⁷ Панченко К.А. Иерусалимский Патриарх Парфений (1737–1766 гг.) и Россия: непонятый союзник // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 271–285.

³⁸ Brayk Mikā'il ad-Dimašqī. Op. cit. P. 55.

³⁹ Ibid. P. 58.

⁴⁰ Ibid. P. 54.

⁴¹ Кулаков В.О. Грузинский царь Вахтанг VI в Астрахани: страницы истории тайной дипломатии России (первая треть XVIII в.) // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20). С. 99–105.

⁴² Brayk Mikā'il ad-Dimašqī. Op. cit. P. 54.

⁴³ При определенной фантазии в звучании можно услышать как искаженные топонимы Тартар (Татария), так и Оренбург.

⁴⁴ Эллинизированная версия названия Петербурга.

ций. Действуя разумно, согласно чиновной логике, Курлос признавался и в служебном просчете: он не приказал обыскать старцев «с должным тщанием», в чем раскаивался⁴⁵.

Следующая задача, которую преследовал автор «Легенды», — убедить читателя в сверхъестественности фигур самих предсказателей. Святость старцев он доказывал как через их праведность и аскетизм, так и демонстрацию ими дара чудотворения. Внешность предсказателей вызывала в памяти фигуры ветхозаветных пророков: «Вид седин их внушал благоговение, — говорилось в «Легенде», — а их собственный облик вселял трепет. Питались они одним лишь хлебом и водой... Эти старцы ходили по улицам города одетыми в столь странную одежду, что все, кто у нас был из разных народов, не могли знать, что за нация так одевается. Ходили они босыми, с непокрытыми головами, возопя и глаголя, что небеса сильно разгневаны по причине многих грехов и великого зла, творящегося среди христиан». На просьбы представиться старцы отвечали так: «Имена наши: Призывающие к покаянию и Предтечи Второго пришествия Христа»⁴⁶.

Чудотворство, выступающее в христианстве непосредственной производной святости, старцы демонстрировали не скупясь. Более того, явленные ими чудеса имели под собой очевидную евангельскую основу. Целительство человека, у которого были парализованы (иссохли) обе руки, и возвращение зрения слепому — не что иное как аллюзия к известным чудесам Христа⁴⁷, причем в первом случае — либо к «исцелению расслабленного»⁴⁸, либо к «исцелению сухорукого»⁴⁹. Другие необыкновенные события — глоссолалия и избавление из темницы — к чудесным явлениям, описанным в «Деяниях апостолов»⁵⁰. Особое внимание автор «Легенды» уделял их способности говорить на разных языках (глоссолалии): дару, аналогичному тому, что был обретен апостолами вследствие сошествия на них Святого Духа в Пятидесятницу. Курлос сообщал: «Упомянутые старцы ... отвечали нам на нашем тронном (айрикийя) языке и на русском, а пречистому первосвященнику — на греческом, иезуитам же — на латыни и французском, остальным же — на турецком и персидском, говоря [на этих языках] бегло и прекрасно ими владея»⁵¹.

Сюжетная линия «Легенды» довольно замысловата. Начало ее относится к 1754 г., когда старцев-монахов якобы видели в Париже. Позднее они были замечены в Индостане, во владениях Великого могола, и, наконец, в марте 1756 г. появились в Астрахани. «Никто не заметил и не знал, как они попали в город, — говорилось в «Легенде», — поскольку городские ворота у нас постоянно заперты как по обычаю, так и по закону, так и должно быть в каждой крепости, особенно же в нашей, ибо персы стоят у границ»⁵². Проповеди старцев и их публичные призывы к покаянию привлекли общественное внимание, за монахами по улицам следовала «неисчислимая толпа». Власти были вынуждены отреагировать. Желая выяснить, не являются ли старцы «чародеями-звездочетами», Курлос подвергнул их допросу, в котором приняли участие «архиепископ мудрый Бар»⁵³ Дискулабу Савфанус, настоятели всех монастырей, учителя и два латинских иезуита, намеревавшиеся следовать далее в Иерусалим»⁵⁴. После того как старцы достойно выдержали испытание, Курлос из

⁴⁵ Brayk Mikā'il ad-Dimašqī. Op. cit. P. 57.

⁴⁶ Ibid. P. 54–55, 57.

⁴⁷ В Евангелиях содержится описание нескольких чудесных исцелений слепцов Христом: это чудо «исцеления слепорожденного» (Ин. 9:1–38), «исцеление слепого в Вифсаиде» (Мк. 8:22–26), «исцеление иерихонского слепца» (Мф. 20:30–34; Мк. 10:46–52; Лк. 18:35–43), «исцелению двух слепых» (Мф. 9:27–31).

⁴⁸ В «Легенде» используется тот же термин 'a'cam, что и в арабском переводе соответствующего раздела Нового Завета (Ин. 5:1–15).

⁴⁹ См.: «исцеление сухорукого» (Мф. 12:9–14; Мк. 3:1–6; Лк. 6:6–11).

⁵⁰ Деян. 2:1–4; 5:17–24; 12:3–11.

⁵¹ Brayk Mikā'il ad-Dimašqī. Op. cit. P. 55–56.

⁵² Ibid. P. 54–55.

⁵³ «Бар» в сирийском языке означает «сын того-то» и «выходец из».

⁵⁴ Южные регионы России в конце XVII–XVIII в. были территорией, где царское правительство разрешало действовать католическим миссиям. Однако сведения автора «Легенды» устарели. После дела царевича Алексея в 1719 г. иезуитов изгнали из России, и его место заняли братства францисканцев и капуцинов.

предосторожности поместил их под стражу, а сам тем временем запросил инструкции из столицы. Однако наутро к наместнику явился офицер-сотник с сообщением, что и двери темницы, и городские ворота оказались открыты, а старцы сбежали. За монахами была незамедлительно выслана погоня, по реке отправлены суда, чтобы помешать беглецам «попасть в Каспийское море в турецкую страну»⁵⁵. «Однако мы лишь напрасно утомились», — констатировал наместник. Единственное, что обнаружили власти в темнице, — это написанный на древнееврейском языке текст пророчества, аналогичный тому, что был обнаружен в 1754 г. после посещения старцами французского Сен-Дени.

В «Легенде» приводится несколько имен собственных. Кроме губернатора Курлоса и архиепископа Бар Дискулабу Савфануса — лиц явно вымышленных, упоминаются исцеленный старцами «известный всему городу слепой по имени Бутрус Ибируйский»⁵⁶ и легендарный автор схожего пророчества, ученик апостола Павла Дионисий Ареопagit. Имя Бутрус Ибируйский появилось в тексте не случайно: это была, несомненно, отсылка к грузинскому царевичу Петру Иберийскому (Петру Иверу, 411–491 гг.), христианскому мыслителю и основателю первого грузинского монастыря в Палестине. Интересно, что именно Петра Ивера ряд исследователей считает автором «Ареопагитик» — приписываемого Дионисию корпуса богословских текстов, оказавших огромное влияние на всю дальнейшую христианскую философию⁵⁷. Возможно, высокообразованный автор «Легенды» чувствовал и пытался подчеркнуть связь трудов этих отцов Церкви.

Текст самого пророчества также демонстрирует хорошее знание автором Книг Библии. Предсказание делится на две части: первая, охватывающая период с 1757 по 1762 г., — «историческая», вторая, с 1765 по 1773 г., — «апокалиптическая». «Апокалиптическая» часть описывает многочисленные знамения и чудеса, включая восстание людей из могил (1765), землетрясения и выход моря из берегов (1766), войну всех против всех, когда «человек будет бояться человека, а зверь — зверя» (1767), кровавые дожди (1768), помрачение солнца и луны (1769), гибель тварей земных и появление «странных людей» (1770) и, наконец, второе пришествие Христа и конец света (1773)⁵⁸. Используемые автором «Легенды» образы содержат явные аллюзии к ветхозаветным пророчествам Исайи, Иоила, Иезекииля, Захарии, Аггея, Аввакума, Иеремии, а также Третьей книги Ездры и Откровению Иоанна Богослова.

Нас более интересует первая, «историческая» часть пророчества. Она начинается с 1757 г., который пришелся на промежуток между временем повествования и реальным временем. События этого и следующего года определялись старцами многозначной парой терминов *каун* и *фана*, столь любимой арабоязычными мистиками, включая суфиев. Эти понятия условно можно перевести как «бытие» и «небытие», однако в «Легенде» поясняется только первое как «война между государствами Афрубий (Европы. — Т.К.)», т.е. начавшаяся Семилетняя война. На 1759 г. предсказывался *тибад* (араб. «исчезновение», «погибель») африканских стран, а на 1760 г. — возвращение Артукидов⁵⁹ и «раскаившихся»⁶⁰. На фоне этих туманных пророчеств более конкретно звучит откровение, относящееся к 1762 г., когда должно было произойти «взятие города Константинополя и правителя османов»⁶¹.

⁵⁵ *Brayk Mikā'il ad-Dimašqī*. Op. cit. P. 57.

⁵⁶ *Ibid.* P. 56.

⁵⁷ *Нугубидзе III*. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопagitа. Тбилиси, 1942. *Honigmann E.* Pierre l'Iberien et les écrits du Pseudo-Denys l'Aréopagite, Bruxelles, 1952. Возражения против этой гипотезы см.: *Esbroeck M. van.* Peter the Iberian and Dionysius the Areopagite: Honigmann's Thesis Revisited // *Orientalia Christiana Periodica*. 1993. Vol. 59. P. 217–227.

⁵⁸ *Brayk Mikā'il ad-Dimašqī*. Op. cit. P. 57–58.

⁵⁹ Тюркская династия, правившая в XII–XV вв. в Западной Армении, Северной Сирии и Северном Ираке.

⁶⁰ В арабском тексте «Легенды» использован коранический термин «раскаившиеся» (يتوبون), который встречается в 74-м аяте 5-й суры «аль-Маида» («Трапеза») при обращении к христианам: «Неужели они не раскаются перед Аллахом и не попросят у Него прощения?»

⁶¹ *Brayk Mikā'il ad-Dimašqī*. Op. cit. P. 58.

Предания о падении Османской династии и грядущем освобождении Константинополя от власти турок были распространены среди христианских подданных султана. Еще в 1559 г. Александрийский патриарх Иоаким I Пани рассказывал смоленскому купцу Василию Позднякову, участнику посольства, отправленного на Ближний Восток Иваном IV: «В наших, де, греческих книгах написано, что поднимется царь из восточной страны православной и подчинит ему Бог многие царства. И будет имя его славно от востока и до запада, как и древнего царя Александра Македонского. И сядет он на престоле града царствующего, а мы избавлены будем с его помощью от безбожных турок»⁶². Сходные легенды бытовали и в арабо-христианской среде. В середине XVII в. Павел Алеппский со ссылкой на касды митрополита Хамы «Исы упоминал предсказание о грядущей гибели крымских татар»⁶³.

По мере нарастания военной мощи России в XVIII столетии ожидание скорого захвата Константинополя стало более реальным и будоражило умы христиан даже в дальних уголках Османской империи. Посетивший в начале 1750-х годов Мосул итальянский миссионер Доменико Ланца писал, что местные христиане верили, будто конец Османской империи принесут москвиты после смерти султана Махмуда I⁶⁴. Яковитские монахи отвели отца Доменика в заброшенные монастыри. Там в тайниках хранились старинные карты, указывавшие пути вторжения армий москвитов⁶⁵. Если такие настроения бытовали в иракской глубинке, то что говорить о греко-православном населении империи, которое с нетерпением ждало прихода единоверцев?! В поисках проводцев прошлого греки даже обращались к авторитету византийских императоров, в частности Льва VI Мудрого, который якобы предвидел взятие Константинополя турками, их изгнание оттуда через 320 лет (т.е. в 1773 г.) и последующий конец света⁶⁶.

Поэтому «Легенду» следует воспринимать как один из эсхатологических мифов эпохи. Составлен он был, наиболее вероятно, на греческом языке на Кипре Кириллом V Каракалла или лицами из его окружения, а на арабский переведен либо в Иерусалиме, в академии Иакова Патмосского, либо в Дамаске. В Сирии, где вследствие природных и рукотворных катаклизмов были сильны ожидания скорого конца света, к пророчеству отнеслись весьма серьезно, о чем свидетельствует то место, которое ему уделил в своей хронике Михаил Брайк.

Автор «Легенды» преследовал несколько целей:

- продемонстрировать близость Кирилла Каракалла российскому посланнику в Стамбуле,
- напугать единоверцев приближением «конца времен» и указать на ответственность клира за грядущий «день гнева Господня»,
- попытаться на волне апокалиптических ожиданий вернуть Кириллу Каракалла патриарший трон.

Реваншистские устремления владыки Кирилла завершились в 1763 г., когда он попытался восстановиться на престоле после непродолжительного предстоятельства Иоанникия III. Однако константинопольский православный клир его не принял, новый патриарх Самуил подтвердил документ 1757 г. о низложении, и Кирилл Каракалла был насильно увезен в скит Святой Анны на горе Афон, где и скончался в 1775 г.⁶⁷

⁶² Хождение купца Василия Позняка по святым местам Востока. 1558–1561 гг. СПб., 1887. С. 6.

⁶³ Панченко К.А. Митрополит «Иса и первое арабское описание Московии (1586 г.) // Панченко К.А. Православные арабы: путь через века. М., 2013. С. 289–290.

⁶⁴ Lanza D. Al-Mawsil fi al-qarn al-thamin 'ashar hasab mudhakkirat duminiku Lanza [English cover-title: Mosul in the 18th Century According to the Memoir of Domenico Lanza]. Bidawid Raphael (translator). Mosul, 1951. P. 63–64. Цит. по: Kemp P. Mosul and Mosuli Historians of the Jalili era (1726–1834): Pembroke College Degree of D. Phil. Michaelmas, 1979. P. 292.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ Colak H. Amsterdam's Greek merchants: protégés of the Dutch, beneficiaries of the Russians, subjects of the Ottomans and supporters of Greece // Byzantine and Modern Greek Studies. 2018. № 42 (1). P. 125.

⁶⁷ Луховицкий Л.В. Указ. соч. С. 561.

Эсхатологическая провокация бывшего Константинопольского патриарха не удалась, однако, возможно, что посеянные им семена вззошли в арабском мире, и случилось это еще при его жизни.

Осенью 1768 г., спустя 10 лет после того, как прозвучало «Пророчество астраханских старцев», Османская империя, прервав почти 30-летний мирный период, объявила войну России. Причиной войны стали политический кризис в Речи Посполитой и желание обеих держав подчинить Польшу своему влиянию. Христиане Ближнего Востока имели другие взгляды на истоки конфликта. Греко-католический священник Руфа'ил Карам (1730–1800)⁶⁸ полагал, что «причиной этой войны стали унижения людей из русских христиан, которые пожаловались московскому императору, что султан захватил их детей в счет мири и джизьи (поземельного и подушного налогов. — Т.К.)»⁶⁹. Осторожный Михаил Брайк писал просто о начавшейся «великой войне московитов против ляхов и татар, в которой, как слышали мы, сопутствовали московитам победы и великая слава»⁷⁰.

Ожидания восточных христиан усилились, когда в начале 1770 г. в Средиземноморье появились пришедшие из Балтики российские военные корабли. 5–7 июля 1770 г. основные силы османского флота были уничтожены в Хиосско-Чесменском сражении. Российские суда блокировали Дарданеллы. Подданство России приняли 27 островов Эгейского архипелага. Казалось, начали сбываться предсказания о крахе турецкого владычества. Все эти события порождали у сирийских христиан вполне определенные надежды. «Не закончатся ли сии благие вести?» — спрашивали друг друга Михаил Брайк и его дамасские единоверцы, обсуждая победы «московитов» на море и на суше, «стоившие жизни многим мусульманским воинам»⁷¹. И весьма вероятно, что при этом на ум им приходили строки грозного откровения, за 12 лет до того предрекавшего падение Константинополя.

Мы можем лишь предполагать, что подобные мысли были у копта Аталлы Ризка и греко-католика Ибрахима ас-Саббага, христианских приближенных правителя Египта 'Али-бея аль-Кабира и властителя большей части Палестины шейха Дахира аль-'Умара аз-Зайдани. Осенью 1771 г. Аталла Ризк по поручению своего патрона прибыл в Акку, где провел переговоры с шейхом Дахиром и Ибрахимом ас-Саббагом. А после его возвращения, 22 ноября 1771 г. 'Али-бей впервые направил послание командовавшему российским флотом на Средиземном море графу А.Г. Орлову. Приложением стало развернутое эмоциональное письмо Аталлы Ризка. Копт делился охватившими его чувствами: «За все от Бога посланные победы я принес благодарение Иисусу Христу», и признавался, что успехи российского оружия над османами «утвердили [его] ... в преимуществе христианского закона»⁷². Аталла Ризк так описывал графу Орлову перспективы российско-египетского военного союза: «Безпрекословно сим образом истреблена будет Порта оттоманская, мой государь завладеет всем Египтом до Персидския границы, а вы возьмете Константинополь. Таким образом падут оттоманы. Между нами не будет разделу; земли наши будут ваши, а ваши наши»⁷³.

Дальнейшие события первого военного альянса России и ближневосточных правителей достаточно подробно описаны в отечественной историографии⁷⁴. К этому союзу, помимо 'Али-бея и шейха Дахира аль-'Умара, в 1773 г. присоединился эмир Горного Ливана Йусуф

⁶⁸ О нем см.: *Bualuan Hayat El Eid*. Lebanese Historical Thought in the Eighteenth Century. New York; London, 2023. P. 5–10.

⁶⁹ *Karāma Rūfā'il al-Himṣī*. Hawāḍith Lubnān wa Sūriyā min sanat 1745 ilā sanat 1800. Beirut, 1969. P. 36.

⁷⁰ *Brayk Mikā'il ad-Dimašqī*. Op. cit. P. 93.

⁷¹ Ibid. P. 102.

⁷² Российский Государственный Архив Военно-морского Флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 315. Оп. 1. Д. 597. Л. 3 об.

⁷³ Там же. Л. 4 об.

⁷⁴ *Кобищанов Т.Ю.* Крест над Бейрутом: российская экспедиция в Восточное Средиземноморье 1769–1774 гг. в восприятии сирийских современников // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2009. № 1. С. 3–22; № 2. С. 3–20; *Смилянская Е.Б., Смилянская И.М., Велижнев М.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.

Шихаб. Несмотря на ряд локальных успехов (в частности, совместную с российским флотом и десантными войсками осаду и взятие Бейрута в июле — сентябре 1773 г.), «антиосманская» ближневосточная коалиция не добилась своих целей к вящей досаде сирийских христиан.

Находившиеся в это время в Леванте россияне отмечали, как восторженно встречали их в городах, где была высокая доля христианских жителей. Капитан-лейтенант Михаил Кожухов, командовавший эскадрой, захватившей Бейрут в 1773 г., писал о хорошем отношении городских «обывателей»⁷⁵, значительную часть которых составляли православные. В Акке, превратившейся в 50—60-е годы XVIII в. в крупнейший региональный порт с преобладавшим христианским населением, лейтенант флота Сергей Плещеев вспоминал, как толпа встречала российских офицеров криками, воспроизведенными им как: «Иш-Алла! Иш-Алла! Сабал Хаер Москов Лар! То есть: Бог помошь! Бог помошь! господа россияне! будьте здоровы». Похоже, что сходные чувства испытывали и многие сирийские христиане: священники и миряне. Православный «поп»-араб, 10 октября 1772 г. принимавший и «весьма угощавший» Сергея Плещеева в Назарете, «усердно благодарил Бога, что дожил до того, чтобы увидеть у себя российского военачальника»⁷⁶. В Дамаске Михаил Брайк приветствовал появление у берегов Бейрута кораблей под Андреевским флагом⁷⁷. И нескрываемое разочарование звучит в строках, в которых православный летописец в 1774 г. прощался с покидавшим Средиземноморье российским флотом: «Все, о чем мы говорили, — вздыхал Брайк, — и на что надеялись, оказалось напрасным»⁷⁸.

Насколько апокалиптические пророчества, в частности «Легенда», повлияли на настроения христиан, ставших свидетелями поражений османов в войне 1768—1774 гг.? Доподлинно нам это никогда не станет известно. Вздохи дамаского священника Михаила Брайка, восторженные крики жителей Акки, молитвы православного «попа» из Назарета, шепот монахов-яковитов из Мосула, мечты и планы копта Аталлы Ризка — вот то немногое, из чего мы можем судить о чаяниях христиан арабского мира в годы войны с Россией. Косвенным свидетельством являются и последовавшие доносы на бейрутских христиан, «провинившихся во время войны с русскими»⁷⁹, что стало поводом для жестоких репрессий против реальных и мнимых коллаборантов.

Также мы можем лишь предполагать, какую роль в сближении с Россией лично сыграли Аталла Ризк, Ибрахим ас-Саббаг и управлявший делами ливанского эмира маронит Са'ад аль-Хури. Был ли это настоящий «заговор христиан»?⁸⁰ Двигали ими только политические мотивы, либо на их умонастроения повлияли и пророчества о скором падении Стамбула и близящемся конце света. Если перефразировать известное выражение фон Клаузевица, то «туман истории» не развеется перед нами полностью. Многое о закулисных событиях этого мятежа никогда не станет известно. Однако и в строках письма Аталлы Ризка, и в реакции христиан Сирии и Ливана 1772—1773 гг. мы можем увидеть ожидания предстоящего падения «дома Османа»: правившей в Стамбуле турецкой династии, что предсказывалось и в «Легенде об астраханских старцах», и в других откровениях того времени. Возможно, сработал механизм так называемого самосбывающегося пророчества, когда люди меняют свое поведение под воздействием сочиненных в их же среде прогнозов. Убежденные в справедливости предсказаний, некоторые влиятельные христиане не просто пассивно

⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 4. Д. 771. Л. 13 об.

⁷⁶ Плещеев С. И. Дневные записки путешествия из архипелагского России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достапамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся. СПб., 1773. С. 11, 60.

⁷⁷ Brayk Mikā'il ad-Dimaṣqī. Op. cit. P. 109.

⁷⁸ Ibid. P. 111.

⁷⁹ Trad 'Abdallah ibn Mikā'il. Muḥtaṣar ta'riḥ al-athāqifa al-ladhīna rakkū martabat ri'āsat al-kāhnūt al-jalīla fī madīnat Bairūt. Beirut, 2002. P. 104.

⁸⁰ Кобищанов Т.Ю. Христиане Ближнего Востока и роль их «заговора» в Архипелагской экспедиции российского флота 1769—1774 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III. Филология. 2018. № 57. С. 47—57.

ждали их осуществления, а попытались воспользоваться знанием будущего. И в том, что эти предсказания не реализовались, их вины не было.

Библиография

- Аганин А.Р. Племена Сирийской пустыни и долины Евфрата. М., 2018.
- al-Budayri Shihabaddin Ahmad. Ежедневные события Дамаска аш-Шам с 1154 по 1176 год (1741–1763). М., 2021.
- Иогансон Л.И. О связи сейсмической активизации в приатлантической Европе и Америке с землетрясениями 1 ноября 1755 и 31 марта 1761 годов // Необычные и экстремальные явления XVIII века. Сборник научных трудов. Вып. 3 / сост. С.Ю. Нечаев. СПб., 2020. С. 111–129.
- Кириллина С.А. Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010.
- Кобищанов Т.Ю. Крест над Бейрутом: российская экспедиция в Восточное Средиземноморье 1769–1774 гг. в восприятии сирийских современников // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2009. № 1. С. 3–22; № 2. С. 3–20.
- Кобищанов Т. Ю. Христиане Ближнего Востока и роль их «заговора» в Архипелагской экспедиции российского флота 1769–1774 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III. Филология. 2018. № 57. С. 47–57.
- Кулаков В.О. Грузинский царь Вахтанг VI в Астрахани: страницы истории тайной дипломатии России (первая треть XVIII в.) // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20). С. 99–105.
- Луховицкий Л.В. Кирилл V // Православная энциклопедия. Т. 34. М., 2014. С. 561–562.
- Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке: черты структурного кризиса. М., 1991.
- Панченко К.А. Иаков Патмосский // Православная Энциклопедия. Т. 20. М., 2009. С. 547–548.
- Панченко К.А. Иерусалимский Патриарх Парфений (1737–1766 гг.) и Россия: непонятый союзник // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 271–285.
- Панченко К.А. Митрополит Иса и первое арабское описание Московии (1586 г.) // Панченко К.А. Православные арабы: путь через века. М., 2013. С. 280–295.
- Панченко К.А. Михаил Брейк // Православная Энциклопедия. Т. 45. М., 2017. С. 703–704.
- Панченко К.А. Сильвестр // Православная Энциклопедия. Т. 63. М., 2021. С. 351–355.
- Ряжев А.С. Католические миссионеры на южных российских окраинах в первой половине XVIII в. (по документам Архива внешней политики Российской империи) // Oriental Studies. № 14 (3), 2021. С. 449–458.
- Смилянская Е.Б., Смилянская И.М., Велижев М.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.
- Фейган Б. Малый ледниковый период. Как климат изменил историю, 1300–1850. М., 2022.
- Bualuan Hayat El-Eid. Christians and Muslims under Ottoman Rule in the Writings of Mikhail Breik (d. 1782) and Constantin François Chasseboeuf, Volney (1757–1820). Saarbrücken, 2016.
- Bualuan Hayat El-Eid. Lebanese Historical Thought in the Eighteenth Century. New-York; London, 2023.
- Çolak Hasan. Amsterdam's Greek merchants: protégés of the Dutch, beneficiaries of the Russians, subjects of the Ottomans and supporters of Greece // Byzantine and Modern Greek Studies. 2018. № 42 (1). P. 115–133.
- Esbroeck M. van. Peter the Iberian and Dionysius the Areopagite: Honigsmann's Thesis Revisited // Orientalia Christiana Periodica. 1993. Vol. 59. P. 217–227.
- Kemp P. Mosul and Mosuli Historians of the Jalili era (1726–1834): Pembroke College Degree of D. Phil. Michaelmas, 1979.
- Sajdi D. The Barber of Damascus. Nouveau Literacy in the Eighteenth-Century Ottoman Levant. Stanford, 2013.
- Walbiner C.-M. The Split of the Greek Orthodox Patriarchate of Antioch (1724) and the Emergence of a New Identity in Bilād al-Shām as Reflected by Some Melkite Historians of the 18th and Early 20th Century // Chronos. Balamand (Tripoli, Lebanon). 2003. № 7. P. 9–36.

References

- Aganin A.R. Plemena Sirijskoj pustyni i doliny Evfrata [Tribes of the Syrian Desert and the Euphrates Valley]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- al-Budayri Shihabaddin Ahmad. Yezhednevnye sobytiya Damaska ash-Sham s 1154 po 1176 god [Daily events of Damascus ash-Sham from 1154 to 1176], 1741–1762. Moskva, 2021 (In Russ.)
- Fagan B. Malyj lednikovyy period. Kak klimat izmenil istoriyu [The Little Ice Age. How Climate Changed History], 1300–1850. Moskva, 2022. (In Russ.)

Ioganson L.I. O svyazi sejsmicheskoy aktivizatsii v priatlanticheskoy Evrope i Amerike s zemletryaseniyami 1 noyabrya 1755 i 31 marta 1761 godov [On the connection of seismic activation in Atlantic Europe and America with the earthquakes of November 1, 1755 and March 31, 1761] // Neobychnye i ekstremal'nye yavleniya XVIII veka. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk tretij. Sostavitel' S.Yu. Nechaev [Unusual and extreme phenomena of the 18th century. Collection of scientific papers]. Iss. 3 / red. S.Y. Nechaev. Sankt-Peterburg, 2020. S. 111–129. (In Russ.)

Kirillina S.S. Ocharovannyye stranniki: arabo-osmanskii mir glazami rossijskikh palomnikov XVII–XVIII stoletij [The Enchanted Wanderers: the Arab-Ottoman Word by the Eyes of Russian Pilgrims of 17th–18th Centuries]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Kobishchanov T.Y. Hristiane Blizhnego Vostoka i rol' ih "zagovora" v Arhipelagskoj ekspedicii rossijskogo flota 1769–1774 gg. [Christians of the Middle East and the role of their "conspiracy" in the Archipelago Expedition of the Russian Fleet of 1769–1774] // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo humanitarnogo universiteta. Ser. III. Filologiya [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series III. Philology]. 2018. № 5. S. 47–57. (In Russ.)

Kobishchanov T.Y. Krest nad Beirutom: rossiiskaya ekspeditsiya v Vostochnoye Sredizemnomorye 1769–1774 gg. v vospriyatii siriskikh sovremennikov [Cross Hoisting over Beirut: Russian Expedition of 1769–1774 to Eastern Mediterranean in Perception of Syrian Contemporaries] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie [Bulletin of the Moscow University. Part 13. Oriental Studies]. 2009. № 1. S. 3–22; № 2. S. 3–20. (In Russ.)

Kulakov V.O. Gruzinskij car' Vahtang VI v Astrahani: stranicy istorii tajnoj diplomatii Rossii (pervaya tret' XVIII v.) [Georgian Tsar Vakhtang VI in Astrakhan: pages of the history of secret diplomacy of Russia (the first third of the 18th century)] // Novyj istoricheskij vestnik [New Historical Bulletin]. 2009. № 2 (20). S. 99–105. (In Russ.)

Luhovickij L.V. Kirill V [Ciril V] // Pravoslavnaya Enciklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. T. 34. Moskva, 2014. S. 561–562. (In Russ.)

Mejer M.S. Osmanskaya imperiya v XVIII veke: cherty strukturnogo krizisa [The Ottoman Empire in the 18th century: features of the structural crisis]. Moskva, 1991. (In Russ.)

Panchenko K.A. Iakov Patmoskij [Iakovos of Patmos] // Pravoslavnaya Enciklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. T. 20. Moskva, 2009. S. 547–548. (In Russ.)

Panchenko K.A. Ierusalimskij Patriarh Parfenij (1737–1766 gg.) i Rossiya: neponyatij soyuznik [Patriarch Parthenius of Jerusalem (1737–1766) and Russia: A misunderstood ally] // Vestnik cerkovnoj istorii [Bulletin of Church History]. 2010. № 3–4 (19–20). P. 271–285. (In Russ.)

Panchenko K.A. Mihail Brejk [Mikhail Brejk] // Pravoslavnaya Enciklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. T. 45. Moskva, 2017. S. 703–704. (In Russ.)

Panchenko K.A. Mitropolit 'Isa i pervoe arabskoe opisanie Moskovii (1586 g.) [Metropolitan Isa and the first Arabic description of Muscovy (1586)] // Pravoslavnye araby: put' cherez veka [Orthodox Arabs: the Way through the Centuries]. Moskva, 2013. S. 280–295. (In Russ.)

Panchenko K.A. Sil'vestr [Sylvester] // Pravoslavnaya Enciklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. T. 63. Moskva, 2021. S. 351–355. (In Russ.)

Ryazhev A.S. Katolicheskie missionery na yuzhnykh rossijskikh okrainah v pervoj polovine XVIII v. (po dokumentam Arhiva vneshnej politiki Rossijskoj imperii) [Catholic missionaries in the southern Russian suburbs in the first half of the 18th century (according to the documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire)] // Oriental Studies. 2021. № 14 (3). S. 449–458. (In Russ.)

Smilyanskaya E.B., Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B. Rossiya v Sredizemnomor'e. Arhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoj [Russia in the Mediterranean. The Archipelago expedition of Catherine the Great]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Bualuan Hayat El Eid. Lebanese Historical Thought in the Eighteenth Century. New-York; London, 2023.

Bualuan Hayat El-Eid. Christians and Muslims under Ottoman Rule in the Writings of Mikhail Breik (d. 1782) and Constantin François Chasseboeuf, Volney (1757–1820). Saarbrücken, 2016.

Çolak Hasan. Amsterdam's Greek merchants: protégés of the Dutch, beneficiaries of the Russians, subjects of the Ottomans and supporters of Greece // Byzantine and Modern Greek Studies. 2018. № 42 (1). P. 115–133.

Esbroeck M. van. Peter the Iberian and Dionysius the Areopagite: Honigmann's Thesis Revisited // Orientalia Christiana Periodica. 1993. Vol. 59. P. 217–227.

Kemp P. Mosul and Mosuli Historians of the Jalili era (1726–1834): Pembroke College Degree of D. Phil. Michaelmas, 1979.

Sajdi D. The Barber of Damascus. Nouveau Literacy in the Eighteenth-Century Ottoman Levant. Stanford, 2013.

Walbiner C.-M. The Split of the Greek Orthodox Patriarchate of Antioch (1724) and the Emergence of a New Identity in Bilād al-Shām as Reflected by Some Melkite Historians of the 18th and Early 20th Century // Chronos. Balamand (Tripoli, Lebanon). 2003. № 7. P. 9–36.

© 2024 г. В.В. ОРЛОВ

«ЗАКЛЮЧИМ ТОГДА СТАТЬИ МИРНЫЕ...»: МОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СТАНОВЛЕНИЕ РУССКО-МАРОККАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (вторая половина XVIII века)

Орлов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: orlov@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 57217045829; Researcher ID: K-1041-2012; ORCID: 0000-0002-2649-5422

Аннотация. В условиях активного строительства флота Петром I зародилась и начала развиваться российская морская стратегия. Архипелагская экспедиция российского флота 1769–1775 гг. глубоко повлияла на восприятие в России региона Ближнего Востока и Северной Африки. Цель исследования состоит в оценке новой геоэкономической и геополитической ситуации, в которой оказалась Российская империя в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг., а также реакции правящих кругов Алаутского Марокко на появление в Средиземноморском бассейне российского флота как фактора ограничения морской мощи Европы и Османского государства. Широкий набор политических, экономических и военных факторов обусловил желание султана Марокко Сиди Мухаммада ибн Абдаллаха (1757–1790) открыть страну для широкомасштабной внешней торговли. Ослабление традиционного пиратского промысла и стремление к диверсификации внешнеэкономических партнеров обусловили интерес Сиди Мухаммада к сотрудничеству с Россией. Однако в условиях слабых товарных потоков и экономической нецелесообразности содержания в Средиземном море крупных формирований российского флота первый этап русско-марокканских контактов свелся к обмену грамотами и посланиями. В итоге уход из жизни Сиди Мухаммада в 1790 г. и Екатерины II в 1796 г. прервали развитие этого военно-политического проекта. Преемники обоих монархов не смогли удержать русско-марокканские связи в фокусе своего внимания. Автор обращается к проблеме существования русско-марокканского мирного и торгового договора XVIII столетия и склоняется к выводу, что он не был подготовлен и подписан. Впрочем, даже в случае его разработки и подписания выполнение его гипотетических положений в условиях Семилетней войны в Марокко в 1792–1799 гг. и пертурбаций павловской эпохи в России было бы чрезвычайно сложной задачей для обеих сторон.

Ключевые слова: Россия, Марокко, внешняя политика, флот, русско-турецкая война 1768–1774 гг., внешняя торговля, международные договоры.

V.V. Orlov

“Let Us Conclude Then the Articles of Peace...”: The Naval Strategy of the Russian Empire and the Formation of Russian-Moroccan Relations in the Second Half of the Eighteenth Century*Vladimir Orlov, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).**E-mail: orlov@iaas.msu.ru**Scopus Author ID: 57217045829; Researcher ID: K-1041-2012; ORCID: 0000-0002-2649-5422*

Abstract. The author's objective is to trace the principal stages of the genesis and evolution of the Russian maritime strategy in the context of the active expansion of its naval forces under Peter I and the deployment of the Archipelago expedition by Catherine II (1769–1775). The aim of this study is to evaluate the impact of these developments on the geoeconomic landscape. In addition, this study examines the geopolitical situation of the Russian Empire following the Russo-Turkish War (1768–1774). It also investigates how ruling circles in Alawi Morocco responded to the emergence of the Russian Navy in the Mediterranean, which had the effect of limiting the naval power of the Ottoman state. The article elucidates the multifaceted political, economic, and military circumstances that precipitated the Sultan of Morocco, Sidi Muhammad ibn Abdallah (1757–1790), to pursue the opening of his country to extensive foreign trade. However, given the weak commodity flows and the economic inexpediency of maintaining large formations of the Russian Navy in the Mediterranean, the initial stage of Russian-Moroccan relations was limited to the exchange of letters and messages. Consequently, the demise of Sidi Muhammad (1790) and Catherine II (1796) brought an end to the development of this project. The author addresses the issue of the veracity of the Russian-Moroccan peace and trade treaty of the eighteenth century, examining the arguments that suggest it was in fact never signed. However, even if it were to be proven that the treaty was drafted, the fulfilment of its hypothetical provisions would present a significant challenge for both parties.

Keywords: Russia, Morocco, foreign policy, fleet, Russo-Turkish War of 1768–1774, foreign trade, international treaties.

На карте внешнеполитических интересов Российской империи Марокко (Дальний Магриб) стало отчетливо прорисовываться в середине XVIII столетия. Набор смутных и фрагментарных представлений о североафриканских землях и их значимости для Османского государства существовал в Русском царстве, по всей видимости, еще во времена Смуты и воцарения Романовых. Однако отдаленность Африки от русских рубежей и ожесточенное противоборство с османами на причерноморских территориях не оставляли московским государям возможности планировать и проводить последовательную внешнюю политику в Магрибе. Стратегические задачи Москвы были связаны главным образом с обороной южных рубежей государства, а соответствующие военные и политические усилия царей сосредоточивались в низовьях Волги, Приазовье и в плодородных степях Дикого поля, разделявших Русское царство и вассальное османам Крымское ханство.

Активное строительство военно-морского флота при Петре I и основание новой балтийской столицы-порта продемонстрировали наличие у России многообразных интересов на морях. Но Марокко не находилось в фокусе такого интереса.

В первой половине XVIII в. единственный доступный маршрут, соединявший Санкт-Петербург со Средиземноморьем, проходил через Балтику, Северное море, Ла-Манш и Гибралтарский пролив. Отдельные российские корабли, следуя балтийско-атлантическим путем, посещали порты Испании и Северной Африки.

Первый раз российский корабль под государственным флагом совершил плавание по Средиземному морю в 1717–1719 гг. Это был 50-пушечный линейный корабль 4-го ранга «Армонт», принимавший участие в Северной войне. Его коммерческий рейс проходил через

средиземноморские порты Испании, Ливорно и Венецию. В 1725 г. в испанский порт Кадис прибыла эскадра из трех российских кораблей под командованием капитана 3-го ранга И.М. Кошелева, также с торговой миссией. По ее итогам Кошелев в мае 1726 г. именным указом Екатерины I был произведен через один чин в капитаны 1-го ранга. Как отмечалось в журнале Адмиралтейств-коллегии (№ 2778, 17 мая 1726 г.), такого отличия он удостоился, «понеже он в Испании с российскими кораблями был первый»¹. В 1754 г. итальянское судно «Мадонна де ла Грация» осуществило под российским флагом грузопассажирские перевозки между Алжиром и Александрией. Через три года российский подданный капитан Франкович на другом корабле повторил этот маршрут².

Уже в первые годы правления Екатерины II российский флот приступил к плановому и разностороннему исследованию как военно-политических, так и экономических условий навигации в Средиземном море. Так, в 1763–1764 гг. в России был построен 34-пушечный фрегат со знаковым названием «Надежда Благополучия». Согласно «Ведомости о кораблях и других судах, 26 августа 1764 года» он специально строился «для посылки в Медитеранское море»³. В 1764–1765 гг. новый корабль совершил по следам «Армонта» коммерческий рейс по итальянским портам. В документах екатерининской эпохи «Надежда Благополучия» также нередко называлась «Володимеров фрегат» по имени тульского купца Ивана Владимировича.

Этот предприимчивый коммерсант совместно с группой земляков (Ларионом Лугининым, Михаилом Пастуховым и Михаилом Грибановым) в сентябре 1763 г. обратился к императрице с ходатайством. Туляки просили Екатерину покровительствовать их инициативе по проведению пробного торгового рейса в средиземноморском регионе. «Уведомились мы, — отмечали тульские торговцы, — от статского действительного советника господина Теплова, что Ваше Императорское Величество, имея попечение матернее о благоденствии своих подданных, желаете, чтобы купечество Российское имело торг в Средиземном море из Санктпетербурга»⁴. Как установил П.И. Бартенев, опубликовавший этот примечательный документ, в ответ Екатерина II распорядилась «компании быть под нашим единственным ведением». Более того, она согласилась в течение первого года миссии оплачивать содержание корабля за государственный счет («фрегату быть на нашем содержании всем экипажем и командой»), оставив «пользователям государственных услуг» только оплату фрахтов. Наконец, императрица в своих пометках одобрила предложение просителей о том, что «сие предприятие будет служить только опытом на будущее время торгу государственному», и даже отозвалась на их настояние, чтобы фактору компании⁵, казанскому купцу Пономареву, были приданы профессиональные переводчики («Теплов приискать имеет способных и надежных людей»)⁶.

Хотя боевой корабль был зафрахтован исключительно для торговых нужд, им командовал многоопытный и решительный морской офицер Ф.С. Плещеев, произведенный в ходе предприятия в капитаны 1-го ранга⁷. Впоследствии ему было суждена героическая гибель на корабле «Святой Евстафий Плакида» — в ходе взаимного abordage с османским флагманом «Бурджи Зафер» в проливе Хиос, что предопределило успех российского флота в Чесменском сражении (1770). В офицерском составе экипажа фрегата находились будущие участники

¹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1875. Ч. V. С. 329–330.

² Мусатова Т.Л. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII — начале XX в. М., 1990. С. 12.

³ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 117.

⁴ Прошение тульских купцов о торговле в Средиземном море с заметками Екатерины II // Русский архив. 1870. № 4–5. Стб. 542.

⁵ Фактор — полномочный агент торговой компании, доверенное лицо, материально ответственный посредник, которому поручается продажа товаров.

⁶ Прошение тульских купцов... Стб. 542–544.

⁷ См.: Белавенец П. Плещеев, Федор Степанович // Русский биографический словарь: в 25 томах. СПб., 1905. Т. 14: Плавильщиков — Примо. СПб., 1905. С. 117–118.

Архипелагской экспедиции: В.П. Фондезин, П. Аничков, И. Арцибашев и др.⁸ Моряки «Надежды Благополучия» перед отплытием отработали полный курс военно-морской выучки⁹. Кроме того, как можно предположить, Плещеев и Пономарев получили и ряд заданий, об исполнении которых они сообщали не в Тулу, а в Адмиралтейство. Наконец, о торговле тульских коммерсантов позаботилась Коллегия иностранных дел: российский посланник в Вене князь Д.М. Голицын обратился к правительствам итальянских государств с предложением оказать поддержку частному рейсу «Надежды Благополучия». В итоге Санкт-Петербург получил от Неаполя и Тосканы не только уверения в благонадежности, но и предложения о заключении торговых трактатов и открытии консульских учреждений России¹⁰.

Все эти обстоятельства, и особенно деятельное участие в подготовке рейса со стороны близкого сподвижника и статс-секретаря императрицы Г.Н. Теплова, ясно свидетельствуют о том, что активизация торговых связей с Апеннинскими полуостровами позволила российскому флоту осуществить длительную разведывательную миссию. Торговый персонал «Надежды Благополучия», находясь преимущественно в порту Ливорно, действительно провел множество коммерческих операций, и в сентябре 1765 г. фрегат вернулся к российским берегам, груженный европейскими товарами¹¹.

Разведывательные задачи решались в ходе неоднократных стажировок российских военных моряков за рубежом. Так, в августе 1762 г., как отмечал «Указ правительствующего сената Адмиралтейств-коллегии», по согласованию с «Е.В. королем великобританским» началась подготовка группы молодых российских дворян — «способных к обучению и в поведении надежных» офицеров и обер-офицеров флота — к отправке в Лондон для определения на корабли и прохождения морской практики¹². По данным «Списка отправленным в Англию офицерам и кто за оным отправлением здесь остались» от 12 декабря 1762 г., среди унтер-лейтенантов, участвовавших в этой миссии, был и Тимофей Гаврилович Козлянинов (Козлеинов, Козланов) (1740—1798) — впоследствии видный российский флотоводец, участник Архипелагской экспедиции, вице-адмирал, близкий к екатерининскому двору¹³. Т.Г. Козлянинов в 1765—1768 гг. (совместно с Н.С. Скуратовым, М.Г. Коковцевым и другими морскими офицерами) стажировался и во владениях Мальтийского ордена. На мальтийских верфях и в составе местных экипажей им предписывалось осваивать новейшие приемы кораблестроения и навигации. На деле предметом их интереса были состояние гаваней и крепостей, выяснение глубин, сезонной ветровой обстановки и другие тактические и технические особенности организации боевого похода в Средиземном море¹⁴.

Начиная с лета 1768 г. правительство Екатерины II начало в обстановке секретности собирать Первую средиземноморскую эскадру под командованием А.Г. Орлова и адмирала Г.А. Спиридова, и все мальтийские стажеры организованно вернулись на базы флота. Осенью 1768 г. А.Г. Орлов встретился в Ливорно с капитаном «Надежды Благополучия» Ф.С. Плещеевым, после чего последний вернулся в Кронштадт и вступил в экипаж флагманского корабля Г.А. Спиридова «Святой Евстафий Плакида». В 1769 г., уже во время развертывания Первой эскадры, в Гибралтаре было создано нештатное консульство Российской империи. Первым нештатным консулом России на западе Средиземноморья выступил британец Лидс Бут,

⁸ Образцов В. «Надежда Благополучия». Первый екатерининский фрегат в Средиземном море // Родина. 2010. № 2. С. 78—79. См. также: Рукавишников Е. Н. Мифы и реалии в истории плавания фрегата «Надежда Благополучия» (1764—1765 гг.) // Военно-исторический журнал. 2021. № 11 (739). С. 84—93.

⁹ См.: Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб., 2007. С. 52—54.

¹⁰ Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. 97.

¹¹ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М., 2011. С. 37—38.

¹² Материалы для истории русского флота. Ч. XI. С. 7—8.

¹³ Там же. С. 11—12.

¹⁴ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Указ. соч. С. 34.

действовавший в Испании в качестве агента российского влияния. В годы русско-турецкой войны 1768—1774 гг. он, по-видимому, являлся резидентом российской разведки.

Победы русского оружия на сухопутных театрах военных действий и успехи Архипелагской экспедиции поставили военное и дипломатическое ведомства Российской империи в новые геополитические и геоэкономические условия. Ранее России не удавалось достичь свободы судоходства по Черному морю и выхода на средиземноморские рубежи через Проливы. Прутский договор 1711 г. предусматривал развертывание российской торговли с Османской империей по суше, а в Белградском трактате 1739 г. оговаривалось право России вести морскую торговлю по Черному морю, но на турецких судах. В силу этого торговые и экономические интересы России на северо-западе Африки еще не могли обрести отчетливой формы. Однако геополитический посыл ранней постпетровской эпохи состоял в том, что военно-морское присутствие на северо-западе Африки необходимо для свободы российской торговли в Средиземном море¹⁵.

Успешное завершение русско-турецкой войны 1768—1774 гг. утвердило российское присутствие в северной части Причерноморья и сняло ограничения в режиме прохода российских судами Босфора и Дарданелл. В это же время появились и первые возможности для проекции российских интересов в Магрибе. В частности, Высокая Порта согласилась с развертыванием консульских учреждений Коллегии иностранных дел. Россия получила свободу «иметь пребывание консулам и вице-консулам, которых Российская империя во всех тех местах, где они признаны будут удобными, назначить за благо рассудит»¹⁶. Не были забыты и торговые предпочтения: османская сторона не возражала против заключения российскими купцами и правительством «коммерческих трактатов» в ее североафриканских провинциях (Алжир, Тунис и Триполи). В дальнейших русско-турецких торговых соглашениях 1782 и 1783 гг. это право российского правительства также было специально закреплено в виде отдельных положений¹⁷.

Страны Северо-Западной Африки первоначально находились вне фокуса внимания российского Адмиралтейства. Боевые походы российского флота и его успехи (взятие Наварина, Чесменское сражение, блокада Дарданелл, осада Бейрута¹⁸ и др.) относились к восточным берегам Средиземного моря. Да и ставка А.Г. Орлова располагалась, по терминологии тех лет, «в Греческом архипелаге» — на о. Парос в Эгейском море. Берега и порты Шерифской империи¹⁹ воспринимались российскими моряками, скорее, как этап на пути к решающим сражениям, поскольку все российские эскадры, принявшие участие в экспедиции, проходили близ Танжера. Тем не менее окончание Архипелагской экспедиции в 1775 г. создало благоприятные предпосылки для первых прямых контактов россиян с марокканцами.

В 1770-х годах марокканский султан Сиди Мухаммад ибн Абдаллах предпринял серию внешнеполитических инициатив, направленных на открытие портов и побережья Марокко для иностранцев. Его предки — Алаутиты, управлявшие Дальним Магрибом с 1630-х годов, в большей степени были озабочены «собираaniem» непокорных провинций и выстраиванием неформальных отношений с их племенными и суфийскими лидерами²⁰. Сам же Сиди Мухаммад, образованный и опытный правитель, еще в 40-х годах XVIII в., будучи наместником

¹⁵ Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. 1777—1916 / авт. и сост. Н.П. Подгорнова. М., 1999. С. 3.

¹⁶ См.: *Дружнина Е.И.* Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 353.

¹⁷ *Орлов В.В.* «Неуклонно стоять на страже Гибралтарского пролива...»: В.Р. Бахерахт и военно-морское присутствие России в Марокко в XIX — начале XX в. // Исторический вестник. 2023. Т. 46. С. 273.

¹⁸ См. подробнее: *Кобищанов Т.Ю.* Крест над Бейрутом: российская экспедиция в Восточное Средиземноморье 1769—1774 гг. в восприятии сирийских современников // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2009. № 1. С. 9—16; № 2. С. 3—22.

¹⁹ В Европе (и позже в России) Марокко до середины XX в. именовали «Шерифской империей», поскольку правившие в этой стране династии Саадидов (1511—1659) и Алаутидов (с 1631 г. по настоящее время) являлись шерифскими, т.е. вели свое происхождение от пророка Мухаммада.

²⁰ *Соловьева Д.В.* Марокканский султан Сиди Мухаммад бен Абдаллах (1757—1790 гг.): проблемы трактовки теологического наследия // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2018. № 3. С. 104—105.

в Марракеше, расширил и укрепил порты атлантического побережья, а также завел личные контакты с иноземными купеческими домами²¹.

Стремясь свести к минимуму деятельность марокканских корсаров, умиротворить воинственные горские племена и преодолеть характерный для Марокко второй трети XVIII в. кризис городской традиции, Сиди Мухаммад сделал ставку на возрождение коммерции и развитие торговых связей Шерифской империи с европейскими странами. Интерес алауитского монарха к внешней торговле во многом обуславливался и желанием усилить бюджет государства за счет таможенных сборов (*ава'ид ал-джумрук*). Этот источник доходов был связан с многочисленными портами Дальнего Магриба и позволял правительству султана действовать независимо от объема налоговых поступлений из непокорных отдаленных провинций. Кроме того, расцвет коммерческой активности служил восстановлению и развитию городской сети, а также расширению портовых городов. Например, в 1769 г. марокканцы отвоевали у португальцев атлантический порт-крепость Мазаган (Эль-Джадиду), имевший регулярную планировку и укрепленную гавань²². Сиди Мухаммад вскоре начал в городе восстановительные и строительные работы, а вместо европейского населения призвал в Мазаган общинников из местного полукочевого племенного союза дуккала²³.

В ходе своего правления Сиди Мухаммад заботился о диверсификации коммерческих партнеров своей страны и поощрял конкуренцию среди христианских держав из-за торговли с Марокко. Так, алауитский султан заключил торговые договоры с Данией (1765), Швецией (1763), Францией (1767) и Португалией (1773)²⁴. Эти соглашения не устанавливали режима капитуляций — правительства европейских стран ежегодно выплачивали султану дань за право торговли в Дальнем Магрибе²⁵. Договоры давали купцам, прибывшим под флагами указанных стран, юридические гарантии и налоговые льготы. Эти меры привели к значительному росту торгового обмена. По подсчетам марокканского историка Мухаммада Салах-дина, в 1766 г. из портов Марокко в Марсель пришли 8 кораблей и привезли товары общей стоимостью в 348 790 ливров, что приблизительно соответствовало 545 тыс. марокканских дирхамов. А в 1768 г., т.е. через год после заключения франко-марокканского торгового соглашения, уже 33 корабля привезли в Марсель марокканских товаров на общую сумму в 1,864 млн дирхамов²⁶.

В 1777 г. Сиди Мухаммад ибн Абдаллах продолжил мероприятия по привлечению внешне-торговых партнеров и разослал консулам западных держав в Марокко циркулярные письма, в которых разрешил свободный заход европейских кораблей в марокканские порты. Также монарх-реформатор обратился к иностранным представителям с просьбой оказать содействие заключению мирных и торговых трактатов Шерифской империи со всеми европейскими государствами²⁷. Предложение Сиди Мухаммада стало известно и российскому правительству

²¹ *Deverdun G.* Marrakech. Des origines à 1912. Vol. 1. Rabat, 1959. P. 475; *Grillon P.* Un Chargé d'Affaires au Maroc. La correspondance du consul Louis Chénier, 1767–1782. Vol. 1. Paris, 1970. P. 31.

²² *Jackson J.G.* An Account of the Empire of Morocco and the Districts of Suse and Tafilet, Compiled from Miscellaneous Observations Made during a Long Residence in, and Various Journeys through, these Countries to which is Added an Account of Shipwrecks on the Western Coast of Africa, and an Interesting Account of Timbuctoo, the great Emporium of Central Africa. London, 1814. P. 43.

²³ *Terrasse H.* Histoire du Maroc des origines à l'établissement du protectorat français. Vol. 2. Casablanca, 1950. P. 295.

²⁴ См.: *Caillé J.* Les accords internationaux du sultan Sidi Mohammed ben Abdallah (1757–1790). Tanger, 1960.

²⁵ *Ан-Насири, Абу-л-Аббас Ахмад ибн Халид.* Китаб ал-истикса ли ахбар дуввал ал-Магриб ал-акса (Книга изучения сведений о династиях Дальнего Магриба) (на араб. яз.). Т. 8. Касабланка, 1956. С. 34.

²⁶ *Salahdine M.* Maroc: tribus, makhzen et colons. Essai d'histoire économique et sociale. Paris, 1986. P. 27.

²⁷ *Мусатова Т.Л.* Указ. соч. С. 16. Немалое значение для «политики открытости» марокканского монарха имели его опасения перед османским влиянием в Магрибе. Данный подход был характерен и для правящих кругов других арабских стран Средиземноморья. См.: *Жантиев Д.Р.* Два образа младотурецкой революции: общественная реакция в Бейруте и Дамаске на революционные события 1908 года в Османской империи // Новая и новейшая история. 2023. № 1. С. 63–64. DOI: 10.31857/S013038640021317-6

благодаря посредничеству нештатного консула России в Гибралтаре Лидса Бута. К этому моменту почти все военно-морские соединения, участвовавшие в Архипелагской экспедиции, уже были выведены из Средиземного моря, а последняя небольшая эскадра под командованием капитана 1-го ранга Т.Г. Козлянинова крейсировала преимущественно в северной его части, вблизи итальянских берегов²⁸. Тем не менее Козляникову было дано, по его словам, высочайшее распоряжение: «В случае встречи моей с судами мароккской империи не только не оказывать им себя неприязнующим, но паче стараться соблюдать миролюбие и дружбу, вспоминая оным в случае какой-либо их надобности... все наши мореходные корабли и суда в рассуждении сего равное со мною имеют повеление»²⁹.

В апреле 1778 г. в порту Ливорно состоялась историческая встреча командира фрегата «Северный Орел» Т.Г. Козлянинова и посланника Шерифской империи в ряде итальянских княжеств Мухаммада ибн Абд ал-Малика. В ходе дипломатических дискуссий стороны уверили друг друга в добром расположении своих государей к заключению мирного и торгового соглашения. Затем они обменялись своего рода меморандумами, где суммировались результаты их переговоров. «В заключение даю вам все сие на письме для вящего утверждения, — писал марокканский посланник начальнику Т.Г. Козлянинова вице-президенту Адмиралтейств-коллегии И.Г. Чернышеву, — дабы вы со всеми нужными обстоятельствами могли донести о том самодержице своей, с которою государь мой желает иметь тоже доброе согласие, какое постановлено им с другими державами. Почему и надеюсь я быть чрез вас приведенным в состояние представить государю моему удовлетворительный по сему ответ, когда сие всещедрому и всемогущему Богу угодно будет»³⁰.

В мае 1778 г. на борту российских фрегатов «Святой Павел» и «Постоянство» Мухаммад ибн Абд ал-Малик и около ста выкупленных его посольством в Тоскане мусульманских пленников были отправлены из Ливорно в марокканский порт Танжер. Это был не просто жест доброй воли со стороны российского флота. Высадив пассажиров, российские корабли ожидали официальных посланий султана Екатерине II и вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И.Г. Чернышеву. Командир «Святого Павла» капитан-лейтенант Н.С. Скуратов заметил в вахтенном журнале, что «во время прибытия в Танжер и отбытия из оного была сделана честь пальбою из города из пушек», а также оценил марокканский обычай выдачи натурального довольствия гостям султана (*муна*). «В стоянии нашем в Танжере, — писал он, — по соизволению мароккского государя прислано для довольствия на обоих фрегатах служителей быков — 29, баранов — 20, кур — 225, несколько было прислано мукою, хлебом и фруктов лимонами, апельсинами, зеленью, реткою и луком»³¹. В ходе двухмесячной стоянки российские моряки детально изучили погодные условия, размеры и глубины танжерского рейда, фортификацию города, оставили комментарии о природе, войске, флоте и торговле Дальнего Магриба.

Логистическая поддержка, оказанная российским флотом марокканской миссии в Тоскане, завершилась официальным обменом посланиями между Екатериной II и Сиди Мухаммадом ибн Абдаллахом. В июле 1778 г. марокканский монарх отмечал в письме «Екатерине Алексеевне второй, великой и сильной над всею Москвою»: «Мы уведомились о происшедшем между вашим командиром Козляниковым и нашим слугою бен Абдель Малеком

²⁸ Орлов В.В. Марокко и российский Военно-морской флот: три века контактов // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5. Мусульманский мир на исторических рубежах России / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульянов. М., 2017. С. 114.

²⁹ Письмо командира фрегата «Северный Орел» капитана первого ранга Т.Г. Козлянинова послу Марокко султана Марокко в Тоскане Мухаммеду бен Абд аль-Малеку с сообщением о выраженном императрицей России Екатериной II пожелании установить с Марокко отношения мира и дружбы (Ливорно, 5 апреля 1778 г.) // Россия — Марокко. С. 134.

³⁰ Письмо посла султана Марокко в Тоскане Мухаммеда бен Абд аль-Малека вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Российской империи И.Г. Чернышеву с сообщением о готовности султана Марокко Сиди Мухаммеда бен Абдаллаха установить с Россией отношения мира и дружбы (Ливорно, 13 апреля 1778 г.) // Россия — Марокко. С. 136.

³¹ Цит. по: Мусатова Т.Л. Указ. соч. С. 19, 22.

и из того усматриваем вашу к нам дружбу (превознесенную по власти Божией), что подало нам великое удовольствие, и по доношению нашего реченного слуги мы посылаем к вам нашу императорскую грамоту в уверении вас о нашем мире и дружбе на земле и на море; и когда ваш посол придет в наши области, мы тогда заключим и подтвердим мирные статьи (с помощью Божиею)³². Отправленном затем на имя вице-президента Адмиралтейств-коллегии И.Г. Чернышева письме марокканская сторона также предлагала оформить договорные отношения Российской и Шерифской империй: «По прибытии вашего посла в наши области заключим тогда статьи мирные»³³. Сходные предложения содержались и в специальной грамоте Сиди Мухаммада, данной в Марракеше 22 июля 1782 г. и предоставлявшей российским подданным в Дальнем Магрибе режим наибольшего благоприятствования. В ответной грамоте, датированной 8 мая 1783 г. и данной в Санкт-Петербурге, российская императрица писала: «Взаимствуя вашим дружелюбным поступкам, не отречемся в пространнх областях империи нашей воздавать вам и подданным вашим равное равным, в чем вы совершенно уверены быть можете»³⁴.

Несмотря на столь обнадеживающий обмен посланиями, мирный договор между Россией и Марокко, по всей видимости, так и не был подписан, а намерения обоих монархов не пошли дальше благих пожеланий. Оригинальный текст предполагаемого соглашения неоднократно разыскивался российскими историками (Б.М. Данцигом, Т.Л. Мусатовой, Н.П. Подгорновой) в фондах Архива внешней политики Российской империи. Эти поиски не дали положительного результата. Более того, текст российско-марокканского договора отсутствует и в перечнях договорных актов России с другими государствами, которые включены в «Полное собрание законов Российской империи». Наконец, в рассуждениях о вероятности подписания этого договора действителен *argumentum ex silentio*, аргумент из умолчания: историкам не удалось разыскать в архивах какие-либо дипломатические источники XIX в., содержащие отсылки к положениям этого договора или хотя бы к факту его существования. В то же время, если бы такой договор обладал юридической силой, он не мог бы не упоминаться в дипломатической документации как правовой фундамент взаимоотношений с Алаутским султанатом.

Слабость мотивации российской и марокканской сторон к подписанию юридически обязывающего документа можно усмотреть и в других исторических обстоятельствах. Это объективные ограничения, существовавшие в екатерининскую эпоху для российской морской торговли, непостоянный характер военного присутствия России в Средиземном море, а также изменения во внешней политике Сиди Мухаммада в последние годы его правления.

Смысл торговых договоренностей с Марокко для России просматривается только в предоставлении судам под российским флагом права заходить в марокканские порты, а также в возможности для российского флота оборонять торговые линии от морского разбоя. Однако логистика российской средиземноморской торговли в конце XVIII в. еще немногим отличалась по своим масштабам от описанных выше разовых плаваний «Армонта» (1717–1719) или «Надежды Благополучия» (1764–1765). Речь шла о редких и нерегулярных перевозках небольших партий товаров или малого количества пассажиров. На уровне межгосударственных контактов игра не стоила свеч.

Проекция военно-морской силы Российской империи также обходилась дорого и порой была нежелательна по оперативно-тактическим соображениям. Так, отряд кораблей Т.Г. Козлянинова, после Архипелагской экспедиции четыре года базировавшийся в южноевропейских портах, в 1779 г. был окончательно выведен в порты Балтики. Адмиралтейств-коллегия

³² Письмо султана Марокко Сиди Мухаммеда бен Абдаллаха императрице России Екатерине II с предложением заключить между двумя государствами мирный договор // Россия – Марокко. С. 137.

³³ Письмо султана Марокко Сиди Мухаммеда бен Абдаллаха вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Российской империи И.Г. Чернышеву по поводу заключения мирного договора между двумя государствами (Марракеш, 14 июля 1778 г.) // Россия – Марокко. С. 138.

³⁴ Грамота императрицы Екатерины II султану Сиди Мухаммеду бен Абдаллаху с сообщением о предоставлении марокканским подданным в России режима наибольшего благоприятствования // Россия – Марокко. С. 148.

предполагала в случае нового конфликта с османами повторить успех Архипелагской экспедиции. Однако случилось так, что русско-турецкая война 1787–1791 гг. хронологически совпала с русско-шведской войной 1788–1790 гг. Угроза с моря для имперской столицы оказалась настолько значительной, что в Санкт-Петербурге было принято решение сосредоточить все силы флота под командованием С.К. Грейга в Балтийском море³⁵.

Кроме того, рост расходов марокканского престола заставил Сиди Мухаммада пересмотреть условия допуска иностранных коммерсантов на марокканский рынок. В первой половине правления Сиди Мухаммада суммы, вырученные от ввозных тарифов, удовлетворяли большую часть нужд султанской администрации³⁶. Однако постепенно султанское правительство повышало ввозные пошлины, местные налоги и якорный сбор. По свидетельству консула Франции в Сале Л. де Шенне, в 1760-х годах тарифы возросли с 8% до 15%, а пошлина на ввоз железа составила от 1/3 до 1/4 его стоимости³⁷. Подсчеты же польского магрибиста А. Дзюбиньского показывают, что к 1781 г. ввозные сборы в Дальнем Магрибе поднялись на 20%, а оплата якорной стоянки в портах — на 50%³⁸. Условия для российской торговли в Марокко к моменту обмена монаршими посланиями (1782–1783) оказались намного менее привлекательными, чем в 60-х годах XVIII в.

Важно и то обстоятельство, что преемники российской императрицы и марокканского султана правили в довольно неблагоприятных для русско-марокканских отношений условиях. Краткое и полное мятежей правление сына монарха-реформатора Мулай Йазид (1790–1792) привело Дальний Магриб к Семилетней смуте, которая завершилась в 1799 г. закреплением на престоле второго сына Сиди Мухаммада — Мулай Сулаймана. Поэтому для султанов-Алауитов торговые привилегии российских подданных или безопасность доставки их товаров не представляли существенного интереса. Внешняя политика Павла I была сосредоточена на Европе, контакты с Марокко сошли на нет.

* * *

Задумываясь о развитии внешнеполитической и военной стратегии России, мы можем назвать столкновение Российской и Османской империй в 1768–1774 гг. первой в отечественной истории широкомасштабной морской войной. На первый взгляд, этот тезис может показаться преувеличением. Конечно, Архипелагская экспедиция, предпринятая российским флотом в 1769–1775 гг., выступила в ходе конфликта с османами лишь в роли вспомогательной боевой кампании. Ее основной целью было растягивание османских фронтов и коммуникаций, организация повстанческих движений в тылу османской армии и отвлечение внимания стамбульского командования от придунайского и черноморского театров военных действий. Тем не менее принятие крупных и засекреченных подготовительных мер, беспрецедентный переход пяти эскадр вокруг Европы, яркое генеральное сражение при Чесме, приведшее противника к катастрофе, и богатый опыт крейсерских операций — все эти черты боевых действий российского флота приличествуют скорее традициям «старых» и опытных морских наций — англичан, французов, испанцев или португальцев. Стремительно вводя империю в этот почетный клуб, российские флотоводцы и Екатерина Великая едва ли были готовы немедленно утвердить господство России в Средиземноморском бассейне. Ключевые задачи России по-прежнему были сосредоточены на северном Причерноморье и смягчении режима Проливов.

Однако заключение Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774) и ликвидация преград в судоходстве через Босфор и Дарданеллы имели исторические последствия для русско-марокканских отношений. События позволили успешно спроецировать интересы России и на западную акваторию Средиземного моря — от Мальты до Гибралтара. Случилось так, что

³⁵ Смелянская И.М., Велижев М.Б., Смелянская Е.Б. Указ. соч. С. 744.

³⁶ Laroui A. L'histoire du Maghreb: un essai de synthèse. Paris, 1970. P. 256–257

³⁷ Chénier L. de. Recherches historiques sur les Maures et histoire de l'Empire de Maroc. Vol. 3. Paris, 1787. P. 534.

³⁸ Dżubiński A. Historia Maroka. Wrocław, 1983. S. 319.

вскоре после окончания Архипелагской экспедиции российские военные моряки осуществили первые межгосударственные контакты России и Марокко. Эти примеры дипломатического и культурного взаимодействия марокканских сановников и российских военных деятелей стали точкой отсчета для дальнейших этапов развития двусторонних отношений.

Библиография

Белавенец П. Плещеев, Федор Степанович // Русский биографический словарь : в 25 томах. СПб., 1905. Т. 14. Плавильщиков — Примо. СПб., 1905. С. 117—118.

Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. СПб., 2007.

Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.

Жантеев Д.Р. Два образа младотурецкой революции: общественная реакция в Бейруте и Дамаске на революционные события 1908 года в Османской империи // Новая и новейшая история. 2023. № 1. С. 60—69. DOI: 10.31857/S013038640021317-6

Кобищанов Т.Ю. Крест над Бейрутом: российская экспедиция в Восточное Средиземноморье 1769—1774 гг. в восприятии сирийских современников // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2009. № 1. С. 9—16; № 2. С. 3—22.

Материалы для истории русского флота. Ч. V. СПб., 1875; Ч. XI. СПб., 1886.

Мусатова Т.Л. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII — начале XX в. М., 1990.

Образцов В. «Надежда Благополучия». Первый екатерининский фрегат в Средиземном море // Родина. 2010. № 2. С. 78—79.

Орлов В.В. Марокко и российский Военно-морской флот: три века контактов // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5. Мусульманский мир на исторических рубежах России / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. М., 2017. С. 112—121.

Орлов В.В. «Неуклонно стоять на страже Гибралтарского пролива...»: В.Р. Бахерахт и военно-морское присутствие России в Марокко в XIX — начале XX в. // Исторический вестник. 2023. Т. 46. С. 272—297.

Прощение тульских купцов о торговле в Средиземном море с заметками Екатерины II // Русский архив. 1870. № 4—5. Стб. 541—545.

Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. 1777—1916 / авт. и сост. Н.П. Подгорнова. М., 1999.

Рукавишников Е.Н. Мифы и реалии в истории плавания фрегата «Надежда Благополучия» (1764—1765 гг.) // Военно-исторический журнал. 2021. № 11 (739). С. 84—93.

Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М., 2011.

Соловьева Д.В. Марокканский султан Сиди Мухаммад бен Абдаллах (1757—1790 гг.): проблемы трактовки теологического наследия // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2018. № 3. С. 101—111.

Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883.

Ан-Насири, Абу-л-Аббас Ахмад ибн Халид. Китаб ал-истикса ли ахбар дуввал ал-Магриб ал-акса (Книга изучения сведений о династиях Дальнего Магриба). Т. 1—9. Касабланка, 1954—1956.

Caillé J. Les accords internationaux du sultan Sidi Mohammed ben Abdallah (1757—1790). Tanger, 1960.

Chénier L. de Recherches historiques sur les Maures et histoire de l'Empire de Maroc. Vol. 1—3. Paris, 1787.

Deverdun G. Marrakech. Des origines à 1912. Vol. 1—2. Rabat, 1959.

Dziubiński A. Historia Maroka. Wrocław, 1983.

Grillon P. Un Chargé d'Affaires au Maroc. La correspondance du consul Louis Chénier, 1767—1782. Vol. 1—2. Paris, 1970.

Jackson J.G. An Account of the Empire of Morocco and the Districts of Suse and Tafilet, Compiled from Miscellaneous Observations Made during a Long Residence in, and Various Journeys through, these Countries to which is Added an Account of Shipwrecks on the Western Coast of Africa, and an Interesting Account of Timbuctoo, the great Emporium of Central Africa. London, 1814.

Salahdine M. Maroc: tribus, makhzen et colons. Essai d'histoire économique et sociale. Paris, 1986.

Terrasse H. Histoire du Maroc des origines à l'établissement du protectorat français. Vol. 1—2. Casa-blanca, 1949—1950.

References

Belavenets P. Plescheev, Fedor Stepanovich // Russkiy biograficheskiy slovar'slovar' : v 25 tomah [Russian Biographical Dictionary]. Sankt-Peterburg., 1905. T. 14. Plavil'schikov — Primo. Sankt-Peterburg, 1905. S. 117—118. (In Russ.)

- Druzhinina E.I.* Kuchuk-Kaynardzhiysiy mir 1774 goda (yego podgotovka i zaklucheniye) [Kucuk-Kaynardzhy Peace Treaty of 1774 (its Preparation and Conclusion). Moskva, 1955 (In Russ.)]
- Grebenshchikova G.A.* Baltiyskiy flot v period pravleniya Ekateriny II. Dokumenty, fakty, issledovaniya [The Baltic Fleet during the Reign of Catherine II. Documents, Facts, Research]. Sankt-Peterburg, 2007. (In Russ.)
- Kobishchanov T.Yu.* Krest nad Beyrutom: rossiyskaya ekspeditsiya v Vostochnoye Sredizemnomorye 1769–1774 gg. v vospriyatii siriyskikh sovremennikov [The Cross over Beirut: the Russian Expedition to the Eastern Mediterranean 1769–1774 in the Perception of Syrian Contemporaries] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie [The Moscow University Journal. Series 13. Oriental Studies]. 2009. № 1. S. 9–16; № 2. S. 3–22. (In Russ.)
- Materialy dlya istorii russkogo flota [Materials for the History of the Russian Navy]. Ch. V. Sankt-Peterburg, 1875; Ch. XI. Sankt-Peterburg, 1886. (In Russ.)
- Musatova T.L.* Rossiya – Marokko: dalekoye i blizkoye proshloye. Ocherky istorii russo-marokkanskih svyazey v XVIII – nachale XX v. [Russia–Morocco: the distant and near past. Essays on the history of Russian–Moroccan relations in the 18th – early 20th century]. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Obraztsov V.* “Nadezhda Blagopoluchiya”. Perviy yekaterininskiy fregat v Sredizemnom more [“The Hope of Well-Being”. The first Catherine’s Epoch Frigate in the Mediterranean] // Rodina [Motherland]. 2010. № 2. S. 78–79. (In Russ.)
- Orlov V.V.* Marokko i rossiyskiy Voenno-morskoy flot: tri veka kontaktov [Morocco and the Russian Navy: three Centuries of Contacts] // Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vyp. 5. Musulmanskii mir na istoricheskikh rubezhakh Rossii [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Iss. 5. The Muslim World on the Historical Frontiers of Russia] / otv. red. V.Ya. Belokrenitskiy, N.Yu. Ulchenko. Moskva, 2017. S. 112–121. (In Russ.)
- Orlov V.V.* “Neuklonno stoyat” na strazhe Gibraltarskogo proliva...”: V.R. Bacheracht i voyenno-morskoye prisutstviye Rossii v Marokko v XIX – nachale XX v. [“To Stand Steadfastly on Guard of the Strait of Gibraltar...”: V.R. Bacheracht and the Russian Naval Presence in Morocco in the 19th – early 20th century] // Istoricheskii vestnik [Historical Bulletin]. 2023. Vol. 46. S. 272–297. (In Russ.)
- Prosheniye tul’skikh kuptsov o torgovle v Sredizemnom more s zametkami Ekateriny II [Petition of Tula Merchants on Trade in the Mediterranean Sea with Notes by Catherine II] // Russkiy arhiv [Russian Archive]. 1870. № 4–5. Stb. 541–545. (In Russ.)
- Rossiia – Marokko: istoriya svyazey dvuh stran v dokumentakh i materialakh [Russia–Morocco: the History of Relations between the Two Countries in Documents and Materials]. 1777–1916 / avt. i sost. N.P. Podgornova. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Rukavishnikov E.N.* Mify i realii v istorii plavaniya fregata “Nadezhda Blagopoluchiya” (1764–1765 gg.) [Myths and Realities in the History of the Navigation of the Frigate “Hope of Prosperity” (1764–1765)] // Voenno-istoricheskii zhurnal [Military History Magazine]. 2021. № 11 (739). S. 84–93. (In Russ.)
- Smilianskaya I.M., Velizhev M.B., Smilianskaya E.B.* Rossiya v Sredizemnomor’ye. Arhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoy [Russia in the Mediterranean. The Archipelago Expedition of Catherine the Great] / pod obshch. / red. E.B. Smilianskoy. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Solov’yeva D.V.* Marokkanskiy sultan Sidi Muhammad ben Abdallah (1757–1790 gg.): problemy traktovki teologicheskogo naslediya [The Moroccan Sultan Sidi Muhammad ben Abdullah (1757–1790): Problems of Interpretation of the Theological Heritage] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie [The Moscow University Journal. Series 13. Oriental Studies]. 2018. № 3. S. 101–111. (In Russ.)
- Ulyanitskiy V.A.* Dardanely, Bosfor i Chernoye more v XVIII veke [The Dardanelles, the Bosphorus and the Black Sea in the 18th century]. Moskva, 1883. (In Russ.)
- Zhantiev D.R.* Dva obraza mladoturetskoy revoliutsii: obschestvennaya reaktsiya v Beyrute i Damaske na revoliutsionnye sobytiya 1908 goda v Osmanskoy imperii [Two Images of the Young Turk Revolution: Public Reaction in Beirut and Damascus to the Revolutionary Events of 1908 in the Ottoman Empire] // Novaya i Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. № 1. S. 60–69. DOI: 10.31857/S013038640021317-6 (In Russ.)
- Al-Nasiri, Abu al-Abbas Ahmad ibn Khalid.* Kitab al-istiqa li akhbar duwwal al-Maghrib al-Aqsa [The Book of Studying Information about the Dynasties of the Far Maghreb]. Vol. 1–9. Casablanca, 1954–1956. (In Arab.)
- Caillé J.* Les accords internationaux du sultan Sidi Mohammed ben Abdallah (1757–1790). Tanger, 1960.
- Chénier L. de.* Recherches historiques sur les Maures et histoire de l’Empire de Maroc. Vol. 1–3. Paris, 1787.
- Deverdun G.* Marrakech. Des origines à 1912. Vol. 1–2. Rabat, 1959.
- Dziubiński A.* Historia Maroka. Wrocław, 1983.
- Grillon P.* Un Chargé d’Affaires au Maroc. La correspondance du consul Louis Chénier, 1767–1782. Vol. 1–2. Paris, 1970.
- Jackson J.G.* An Account of the Empire of Morocco and the Districts of Suse and Tafi-lett, Compiled from Miscellaneous Observations Made during a Long Residence in, and Various Journeys through, these Countries to which is Added an Account of Shipwrecks on the Western Coast of Africa, and an Interesting Account of Timbuctoo, the great Emporium of Central Africa. London, 1814.
- Salahdine M.* Maroc: tribus, makhzen et colons. Essai d’histoire économique et sociale. Paris, 1986.
- Terrasse H.* Histoire du Maroc des origines à l’établissement du protectorat français. Vol. 1–2. Casablanca, 1949–1950.

© 2024 г. А.Н. АРДАШНИКОВА, Т.А. КОНЯШКИНА

ЗА ФАСАДОМ ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ: О РЕЗУЛЬТАТАХ ИСКУПИТЕЛЬНОЙ МИССИИ ХОСРОВА-МИРЗЫ 1829 года

Ардашникова Анна Наумовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иранской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: anardash@mail.ru

Scopus Author ID: 57216257962; ORCID: 0009-0002-7569-5794; Researcher ID: HSI-4163-2022

Коняшкина Тамара Александровна — старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: tamara_mgu@mail.ru

Scopus Author ID: 57216259645; ORCID: 0000-0001-9170-1803; Researcher ID: HSI-9578-2022

Аннотация. В статье анализируется один из ключевых этапов в истории становления российско-иранских отношений в первой трети XIX в., в результате которого опыт государственного строительства России был взят на вооружение иранской сановной бюрократией. Точкой отсчета этого поворота стало пребывание в России в 1829 г. иранской искупительной миссии, связанной с гибелью в Тегеране посольства во главе с А.С. Грибоедовым. Церемониально-гостевая сторона этого визита исчерпывающе отражена в дневниковых записях секретаря иранского посольства Мустафы Афшара и донесениях российского сопровождения миссии, введенных в круг иранистических исследований в 1970 г. и 2003 г. соответственно. Однако значительная часть оригинального персидского текста путевых записок М. Афшара осталась вне внимания специалистов и в данной статье впервые используется в качестве источниковой базы. Представляющий собой серию автономных сюжетов, этот раздел дневника явился плодом совместных усилий российской и иранской бюрократии по созданию благоприятного образа России. Анализ этого раздела позволяет по-новому оценить значение визита искупительной миссии, его конкретные результаты и политические последствия для истории межгосударственных отношений России и Ирана.

Ключевые слова: Хосров-мирза, Туркманчайский трактат, Россия, Иран, внешняя политика, дипломатические отношения, образ страны, дипломатические документы, Мустафа Афшар, травелоги.

A.N. Ardashnikova, T.A. Konyashkina

Behind the Facade of Ceremonial Diplomacy: The Results of Khosrow Mirza's "Redemption" Mission of 1829

Anna Ardashnikova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: anardash@mail.ru

Scopus Author ID: 57216257962; ORCID: 0009-0002-7569-5794; Researcher ID: HCI-4163-2022

Tamara Konyashkina, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: tamara_mgu@mail.ru

Scopus Author ID: 57216259645; ORCID: 0000-0001-9170-1803; Researcher ID: HCI-9578-2022

Abstract. This study examines a pivotal moment in the history of Russian-Iranian relations in the early nineteenth century, when the experience of Russian state-building was adopted by the high-ranking Iranian bureaucracy. The initial phase of this turn was marked by the arrival in Russia in 1829 of the Iranian "Redemption" mission following the Tehran massacre of the Russian embassy, which included its leader, the Minister Plenipotentiary Alexander Griboyedov. The ceremonial aspects of this visit are fully reflected in the travel accounts of Mustafa Afshar, secretary of the Iranian mission, and the Russian escort reports related to the event. These have informed Iranian studies since 1970 and 2003, respectively. Nevertheless, a substantial portion of the original Persian text from Mustafa Afshar's travelogue has yet to be examined by scholars, and is introduced here for the first time as a source for this study. This part of the diary comprises a collection of discrete narratives, collectively assembled by Iranian and Russian officials with the objective of fostering a positive image of Russia. The analysis of this text enables a reassessment of the historical significance, tangible outcomes, and political implications of the visit in the context of interstate relations between Russia and Iran.

Keywords: Khosrow Mirza, Treaty of Turkmenchay, Russia, Iran, foreign policy, diplomatic relations, country image, diplomatic documents, Mustafa Afshar, travelogues.

*Ибо тексты или археологические находки, внешне даже самые ясные
и податливые, говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать.
М. Блок. «Апология истории»*

В конце XVIII — начале XIX в. на Среднем Востоке, где сталкивались интересы России, Великобритании и Франции, завязывается сложный узел экономических и политических противоречий. Немаловажную роль в них начинает играть каджарский Иран, который в эпоху Наполеоновских войн включается в орбиту внешней политики великих держав. Особое место в этом процессе занимают российско-иранские отношения: вошедший еще в начале XVIII в. в сферу непосредственных геополитических притязаний России Иран столетие спустя был вынужден признать свое поражение в двух войнах с ней и поступиться значительной частью территорий.

По мнению исследователей, одна из главных проблем каджарского государства заключалась в том, что оно не имело очерченных границ. Они существовали как память о сафавидском прошлом, правопреемниками которого самозванно объявили себя Каджары, не обладавшие благодатью предшественников — потомков Али. Несмотря на то что каджарские шахи рассматривали земли Южного Кавказа как законную часть своей территории, владельцы которых временно отмежевались от центральной власти в период политической смуты второй половины XVIII в., часть местных правителей пыталась самостоятельно распорядиться этой случайной независимостью, подкрепив ее союзом с влиятельным соседом — Россией.

ТУРКМАНЧАЙ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Включение Среднего Востока в сферу влияния Запада, переплетение собственно европейской политики и интересов колониальной экспансии ведущих государств Европы заметно осложняли ситуацию. Предлагая «союз и дружбу» иранскому трону, Великобритания и Франция «видели в Каджарах наемников, живущих за пределами цивилизованного мира... Возглавляя крупные и, по общему мнению, эффективные части иррегулярной кавалерии, Каджары могли бы быть полезными против врага, действующего на расстоянии от их собственных земель»¹. Расширение числа «союзников» за счет европейцев, чьи щедрые посулы, финансовая и военная поддержка подтолкнули дипломатическую активность Ирана, вывело новую династию за пределы привычного региона и положило начало формированию образа Европы XIX в.: каджарский трон выступал в качестве принимающей стороны и засылал своих представителей — дипломатических агентов и случайных порученцев — в Лондон, Санкт-Петербург, обращается к Высокой Порте, Наполеону Бонапарту, а после реставрации монархии во Франции — и правительству Бурбонов. Неизменным, пожалуй, оставался лишь «инициированный» двором образ России, в котором доминировали рожденные войной карикатурно-враждебные черты². Глашатаями этого официозного мифотворчества стали представители духовенства, для которых русские не только были «нечистыми» в религиозном смысле, но и вызывали отвращение своими бытовыми привычками³. Придворное поэтическое окружение шаха насаждало представление о русских как о разбойниках, связанное с воспоминанием о казачьем «походе за зипунами» Степана Разина, грабившего Каспийское побережье, и как о «воинстве злых сил», отражавшее картины войны XIX в.: «С бранью косматые русские, крича, тащили грохочущие барабаны. ... Все они похожи на дивов с колдовскими помыслами, их военачальники — свирепые звери... Они разбойники, подобные Ахриману»⁴.

Тяготы войны, которые испытывали обе стороны, сформировали конфронтационный характер переговорного процесса и прямолинейность языка ермоловско-грибоедовского этапа российской дипломатии. Так, до сих пор остается открытым вопрос об эффективности миссии в Иране А.П. Ермолова в 1817 г., который во время переговоров с валиагдом⁵ Аббасом-мирзой, практически «не скрываясь», хлопотал о приискании нового кандидата на место наследника престола и намеренно нарушал иранский придворный протокол. Рассуждая об обычаях и церемониале персидского двора, предписывавших снимать обувь перед входом в покои шаха и валиагда, чему следовали французы и англичане, Ермолов категорически отказывался подражать этим «угождениям», роняющим его достоинство посла великой державы, и заключал: «А как я не приехал ни с чувствами Наполеонова шпиона, ни с прибыточными расчетами прикащика (текст оригинала. — А.А., Т.К.) купеческой нации, то я не согласился на красные чулки и прочие условия»⁶. Не скупилась на откровенно вызывающие шаги и иранская сторона, демонстративно игнорируя условия Гюлистанского договора, особенно в таком болезненном вопросе, как четкая демаркация

¹ Ingram E. Britain's Persia Connection, 1798—1828: Prelude to the Great Game. Oxford, 1992. P. 15.

² О роли «образа чужого» в политике см., например: Люльчак А.С. Трансформации образа Турции в советской сатирической прессе 1940-х — 1950-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. № 10 (98). С. 1—25. DOI: 10.18254/S207987840028602-1

³ Подробнее см.: Matthee R. Facing a Rude and Barbarous Neighbor: Iranian Perceptions of Russia and the Russians from the Safavids to the Qajars // Iran Facing Others: Identity Boundaries in a Historical Perspective. New York, 2012. P. 101—126.

⁴ Arinpur J. Az Saba ta Nima. Tehran, 1971. P. 24—25.

⁵ Наследником иранского престола (перс. *валиагд*) Аббас-мирза был признан Россией только в 1819 г. Впрочем, по предложению Фатх-Али-шаха, Туркманчайский договор налагал на Россию обязательство признания престолонаследником любого из сыновей по усмотрению шаха.

⁶ Записка генерала Ермолова о посольстве в Персию в 1817 г. // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/18001820/Ermolov_A_P/text1.htm (дата обращения: 06.04.2024).

границы с Российской империей, остававшимся нерешенным в течение пятнадцати лет, вплоть до подписания в 1828 г. Туркманчайского трактата⁷.

На этом фоне гибель российского посольства во главе с А.С. Грибоедовым, только начавшего свою работу в Иране, выглядела трагическим завершением давно назревавшего острого конфликта, превратившего миссию в заложника самых разнообразных политических и финансовых обстоятельств⁸. К ним в первую очередь стоит отнести предусмотренные Туркманчаем выплату Ираном очередной части контрибуции, необходимость репатриации частных лиц и дезертиров российской армии, поступивших на службу к иранскому трону, и, наконец, раздражающее поведение части свиты посольства, набранной в Тифлисе из «случайных людей». Не последнюю роль сыграло и отсутствие дипломатических даров, задержавшихся в пути⁹.

Вынужденный действовать строго в соответствии с условиями договора, который вызывал недовольство каджарского двора, возмущение духовенства и «людей базара», российский посол превращался в нежелательную фигуру. Нерасторопность шахской власти, которая, не ожидая погрома, возможно, считала уместным продемонстрировать народный гнев, чтобы уменьшить бремя контрибуции, лишь завершила дело.

Чреватое новой войной, это чрезвычайное событие сыграло роль поворотного момента в отношениях двух государств. Его знаком стала искупительная миссия иранского двора, на которую возлагалась обязанность от лица власти принести извинения российской стороне. Это было болезненным решением для каджарского суверена, который, считая себя униженным поражением, не исключал возможность нового военного столкновения с Россией (теперь уже в союзе с Османской империей). Однако осведомленный об этих настроениях российский наместник¹⁰ на Кавказе И.Ф. Паскевич (1782–1856) в письме наследнику престола, кратко обрисовав возможные неприятные последствия подобного опрометчивого шага, заявил: «Вся надежда ваша в России: она одна может вас свергнуть, она одна может вас поддержать»¹¹. Вняв доводам Паскевича, иранский двор в скором времени озаботился выбором главы посольства, решив возложить эту непростую миссию на Мирзу Масуда Гармруди, влиятельного сановника из канцелярии валиагда Аббаса-мирзы, отвечающего за внешние сношения. По мнению же российской стороны, посольство должен был возглавить представитель правящей династии, которым стал одобренный Паскевичем принц Хосров-мирза, один из сыновей престолонаследника, несмотря на молодость (ему было около шестнадцати лет), имевший некоторый дипломатический опыт. Состав посольства был усилен присутствием главнокомандующего (амир-незам) армией наследника Мирзы Мухаммад-хана Зангане. Среди других сопровождающих Хосрова-мирзу лиц выделяются Мирза Салех Ширази, представлявший в рассматриваемый период иранский трон в Тифлисе, административном центре российского Закавказья, и Мирза Таги-хан Фарахани, в будущем один из самых известных государственных деятелей, с именем которого связан начальный этап реформ в каджарском Иране¹².

⁷ Договоры России с Востоком. Политические и торговые / собр. и изд. (с историческим обзором) Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 223–227.

⁸ Подробнее см.: *Базиленко И.В.* Тегеранская трагедия 1829 г. в истории российско-иранских отношений // Христианское чтение. 2017. № 5. С. 168–182.

⁹ Начиная с XVI–XVII в., когда отношения между Московским царством и сафавидским Ираном приобрели стабильный характер, «любителные поминки» или «царские челобития» становятся обязательной частью дипломатического протокола. Они считались демонстрацией могущества монарха-дарителя, его дружеского расположения к адресату, а также подтверждали высокий статус посла, «являвшего» эти дары.

¹⁰ Официальная должность И.Ф. Паскевича – главноуправляющий гражданской частью в Грузии, Астраханской губернии и Кавказской области.

¹¹ Цит. по: *Балаян Б.П.* Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван, 1967. С. 270.

¹² О составе ядра миссии см.: *Балащенко Ю.Д.* Путешествие по Кавказу в 1829 году искупительного посольства Ирана, возглавлявшегося персидским принцем Хосров-мирзой // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15. Ставрополь, 2022. С. 330–332.

Новую границу, установленную Туркманчаем, «великое иранское посольство» пересекло 2 мая 1829 г. В состав миссии входило (по разным подсчетам) до 140 человек, включая челядь. Часть ее была из Тифлиса отправлена назад, но тем не менее посольство оставалось самым представительным из всех, которые Иран делегировал к северному соседу, начиная с Аббаса Великого (XVI–XVII вв.).

АПОЛОГИЯ ИМПЕРИИ: ОБРАЗ РОССИИ В ДНЕВНИКЕ МУСТАФЫ АФШАРА

Известно, что записи своих впечатлений вели сразу несколько членов иранской миссии, и в донесениях российского сопровождения неоднократно мелькает фраза «не оставил заметить у себя на бумаге»¹³. Принято считать, что по следам миссии было написано сразу три дневника — авторства самого Хосрова-мирзы, Салеха Ширази, уже имевшего опыт заграничных вояжей, отраженный в его пространных путевых заметках, и чиновника дивана переводов Мустафы Афшара¹⁴. Впрочем, в донесениях членов российского сопровождения имеется глухое упоминание о том, что Мирза Таги-хан также вел «ежедневный секретный журнал путешествия»¹⁵. Ни один из дневников, кроме сафар-наме М. Афшара, не сохранился, так что он остается единственным свидетельством пребывания искупительной миссии в России, зафиксированным самими иранцами.

М. Афшар привлекал внимание исследователей только как автор путевых заметок, имя которого стало известным после издания его сочинения «Дневник путешествия в Петербург»¹⁶, на обложке которого он был упомянут как обладатель почетного прозвания «Баха ал-молк» («Блеск государства»). Поездка в Россию в скромном качестве сотрудника канцелярии переводов, вероятно, стала точкой отсчета в его чиновничьей карьере. Известно, что впоследствии М. Афшар был назначен на должность правителя Кермана, одного из крупных провинциальных центров страны. Далее его следы теряются.

Дневник М. Афшара представляет собой пространное сочинение, разделенное на шесть глав, хотя завершающая, в которой должен был быть отражен обратный путь миссии, так, по-видимому, и не была написана. Жанровая принадлежность первой и второй глав («О путешествии из Тебриза до Петербурга» и «О пребывании в Петербурге») не оставляет сомнения: перед нами вариант литературно-документального сочинения сафар-наме (путевой дневник), чрезвычайно популярного в классической традиции Ирана со времен халифата. Тематическим и структурным стержнем таких текстов является маршрут, авторское повествование разбивается на временные отрезки с указанием местоположения пишущего. Первые две главы дневника, таким образом, представляют собой характерный образец путевых заметок, относящихся к срединной прозе, которая адресована, так сказать, *urbi et orbi*, а значит, предполагает сочетание информативности и занимательности. То обстоятельство, что эта часть обширного повествования М. Афшара является летописью официального визита Хосрова-мирзы¹⁷, не противоречит принципу синтеза документальности и художественности, свойственному дневнику путешествий как жанру. Тем не менее личные впечатления автора здесь вторичны. Важнейшей задачей для него является поддержание государственного престижа. Автор как наблюдатель отходит на второй план, уступая место чиновнику, являющемуся выразителем интересов власти.

Что же касается трех следующих глав этого дневника, которые составляют 40% общего текста, то они выходят за рамки указанного жанра. Здесь не важен маршрут, отступает на второй план хронотоп и при этом доминирует желание автора дать по возможности полную и разностороннюю характеристику увиденного. Данная часть сочинения существует

¹³ Персидское посольство 1829 года // Российский архив. 2003. Том XII. С. 192.

¹⁴ Melville F. Khosrow Mirza's mission to St Petersburg in 1829 // Iranian-Russian Encounters. Empires and revolutions since 1800 / ed. S. Cronin. New York, 2013. P. 72.

¹⁵ Персидское посольство 1829 года. С. 226.

¹⁶ Afshar M. Safar-name-he Khosrov-mirza beh Pererzburg. Tehran, 1970. P. 342.

¹⁷ О следовании миссии по России см.: Байбурди Ч.А., Борщевский Ю.Е. Искупительное посольство Хосров-Мирзы в Россию в 1829 г. и его дневник «Рузнама-йе сафари Петербург» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1970. С. 390–441.

только на языке оригинала. Она никогда не была объектом научного интереса и априори оценивалась как «каталог общих сведений»¹⁸, не несущий значимой смысловой нагрузки. На наш взгляд, изъятие фрагментов из авторского текста, к которому М. Афшар относился как к единому целому, и признание самодостаточности только первой его части таит опасность существенного сужения исследовательского поля и может повлиять на принципиальную оценку как самого произведения, так и роли, которую сыграла миссия Хосрова-мирзы на новом этапе российско-иранских отношений.

Одним из главных отличий этого выпавшего из внимания исследователей блока глав является обобщающий характер сведений, не привязанных к конкретным датам и местам, а разделенных на рубрики по тематическому принципу. Дневник путешествий с его внешними атрибутивными характеристиками уступает место очерковым запискам, отражающим авторские впечатления, с одной стороны, и справочнику, содержащему упорядоченные сведения о северном соседе Ирана как государстве, — с другой. Подобная манера подачи информации в виде списка или каталога (перс. «фехрест») имеет в Иране длительную историю, уходящую в доисламские времена. Такая разножанровость вызвана тем, что автор сочинения выступает здесь в трех разных, но связанных друг с другом качествах: он — путешественник, заинтересованно фиксирующий особенности чужого мира, собеседник, задающий уточняющие вопросы, и переводчик, что соответствовало его главным профессиональным обязанностям.

Как и любой «экскурсанта», М. Афшар включает в свой текст описание путешествия как дороги. Первое, на что он обращает внимание, а вслед за ним и все иранцы, совершавшие в каджарскую эпоху поездки на север, — это удобство и безопасность передвижения. И через полвека именно безопасность путей сообщения восхитит проезжающего по России Насер ад-Дин-шаха Каджара (1848—1896)¹⁹.

Путь у М. Афшара измерен видимыми издали столбами с черно-белыми полосами, «похожими на змей»²⁰, указывающими направления к городам и расстояние между почтовыми станциями, дающими приют путнику. Отметим, что спокойствие посольства было нарушено лишь единожды: появлением на Военно-Грузинской дороге отряда вооруженных горцев²¹, что вызвало мгновенный испуг в иранском стане — на родине любая дальняя поездка всегда была чревата возможностью неожиданного набега племен, контролировавших караванные пути.

Пытливый и наблюдательный М. Афшар не оставляет без внимания населенную обочину, вдоль которой тянутся деревни (дех) с жилыми домами и хозяйственными постройками «в два ряда по прямой линии, между этими двумя рядами дорога для передвижения»²². В этой обжитой части дороги автора интересует не природный, а рукотворный пейзаж, который в Иране всегда был закрыт от взгляда стеной, являющейся одной из характерных черт любого поселения. Внешние стены являлись не столько данью местной градостроительной традиции, сколько признаком слабости центральной власти Каджаров. Даже во второй половине XIX в. в Иране они служили «защитным поясом» и для городов, и для деревень, «большая часть которых обнесена высокою стеною из того же материала, из которого построены дома. В этой стене одни ворота, которые на ночь запираются; сюда загоняются стада, пасущиеся днем в поле»²³.

Дорога по сельской местности однообразна, и деревня, как правило, является объектом подробного описания лишь для человека, связанного с землей. Поэтому неудивительно, что данные описания у М. Афшара фрагментарны, но тем не менее достаточны для того, чтобы понять, что цель автора — обозначить общую черту российской жизни, независимо

¹⁸ Orouji F. Book Review // *Iran and the Caucasus*. 2014. № 18. P. 199.

¹⁹ Naser ad-Din-shah Qajar. *Ruznameh-e safar-e avval beh Farang*. Bombei, 1876. P. 32.

²⁰ Afshar M. *Op. cit.* P. 342.

²¹ Балащенко Ю.Д. Указ. соч. С. 340.

²² Afshar M. *Op. cit.* P. 341.

²³ Березин И.Н. Путешествие по Востоку: в 2-х т. Т. II. Путешествие по Северной Персии. М., 2021. С. 125.

от того, идет ли речь о городе или о сельской округе — открытость, а значит, порядок (незам) и стабильность²⁴. М. Афшар отмечает, что в России и при въезде в город нет крепостей, а есть только неукрепленные городские ворота. Единственным объектом, который напрямую сопрягался с привычным для иранца городским пейзажем, являлся московский Кремль, напоминающий современному автору тегеранский «арк» (крепость), город в городе, отделенный от жилых кварталов крепостной стеной с запирающимися на ночь воротами, с официальной резиденцией шаха, дворцами знати и вкраплениями административных зданий.

Только столетие спустя, в 1930-е годы, иранская столица стала обретать те черты городской жизни, которые тщательно фиксировало перо путешествовавшего по России М. Афшара: «Городские улицы, широкие и прямые, мощенные булыжником, по обе стороны улицы на возвышении устроены неширокие проходы для пешеходов. Ширина улицы достаточна для экипажа и телеги. На каждой улице с двух сторон на расстоянии тридцати шагов стоят раскрашенные деревянные столбы, на них сверху укреплены стеклянные фонари... и на улице так светло, что прохожему не нужен светильник... Они весьма украшают город своим светом, особенно на Неве, на обоих берегах которой на мостах во всем городе установлены отражающиеся в воде фонари»²⁵.

Заинтересованный взгляд наблюдателя тщательно фиксирует яркие приметы другой культуры: обращенные к улице и украшенные колоннами фасады домов состоятельных горожан, разбитые перед домами сады и цветники. «Так как женщины не соблюдают хиджаб, — лаконично поясняет автор, — надобности в ограде и внутреннем дворе нет»²⁶. М. Афшар «заглядывает» в дома россиян и охотно делится с читателями своими наблюдениями. Российские подданные изображены им в самых разных бытовых ситуациях (во время семейного или гостевого обеда, домашних хлопот, прогулки), а также в такие важные моменты жизни человека, как сватовство, свадьба и смерть близкого, с подробным описанием всего ритуала — от соборования до укладывания «в ящик» (гроб)²⁷. Эти бытописательные записи являются обобщением как личных наблюдений автора во время десятимесячного пребывания в России, так и сведений, полученных «с российского голоса». В обоих случаях их тональность такова, что не содержит ни малейшего намека на ксенофобные оценки в описании быта россиян, которые были так распространены в официальных иранских текстах военного времени.

Дневник недвусмысленно дает понять читателю, что режим пребывания иранской миссии в России был достаточно свободным. Личное время могло быть использовано для посещений магазинов или даже не предусмотренных официальным протоколом встреч с представителями российской власти. О таком событии мимоходом сообщает автор дневника, как бы случайно столкнувшийся в обеденном зале одной гостиницы с графом А.И. Чернышёвым²⁸, в то время военным министром в правительстве Николая I. Подобные неформальные, а также и официальные контакты могут объяснить появление в тексте дневника отдельного большого раздела, свидетельствующего об изменении авторской оптики в изображении Российской империи.

Россия в этих частях показана не через бытовую деталь, а с ракурса жизни государства, которая освещается с разных сторон и сопровождается официальными, в том числе и статистическими, сведениями. Обилие цифровых данных, источник которых вполне очевиден, — они были предоставлены российской стороной, — придает убедительность этому образу. Любая информация этого раздела дневника, идет ли речь о количестве городов и портов, налоговой нагрузке населения или образовательных учреждениях, имеет статистическое

²⁴ Afshar M. Op. cit. P. 343.

²⁵ Ibid. P. 343–344.

²⁶ Ibid. P. 346.

²⁷ О характере повседневной жизни на Ближнем Востоке см., например: Смирнов В.Е. Роль исламского фактора в повседневной жизни правящей элиты османского Египта второй половины XVIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. № 10 (98). С. 1–25. DOI: 10.18254/S207987840028526-7

²⁸ Afshar M. Op. cit. P. 345.

подтверждение. «Заемный» характер данных заявляет о себе даже в мелочах: расстоянии, измеряемом в верстах, и оценке стоимости товаров в рублях. Хотя в кадjarскую эпоху представление о функционировании государства, опирающееся на цифру, лишь получало распространение, М. Афшар в своем уважительном отношении к статистике ориентируется на лучшие образцы административного творчества не столь отдаленного иранского прошлого — такие как «Тазкират ал-молук» («Памятная записка для царей») ²⁹ периода Сафавидов, которые почитались Каджарами как идеальные государи. «Сухой язык цифр» в дневнике М. Афшара несет в себе значительную пропагандистскую нагрузку и усиливает привлекательный образ великой державы без использования панегирических приемов традиционной поэтики. В нем отсутствует обязательная похвала, гиперболизированное описание объекта и обильное стилистическое украшательство, являвшиеся литературной нормой любого персидского нарратива этого периода, включая исторический.

Российское государство — воистину северный колосс, который занимает громадную территорию от Балтики до далекой и неведомой Америки, созданное усилиями монархов правящей династии, в том числе и коронованных женщин. Это безграничное пространство освоено многочисленным населением, принадлежащим к разным сословиям, народам и верованиям, наделено природными богатствами и обилием удобных путей сообщения, в том числе водных ³⁰. Возникающий под пером М. Афшара эпический образ России сродни воспоминаниям о великой иранской державе «от Рума до Чина», какой она запечатлена в национальном героическом эпосе.

Дневник скрупулезно воспроизводит сложную и иерархично упорядоченную структуру государственного аппарата в России со своей системой назначений и наград ³¹, которая выступает как антипод современной автору форме организации управления в Иране кадjarской эпохи, где политические институты практически находились в стадии становления. «Судят и рядят сановники в своих домах, при помощи “мирз”, секретарей, — отмечал посетивший Иран на рубеже 1830—1840-х годов выпускник Лазаревских курсов, профессиональный востоковед Н. Березин. — Это грамотные люди, владеющие тайною красноречивого слога; у них все решения в голове, а канцелярия, состоящая из “калямдана” (чернильницы) и свертка бумаги, заткнута за поясом» ³². Важно подчеркнуть, что из всего «сонма» важных российских сановников М. Афшар явно не случайно упоминает имена лишь троих: ведавшего иностранными делами влиятельного графа К.В. Нессельроде, военного министра А.И. Чернышѐва и «всесильного» министра финансов Е.Ф. Канкрин, которым, по его мнению, Россия обязана своей военной победой.

Автор дает понять, что успехи современной ему России коренятся в стремлении власти к освоению нового знания и в древности, и в недавнем прошлом. В изложении М. Афшара правительница Ольга совершила в свое время путешествие в Эсламбул (Константинополь), чтобы вывести русский народ из «языческого невежества», а Петр Великий воспринял «плоды европейских наук» ³³. Своеобразным «трофеем» Петра стали прибывшие с ним из Европы учителя технического прогресса ³⁴, при помощи которых Россия вышла на путь процветания.

Восхищенный тем, как в России поставлена система образования, автор полагает его доступным для всех слоев населения, включая детей-сирот. Особое внимание М. Афшар уделяет женскому просвещению. Действительно, к этому времени учебные заведения для девочек начинают создаваться не только в двух столицах, но и во многих губернских городах России. В светских салонах иранцам доводилось встречать женщин, которые уверенно

²⁹ Обширный свод анонимного автора, содержащий сведения о различных аспектах структуры и деятельности Сафавидского государства. Tadhira al-muluk. A manual of Safavid administration (circa 1137/1725) / transl. and expl. by V. Minorsky. Cambridge, 1943.

³⁰ Afshar M. Op. cit. P. 324—327.

³¹ Ibid. P. 296—317, 331—336.

³² Березин И.Н. Указ. соч. С. 136.

³³ Afshar M. Op. cit. P. 318—320.

³⁴ Ibid. P. 327—328.

рассуждали о политике, что ставило их вровень с мужчинами. Автор дневника вспоминает об одной даме, которая умела «читать» карты сражений только что закончившейся русско-турецкой войны (1828–1829), самостоятельно отмечая на них расположение войск, и со смехом утверждала, что не прочь возглавить министерство или даже армию³⁵.

В понимании автора образование — это важнейшая ступень в достижении успеха как на индивидуальном уровне, так и в масштабах государства. Под пером М. Афшара слово «таракки» с традиционным значением «успех» и «повышение» приобретает новый смысловой оттенок — «прогресс», с которым оно войдет в политический лексикон эпохи преобразований середины XIX в. и станет ключевым в устах сторонников реформ: «Жаль, если мы, видя собственными глазами тот прогресс («таракки») и порядок, которых добился наш сосед за короткое время, не задумаемся о том, как и нам самим обрести такое же благо, чтобы не терпеть от него поражений и не ходить пристыженными в чужих краях»³⁶.

ЗА РАМКАМИ ТЕКСТА: РОССИЯ И ИРАН НА НОВОМ ЭТАПЕ ОТНОШЕНИЙ

Рассмотренная выше часть дневника М. Афшара нацелена на создание образа России как сильной, постоянно расширяющей свои пределы державы с продуманным административным делением, четко структурированным властным аппаратом и армией, обеспечивающей это могущество. Свою немалую лепту в этот монументальный образ, несомненно, внес и сам «восхваляемый объект», снабдивший автора необходимыми для этого сведениями.

Хотя эта часть дневника внешне предельно аполитична, авторская позиция в ней заявлена вполне определенно. М. Афшар — выразитель идеи формирования новой линии межгосударственных отношений и переоценки войны как переломного события недавнего прошлого. Ракурс поражения в контексте сочинения уступает место видению новых политических перспектив, примиряющих с этой катастрофой.

Отнюдь не все члены иранского посольства разделяли эти взгляды. Еще во время поездки по Кавказу постоянно сопровождавший миссию переводчик И. Шаунбург отмечал, что новость о громких победах И. Дибича и И. Паскевича, знаменовавших успешное завершение войны с турками³⁷, была встречена с воодушевлением только Хосровом-мирзой. Большинство же представителей посольства отреагировало на это известие молчанием³⁸. Подобное стремление «сохранить лицо» перед неверными отметил и О.А. Пржецлавский, в то время сотрудник Министерства внутренних дел, присутствовавший вместе с иранцами на одном из военных парадов, устроенных в честь высоких гостей: «Однакож, — прокомментировал главнокомандующий Аббаса-мирзы выправку российских солдат на плацу — я думаю, что если хорошо помолиться пророку, то можно бы их и побить»³⁹.

И. Шаунбург в своих отчетах указывает, что среди высокопоставленных членов посольства чувствовался недоброжелательный настрой, который Хосров-мирза пытался «приглушить». Весьма утомительными называет переводчик частые придирки иранцев к несоблюдению мелких деталей церемониала, связанного с их приемом⁴⁰, что побудило Хосрова-мирзу сгладить неприятное впечатление, подчеркнув, что эти нелепые претензии умаляют в первую очередь его достоинство принца и главы миссии: «Низшие ... обыкновенно всегда стараются перед старшими себя выказать свое достоинство и значительность»⁴¹. Шаунбург же дал понять Хосрову-мирзе, что ему ясен истинный смысл этих мелких «возмущений», и добавил: «Сие заставило меня напомнить ему, что причину поездки его в Санкт-Петербург нельзя было предвидеть в Туркменчайском мирном трактате, и посему она требует

³⁵ Ibid. P. 370.

³⁶ Ibid. P. 198.

³⁷ Имеется в виду Русско-турецкая война 1828–1829 гг.

³⁸ Персидское посольство 1829 года. С. 194.

³⁹ Пржецлавский О.А. Беглые очерки. Хан Карабагский. — Шамхал Тарковский. — Хозрев-Мирза // Русская старина. 1883. Т. XXXIX. № 8. С. 404.

⁴⁰ Персидское посольство 1829 г. С. 192.

⁴¹ Там же.

еще некоторых доказательств на то право, которое они себе имеют желают»⁴². Тем более что прием иранского посольства был организован с соблюдением всех правил имперской выкладки и даже сопровождался такими незапланированными акциями, как, например, приветствие Хосрова-мирзы в Воронеже криками «ура» собравшихся у его резиденции горожан. К тому же принц не мог не помнить, в какое положение попала миссия князя А.С. Меншикова, прибывшая в Тегеран в канун войны 1826 г., участники которой оказались на положении военнопленных⁴³. При встрече в Петербурге он лично принес свои извинения князю за столь недружественный прием.

Для Хосрова-мирзы визит в Россию стал временем личного успеха как дипломата, что сулило и изменение его политического будущего на родине. К тому же принц быстро освоился в непривычной социокультурной среде, а возможность объясняться на французском языке и представления о европейском этикете, полученные в ранней юности от учителя-француза, помогли ему легко вписаться в светскую жизнь Петербурга, где он «по своему положению, изящным манерам и красоте сразу сделался львом дня» и приобрел славу «мастера в искусстве флиртации»⁴⁴.

Конечно, светский успех Хосрова-мирзы лег на подготовленную почву: высшее общество тех лет, как и вся Европа, переживало пик увлечения Востоком. Оно заявило о себе как модное течение в литературе, эксплуатировавшей ориентальные сюжеты, и в бытовой жизни представителей светских кругов (восточные шали и женские головные уборы, ковры и оружие как элемент салонного декора). Не случайно императрица Александра Федоровна имела в обществе лстящее прозвище Лалла Рук (от перс. композита «тюльпанолика») по имени героини одноименной поэмы Томаса Мура.

Светские победы Хосрова-мирзы были дополнены и зримым проявлением монаршего благоволения: помимо официального приема и отпускной аудиенции, он был дважды удостоен личной беседы с Николаем I, который заметно облегчил бремя контрибуции, наложенной на Иран в Туркманчае. Это давало основания полагать, что в дальнейшем Россия не останется безучастной также к его собственной политической судьбе и в вопросе о передаче престола сможет поддержать осуществление честолюбивых намерений принца, которым, впрочем, не суждено было реализоваться. Впоследствии, действуя в соответствии с буквой Туркманчайского трактата, Россия признала кандидатуру Мухаммада, старшего сына Аббаса-мирзы, в качестве наследника каджарского трона. Хосров же, объединившись с другим своим братом Джахангиром-мирзой, пытался оспорить решение Фатх-Али-шаха, но проиграл. Пережив после возвращения из России кратковременный триумф, принц был ослеплен и выслан из столицы.

Судьба же сочинения М. Афшара с описанием политических успехов Хосрова-мирзы сложилась удачно. Оно не затерялось в архивах, как два других дневника членов миссии, а копировалось, следовательно, находилось в работе, подтверждая свою актуальность. На сегодняшний день сохранилось пять копий дневника периода 1850–1860-х годов⁴⁵, когда каджарский трон впервые задумался о необходимости системных преобразований.

* * *

Искупительная миссия 1829 г. представляла собой визит с заведомо согласованной целью, которая соответствовала интересам обеих сторон. Острый внешнеполитический конфликт, грозивший перерасти в новый виток военного противостояния, был благополучно разрешен, и, покидая Россию, иранская делегация увозила с собой громадный груз

⁴² Там же.

⁴³ *Бартоломей Ф.Ф.* Дневник. Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 году. (Из дневника генерал-лейтенанта Ф.Ф. Бартоломея) // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Bartolomej_F_F/text1.htm (дата обращения: 08.04.2024).

⁴⁴ *Пржецлавский О.А.* Указ. соч. С. 404–405.

⁴⁵ *Melville F.* Op. cit. P. 72.

подарков, подношений и покупок как «овеществленный преysкурant» того, что может предложить богатый и щедрый сосед-победитель своему недавнему противнику. Однако результаты визита далеко выходили за намеченные формальные рамки. Вне всякого сомнения, в лице одного из представителей каджарской фамилии Хосрова-мирзы Россия получала надежного агента влияния, а сам принц мог небезосновательно рассчитывать на покровительство российской стороны в отстаивании своих прав на престол.

Не имевший, по собственному признанию, «касательства к подобным вопросам»⁴⁶, М. Афшар, один из придворных переводчиков наследника престола, должен был лишь вести официальный дневник пребывания миссии в России. Однако эта работа была прервана новой задачей, поставленной перед автором, — подготовить в сотрудничестве с российской стороной служебную записку справочного характера, нацеленную на дальнейшее развитие межгосударственных отношений.

Конечно, иранская миссия находилась в России в исключительных обстоятельствах — ее представители были помещены в максимально благоприятную среду и получили возможность наблюдать жизнь российской аристократии с самого удобного ракурса, посещать самые современные промышленные предприятия, знакомиться с тем, как функционируют лучшие учебные заведения. Эти впечатления были обобщены М. Афшаром в серию очерков, подчиненных двуслойной задаче — развеять стойкий негативный образ северного соседа, рожденный войной, и показать российское государство, построившее на основе европейского опыта «свою собственную Европу», не уступающую по могуществу прототипу. Владение автором «языком франков», нечастое в каджарскую эпоху, являлось в данном случае необходимым инструментом освоения нового знания о современном мире «в надежде принести пользу делу упрочения веры и государства»⁴⁷.

Почерпнутые в России преобразовательные идеи в сочетании с османским имперским опытом дополнили копилку иранских представлений о прогрессе, в основе которого — единое государство как самая приемлемая форма устройства земного миропорядка, опирающееся на финансы, армию и образование.

Библиография / References

Базиленко И.В. Тегеранская трагедия 1829 г. в истории российско-иранских отношений // Христианское чтение. 2017. № 5. С. 168–182.

Байбурди Ч.А., Борщевский Ю.Е. Искупительное посольство Хосров-Мирзы в Россию в 1829 г. и его дневник «Рузнама-йе сафари Петербург» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1970. С. 390–441.

Балащенко Ю.Д. Путешествие по Кавказу в 1829 году иркупительного посольства Ирана, возглавлявшегося персидским принцем Хосров-мирзой // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15. Ставрополь, 2022. С. 324–351.

Балаян Б.П. Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван, 1967.

Бартоломей Ф.Ф. Дневник. Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 году. (Из дневника генерал-лейтенанта Ф.Ф. Бартоломея) // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Bartolomej_F_F/text1.htm (дата обращения: 08.04.2024).

Березин И.Н. Путешествие по Востоку: в 2-х т. Т. II. Путешествие по Северной Персии. М., 2021. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / собр. и изд. (с историческим обзором) Т. Юзефович. СПб., 1869.

Записка генерала Ермолова о посольстве в Персию в 1817 г. // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/18001820/Ermolov_A_P/text1.htm (дата обращения: 06.04.2024).

Ляличак А.С. Трансформации образа Турции в советской сатирической прессе 1940-х — 1950-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. № 10 (98). С. 1–25. DOI: 10.18254/S207987840028602-1

Персидское посольство 1829 года // Российский архив. 2003. Т. XII. С. 187–241.

⁴⁶ Afshar M. Op. cit. P. 198.

⁴⁷ Ibidem.

Пржецлавский О.А. Беглые очерки. Хан Карабагский. — Шамхал Тарковский. — Хозрев-Мирза // Русская старина. 1883. Т. XXXIX. № 8. С. 400—406.

Смирнов В.Е. Роль исламского фактора в повседневной жизни правящей элиты османского Египта второй половины XVIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. № 10 (98). С. 1—25. DOI: 10.18254/S207987840028526-7

Baiburdi Ch.A., Borshchevskii Iu.E. Iskupitel'noe posol'stvo Khosrov Mirzy v Rossiю v 1829 g. i ego dnevnik "Ruznama-je safari Petersburg" [Khosrow Mirza's Redemption mission of Khosrow Mirza to Russia in 1829 and his diary "Ruznama-ye Safari Petersburg"] // Pis'mennye pamiatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka [Written Records and Problems of the Cultural History of the Peoples of the East]. Moskva, 1970. S. 390—441. (In Russ.)

Balaian B.P. Mezhdunarodnye otnosheniia Irana v 1813—1828 gg. [Foreign Relations of Iran in 1813—1828]. Erevan, 1967. (In Russ.)

Balatsenko Iu.D. Puteshestvie po Kavkazu v 1829 godu iskupitel'nogo posol'stva Irana, vozglavl'iaвшegoisia persidskim printsem Khosrov-mirzoi [A Journey of the Iran's Mission of Apology Headed by the Persian Prince Khosrow-Mirza through the Caucasus in 1829] // Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza [From the History of the North Caucasian Peoples Culture]. Vyp. 15. Stavropol', 2022. S. 324—351. (In Russ.)

Bartolomei F.F. Dnevnik. Posol'stvo kniazia Menshikova v Persiiu v 1826 godu. (Iz dnevnika general-leitenanta F.F. Bartolomeia) [The Diary. Embassy of Prince Menshikov to Persia in 1826. (From the Diary of Lieutenant General F.F. Bartholomew)] // Vostochnaia literatura. Srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada [Eastern Literature. Medieval Historical Sources of the East and West]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Bartolomei_F_F/text1.htm (access date: 08.04.2024). (In Russ.)

Bazilenko I.V. Tegeranskaia tragediia 1829 g. v istorii rossiisko-iranskih otnoshenii [The Tehran tragedy of 1829 in the history of Russian-Iranian relations] // Khristianskoe chtenie [Christian Reading]. 2017. № 5. S. 168—182. (In Russ.)

Berezin I.N. Puteshestvie po Vostoku: v 2-kh t. T. II. Puteshestvie po Severnoi Persii [Journey to the East: in 2 vols. Vol. 2. Journey to Northern Persia]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye [Russia's Treaties with the East. Political and Trade] / sobr. i izd. (s istoricheskim obzorom) T. Iuzefovich. Sankt-Peterburg, 1869. (In Russ.)

Liul'chak A.S. Transformatsii obraza Turtsii v sovetskoй satiricheskoi presse 1940-kh — 1950-kh gg. [Transformations of the Image of Turkey in the Soviet Satirical Press of the 1940s — 1950s] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. № 10 (98). S. 1—25. DOI: 10.18254/S207987840028602-1 (In Russ.)

Persidskoe posol'stvo 1829 goda [The Persian Mission of 1829] // Rossiiskii arkhiv [Russian Archive]. 2003. T. XII. S. 187—241. (In Russ.)

Przhetslavskii O.A. Beglye ocherki. Khan Karabagskii. — Shamkhal Tarkovskii. — Khosrev-Mirza [Quick Essays. Khan of Karabagh. — Shamkhal Tarkovsky. — Khosrow Mirza] // Russkaia starina [Russian Antiquity]. 1883. T. XXXIX. № 8. S. 400—406. (In Russ.)

Smirnov V.E. Rol' islamskogo faktora v povsednevnoi zhizni praviashchei elity osmanskogo Egipta vtoroi poloviny XVIII v. [The Role of the Islamic Factor in the Daily Life of the Ruling Elite of Ottoman Egypt in the Second Half of the 18th c.] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. № 10 (98). S. 1—25. DOI: 10.18254/S207987840028526-7 (In Russ.)

Zapiska generala Ermolova o posol'stve v Persiiu v 1817 g. [General Ermolov's Note About the Mission to Persia in 1817] // Vostochnaia literatura. Srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada [Eastern Literature. Medieval Historical Sources of the East and West]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/18001820/Ermolov_A_P/text1.htm (access date: 06.04.2024). (In Russ.)

Afshar M. Safar-name-he Khosrov-mirza beh Pererzburg. Tehran, 1970.

Arinpur J. Az Saba ta Nima. Tehran, 1971.

Ingram E. Britain's Persia Connection, 1798—1828: Prelude to the Great Game. Oxford, 1992.

Mathee R. Facing a Rude and Barbarous Neighbor: Iranian Perceptions of Russia and the Russians from the Safavids to the Qajars // Iran Facing Others: Identity Boundaries in a Historical Perspective / eds A. Amanat, F. Vejdani. New York, 2012. P. 101—126.

Melville F.I. Khosrow Mirza's mission to St Petersburg in 1829 // Iranian-Russian Encounters. Empires and Revolutions since 1800 / ed. S. Cronin. New York, 2013. P. 69—94.

Naser ad-Din-shah Qajar. Ruznameh-e safar-e avval beh Farang. Bombei, 1876.

Orouji F. Book Review: George Bournoutian, From Tabriz to St. Petersburg: Iran's Mission of Apology to Russia in 1829 // Iran and the Caucasus. 2014. № 18. P. 197—200.

Tadhirat al-muluk. A manual of Safavid administration (circa 1137/1725) / transl. and expl. by V. Minorsky. Cambridge, 1943.

© 2024 г. Д.Р. ЖАНТИЕВ

ЗАВОЕВАНИЕ СИРИИ МУХАММАДОМ АЛИ-ПАШОЙ В 1831–1832 годах И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-ОСМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Жантеев Дмитрий Рустемович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: zhantiev@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 55587549800; ORCID: 0000-0003-4243-6120; Researcher ID: F-7437-2012

Аннотация. Одним из важнейших событий Первого египетского кризиса (1831–1833) стало завоевание сирийских провинций Османской империи войсками мятежного наместника Египта Мухаммада Али-паши. В ходе военной кампании, в феврале 1833 г., император Николай I отправил контингент русских войск для оказания помощи Высокой Порте в защите Константинополя. Целью настоящего исследования является анализ влияния конфликта между османскими властями и Мухаммадом Али-пашой на российско-турецкие отношения в 1830-е годы. Изучение данной проблематики представляет особую актуальность, так как позволяет выявить степень заинтересованности Санкт-Петербурга в сохранении баланса сил в Восточном Средиземноморье в данный период. В задачи автора входит рассмотрение стратегий Мухаммада Али-паши, Высокой Порты и российского правительства в отношении османской Сирии, имевшей ключевое стратегическое значение для противоборствующих сторон конфликта в ходе его развития. Проведенный в рамках настоящего исследования анализ архивных документов и воспоминаний отечественных дипломатов позволяет утверждать, что, в отличие от доминировавшего в историографии взгляда, согласно которому российское вмешательство в конфликт было вызвано прямой угрозой захвата османской столицы войсками Мухаммада Али-паши в декабре 1832 г., а планы Санкт-Петербурга ограничивались защитой азиатского берега Босфора, принципиально важную роль в развитии событий сыграло именно установление египетскими войсками контроля над Сирией весной и летом 1832 г. На основании изучения этих источников автор показывает принципиальную важность Сирии для реализации замысла Мухаммада Али-паши по созданию собственной фактически независимой державы, а также раскрывает планы российского командования по ведению боевых действий против войск мятежного египетского наместника. Прямое военно-дипломатическое вмешательство России в конфликт между Высокой Портой и Мухаммадом Али-пашой в 1833 г. разрушило его планы и позволило османскому правительству получить крайне необходимое время для восстановления боевого потенциала армии. Однако союзнические отношения между Санкт-Петербургом и Стамбулом не получили дальнейшего развития из-за противодействия со стороны Великобритании, Франции и Австрии.

Ключевые слова: дипломатия, Мухаммад Али-паша, Махмуд II, Николай I, Египет, Сирия, Османская империя, Россия, внешняя политика.

D.R. Zhantiev**The Conquest of Syria by Muhammad Ali Pasha in 1831–1832 and Its Influence on Russian-Ottoman Relations***Zhantiev Dmitry, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).**E-mail: zhantiev@iaas.msu.ru**Scopus Author ID: 55587549800; ORCID: 0000-0003-4243-6120; Researcher ID: F-7437-2012*

Abstract. In the article, the author focuses on one of the most pivotal events of the First Egyptian Crisis (1831–1833), namely the conquest of the Syrian provinces of the Ottoman Empire by the troops of the rebel governor of Egypt, Muhammad Ali Pasha. Additionally, he elucidates the rationale behind the Russian Emperor Nicholas I's decision to dispatch a contingent of Russian troops in 1833 to assist the Ottoman government in its efforts to safeguard its capital. The aim of this article is to analyse the strategies employed by Muhammad Ali Pasha, the Sublime Porte, and the Russian Empire with regard to Ottoman Syria, a region of key strategic importance during the development of the crisis. The present study demonstrates that the deployment of Egyptian troops to Syria in the spring and summer of 1832 was the pivotal factor in the subsequent course of events. This challenges the dominant view in historiography, which posits that the Russian intervention in the conflict was precipitated by a direct threat of capture of the Ottoman capital by Muhammad Ali Pasha's troops in December 1832, and that St Petersburg's plans were limited to the defence of the Asian shore of the Bosphorus. This article, which draws on archival documents and recollections of participants in the events, demonstrates the pivotal role played by Syria in the realisation of Muhammad Ali Pasha's objective to establish a virtually independent power base. It also elucidates the strategic countermeasures devised by the Russian command with the intention of conducting military operations against the troops of Muhammad Ali in Asia Minor and Syria. Russia's direct military and diplomatic intervention in the conflict between the Sublime Porte and Muhammad Ali Pasha in 1833 had a significant impact, effectively thwarting the Egyptian governor's plans and providing the Ottoman government with the necessary time to restore the combat potential of its army. However, the alliance established between Russia and the Ottoman Empire at that time did not progress further due to opposition from Great Britain, France, and Austria.

Keywords: diplomacy, Muhammad Ali Pasha, Mahmud II, Nicholas I, Egypt, Syria, Ottoman Empire, Russia, foreign policy.

Экспансионистская политика османского наместника (вали) и фактического правителя Египта Мухаммеда Али-паши (ок. 1769–1849), которую он начал осуществлять в ходе успешной войны с государством Саудитов, инициированной им в 1811 г. по велению султана Махмуда II (1808–1839), два десятилетия спустя, в 1831 г., привела к открытому конфликту с Высокой Портой. Стремясь достичь большей политической самостоятельности, Мухаммад Али-паша добивался от официального Стамбула передачи под его управление Сирии¹. В ходе продолжавшейся в течение двух лет военной кампании он предпринял попытку установить контроль над стратегически важными провинциями (эялетами) Османской империи. Победа над войсками Порты и завоевание Сирии стали закономерными следствиями усиления власти Мухаммеда Али-паши в Египте и создания многочисленной регулярной армии по европейскому образцу на основе рекрутских наборов. Кроме того, походы в Аравию (1811–1818), Нубию и Судан (1820–1824) позволили египетским солдатам и офицерам получить важный боевой опыт, который также стал фактором, обеспечившим успех в этом конфликте. В то же время в 1831–1832 гг. Порта в военном отношении оказалась

---

¹ Исторический топоним «Сирия» (араб. «Билад аш-Шам») используется для обозначения географического пространства, примерно соответствующего территориям современных Сирийской Арабской Республики, Ливана, Иордании и Израиля, вместе взятым.

неспособна успешно противостоять мятежному египетскому наместнику. Реформа, имевшая целью модернизацию армии, после длительного 19-летнего перерыва была возобновлена в 1826 г. Ликвидация янычарского корпуса по решению Махмуда II устранила главное препятствие на пути военных преобразований, однако к 1831 г. они были еще далеки от завершения². Кроме того, вооруженные силы и государственные финансы Османской империи были в значительной степени ослаблены длительной неудачной борьбой с греческим восстанием и поражением в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Важно отметить, что за год до ее начала большая часть флота Мухаммада Али-паши была уничтожена в ходе Наваринского сражения, вследствие чего крупный контингент египетской армии, участвовавший в борьбе с повстанцами, был вынужден эвакуироваться из Греции. Правитель Египта рассматривал получение контроля над южным сирийским эялетом Сайда, граничившим с его владениями, в качестве достойной компенсации за понесенные потери. Мухаммад Али-паша также понимал, что следствием модернизации вооруженных сил Османской империи со временем станет активизация Портой усилий по централизации власти, что в перспективе угрожало ему потерей Аравии. Назначение на должность главнокомандующего (сераскира) новой османской регулярной армии Коджи Хюсрева Мехмед-паши³ (1769–1855) – давнего врага Мухаммада Али-паши, вынашивавшего планы по свержению последнего, – красноречиво говорило о намерении султана восстановить прямой контроль и над Египтом. В этих обстоятельствах Мухаммад Али-паша рассматривал вторжение в Сирию в 1831 г. как превентивный удар, необходимый для сохранения его власти, а возможно даже и жизни⁴. Однако после того, как, овладев Сирией, египетские войска продолжили наступление в Анатолии, создавая прямую угрозу османской столице, конфликт вышел на новый уровень в рамках Восточного вопроса. В этой ситуации Российская империя оказала прямую военную помощь своему вчерашнему противнику, направив в начале 1833 г. свой флот для защиты Стамбула от армии Мухаммада Али-паши.

Вопрос о влиянии конфликта между Высокой Портой и наместником Египта на российско-османские отношения в 1830-е годы представляет особую актуальность в контексте изучения отечественной внешней политики. Исследование данной проблематики позволяет сделать вывод о том, что Санкт-Петербург на данном историческом этапе придавал важное значение сохранению баланса сил в Восточном Средиземноморье. Следует отметить, что в отечественной научной литературе завоевание Сирии Мухаммадом Али-пашой и реакция России на события Первого египетского кризиса преимущественно рассматривались или в общих работах по истории Восточного вопроса, или в контексте деятельности российской дипломатии в Османской империи⁵. При этом данные исторические сюжеты не становились предметом отдельного изучения. Настоящее исследование, базирующееся на анализе широкого круга российских, египетских и сирийских источников, является попыткой восполнить этот пробел.

² Подробнее о модернизации османской армии в XIX в. см.: Суриков К.А. Самый долгий век османского оружия: трансформация технического обеспечения сухопутной армии Османской империи в ходе модернизации XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. № 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840028953-7-1/> (дата обращения: 05.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840028953-7

³ Мехмед-паша, Коджа Хюсрев (1769–1855) – османский военный и государственный деятель, активный сторонник реформы вооруженных сил и создания новой регулярной армии по европейскому образцу, великий визирь (садразам) Османской империи в 1839–1840 гг. Ненависть Мехмед-паши к Мухаммаду Али-паше объяснялась тем, что, будучи в 1802–1803 гг. наместником Египта, он вступил в конфликт с албанскими наемниками на османской службе, был смещен, а затем фактически стал пленником их командира Мухаммада Али.

⁴ Подробнее см.: Rustum A. The Royal Archives of Egypt and the Origins of the Egyptian Expedition to Syria, 1831–1841. Beirut, 1936. P. 49–51.

⁵ См.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978. С. 98–101; Кудрявцева Е.П. Российский посланник в Турции А.П. Бутенев // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 88–91. DOI: 10.31857/S013038640015140-2

Размышляя о событиях 1831–1832 гг., известный российский дипломат и востоковед Константин Михайлович Базили писал: «Наступила пора или привести в исполнение давно замысленные планы, от которых зависело будущее величие владетеля Египта и упрочение приобретенных им преимуществ, или ждать, чтобы уровень, наводимый султаном на всю империю, коснулся Египта с сирийской границы»⁶. Завоевание Сирии войсками Мухаммада Али-паши⁷ в 1831–1832 гг. имеет исторические параллели с более ранними военно-политическими конфликтами в этом регионе, когда консолидация власти в Египте способствовала последующей военной агрессии в отношении северного соседа. Это объяснялось как выгодным стратегическим положением Сирии, так и обилием в ней экономических ресурсов. В XVIII в. подобным примером стал мятеж правителя османского Египта Али-бея аль-Кабира⁸, в 1771 г. направившего свои войска для завоевания Сирии.

В первой трети XIX в. османское правительство обеспечивало контроль над сирийскими провинциями и безопасность в них, используя иррегулярные формирования наместников (вали). Для этой цели практически никогда не привлекались войска из столицы и балканских владений империи. Таким образом Высокая Порта поддерживала авторитет султанской власти в провинциях и не допускала формирования политических сил, способных угрожать османскому суверенитету. Наемные воинские контингенты вали были достаточно эффективны при отражении набегов бедуинов и обеспечении своевременного сбора податей, но не могли успешно противодействовать серьезной внешней угрозе. В октябре 1831 г. они не сумели остановить вторжение войск Мухаммада Али-паши в Сирию. Формальным предлогом для него послужил отказ наместника Сайды Абдалла-паши выдать бежавших в его провинцию из Египта феллахов, спасавшихся от рекрутских наборов⁹.

Вступив в Сирию, египетская армия практически без сопротивления овладела Газой, Яффой и Хайфой и в ноябре 1831 г. приступила к осаде хорошо укрепленной Акки, которую Абдалла-паша был твердо намерен оборонять. Сирийский наместник рассчитывал на военную помощь со стороны Высокой Порты. Кроме того, его вдохновлял исторический пример одного из предшественников – Ахмад-паши аль-Джаззара¹⁰, который в 1799 г. сумел отстоять Акку от наступавшей из Египта французской армии под командованием генерала Наполеона Бонапарта. Осада Акки войсками Ибрахим-паши продолжалась вплоть до мая 1832 г., когда Абдалла-паша, так и не получив помощи от османского правительства, был вынужден капитулировать¹¹. Примечательно, что на протяжении первых месяцев осады Акки султан Махмуд II и его правительство не предпринимали решительных действий для того, чтобы противостоять Мухаммаду Али-паше в его попытке завоевания Сирии, вероятно, надеясь, что он ограничится установлением контроля над южными районами Палестины. По сообщению чрезвычайного посла Российской империи в Константинополе Аполлинария Петровича Бутенева от 21 января 1832 г., для конфиденциальных переговоров

⁶ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях / подг. текста и пред. И.М. Смилянской. М., 2007. С. 137.

Базили, Константин Михайлович (1809–1884) – российский дипломат и публицист греческого происхождения. С 1833 г. служил в Министерстве иностранных дел; в 1839–1844 гг. – консул, в 1844–1853 гг. – генеральный консул Российской империи в Бейруте.

⁷ Непосредственное командование египетскими войсками в ходе кампании 1831–1832 гг. осуществлял старший сын Али-паши Ибрахим-паша (ок. 1789–1848).

⁸ Аль-Кабир, Али-бей (1728–1773) – мамлюкский правитель (шейх аль-балад) Египта в 1757–1766 и 1767–1772 гг. В период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. воспользовался трудным положением Османской империи, направив египетские войска для завоевания южной и центральной Сирии (взаимодействуя с местными союзниками). В 1772 г. в ходе военного мятежа был арестован и лишен власти.

⁹ Rustum A. Op. cit. P. 25–28.

¹⁰ Ахмад-паша аль-Джаззар (ок. 1730–1804) – османский военный и политический деятель боснийского происхождения, в 1760-е годы полководец Али-бея Аль-Кабира. За свою жестокость получил у современников прозвище «аль-Джаззар» («мясник»). Перейдя на османскую правительственную службу, в 1775 г. был назначен вали Сайды. Занимал этот пост до конца жизни.

¹¹ Hurub Ibrahim Basha al-Misri fi Suriya wa al-Anadul. Geliopolis, 1927. P. 14–19.

с Мухаммадом Али-пашой в Александрию были направлены несколько «комиссаров»¹² Высокой Порты, пытавшихся отговорить его от продолжения военных действий, однако переговоры не имели успеха из-за решительных намерений наместника Египта продолжать осаду Акки¹³. Лишь весной 1832 г., после провала переговоров, был издан султанский указ, объявлявший Мухаммада Али-пашу мятежником. Начались сборы османских правительственных войск, которые должны были направиться в Сирию через Малую Азию. Эта задержка во времени позволила Ибрахим-паше развить успех. 13 июня 1832 г. его войска заняли Дамаск, а затем, направляясь на север, нанесли решительные поражения противнику в сражениях при Хомсе (26 июня) и Бейлане (29 июля)¹⁴. В результате этих военных успехов Ибрахим-паша не только занял весь север Сирии, включая Халеб (Алеппо), но и продолжил наступление на территории Анатолии. В переписке с отцом в сентябре 1832 г. главнокомандующий египетской армией призывал Мухаммада Али-пашу к провозглашению независимости Египта и основанию собственной династии¹⁵. Однако последний не решался на столь радикальный шаг, опасаясь как возможного вмешательства европейских держав, так и недовольства со стороны подвластного мусульманского населения (в представлении большинства подданных султана его власть носила сакральный характер и являлась единственной законной и безальтернативной). Конфиденциальная переписка Ибрахим-паши и Мухаммада Али-паши свидетельствует о недоверии командования египетской армии к мусульманскому населению в Дамаске, Иерусалиме, Наблусе и других городах Сирии и Палестины¹⁶. И хотя Ибрахим-паша по требованию отца настаивал на том, чтобы имя султана Махмуда II, как и прежде, упоминалось в пятничной проповеди в сирийских мечетях¹⁷, местные жители воспринимали египетскую оккупацию как незаконные действия мятежного наместника против Порты и с тревогой ждали дальнейшего развития событий.

Мятеж Мухаммада Али-паши и его военные успехи в Сирии обратили на себя пристальное внимание европейских держав после падения Акки в мае 1832 г. По словам генерала Николая Николаевича Муравьева¹⁸, летом 1832 г. в Санкт-Петербурге «укрепилась уверенность в том, что России нельзя было оставаться равнодушною зрительницею и ни в каком случае не следовало допускать восстания подданного против своего властелина»¹⁹. Император Николай I выразил свое неудовольствие действиями Мухаммада Али-паши в Сирии. Из Александрии был отозван российский консул Проспер Жозеф Лавизон²⁰. Кроме того, всем подданным Российской империи было предписано покинуть Египет, а судам под российским флагом запрещалось перевозить продовольствие, оружие и другие грузы для снабжения войск Мухаммада Али-паши. Лавизон покинул Александрию 20 августа 1832 г.²¹ Эти дипломатические действия, направленные против египетского наместника, убедили

¹² А.П. Бутенев не указал в своем донесении имена османских «комиссаров». К.М. Базили упоминает одного из них (Насиф-эфенди). См.: *Базили К.М.* Указ. соч. С. 145.

¹³ Три донесения А.П. Бутенева графу Нессельроде по Египетскому делу 1832 и 1833 гг. // Русский архив. 1883. Вып. 1. С. 67–72.

Бутенев, Аполлинарий Петрович (1787–1866) – российский дипломат, в 1830–1843 гг. чрезвычайный посол и полномочный министр в Константинополе. Сторонник активного противодействия британской и французской политике в Османской империи. Подробнее о нем см.: *Кудрявцева Е.П.* Указ. соч. С. 83–93.

¹⁴ *Базили. К.М.* Указ. соч. С. 154–155.

¹⁵ *Rustum A.* Op. cit. P. 52–53.

¹⁶ *Ibid.* P. 45.

¹⁷ *Ibid.* P. 61.

¹⁸ *Муравьев-Карский, Николай Николаевич* (1794–1866) – российский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1853). В 1832–1833 гг. в чине генерал-лейтенанта находился с военно-дипломатической миссией в Константинополе. За взятие Карса в 1855 г. (во время Крымской войны) был удостоен приставки «Карский» к фамилии.

¹⁹ *Муравьев Н.Н.* Турция и Египет в 1832 и 1833 годах: в 4-х т. Т. II. М., 1869. С. 31.

²⁰ *Лавизон (Лависон), Проспер Жозеф* (ум. 1872) – российский дипломат французского происхождения, в 1831–1832 гг. генеральный консул Российской империи в Александрии.

²¹ *Муравьев Н.Н.* Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. II. С. 31.

султана Махмуда II и Высокую Порту в том, что Санкт-Петербург и в дальнейшем будет оказывать поддержку Османской империи в борьбе с Мухаммадом Али-пашой. Примечательно, что Россия пошла на подобные шаги первой среди европейских великих держав. Николай I и его правительство осознавали, что усиление Мухаммада Али-паши представляло серьезную угрозу для российских интересов, так как могло привести к нарушению баланса сил как на Ближнем Востоке, так и в Европе. В своих записках Н.Н. Муравьев следующим образом оценивал ситуацию, сложившуюся летом 1832 г.: «Завоевание Турции Мехмед-Али-пашою... могло бы, с возведением нового лица на престол турецкий, возродить новые силы в сем упадающем царстве и отвлечь внимание и силы наши от дел Европы, а потому Государя особенно занимало удержание Султана на колеблющемся престоле его»²².

Мухаммад Али-паша осознавал ту опасность, которую для реализации его далеко идущих планов могло представлять вмешательство в конфликт европейских держав на стороне султана и Высокой Порты. В беседе с Лавизоном незадолго до отъезда последнего из Александрии он, сообщая об успехах своих войск в Сирии, делал вид, что не помышляет о свержении Османской династии. Египетский наместник высказывал надежду на то, что великие державы отнесутся с пониманием к его интересам²³. По сути, Мухаммад Али-паша повторял те тезисы, которые были высказаны им в июне 1832 г. в обращении к европейским консулам. Тогда он заявлял о том, что остается «скромным слугой» Османской империи, действует исключительно ради блага и славы Высокой Порты и не помышляет о независимости, а завоевание Сирии предпринято им лишь в целях укрепления государственной власти²⁴.

Парадоксальность данного высказывания во многом объясняется тем фактом, что египетский наместник являлся не менее твердым сторонником военно-административной модернизации Османской империи, чем его противники в окружении Махмуда II. Как отмечалось выше, основная цель сирийского похода заключалась в том, чтобы лишить их возможности отстранить Мухаммада Али-пашу от власти и управления его обширными владениями, включавшими к тому времени (помимо Египта) Судан, Аравию и остров Крит. В то же время установление контроля над Сирией открывало для египетского наместника возможности для продолжения наступления в Анатолии в направлении османской столицы. В случае разгрома османских войск Мухаммад Али-паша, располагавший многочисленной регулярной армией, мог если и не свергнуть Османскую династию, то как минимум подчинить султана и Высокую Порту своему прямому влиянию. Представляется очевидным, что в сложившейся к тому моменту геополитической ситуации Николай I предпочитал видеть в качестве южного соседа Российской империи ослабленную в ходе недавней Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Османскую империю, а не победоносную державу Мухаммада Али-паши. Завоевание сирийских провинций египетской армией стало для него своеобразной «красной чертой». Осенью 1832 г., после того как в Санкт-Петербурге стало известно о победах Ибрахим-паши при Хомсе и Бейлане и дальнейшем преследовании им османских войск на территории Анатолии, Николай I принял решение направить в Константинополь, а затем в Александрию, генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева с особым поручением. Фактически его миссия знаменовала собой подготовку к отправке на берега Босфора экспедиционного корпуса русских войск с целью защиты Константинополя.

Приезд Муравьева с личными заверениями в дружбе султану от имени Николая I был воспринят Махмудом II как предвестие скорого оказания военной помощи со стороны России. Султан и Высокая Порта всерьез рассчитывали на вмешательство в конфликт Санкт-Петербурга. В этом они видели выход из сложившейся ситуации, казавшейся безнадежной. Муравьев понимал задачи своей миссии в Константинополе следующим образом: оказать максимальное противодействие дальнейшей экспансии Мухаммада Али-паши,

²² Там же. Т. III. С. 2.

²³ Там же. Т. II. С. 32—33.

²⁴ Rustum A. Op. cit. P. 45.

способствовать сохранению власти султана Махмуда II, а также, по возможности, противостоять британской и французской дипломатии в борьбе за влияние на Порту²⁵.

По стечению обстоятельств Муравьев прибыл в Константинополь в тот самый день (9 декабря 1832 г.), когда Ибрахим-паша разгромил в генеральном сражении при Конье главные силы османской правительственной армии и взял в плен командовавшего ею садразама Решида Мехмед-пашу. Как отмечал К.М. Базили, «победа, одержанная Ибрахимом в сердце империи над самим главой правительства, доставшимся ему в плен, над войском, в котором и старая, и новая военная система Турции были выставлены во цвете регулярных и иррегулярных сил, глубоко поразила воображение племен малоазийских. Одно за другим приносили они свою покорность победителю»²⁶. В этой критической ситуации Муравьев стремился убедить султана и Высокую Порту в искренности намерений России защитить османскую столицу от наступления войск Ибрахим-паши. Как отмечалось выше, в рассматриваемый период османская регулярная армия все еще находилась в процессе модернизации, а ее боевой потенциал был значительно ослаблен поражением при Конье, что не позволяло рассчитывать на эффективную защиту Стамбула силами лишь турецких войск. 15 декабря 1832 г. Муравьев был удостоен аудиенции Махмуда II, в ходе которой он сообщил султану о том, что намерен отправиться в Александрию и лично передать Мухаммаду Али-паше послание Николая I, в котором содержалось предупреждение о вступлении России в конфликт с целью защиты Османской империи в случае, если египетские войска не прекратят наступление на Стамбул²⁷. 23 декабря 1832 г. Муравьев направился в Александрию с целью убедить Мухаммада Али-пашу немедленно остановить боевые действия и начать переговоры с Высокой Портой. Мятежный наместник Египта гостеприимно встретил посланника Николая I. В беседах с Муравьевым он подчеркивал свое доброжелательное отношение к сильной в военном отношении России и даже утверждал, что советовал султану не ввязываться с ней в войну в 1828 г.²⁸

Не лишне предположить, что переданное наместнику Египта предупреждение от имени российского императора вынудило Мухаммада Али-пашу отдать приказ Ибрахим-паше прекратить наступление от Коньи в сторону Босфора. Следует отметить, что продвижение египетских войск по территории Анатолии было остановлено еще до того, как Мухаммад Али-паша получил известия о прибытии по просьбе Махмуда II в начале февраля 1833 г. к берегам Босфора эскадры Черноморского флота и российского военного контингента, состоявшего из десантных полков 26-й пехотной дивизии. Почти одновременно с отъездом Муравьева в Александрию в Анатолию был направлен уполномоченный от Военного министерства Российской империи Гвардейского Генерального штаба полковник Александр Осипович Дюгамель²⁹. Этому способному военному разведчику и дипломату было поручено потребовать от Ибрахим-паши немедленного прекращения наступления. Кроме того, в Александрию для переговоров с Мухаммадом Али-пашой по поручению султана отправился главнокомандующий османским флотом Халиль Рифат-паша, доброжелательно относившийся к египетскому наместнику³⁰. Махмуд II и Высокая Порта были готовы передать под управление Мухаммада Али-паши эялет Сайда с целью заключения перемирия, но мятежный паша требовал признания его власти над всей Сирией.

²⁵ Муравьев Н.Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. II. С. 113.

²⁶ Базили. К.М. Указ. соч. С. 161.

²⁷ Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н.Н. Муравьева (Карсского). М., 1869. С. 51–55.

²⁸ Муравьев Н.Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. I. С. 25.

²⁹ Дюгамель, Александр Осипович (1801–1880) – российский военный и дипломат, генеральный консул Российской империи в Александрии в 1833–1837 гг., полномочный министр в Персии в 1838–1841 гг., генерал от инфантерии (1861), сенатор (с 1851 г.), член Государственного совета (с 1866 г.).

³⁰ Базили К.М. Указ. соч. С. 162.

Рифат-паша, Дамад Гюрджю Халиль (ок. 1795–1856) – османский военный и государственный деятель грузинского происхождения, в 1829–1830 гг. посол в Российской империи, в 1830–1832 гг. занимал пост главнокомандующего османским флотом (капудан-и дерья).

В то время как генерал-лейтенант Муравьев направлялся в Александрию морским путем, полковник Дюгамель имел поручение не только встретиться в Конье с Ибрахим-пашой, но и проехать затем через Анатолию и Сирию в Египет «сухопутным путем», чтобы получить сведения о положении в регионе и о состоянии египетских вооруженных сил³¹. В Конье российскому посланнику был оказан доброжелательный прием. По окончании переговоров с главнокомандующим армии Мухаммада Али-паши, проходивших 5–6 января 1833 г., египетский сераскир убедился в решительных намерениях России оказать военную поддержку османскому правительству и снабдил Дюгамеля рекомендательными письмами к командирам гарнизонов в Анатолии, которые позволили бы ему беспрепятственно проехать в Сирию для продолжения миссии³². Однако полковнику не суждено было добраться до цели своей поездки: по дороге он тяжело заболел и был вынужден вернуться в Константинополь. Однако его дипломатическая миссия, как и миссия Муравьева, увенчалась успехом: обоим посланникам Николая I удалось убедить египетское командование в серьезности намерения России защитить Османскую империю.

Примечательно, что в конце декабря 1832 г. (т.е. еще до переговоров Муравьева с Мухаммадом Али-пашой и Дюгамеля с Ибрахим-пашой) египетский сераскир в переписке с отцом сообщал о твердом намерении продолжать наступление на практически незащищенную османскую столицу. Он даже заявлял о возможности свержения Махмуда II и воцарения на османский трон нового султана, который станет исполнителем воли Али-паши³³. Однако в дальнейшем тональность корреспонденции, направлявшейся Ибрахим-пашой в Египет, существенным образом меняется. 21 января 1833 г., ссылаясь на обстоятельства переговоров Муравьева и Рифат-паши с Мухаммадом Али-пашой, он советует отцу заключить с османскими властями прочный мир, условием которого могла бы стать фактическая независимость Египта и суверенитет его правителя во всех владениях, включая недавно завоеванные Сирию и Киликию. Кроме того, сераскир настоятельно рекомендовал включить в мирное соглашение пункт о передаче под власть египетского наместника острова Кипр, который до этого не являлся объектом притязаний Мухаммада Али-паши³⁴.

После прибытия эскадры Черноморского флота и русских десантных войск (в феврале и марте 1833 г., соответственно) для защиты османской столицы Муравьев принял временное командование ими (до приезда в османскую столицу чрезвычайного посланника Николая I генерал-адъютанта А.Ф. Орлова). Он передавал в Санкт-Петербург оперативную информацию о дислокации и состоянии войск Ибрахим-паши в Анатолии и Сирии³⁵. Российский посланник также оказывал помощь сераскиру Хюсреву Мехмед-паше при подготовке берегов Босфора к обороне. По мнению Муравьева, даже с теми небольшими военными силами, которые оставались в распоряжении Высокой Порты после поражения при Конье, сохранялась возможность организовать высадку десантов на побережье Сирии и поднять восстание местного населения против египетского владычества. В случае успеха операции коммуникации между войсками Ибрахим-паши в Анатолии и Египтом оказались бы перерезанными. Это создавало бы более благоприятные для османских властей условия на переговорах с Мухаммадом Али-пашой³⁶. В ходе подготовки плана операции Муравьев составил подробное географическое описание Сирии с указанием наиболее удобных маршрутов как для высадки десанта с моря, так и для сухопутного вторжения с территории Восточной Анатолии через Халеб и Антакью (Антиохию)³⁷. Согласно его оценкам, наиболее выгодным в военном отношении пунктом для начала боевых действий на сиро-ливанском

³¹ *Муравьев Н.Н.* Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. III. С. 6.

³² Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля // Русский архив. 1885. Вып. 4. С. 500–503.

³³ *Rustum A.* Op. cit. P. 54–55.

³⁴ *Ibid.* P. 57–59.

³⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 5303. Л. 42.

³⁶ *Муравьев Н.Н.* Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. III. С. 55.

³⁷ Там же. Т. II. С. 81–83.

побережье являлся не Бейрут, а Тир, поскольку, используя этот город в качестве опорной базы, было удобнее развивать наступательные действия во внутренних районах страны, отрезая Дамаск от транспортного сообщения с Египтом³⁸.

Как свидетельствуют архивные источники, российское правительство было готово вступить в прямой военный конфликт с мятежным наместником Египта в 1833 г. в случае срыва переговоров между Высокой Портой и Мухаммадом Али-пашой и продолжения боевых действий. При этом предполагалось проведение операций не только на берегах Босфора или в Сирии. Так, в служебной записке, составленной, вероятно, в начале 1833 г., генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич рекомендовал занять ряд османских провинций и крепостей в Восточной Анатолии, в том числе Карс и Ардаган, чтобы создать угрозу коммуникациям армии Ибрахим-паши³⁹. Командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант барон Григорий Владимирович Розен (1782—1841) в переписке с главой Военного министерства генералом от кавалерии графом Александром Ивановичем Чернышевым (1785—1857) предлагал в случае занятия Ибрахим-пашой Эрзерума немедленно двинуть русские войска в направлении Карса и Ардагана. При условии одобрения этого плана Николаем I сформированный Г.В. Розеном отряд, состоявший из солдат и офицеров Кавказского корпуса, весной 1833 г. был готов начать наступление против египетских войск на территории Анатолии⁴⁰. Таким образом, перспектива войны России против державы Мухаммада Али-паши зимой и весной 1833 г. представлялась вполне реальной. При этом российское командование при принятии решений должно было руководствоваться в большей степени оценкой военной обстановки на местах, чем ходом переговоров между Портой и мятежным египетским наместником. Судя по директивам, которые получали российские посланники из Санкт-Петербурга, эскадра и десантные войска, присланные на Босфор, оставались в полной боевой готовности до тех пор, пока Ибрахим-паша, согласно Кютахийскому мирному соглашению, не покинул Анатолию и не вернулся со своей армией в Сирию⁴¹. По условиям договоренностей, достигнутых между Мухаммадом Али-пашой и представителями Высокой Порты, 24 апреля (6 мая) 1833 г. султан своим фирманом подтвердил власть последнего над Египтом и Критом, а также передавал ему управление всеми сирийскими провинциями взамен изъявления покорности и уважения. Ибрахим-паша провозглашался наместником Хиджаза (на территории которого располагались священные города ислама — Мекка и Медина), а также внутренних областей Аравии и округа Адана на юго-востоке Анатолии⁴². При этом вопрос о предоставлении Мухаммаду Али-паше права выбора наследника в фирмане не рассматривался.

Важнейшим итогом вмешательства Санкт-Петербурга в конфликт между Портой и Мухаммадом Али-пашой стало подписание 26 июня 1833 г. Ункяр-Искелесийского договора⁴³, по условиям которого Российская империя обязалась в случае необходимости предоставлять Османской империи военную помощь. Секретная статья документа предусматривала закрытие пролива Дарданеллы для всех иностранных военных кораблей по первому требованию России. Однако и после завершения Босфорской экспедиции в середине июня 1833 г. в Санкт-Петербурге продолжали рассматривать возобновление военного конфликта между египетским наместником и султаном как реальный сценарий последующего развития событий. Завершение Первого египетского кризиса было лишь временной передышкой в противостоянии державы Мухаммада Али-паши и Высокой Порты. Осознавая

³⁸ Там же. С. 83.

³⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5305. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Л. 1—15.

⁴¹ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. С. 503—506.

⁴² Де-факто территории, переданные под управление Ибрахим-паши, также входили в состав владений Мухаммада Али-паши.

⁴³ Ункяр-Искелесийский договор между Российской и Османской империями, заключенный сроком на восемь лет, получил название от местности Ункяр-Искелеси на азиатском берегу Босфора, где с февраля по июнь 1833 г. располагался лагерь русских войск.

это, российское правительство проявляло особое внимание к обстановке в Сирии и в середине — второй половине 1830-х годов. Николай I по достоинству оценил способности полковника Дюгамеля. Последний получил назначение на пост российского генерального консула в Александрии. В 1836 г. Дюгамель совершил поездку по Сирии, сделав весьма верную оценку политической ситуации в регионе: «Махмуд нетерпеливо грыз удила и никак не мог утешиться в потери Сирии и Аданского округа, которых лишился вследствие возмущения своего вассала. С другой стороны, Мехмет-Али не имел никакого ручательства на будущие времена: достаточно было какой-нибудь прихоти султана, чтобы отнять у него обратно все сделанные уступки»⁴⁴.

Следует отметить, что Российская империя стала проявлять интерес к Сирии задолго до Первого египетского кризиса. Контроль над этим регионом был важен с точки зрения доступа к Святым местам. В течение длительного периода времени связь с ними осуществлялась через православных паломников⁴⁵. В ходе Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. была предпринята попытка установить российское военное присутствие на сирийских берегах. Командование русского флота на Средиземном море наладило взаимодействие с мамлюкским правителем Египта Али-беем аль-Кабиром и его союзниками в Сирии и Ливане, а русский десантный отряд в конце 1773 г. овладел Бейрутом⁴⁶. Лишь завершение войны помешало России закрепиться в этом регионе. В дальнейшем Сирии уделялось особое внимание в контексте «Греческого проекта» Екатерины II и ее правительства⁴⁷. В 1831—1833 гг. Россия оказала военную поддержку османскому правительству в борьбе с мятежным египетским наместником, завоевание которым Сирии было воспринято в Санкт-Петербурге как нарушение баланса сил в Восточном Средиземноморье. Усиление державы Мухаммада Али-паши рассматривалось как потенциальная угроза безопасности самой России. Так, Сирия оказалась в центре внимания российской дипломатии и военной разведки уже в качестве возможного театра военных действий с целью защиты Османской империи.

Российское военно-дипломатическое вмешательство в конфликт между Портой и Мухаммадом Али-пашой разрушило планы мятежного египетского наместника и позволило османскому правительству сохранить политический престиж, а также получить крайне необходимое время для восстановления боевого потенциала вооруженных сил. По итогам двухлетней военной кампании Мухаммад Али-паша добился передачи под его управление Сирии и Киликии в обмен на изъявление покорности султану Махмуду II, однако не смог достичь другой важной цели — официального подтверждения права избрания преемника. Вследствие этого возобновление египетско-османского вооруженного конфликта в 1839 г. являлось во многом закономерным. Босфорская экспедиция и Ункяр-Искелесийский договор знаменовали собой пик российского влияния в Османской империи. Создавались предпосылки для долговременного военно-политического союза между двумя державами. Однако уже к концу 1830-х годов эти возможности были практически сведены на нет вследствие дипломатических действий Великобритании, Франции и Австрии, которые смогли добиться как от Санкт-Петербурга, так и от Стамбула согласия на коллективное участие великих европейских держав в защите Османской империи от притязаний со стороны Мухаммада Али-паши.

Библиография

Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля // Русский архив. 1885. Вып. 4. С. 489—525.

Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях / подг. текста и пред. И.М. Смилянкой. М., 2007.

⁴⁴ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. С. 515.

⁴⁵ См., например: Кириллина С.А. По государеву указу и по благословению патриарха: иеромонах Арсений на Ближнем Востоке // Исторический вестник. 2023. Т. 1. № 46 (191). С. 22—45.

⁴⁶ См. подробнее: Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / под общ. ред. Е.Б. Смилянкой. М., 2011. С. 333—413.

⁴⁷ См.: Кобищанов Т.Ю. «Греческий проект» Екатерины II и Сирия // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2017. № 2. С. 3—25.

Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978.

Кириллина С.А. По государеву указу и по благословению патриарха: иеромонах Арсений на Ближнем Востоке // Исторический вестник. 2023. Т. 1. № 46 (191). С. 22–45.

Кобищанов Т.Ю. «Греческий проект» Екатерины II и Сирия // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2017. № 2. С. 3–25.

Кудрявцева Е.П. Российский посланник в Турции А.П. Бутенев // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013038640015140-2

Муравьев Н.Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. 1–4. М., 1869.

Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н.Н. Муравьева (Карсского). М., 1869.

Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М., 2011.

Суриков К.А. Самый долгий век османского оружия: трансформация технического обеспечения сухопутной армии Османской империи в ходе модернизации XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. № 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840028953-7-1/> (дата обращения: 05.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840028953-7

Три донесения А.П. Бутенева графу Нессельроде по Египетскому делу 1832 и 1833 // Русский архив. 1883. Вып. 1. С. 64–76.

Hurub Ibrahim Basha al-Misri fi Suriya wa al-Anadul. Geliopolis, 1927.

Rustum A. The Royal Archives of Egypt and the Origins of the Egyptian Expedition to Syria, 1831–1841. Beirut, 1936.

References

Avtobiografiia Aleksandra Osipovicha Diugamelia [The Autobiography of Alexander Osipovich Dugamel] // Russkii arkhiv [Russian Archive]. 1885. Vyp. 4. S. 489–525. (In Russ.)

Bazili K.M. Siriia i Palestina pod turetskim pravitel'stvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniakh [Syria and Palestine Under Turk Dominion in Historical and Political Relation] / podg. teksta i pred. I.M. Smilianskoi. Moskva, 2007. (In Russ.)

Kirillina S.A. Po gosudarevu ukazu i po blagosloveniiu patriarkha: ieromonakh Arsenii na Blizhnem Vostoke [By Order of the Tsar and with the Blessing of the Patriarch: Hieromonk Arseny in the Middle East] // Istoricheskii vestnik [Historical Reporter]. 2023. Т. 1. № 46 (191). С. 22–45. (In Russ.)

Kobishchanov T.Iu. «Grecheskii proekt» Ekateriny II i Siriia [The “Greek project” of Catherine II and Syria] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie [Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental Studies]. 2017. № 2. С. 3–25. (In Russ.)

Kudriavtseva E.P. Rossiiskii poslannik v Turtsii A.P. Butenev [The Russian Ambassador to Turkey A.P. Butenev] // Novaya i Novejsaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013038640015140-2 (In Russ.)

Murav'ev N.N. Turtsiia i Egipet v 1832 i 1833 godakh [Turkey and Egypt in 1832 and 1833]. Т. 1–4. Moskva, 1869. (In Russ.)

Russkie na Bosfore v 1833 godu. Iz zapisok N.N. Murav'eva (Karsskogo) [The Russians On the Bosphorus in 1833. From the Notes of N.N. Muravyov (Karsskiy)]. Moskva, 1869. (In Russ.)

Smilianskaia I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B. Rossiia v Sredizemnomor'e. Arkhipelagskaia ekspeditsiia Ekateriny Velikoi [Russia in the Mediterranean. The Archipelago' Expedition of Catherine the Great] / pod obshch. red. E.B. Smilianskoi. Moskva, 2011. (In Russ.)

Surikov K.A. Samyi dolgii vek osmanskogo oruzhiia: transformatsiia tekhnicheskogo obespecheniia sukhoputnoi armii Osmanskoi imperii v khode modernizatsii XIX v. [The Long Century of the Ottoman Weapons: Transformation of the Equipment of the Ottoman Ground Forces during the Modernization of the 19th c.] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya» [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2023. № 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840028953-7-1/> (access date: 05.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840028953-7 (In Russ.)

Tri doneseniia A.P. Buteneva grafu Nessel'rode po Egipetskomu delu 1832 i 1833 [Three reports by A.P. Butenev to Count Nesselrode on the Egyptian case in 1832 and 1833] // Russkii arkhiv [Russian Archive]. 1883. Vyp. 1. С. 64–76. (In Russ.)

Vostochnyi vopros vo vneshnei politike Rossii. Konets XVIII — nachalo XX v. [The Eastern Question in Russia's Foreign Policy. The End of the 18th — the Beginning of the 20th c.] / отв. ред. Н.С. Киняпина. Moskva, 1978. (In Russ.)

Hurub Ibrahim Basha al-Misri fi Suriya wa al-Anadul. Geliopolis, 1927.

Rustum A. The Royal Archives of Egypt and the Origins of the Egyptian Expedition to Syria, 1831–1841. Beirut, 1936.

© 2024 г.   К.А. СУРИКОВ

«СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ»: ПОЛЬСКИЕ ОФИЦЕРЫ НА СЛУЖБЕ В АРМИИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В 1840–1870-х годах

Суриков Кирилл Андреевич — младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; Институт стран Азии и Африки МГУ (Москва, Россия).

E-mail: SurikovKA@my.msu.ru

Scopus Author ID: 58786427000; Researcher ID: JRH-2489-2023; ORCID: 0000-0001-8951-0055

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. В статье анализируется деятельность польских офицеров, поступивших на службу в османскую армию в 1840–1870-х годах. В фокусе исследования — профессиональный и жизненный путь трех наиболее известных польских офицеров на османской службе: Михаила Чайковского, Константина Боженцкого и Юзефа Бема. Источниковую базу исследования сформировали работы османских военных деятелей и историков XIX в., труды польских и французских авторов, а также материалы Архива внешней политики Российской империи, содержащие показания русских военных осведомителей. Привлечение разноплановых источников позволило рассмотреть деятельность видных польских офицеров в нескольких аспектах: вклад в развитие активно модернизируемой османской армии, жизненные траектории и проблемы идентичности. Многофакторный анализ продемонстрировал разносторонний характер деятельности польских офицеров в османской армии. Во-первых, они не изменили ход событий Крымской войны на Кавказском фронте, но в то же время смогли отличиться на Балканском фронте. Во-вторых, основной их вклад заключался в восстановлении порядка в регионах с нестабильной обстановкой, развитии военной организации и военной промышленности в различных частях Османской империи. В-третьих, для большинства из них Османское государство не стало вторым домом, по окончании службы многие офицеры покинули его, а переход в ислам являлся формальным. Османская империя использовала потенциал и знания образованных специалистов из Европы в тех сферах, где они были наиболее востребованы.

Ключевые слова: Османская империя, Польша, армия, военные специалисты, военные инструкторы, М. Чайковский, Ю. Бем, К. Боженцкий, военная история, военные реформы.

K.A. Surikov

“Friends to Foes, Foes to Friends”: Polish Officers in the Ottoman Army in 1840–1870s

Kirill Surikov, Institute of World History, Russian Academy of Science; Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: SurikovKA@my.msu.ru

Scopus Author ID: 58786427000; Researcher ID: JRH-2489-2023; ORCID: 0000-0001-8951-0055

The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. In the article, the author examines the activities of Polish officers serving in the Ottoman army in the middle of the 19th century. The research scrutinizes the life and career paths of three remarkable Polish officers: Michał Czajkowski, Konstanty Borzęcki, and Józef Bem. A diverse array of hitherto understudied Ottoman sources, encompassing the works of military leaders and historians, the writings of Polish and French authors, and the annotations of Russian military officials, affords the opportunity to examine the activities of the prominent Polish officers from multiple vantage points. These include their role in the modernisation of the Ottoman military, their personal lives, and the issue of cultural identity. A multifaceted analysis demonstrates the complexity and variety of roles played by the Polish officers in the Ottoman army. Firstly, although they did not significantly alter the course of events on the Caucasus front of the Crimean War, they had a significant impact on the warfare of the Balkan front. Secondly, their principal contribution was to pacify the unstable Ottoman regions and further modernise the military and industrial institutions located in different parts of the Ottoman Empire. Thirdly, the Ottoman state did not become a second home for the majority of the Polish officers. Their conversion to Islam was mostly symbolic, and following the completion of their obligations, a considerable proportion of the émigré officers returned to Europe. The Ottoman Empire was able to capitalise on the influx of educated European specialists, utilising their expertise and knowledge to its advantage.

Keywords: Ottoman Empire, Poland, army, military specialists, military instructors, Michał Czajkowski, Józef Bem, Konstanty Borzęcki, military history, military reforms.

Начало XIX в. стало поворотным моментом в истории вооруженных сил Османской империи. Уничтожение янычарского корпуса в 1826 г. и последующее расформирование оставшихся подразделений традиционных османских войск капыкулу ознаменовали начало переустройства армии по современным на тот момент европейским стандартам. Масштабные преобразования подразумевали не только создание совершенно иной армейской организационной структуры, появление новых административных органов и внедрение передовых технологий, но также формирование обновленного офицерского корпуса, в основу которого должно было быть положено качественное европейское образование и широкие познания в сфере современной западной военной науки. При этом на начальных этапах военных реформ их инициатор султан Махмуд II (1808–1839) стремился модернизировать вооруженные силы, не прибегая к помощи иностранных инструкторов. Он был против того, чтобы европейцы занимали какие-либо должности в османской армии, и был убежден в возможности осуществления преобразований с опорой на предыдущий опыт модернизации при султанах Селиме III (1789–1807)¹.

Однако невозможность внедрения передовой западной военной науки без европейских инструкторов, равно как и формирование подготовленного офицерского корпуса при сохранении старого порядка назначения офицеров из числа рядовых, стала очевидной в ходе неурочной для Османской империи русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и османо-египетского конфликта 1831–1833 гг.² Эти события побудили Махмуда II пересмотреть свои взгляды: он поддержал проект создания военной академии, предложенный Намык-пашой, османским послом в Лондоне, которого вдохновил на это французский маршал Н.Ж. Мезон³. Академия начала свою деятельность в 1834 г., к работе были привлечены и иностранные специалисты. Тогда же ряд османских офицеров отправили в Европу на обучение⁴.

¹ Esad M. Üss-ü Zafer. İstanbul, 1293 (1876). S. 64.

² Levy A. The Officer Corps in Sultan Mahmud II's New Ottoman Army, 1826–39 // International Journal of Middle East Studies. 1971. Vol. 2. № 1. P. 28.

³ Çoban A.H. Ahmet Cevat Paşa'nın Târih-i Askerî-i Osmânî (Kitâb-ı Râbî) adlı Eserinin Transkripsiyonlu Metni (Yüksek Lisans Tezi). Afyonkarahisar, 2009. S. 72.

⁴ Esad M. Mirât-i Mekteb-i Harbiyye. İstanbul, 1310 (1893). S. 20.

Султан Абдулмеджид I (1839–1861), видевший пользу для вооруженных сил в наличии западных офицеров, расширил их штат⁵.

Османские военные реформы подразумевали не только переход на современные европейские стандарты устройства армии, но и значительное увеличение численности войск. В свою очередь, новые формирования нуждались в инструкторах и командирах, получивших западное военное образование и способных обучать рядовых, а таких специалистов имелось крайне мало. С проблемой критической нехватки квалифицированных офицерских кадров обновленная османская армия пыталась справиться вплоть до конца существования империи. К 1876 г. в регулярных и резервных войсках не хватало более 3 тыс. офицеров⁶, при этом имевшиеся военные учебные заведения редко выпускали больше 100 человек в год⁷.

Правительство было вынуждено изменить свою позицию в отношении деятельности иностранцев как в вооруженных силах, так и в государстве в целом. Каждый образованный европейский специалист мог быть инкорпорирован, например, в различные государственные, в том числе военные структуры империи и впоследствии передать свои навыки местным кадрам. Это способствовало дальнейшей реализации преобразований в рамках реформ Танзимата.

Этот подход ярко проявился после подавления австрийскими и русскими войсками Венгерской революции 1848–1849 гг. Мятая армия насчитывала до 200 тыс. человек⁸, в ней состояли и поляки, участвовавшие в восстании в Польше в 1830–1831 гг. Спасаясь от преследования, бывшие повстанцы бежали к туркам. Активная эмиграция участников восстания началась летом 1849 г., к 27 июня на османской территории находилось 1120 человек, из которых 36 являлись офицерами, остальные унтер-офицерами и рядовыми. К октябрю 1849 г. их численность достигла 5500 человек: венгры, поляки, итальянские и австрийские подданные⁹.

Ситуация, возникшая вокруг большого количества беженцев и попыток России и Австрии добиться выдачи мятежников, вошла в историю османской дипломатии как «проблема беженцев» (османский: *یس ملیسم رلج تلم* / турецкий: *mülteciler meselesi*)¹⁰. Среди европейских эмигрантов было значительное число военнослужащих различных рангов, но имелись и картографы, математики, преподаватели, инженеры, художники, врачи. Для страны, где проводились реформы по модернизации и чувствовалась нехватка такого рода специалистов, эти «беженцы» представляли крайне ценный ресурс. Поэтому решено было не выдавать их, несмотря на оказываемое давление. Более того, участникам восстания и их семьям был предоставлен свободный выезд в желаемые страны либо же, приняв османское подданство, возможность служить в различных государственных структурах¹¹. Особое внимание, безусловно, уделялось военной службе. Именно в этой области кадровый голод ощущался сильнее всего.

Деятельность польских офицеров на благо Османской империи в западной историографии исследована достаточно фрагментарно¹², отечественные работы по данной тематике практически отсутствуют. В результате без должного внимания остался ряд вопросов,

⁵ *Tunalı A.C.* Tanzimat döneminde Osmanlı kara ordusunda yapılanma (1839–1876): Doktora tezi. Ankara; 2003. S. 142.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 72.

⁷ *Esad M.* Mirât-ı Mekteb-i Harbiyye. S. 226–569.

⁸ Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность (сост. князь Щербатов). Т. 6 (1848–1849 гг.). СПб., 1899. С. 76.

⁹ *Bayrakdar B.* Osmanlı arşiv belgeleri ışığında devletler hukuku açısından 19. yüzyılda Osmanlı'ya sığınan Lehistan ve Macar mültecileri hakkında bazı düşünceler // *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*. 2019. T. XIX (39). S. 769.

¹⁰ *Refik A.* Türkiye'de mülteciler meselesi. İstanbul, 1926. S. 6.

¹¹ *Ortaylı İ.* İmparatorluğun En Uzun Yüzyılı. İstanbul, 2008. S. 279.

¹² См., например: *Levy A.* Op. cit. P. 21–39; *Ortaylı İ.* Op. cit.; *Uyar M., Erickson E.J.* A Military History of the Ottomans. Santa-Barbara, 2009. P. 160.

касающихся вклада офицеров-эмигрантов в развитие османской военной машины, их боевого пути и дальнейших судеб, степени интегрированности в государственную систему, а также проблем сохранения прежней национально-культурной идентичности. При этом стоит отметить трудности, возникающие при подсчете общей численности беженцев и их этнического соотношения. Приведенная цифра в 5500 человек не может считаться окончательной, поскольку эмигранты прибывали в Османскую империю в течение нескольких лет после разгрома восстания. При этом деятельность польских офицеров в османской армии освещена детальнее, чем венгерских¹³. По этой причине целесообразно опираться на данные о службе в османской армии наиболее известных польских эмигрантов, к примеру М. Чайковского, К. Боженцкого, Ю. Бема — именно об их деятельности сохранилась подробная информация.

Михал Чайковский родился в Волынской губернии Российской империи, воинскую службу начал в Волынском кавалерийском полку. Уже будучи в чине лейтенанта, примкнул к Польскому восстанию 1830—1831 гг. Он сформировал казачий полк под собственным командованием и вел боевые действия против русской армии. После подавления восстания бежал во Францию, где в 1838 г. присоединился к лидеру консервативного крыла польской эмиграции Адаму Ежи Чарторыйскому. В 1841 г. по его поручению Чайковский прибыл в Стамбул, где спустя четыре года открылось отделение польской эмиграции, целью которого было ведение антироссийской деятельности на Балканах¹⁴.

После разгрома Венгерской революции Чайковский стал оказывать помощь и покровительство его участникам, бежавшим в Турцию, что вызвало крайнее недовольство российской стороны, прикладывавшей много усилий, чтобы добиться его выдачи. Единственным выходом в этой ситуации был переход в османское подданство, что и было предложено Чайковскому в ходе аудиенции у султана¹⁵, что подразумевало принятие ислама. 27 декабря 1849 г. М. Чайковский официально стал мусульманином, приняв имя Мехмеда Садыка¹⁶. Несмотря на противоречивость такого шага, польские исследователи настаивают, что для Чайковского это ничего не меняло: смена религии не означала смены национальности. Напротив, этот шаг был сделан исключительно из практических соображений и дал ему новые возможности служить польским интересам, следовательно, его поступок не следует трактовать как проявление предательства и отступничества¹⁷.

На военной службе Чайковский предложил султану сформировать казачьи полки под своим командованием, действуя в интересах польской эмиграции, лидеры которой желали иметь собственные воинские формирования¹⁸. Их создание обсуждалось уже в 1840-х годах, польские генералы собирались включить в них казаков, проживавших в Османской империи и юго-западных регионах России¹⁹. Изначально планировалось организовать их на территории османского государства: славянские подразделения под польскими знаменами и под командованием польских военачальников²⁰. Они должны были действовать не как боевая единица в структуре османских вооруженных сил, а как отдельная армия — союзник османов в войне с Российской империей. Султан предсказуемо ответил отказом на

¹³ См.: *Bayrakdar B.* Op. cit. S. 759—778. *Alloul H.* “Me among the Turks?”: Western commanders in the Late Ottoman Army and their self-narratives // *European Review of History: Revue européenne d’histoire*. 2020. № 27 (1–2). P. 88—110.

¹⁴ *Rawita-Gawroński F.* Michał Czaykowski (Sadyk-Pasza), jego życie, działalność wojskowa i literacka // *Życiorysy sławnych Polaków*. № 14. Petersburg, 1901. S. 37.

¹⁵ *Ibid.* C. 44—45.

¹⁶ *Refik A.* Op. cit. S. 152.

¹⁷ *Rawita-Gawroński F.* Op. cit. S. 45.

¹⁸ *Dopierała K.* Polskie zabiegi polityczne w Turcji Osmańskiej w XIX stuleciu // *Studia Historyczne*. 1997. № 5. S. 58.

¹⁹ *Karboownik K.* Polskie formacje zbrojne w armii tureckiej w wojnie krymskiej 1853—1856 // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 2012. № 13 (64). S. 216.

²⁰ *Skatuba P.* Starania o utworzenie formacji zbrojnej w Turcji pod dowództwem generała Józefa Wysokiego w latach 1853—1855 // *Bezpieczeństwo*. 2010. № 3—4. S. 213.

такое предложение, поскольку речь шла о создании в его государстве неподконтрольного ему войска, к тому же из его подданных²¹.

Однако ситуация изменилась, когда вспыхнула Крымская война 1853–1856 гг. В октябре 1853 г. Чайковский представил Высокой Порте новый проект полка, который состоял бы из османских казаков, проживавших на севере Добруджи, и славянских подданных султана. На этот раз полк был представлен не как автономная боевая единица, а как полноценное подразделение в составе османских регулярных войск. Падисах одобрил этот проект и присвоил Чайковскому генеральское звание (после чего он стал именоваться Садык-паша) и дал ему официальное поручение по формированию Полка султанских казаков (осм. *إلى الـعـراوس قازق* / тур. *Kazak süvari alayı*)²², вверив ему также командование им.

Примечательно, что накануне войны, после занятия русской армией Молдавии и Валахии, османские власти обращались к Адаму Чарторыйскому с просьбой отправить к ним четырех польских офицеров. Генералу В. Хжановскому была предложена должность командира дивизии на Кавказе, полковникам Л. Быстжоновскому, В. Замойскому и К. Рожыцкому — позиции бригадных генералов. Быстжоновский и Замойский должны были служить в штабе, Рожыцкому предлагалось принять командование над османским авангардом на Дунае²³. Чарторыйский затягивал с ответом, при этом намекал, что польские генералы с большей охотой служили бы в полку, целиком состоявшем из поляков. Сами офицеры также не испытывали желания служить в османской армии без создания в ней отдельных польских формирований. В результате в Османскую империю отправились только Л. Быстжоновский, принявший имя Арслан-паши, и Ф.К. Бреаньский, известный как Шахин-паша. Османы, вопреки изначальным предложениям, обоих офицеров отправили на Кавказ, откуда они вскоре были отозваны, так и не сыграв какой-либо значимой роли ни в улучшении состояния османской армии, ни в ходе конфликта. Полк султанских казаков был сформирован во многом из-за нежелания Чарторыйского отправлять офицеров в османскую армию²⁴.

Осенью 1853 г. открылись пункты набора добровольцев в казачий полк в Эдирне и Стамбуле. Сперва в полк вступило несколько десятков польских офицеров и унтер-офицеров, оставшихся в Османской империи, небольшое количество дезертиров из русской армии, а также казаки-некрасовцы. С течением времени число поляков в полку увеличилось, они заняли практически все офицерские и унтер-офицерские должности. Примерно треть рядового состава также состояла из поляков. Кроме них и казаков-некрасовцев, в полку состояли болгары, румыны, итальянцы, русские, литовцы и евреи. До службы в полку допускались в том числе заключенные²⁵.

Спустя два месяца после официального создания Полк султанских казаков насчитывал 200 человек, еще 100 ожидали укомплектования в Эдирне. По его завершении весь личный состав принес присягу султану. Командиром первого эскадрона и всего полка числился Садык-паша, второго — М. Хильми-бей (до принятия ислама Люборадски), третьего — Мурад-бей (Т. Вежицки). В Шумне, где находилась ставка командующего османскими войсками на Балканах, Чайковский получил приказ создать в полку дополнительные подразделения. После этого формирование было дополнено еще сотней человек, также при нем появился иррегулярный отряд, состоявший из кубанских казаков. К февралю 1854 г. Полк султанских казаков насчитывал 600 человек, к августу 1855 г. — 800²⁶.

Полк был причислен к регулярным частям Третьей (Румелийской) армии. При этом численность подразделения была несколько меньше штатной численности регулярного

²¹ Zlatanov A. Niepublikowane wspomnienia o Michale Czajkowskim-Sadyku Paszy // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2019. T. LIII (2). S. 115.

²² Şevket M. Osmânî teşkilât ve kıyâfet-i askeriyesi. İkinci cüz. İstanbul, 1325 (1909). S. 14.

²³ Karbownik K. Op. cit. S. 217.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibid. S. 219.

²⁶ Ibid. P. 219–220.

кавалерийского полка, составлявшей 968 человек вместе с рядовыми и офицерами²⁷. Примечательно, что внутри нового полка были созданы типы кавалерийских эскадронов, которых не существовало в остальной османской армии, в частности уланы и драгуны²⁸. В регулярных войсках Османской империи разделение на драгунов и гусаров появилось лишь в 1863 г. В области применения современной европейской организации военных подразделений Полк султанских казаков, безусловно, находился в авангарде модернизированной армии.

Данное формирование успело принять участие в боевых действиях на Балканском фронте в рамках Крымской войны. Летом 1854 г. полк был передислоцирован на территорию Болгарии, где выполнял роль вспомогательных войск. Позже Чайковский был назначен командиром большого кавалерийского корпуса в 4 тыс. всадников, в который были включены султанские казаки. Этот корпус участвовал в обороне Силистрии, осаждаемой русскими войсками. Эскадрон капитана Вежбицкого отличился при обороне Калафата. После снятия русской армией осады Силистрии Абдулмеджид I оценил воинские и организаторские таланты Чайковского, последний получил похвалу султана и разрешение создать новое подразделение под своим началом — Второй полк султанских казаков. Предполагалось сформировать его практически полностью из поляков, поставив во главе старшего сына и адъютанта А.Е. Чарторыйского князя В. Чарторыйского. В августе 1854 г. Чайковский в составе войска Омер-паши вошел в Бухарест, где ему были переданы административные полномочия: казачий полк должен был охранять порядок. Чайковскому удалось пресечь грабежи, сдержать вспышку холеры, не позволив ей перерасти в эпидемию. В сентябре, после передачи Бухареста австрийским войскам, полк передислоцировался в Браилов, где ожидал дальнейших приказов. За успешную службу Чайковский был награжден орденом Меджидийе третьей степени²⁹.

Однако вскоре удача отвернулась от генерала. Ему не удалось завоевать расположение Омер-паши. Кроме того, польская эмиграция, среди деятелей которой возник раскол, предпринимала попытки ограничить его власть над польскими воинскими формированиями в османской армии. В результате право создания Второго полка султанских казаков перешло к графу Замоискому. Оставаясь формальным командиром обоих полков, Чайковский фактически не имел власти над вторым формированием. После вступления в войну Австрии Чайковского лишили должности командующего балканским авангардом и вместе с полком перевели на реку Сирет, находившуюся вдали от основных боевых действий.

Второй полк султанских казаков полностью финансировался британским правительством (османы предлагали британцам обеспечивать также и первый полк, но те отказались). Набирать полк планировалось из дезертиров и военнопленных, но с этим возникли проблемы, поскольку британцы обменивали большинство пленников из русской армии на своих солдат. К февралю 1855 г. в нем числилось только 180 человек, до конца его укомплектовать так и не удалось. В октябре 1855 г. второй полк был распушен³⁰.

Последней операцией, в которой формирование приняло участие, стала оборона Тулчи и помощь при последующем выводе османских контингентов из города. После этого полк был передислоцирован в Добруджу, затем в Бургас. Чайковскому в Стамбуле объявили о переброске его сил на Кавказский фронт. Это вызвало недовольство у большей части военнослужащих подразделения, начались протесты, резко участились случаи дезертирства. Чайковскому удалось отсрочить переброску на Кавказ, до лета 1856 г. подразделение находилось в Сливене и Шумне, где были распушены его иррегулярные части. В это время Замоиский, отбывший в Лондон, пытался добиться от британского правительства согласия на создание и финансирование на территории Османской империи Польской дивизии султанских казаков. Она должна была насчитывать около 4 тыс. человек, объединить все

²⁷ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 54.

²⁸ *Gümüş M. Mehmed Sadık Paşa (Michał Czajkowski) ve Osmanlı Devleti'nde kazak süvarî alayı* // Turkish Studies. 2010. Vol. 5 (3). S. 1369.

²⁹ *Karboownik K.* Op. cit. S. 221.

³⁰ Ibid. P. 226.

польские части в османской армии (включая полк Чайковского) и стать силой, которую можно было бы использовать против русской армии. Сперва британцы поддержали проект, однако с началом переговоров о мире утратили к нему интерес. Формально дивизия просуществовала до 31 июля 1856 г., после чего была распущена. На момент расформирования она насчитывала около 1500 человек³¹.

Османь не согласились включить в состав своей армии крупное подразделение, целиком состоявшее из иностранцев. Это означало конец мечты поляков-эмигрантов о создании в Османской империи своей армии, способной в дальнейшем освободить Польшу. Польским военным служащим, не желавшим продолжить службу, было предоставлено право беспрепятственного выезда в Европу. Однако стоит отметить, что им воспользовались не все. Полк Чайковского отныне существовал лишь на бумаге, он был разбит на более мелкие формирования, впоследствии рассеянные по всей территории империи.

Полк султанских казаков не только участвовал в военных походах, но и нес пограничную службу, боролся с вооруженными бандами и восстаниями. После Крымской войны польские эскадроны охраняли границу с Грецией, уничтожали банды в окрестностях Эдирне, дислоцировались в Манастире, подавляли сербские выступления в Нови-Пазаре и несли службу в Ливане. В совокупности польские контингенты находились в составе Первой (Стамбульской), Второй (Шуменской), Третьей (Румелийской), Четвертой (Анатолийской) и Пятой (Арабской) армий Османской империи³². Примечательно, что польская историография практически игнорирует наличие польских драгун в составе Пятой армии. На этот факт обратили внимание турецкие исследователи, при этом их данные подтверждаются российскими архивными материалами, согласно которым в сентябре 1872 г. в Бейруте находилось 350 польских драгун, что составляло около трети всех кавалерийских контингентов в городе³³.

Проведя на службе в османской армии более 20 лет, дослужившись до звания генерала и получив титул бейлербея Румелии, Чайковский вышел в отставку в 1869 г. Перед этим он получил прощение от императора Александра II и уехал в Киев. Его политические амбиции остались нереализованными, а душевное здоровье подорвала смерть жены. В результате 18 января 1886 г. Чайковский покончил жизнь самоубийством³⁴.

После выхода Чайковского в отставку польские контингенты в османской армии окончательно утратили самостоятельный статус и были перемешаны с подразделениями Третьей армии. Его сын В. Чайковский, известный как Музаффер-паша, остался в Османской империи, впоследствии успешно нес государственную службу, в 1901–1907 гг. занимал должность мутасаррыфа (губернатора) Ливана³⁵.

Константин Боженцкий как участник Венгерской революции после ее разгрома решил эмигрировать в Османскую империю, где в 1849 г. принял ислам и получил имя Мустафа Джелиледдин³⁶.

Он изъявил желание поступить на военную службу, но не имел специального военного образования. Его проэкзаменовали французские офицеры, преподававшие в Военной академии Османской империи. Боженцкий выдержал испытание, и, поскольку имел художественное образование, был зачислен в османские вооруженные силы в звании капитана по специальности военный картограф³⁷.

³¹ Ibid. S. 231.

³² *Gümüş M.* Op. cit. S. 1369.

³³ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 4370. Л. 21.

³⁴ *Chudzikowska J.* Nieznany listy Michała Czajkowskiego-Sadyka Paszy i Ludwika Śniadeckiej w zbiorach Muzeum Narodowego w Kielcach // *Rocznik Muzeum Narodowego w Kielcach.* 1980. № 11. S. 212.

³⁵ *Gümüş M.* Op. cit. S. 1370.

³⁶ *Çavdar N., Budak B.* Osmanlı Modernleşmesinde Bir Muhtedi: Mustafa Celâleddin Paşa (Konstanty Borzecki) (1826–1876) // XVIII. Türk Tarih Kongresi. TTK Yayınları. 2022. C. VIII (35). S. 378.

³⁷ *Kaim A.A.* Konstanty Borzecki, przypadkowy bohater w mikrohistorycznym studium dwukulturowości // *Studia Migracyjne Przegląd Polonijny.* 2020. № 2 (176). S. 285.

О начале военной карьеры Боженцкого имеются противоречивые сведения. Часть исследователей считает, что к своим обязанностям он приступил в Диярбакире³⁸, другие же отмечают, что службу он начал в 1851 г. в гарнизоне Катура под руководством мюшира Решид-паши³⁹. Боженцкий тщательно изучал привезенную с собой европейскую специальную литературу по военному и инженерному делу. Совместно с полковником Абди-беем он разработал систему оборонительных сооружений у Катура. После завершения проекта Абди-бей вызвали в Стамбул, где присвоили звание паши, а тот, в свою очередь, не оставаясь в долгу перед Боженцким и помог ему получить в 1852 г. должность в османском генеральном штабе⁴⁰. В дальнейшем Боженцкий служил в составе османских подразделений, которые подавляли восстание в 1852 г. на территории Черногории, принимали участие в Крымской войне, в разгроме выступлений в Багдаде в 1857 г., в Черногории в 1861 г., на Крите в 1867 г., в Герцеговине в 1875 г. и вновь в Черногории в 1876 г.⁴¹

Военная карьера Боженцкого прервалась, когда он в 1870 г. вышел в отставку по собственному желанию, тому, по мнению историков, несколько причин, главная же — конфликт с сераскером Х. Авни-пашой. Последний соперничал с сердаром Омер-пашой, покровительствовавшим Боженцкому⁴². Сераскер был возмущен его статьями на политические темы в газете «Басирет» и иностранной газете «Восточный курьер»⁴³. Авни-паша направил обращение к султану, в котором обвинял поляка в антигосударственной деятельности⁴⁴. По другой версии, на отставку Боженцкого повлияла позиция российского посла Н.П. Игнатьева, стремившегося лишить польских эмигрантов влияния в османских государственных структурах⁴⁵. Тогда же Боженцкий перенес большое горе — от дифтерии умер его маленький сын Али Сейфи⁴⁶. По всей видимости, все же интриги Авни-паши стали главным фактором, вынудившим Боженцкого уйти в отставку.

Ситуация вновь кардинально поменялась после того, как Недим-паша, другой конкурент Авни-паши, получил должность великого везира. 9 сентября 1871 г. он, уволив Авни-пашу, отправил его в ссылку в Ыспарту. Боженцкий был восстановлен в должности и направлен в Генеральный штаб в Стамбуле⁴⁷. Он также начал преподавать картографию в Военной академии и возглавил картографический отдел в военном министерстве⁴⁸. После возвращения он еще дважды направлялся в нестабильные регионы империи. Его командировка в Черногорию, целью которой было подавление волнений, оказалась для него последней. К. Боженцкий был убит в бою с черногорскими повстанцами в 1876 г.⁴⁹ Его сын Э. Джелаледдин, как и сын Чайковского, остался в Османской империи на государственной службе. Он занимался писательской деятельностью, в том числе составил биографию своего отца⁵⁰.

Наиболее известной частью наследия Боженцкого стала его работа «Древние и современные турки», опубликованная на французском языке в Стамбуле в 1869 г. В ней Боженцкий предпринял попытку описать тюркскую и османскую историю, устройство империи, ее армию, проводимые реформы, административную организацию и взаимодействие с народами других конфессий. При этом на турецкий язык эта работа была переведена только в 2014 г.⁵¹ Современные турецкие авторы отмечают, что работу Боженцкого внимательно

³⁸ Ibidem.

³⁹ Çavdar N., Budak B. Op. cit. S. 379.

⁴⁰ Ibid. S. 380.

⁴¹ Adrović A. Mustafa Dželalettin Paşa // MATICA Časopis Matice crnogorske. 2018. № 73. S. 123.

⁴² Çavdar N., Budak B. Op. cit. S. 381.

⁴³ Ibid. S. 385.

⁴⁴ Kaim A.A. Op. cit. S. 287.

⁴⁵ Çavdar N., Budak B. Op. cit. S. 382.

⁴⁶ Adrović A. Op. cit. S. 127.

⁴⁷ Çavdar N., Budak B. Op. cit. S. 383.

⁴⁸ Kaim A.A. Op. cit. S. 285.

⁴⁹ Adrović A. Op. cit. S. 133.

⁵⁰ Çavdar N., Budak B. Op. cit. S. 381.

⁵¹ Celâlettin Paşa M. Eski ve Modern Türkler / fransıcadan çeviri ve açıklamalar G. Beker. İstanbul, 2014. S. 10.

проанализировал М.К. Ататюрк в процессе формирования «Турецкого исторического тезиса», взяв на заметку ряд утверждений⁵². К примеру, Боженцкий считал, что турки были родственны этрускам, а это можно было использовать для обоснования автохтонности турецкого населения на территории Малой Азии⁵³. Однако крупные польские исследователи признают политические и идеологические мотивы Боженцкого при написании работы. Возвышая тюрков, защищая тезис об их родстве с европейскими народами и приписывая им арийское происхождение, Боженцкий, как большинство польских эмигрантов, стремился дискредитировать Российскую империю и населявшие ее народы в глазах западного общества, полностью вынеся их за рамки европейской истории⁵⁴. Это существенно снизило научную ценность работы Боженцкого, однако следует признать ее влияние на историко-идеологическую позицию основателя современной Турции.

В целом Боженцкому удалось выстроить весьма успешную военную карьеру. На момент гибели он находился в звании ферики, что соответствовало генерал-лейтенанту в европейских армиях⁵⁵. Примечательно, что на службу Боженцкий был принят сразу на офицерскую должность, не имея военных знаний. То, что эмигрант без специального образования смог подняться столь высоко, говорит, сколь существенной была нехватка квалифицированных кадров в османских войсках. Следует также отметить, что Боженцкий не состоял в Полку султанских казаков, а действовал самостоятельно, несмотря на отсутствие знаний турецкого и османского языков. Однако необходимо признать, что писательская деятельность Боженцкого оставила больший след в истории, чем его военная карьера.

Юзеф Бем участвовал не только в Польском восстании в 1830–1831 гг., он являлся одним из лидеров Венгерской революции 1848–1849 гг. и командовал мятежной армией в Трансильвании. После эмиграции в Османскую империю в 1849 г. Бем одним из первых принял ислам. Этот шаг возмутил многих эмигрантов, исповедовавших христианство, привел к конфликту Бема с бывшим революционным правителем Венгрии Л. Кошутом, при этом В. Замойский пытался отговорить его от смены религии, но безуспешно⁵⁶.

Главной причиной, почему эмигранты решались принять ислам, было опасение, что Россия могла добиться выдачи участников венгерского и польского восстаний. Согласно второй статьи Кючук-Кайнарджийского мирного договора, заключенного между Россией и Турцией 10 июля 1774 г., лица, совершившие преступление в одной из империй и попытавшиеся укрыться в другой, подлежали немедленной выдаче. Однако данное правило не распространялось на тех, кто, перебежав в Россию, принимал христианство, и тех, кто, укрывшись в Османской империи, переходил в ислам⁵⁷. Чтобы власти не выдали его России, Бем принял ислам, получив имя Мурад⁵⁸. Наконец, Бем понимал, чтобы противостоять России, следовало добиться влияния в османской армии.

К 25 ноября 1849 г. была достигнута договоренность между османскими, российскими и австрийскими властями, в соответствии с которой Австрийская и Российская империи отказывались от требований по выдаче участников восстания. Однако по настоянию России главные деятели из числа повстанцев должны были быть направлены в отдаленные

⁵² Шлык П.В. Историческая политика в современной Турции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. № 12 (98). С. 4.

⁵³ Там же. С. 33.

⁵⁴ Kołodziejczyk D. Whose Nation? Mustafa Djelaleddin between Ottomanism and Turkism // The Crimean War, 1853–1856: colonial skirmish or rehearsal for world war? Empires, nations and individuals / ed. J. Borejsza. Warszawa, 2007. S. 117.

⁵⁵ Adrović A. Op. cit. S. 132.

⁵⁶ Gölen Z. Jozef Bem'in (Murad Paşa) Osmanlı Günleri // Türkiye-Polonya ilişkilerinde "temas alanları" 1414–2014 uluslararası konferansı bildiriler kitabı. 2017. T. VIII (20). S. 163.

⁵⁷ Под стягом России. Сб. архивных документов / сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М., 1992. С. 80.

⁵⁸ Inżynierowie Polscy w XIX i XX wieku. T. VII / pod red. J. Piłatowicza. Warszawa, 2001. S. 23.

регионы Османской империи. По этой причине также эмигрировавший в Османскую империю Кошут был отправлен в Кютахью, а Бем — в Алеппо⁵⁹.

К моменту его прибытия в город начались волнения арабских племен, настроенных против нововведений в рамках Танзимата. Местные жители выступали против новых налогов, переписи населения, новой системы призыва в армию, уравнивания мусульман в правах с христианами⁶⁰. Участились нападения на османских военных и христианское население. Бем, будучи генералом с боевым опытом, предложил свою помощь в подавлении восстания и в звании генерал-лейтенанта принял командование гарнизоном Алеппо, насчитывавшим около 10 тыс. человек. С частью бойцов он взял под охрану христианские кварталы и иностранные консульства, а затем внезапной атакой основной частью войска обезвредил вооруженные группировки мятежников⁶¹.

Однако на этом беспорядки не закончились. В октябре 1850 г. из-за задержки выплат жалования значительная часть солдат гарнизона Алеппо дезертировала, чем вновь решили воспользоваться арабские племена, блокировав город и, по сути, взяв его в осаду. В этих обстоятельствах османские власти напрямую обратились к Бему с просьбой оказать помощь в подавлении мятежа. Грамотные оборонительные действия польского генерала позволили снять блокаду Алеппо и разгромить силы бедуинов⁶².

Восстание в Алеппо стало единственной боевой операцией, в которой Бем поучаствовал в составе османской армии. Как артиллерист и военный инженер, он в большей степени интересовался модернизацией османских воинских подразделений и организацией военного производства в регионе⁶³. С начала 1850 г. он работал над планами строительства арсенала и военной фабрики в районе Алеппо, где предполагалось обрабатывать железную руду и производить селитру — важнейший компонент пороха. Свои проекты он отослал в Стамбул, где их высоко оценили⁶⁴. С лета 1850 г. Бем приступил к их реализации, получив из государственного бюджета около 50 тыс. лир, ему в помощь откомандировали нескольких офицеров из числа польских беженцев⁶⁵. Некоторые польские исследователи ошибочно писали, что в Алеппо Бем организовал производство пороха. В рассматриваемый период власти решили централизовать его изготовление, и большая часть провинциальных фабрик была закрыта. В регионах производились лишь компоненты пороха⁶⁶. Первые пробные партии селитры Бем отослал в Стамбул, где отметили ее высокое качество.

Бем также создал ряд инженерных проектов, например спроектировал облегченное и более подвижное артиллерийское орудие, которое можно было перевозить на верблюдах. Кроме этого, он предложил проект цепи крепостей по течению Тигра и Евфрата, что могло существенно усилить местную оборону. Занимался он в том числе и формированием пограничных подразделений, которые должны были препятствовать проникновению в регион кочевых арабских племен. Стремясь помочь другим польским и венгерским эмигрантам, пытался добиться от властей разрешения на службу иностранных офицеров в сирийских полках (впрочем, безуспешно). Бем поддерживал связь с великим везиром Коджа Мустафой Решид-пашой. В письмах везиру он отмечал высокий уровень выучки и оснащенности местных войск и надеялся получить перевод в Стамбул для подготовки к возможной войне с Россией. Впрочем, судьба распорядилась иначе: в течение нескольких месяцев он болел лихорадкой, поначалу не воспринимая ее всерьез. Однако болезнь развивалась, и, несмотря на усилия врачей, Ю. Бем скончался 10 декабря 1850 г.⁶⁷

⁵⁹ Gölen Z. Op. cit. S. 166.

⁶⁰ Engelhardt É. La Turquie et le Tanzimat. Paris, 1882. P. 4.

⁶¹ Gölen Z. Op. cit. S. 168.

⁶² Ibid. S. 169.

⁶³ Inżynierowie Polscy w XIX i XX wieku. T. VII. S. 21.

⁶⁴ Gölen Z. Op. cit. S. 170.

⁶⁵ Inżynierowie Polscy w XIX i XX wieku. T. VII. S. 23.

⁶⁶ Gölen Z. Op. cit. S. 170.

⁶⁷ Ibid. S. 171–172.

За год пребывания в Алеппо Бем многое успел. Под его руководством османские силы нанесли поражение арабским мятежникам и восстановили порядок в Алеппо. Ему удалось наладить более современное военное производство необходимых для изготовления пороха компонентов. Он разработал значимые проекты в области военной инженерии, фортификационных сооружений и модернизации вооружения османской армии. Однако продолжить борьбу с Россией, на что он рассчитывал, отправляясь в Османскую империю, ему так и не удалось.

* * *

Пытаясь создать национальные формирования в рядах османской армии, польская эмиграция стремилась обрести собственную военную силу и впоследствии использовать ее для завоевания независимой Польши. Иными словами, значительная часть польских офицеров, поступивших на службу, видела в ней способ достижения собственных целей, в долгосрочной перспективе не связанных с Османской империей. В этом аспекте эмиграции так и не удалось преодолеть конфликт интересов, возникавший в отношениях с Портой. Государство позволяло действовать польским организациям и воинским формированиям на своей территории лишь до тех пор, пока их деятельность не противоречила его собственным интересам⁶⁸.

Принимая иностранцев на государственную службу, османы стремились использовать их опыт и знания для модернизации империи. Основной областью приложения навыков европейских специалистов, безусловно, стали вооруженные силы. Большая по численности армия, нуждавшаяся в обучении и обновлении, и крайне скромные объемы выпуска собственных образованных офицеров вынудили государство предоставить широкий спектр возможностей европейским эмигрантам, заступавшим на службу. Они действительно пользовались весьма высокой степенью свободы: могли получить офицерское звание, не имея военного образования, как Боженцкий, имели право создавать свои собственные формирования, как Чайковский, в кратчайшие сроки могли занимать высшие командные должности, как Бем. Высшие посты в османской армии были для них открыты, они обеспечивались жалованием и пенсией наравне с турецкими генералами. Более того, даже переход в ислам для дальнейшей службы не являлся необходимым условием. Это подтверждает пример бельгийца Шарля де Шварценберга, дослужившегося в османской армии до звания генерала и так и не принявшего ислам⁶⁹.

Османская империя относилась к эмигрантам на службе так же, как и к остальным своим подданным. Однако это подразумевало не только права, но и обязанности, в результате чего для многих иностранцев условия службы оказались не такими, как они себе представляли. Это наглядно показывают протесты и начавшееся дезертирство среди военнотружущих Полка султанских казаков, узнавших о готовящейся переброске их части на Кавказский фронт Крымской войны, а также стремление Бема поскорее вернуться в Стамбул из Алеппо. Османы стремились использовать европейских офицеров для модернизации собственной армии, а это означало в том числе возможность их отправки на самые опасные и проблемные участки фронта, либо в регионы, где высока была угроза антиосманских восстаний. Значительная часть польских офицеров в Крымскую войну была задействована не только на Балканском, но и на Кавказском фронте, где русская армия теснила османские войска. Быстожоновский и Бреаньский участвовали в том числе и в обороне Карса совместно с британскими и французскими офицерами⁷⁰.

Несмотря на то что османам не удалось коренным образом изменить ситуацию на Кавказском фронте в ходе Крымской войны, их вклад на Балканском фронте оказался более

⁶⁸ *Urbanik A.A., Baylen J.O.* Polish exiles and the Turkish Empire, 1830–1876 // *The Polish Review*. 1981. Vol. 26 (3). P. 52.

⁶⁹ *Alloul H.* Op. cit. P. 95.

⁷⁰ *Chudzio H.* Generałowie Polscy w obronie twierdzy Kars podczas wojny Krymskiej // *Studia z historii społeczno-gospodarczej*. 2011. T. 9. S. 169.

ощутимым. Польские офицеры проявили себя и в ходе дальнейшей службы при подавлении большого количества антиосманских восстаний, также преимущественно на Балканах. В этой связи особенно выделяется боевой путь Боженцкого. Поляки-эмигранты много сделали для военной организации турецкой армии, этот аспект можно считать наиболее ценным. Полк Чайковского стал самым современным кавалерийским подразделением в османской армии, предприимчивость Бема, по сути, сформировала новый, модернизированный центр военного производства. Боженцкий смог передать свои навыки военного картографа, преподавая в военной академии. В целом же, османские власти сумели распределить офицеров-эмигрантов по различным регионам империи, и в некоторых из них они сумели изменить обстановку в лучшую сторону.

Наконец, следует сказать, что для значительной части польского офицерства Османская империя не стала полноценной второй родиной. Многие приняли ислам исключительно из чисто карьерных соображений, чтобы избежать выдачи России, либо ограничений по службе. Этот шаг, как и принятие нового имени, для них в большинстве случаев означал простую формальность, хотя некоторые эмигранты наотрез отказывались менять веру и считали тех, кто поступал иначе, ренегатами⁷¹. Такие офицеры добросовестно исполняли свои обязанности в период активной службы, однако большинство из них возвратилось в Европу после выхода в отставку, что свидетельствовало о сохранении ими своей культурной идентичности. Это не всегда было актуально для сыновей эмигрантов, многие из которых, напротив, остались в Османской империи и в дальнейшем построили успешную карьеру военных или государственных деятелей.

Библиография / References

Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность (сост. князь Щербатов). Т. 6 (1848–1849 гг.). СПб., 1899.

Очерк Венгерской войны 1848–1849 годов / пер. Богдановича и Лебедева. СПб., 1850.

Под стягом России. Сб. архивных документов / сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М., 1992.

Шлыков П.В. Историческая политика в современной Турции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). URL: <https://history.jes.su/s207987840010436-8-1/?ysclid=m2vtfpnot8317366886> (дата обращения: 12.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840010436-8

General-fel'dmarshal knjaz' Paskevich, ego zhizn' i dejatel'nost' [General-Field Marshal Prince Paskevich, his life and work] (sost. knjaz' Shherbatov). T. 6 (1848–1849). Sankt-Peterburg, 1899. (In Russ.)

Ocherk Vengerskoj vojny 1848–1849 godov [An essay on the Hungarian War of 1848–1849] / per. Bogdanovicha i Lebedeva. Sankt-Peterburg, 1850. (In Russ.)

Pod stjagom Rossii: Sbornik arhivnyh dokumentov [Under the banner of Russia. Collection of archival documents] / sost., primech. A.A. Sazonova, G.N. Gerasimovoj, O.A. Glushkovej, S.N. Kistereva. Moskva, 1992. (In Russ.)

Shlykov P.V. Istoricheskaja politika v sovremennoj Turcii [Historical politics in modern Turkey] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2020. T. 11. Vyp. 12 (98). URL: <https://history.jes.su/s207987840010436-8-1/?ysclid=m2vtfpnot8317366886> (access date: 12.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840010436-8 (In Russ.)

Adrović A. Mustafa Dželalettin Paša // MATICA Časopis Matice crnogorske. 2018. № 73. S. 115–144.

Alloul H. "Me among the Turks?": Western commanders in the Late Ottoman Army and their self-narratives // European Review of History: Revue européenne d'histoire. 2020. № 27 (1–2). P. 88–110.

Bayrakdar B. Osmanlı arşiv belgeleri ışığında devletler hukuku açısından 19. yüzyılda Osmanlı'ya sığınan Lehistan ve Macar mültecileri hakkında bazı düşünceler // Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi. 2019. № XIX (39). S. 759–778.

Çavdar N., Budak B. Osmanlı Modernleşmesinde Bir Muhtedi: Mustafa Celâleddin Paşa (Konstanty Borzecki) (1826–1876) // XVIII. Türk Tarih Kongresi. 2022. T. VIII (35). S. 375–396.

Celâlettin Paşa M. Eski ve Modern Türkler / fransıcadan çeviri ve açıklamalar G. Beker. İstanbul, 2014.

Chudzikowska J. Nieznany listy Michała Czajkowskiego-Sadyka Paszy i Ludwiki Śniadeckiej w zbiorach Muzeum Narodowego w Kielcach // Rocznik Muzeum Narodowego w Kielcach. 1980. № 11. S. 211–232.

Chudzio H. Generałowie Polscy w obronie twierdzy Kars podczas wojny Krymskiej // Studia z historii społeczno-gospodarczej. 2011. T. 9. S. 153–172.

⁷¹ Alloul H. Op. cit. P. 95.

- Çoban A.H.* Ahmet Cevat Paşa'nın Târih-i Askerî-i Osmânî (Kitâb-ı Râbî') adlı Eserinin Transkripsiyonlu Metni (Yüksek Lisans Tezi). Afyonkarahisar, 2009.
- Dopierała K.* Polskie zabiegi polityczne w Turcji Osmańskiej w XIX stuleciu // *Studia Historyczne*. 1997. № 5. S. 51–61.
- Engelhardt É.* La Turquie et le Tanzimat. Paris, 1882.
- Esad M.* Mirât-i Mekteb-i Harbiyye. İstanbul, 1310 (1893).
- Esad M.* Üss-ü Zafer. İstanbul, 1293 (1876).
- Gölen Z.* Józef Bem'in (Murad Paşa) Osmanlı Günleri // Türkiye-Polonya ilişkilerinde “temas alanları” 1414–2014 uluslararası konferansı bildiriler kitabı. 2017. T. VIII (20). S. 155–180.
- Gümüş M.* Mehmed Sadık Paşa (Michał Czajkowski) ve Osmanlı Devleti'nde kazak süvarî alayı // *Turkish Studies*. 2010. Vol. 5 (3). S. 1362–1375.
- Inżynierowie Polscy w XIX i XX wieku. T. VII / pod red. J. Piłatowicza. Warszawa, 2001.
- Kaim A.A.* Konstanty Borzęcki, przypadkowy bohater w mikrohistorycznym studium dwukulturowości // *Studia Migracyjne Przegląd Polonijny*. 2020. № 2 (176). S. 281–306.
- Karbownik K.* Polskie formacje zbrojne w armii tureckiej w wojnie krymskiej 1853–1856 // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 2012. № 13 (64). S. 215–233.
- Kołodziejczyk D.* Whose Nation? Mustafa Djelaleddin between Ottomanism and Turkism // *The Crimean War, 1853–1856: colonial skirmish or rehearsal for world war? Empires, nations and individuals* / ed. J. Borejsza. Warszawa, 2007. P. 115–128.
- Levy A.* The Officer Corps in Sultan Mahmud II's New Ottoman Army, 1826–39 // *International Journal of Middle East Studies*. 1971. Vol. 2. № 1. P. 21–39.
- Ortaylı İ.* İmparatorluğun En Uzun Yüzyılı. İstanbul, 2008.
- Rawita-Gawroński F.* Michał Czajkowski (Sadyk-Pasza), jego życie, działalność wojskowa i literacka // *Życiorysy sławnych polaków*. № 14. Petersburg, 1901.
- Refik A.* Türkiye'de mülteciler meselesi. İstanbul, 1926.
- Şevket M.* Osmânî teşkilât ve kıyâfet-i askeriyesi. İkinci cüz. İstanbul, 1325 (1909).
- Skatuba P.* Starania o utworzenie formacji zbrojnej w Turcji pod dowództwem generała Józefa Wysokiego w latach 1853–1855 // *Bezpieczeństwo*. 2010. № 3–4. S. 211–218.
- Tunalı A.C.* Tanzimat döneminde Osmanlı kara ordusunda yapılanma (1839–1876): Doktora tezi. Ankara, 2003.
- Urbanik A.A., Baylen J.O.* Polish exiles and the Turkish Empire, 1830–1876 // *The Polish Review*. 1981. Vol. 26 (3). P. 43–53.
- Uyar M., Erickson E.J.* A Military History of the Ottomans. Santa-Barbara, 2009.
- Zlatanov A.* Niepublikowane wspomnienia o Michale Czajkowskim-Sadyku Paszy // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2019. T. LIII (2). S. 111–130.

© 2024 г. П.П. ЧЕРКАСОВ

ПАДЕНИЕ АДОЛЬФА ТЬЕРА 24 МАЯ 1873 года (по документам российского посольства в Париже)

Черкасов Петр Петрович — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: ptch46@mail.ru

Scopus Author ID: 12138974400; ORCID: 0000-0003-3723-1657; Researcher ID: G-2170-2018

Аннотация. В статье исследованы причины и обстоятельства падения Адольфа Тьера, первого президента третьей по счету Французской республики. Этот пост он занимал с 31 августа 1871 г. до 24 мая 1873 г., когда был отправлен в отставку. Хотя период президентства Тьера был совсем коротким (неполные два года), он имел большое значение для утверждения республиканского строя во Франции. Во многом это была личная заслуга президента Тьера, который публично высказался в пользу республики, за что и лишился поста главы государства. Причины отстранения его от власти достаточно хорошо изучены в историографии. В данном исследовании автор привлек новые источники, дополняющие известную картину. Речь идет о конфиденциальной дипломатической корреспонденции российского посольства в Париже. Значение этого источника определяется тем обстоятельством, что посол России во Франции князь Н.А. Орлов и советник посольства Г.Н. Окунев имели прямой контакт с А. Тьером, пользовались его доверием и были хорошо осведомлены о планах и намерениях президента республики. Они часто встречались с ним и его министрами, присутствовали на заседаниях Национального собрания и имели возможность со знанием дела анализировать происходивший во Франции политический процесс становления республиканского строя. По этой причине их оценки и суждения представляют несомненный интерес для историка, тем более что долгое время депеши и аналитические записки, составлявшиеся в российском посольстве в Париже для императора Александра II и канцлера А.М. Горчакова, не привлекали должного внимания исследователей.

Ключевые слова: Франция, Национальное собрание, дипломатия, дипломаты, Россия, А. Тьер, П. де Мак-Магон, Н.А. Орлов, Г.Н. Окунев, политическая борьба, дипломатические документы.

P.P. Cherkasov

The Fall of Adolphe Thiers on 24 May 1873: Documentary Evidence from the Russian Embassy in Paris

Peter Cherkasov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ptch46@mail.ru

Scopus Author ID: 12138974400; ORCID: 0000-0003-3723-1657; Researcher ID: G-2170-2018

Abstract. In this article, the author analyses the causes and circumstances of the downfall of Adolphe Thiers, the first President of the Third French Republic. He held the office from 31 August 1871 until 24 May 1873, when he was compelled to resign. Although Thiers' tenure as president was relatively brief, encompassing less than two years, it was of significant consequence in the establishment of the republican system in France. In many ways, this was the personal merit of

President Thiers, who publicly espoused the cause of the republic, for which he was compelled to relinquish his post as head of state. The reasons for Thiers' downfall have been the subject of considerable historical analysis. In this study, the author draws upon hitherto overlooked sources, thereby offering a more nuanced and comprehensive understanding of an already well-researched topic. The focus of this inquiry is confidential diplomatic communications from the Russian Embassy in Paris. This source is significant in that it demonstrates that both the Russian ambassador to France, Prince Nikolay Orlov, and the embassy counsellor Grigory Okunev had direct contact with Thiers, enjoyed his confidence, and were well aware of the plans and intentions of the President of the Republic. They frequently met with him and his ministers, attended meetings of the National Assembly, and were thus able to gain a comprehensive understanding of the political process that gave rise to the republican system in France. It can be argued that their assessments and judgments are of significant interest to the historian. This is particularly true when considering the dispatches and analytical notes compiled at the Russian embassy in Paris for Emperor Alexander II by Chancellor Gorchakov. These documents have not attracted the appropriate level of attention from researchers for a considerable period of time and therefore represent a valuable and underutilised resource for historical research.

Keywords: France, National Assembly, diplomacy, diplomats, Russia, Adolphe Thiers, Patrice de Mac-Mahon, Nikolay Orlov, Grigory Okunev, political struggle, diplomatic documents.

Крушение Второй империи в сентябре 1870 г. и последовавшие за этим социальные потрясения во Франции, происходившие на фоне незавершенной франко-германской войны, вынесли Адольфа Тьера как самого авторитетного тогда французского политика на вершину власти. 15 февраля 1871 г. Национальное собрание избрало его «главой исполнительной власти», а 31 августа того же года — президентом Французской республики. На этих двух постах Тьеру удалось добиться прекращения войны с Германией и договориться с Бисмарком о досрочной эвакуации немецких оккупационных войск, за что его называли «Спасителем Франции» и «Освободителем территории». Одновременно среди левых республиканцев он получил прозвище «палач Коммуны» за кровавую расправу с восставшим Парижем в мае 1871 г.¹

Изначально предполагалось, что президентство Тьера продлится до того момента, когда новая Конституция — работа над ее подготовкой шла трудно и потому неспешно — окончательно определит государственный строй Франции и создаст соответствующие институты власти. Однако развитие событий привело к его досрочному отстранению с поста президента республики (24 мая 1873 г.).

На основе дипломатической документации российского посольства в Париже за 1872—1873 гг. автор попытался уточнить причины и обстоятельства крушения карьеры А. Тьера. Депеши и записки посла России в Париже князя Н.А. Орлова и советника посольства Г.Н. Окунева с анализом внутриполитической обстановки, предшествовавшей и сопровождавшей падение Тьера, представляют особый интерес для историков Третьей республики², учитывая тесное личное общения их составителей с президентом А. Тьером.

***

Важно отметить, что власть главы государства в Третьей республике с момента ее рождения была существенно ограничена избранным в 1871 г. Национальным собранием, которое контролировалось разнородным монархическим большинством — орлеанистами, легитимистами

¹ О роли Тьера в создании Третьей республики см.: *Черкасов П.П.* Рождение Третьей республики во Франции глазами русского дипломата (сентябрь 1870 года — май 1871 года) // Новая и новейшая история. 2023. № 6. С. 77—94. DOI: 10.31857/S013038640028926-6

² Первая республика во Франции была установлена в 1792 г. Она продержалась до 1804 г., когда на смену ей пришла Первая бонапартистская империя. Вторая республика возникла в результате революции 1848 г. и просуществовала до конца 1851 г., когда в стране был установлен режим Второй империи. Третья республика во Франции была спонтанно провозглашена 4 сентября 1870 г., а конституционно она оформилась только в 1875 г.

и бонапартистами. 214 депутатов (из 645)³ составляли орлеанисты, сторонники свергнутой в июле 1848 г. либеральной Июльской монархии; 180 депутатов-легитимистов, представляли интересы старшей ветви Бурбонов, окончательно утративших власть в 1830 г., а 20 депутатов-бонапартистов мечтали о восстановлении Второй империи. Республиканцы, располагавшие 150 депутатскими мандатами, не могли всерьез влиять на принимаемые собранием решения.

В этом смысле тогдашняя Французская республика, управляемая монархически настроенным Национальным собранием, являла собой очевидный исторический парадокс. Немедленной реставрации монархии после подавления Парижской коммуны и заключения мира с Германией мешало одно важное обстоятельство — глубокие разногласия между монархистами по ее модели и кандидатуре будущего монарха. Орлеанисты надеялись на восстановление конституционной Июльской монархии во главе с графом Парижским, внуком Луи-Филиппа. Легитимисты настаивали на возвращении к дореволюционному Старому порядку, а будущим королем называли графа де Шамбора, внука Карла X. Бонапартисты сохраняли верность низложенному Наполеону III и его наследнику.

В этом раскладе не определяющая, но все же значительная роль принадлежала президенту республики Тьеру, считавшемуся одним из вождей орлеанистской партии. Перед лицом республиканской оппозиции монархисты всех трех течений сошлись на кандидатуре Тьера-президента как на компромиссной фигуре до принятия новой Конституции, которая определит форму государственного устройства Франции. Этот компромисс стал возможен благодаря его прежней репутации монархиста, пусть и либерального. К тому же именно А. Тьер сумел подавить Коммуну и именно с ним, и только с ним, соглашался иметь дело победитель в войне «железный канцлер» О. фон Бисмарк. Последнее обстоятельство имело тогда большое значение.

С самого начала деятельность Тьера на посту главы государства проходила на фоне развернувшейся в Национальном собрании ожесточенной борьбы между республиканцами и монархистами. Пока шли эти споры, старый орлеанист Тьер представлялся противникам республики единственно приемлемой для них компромиссной фигурой.

Сам же Тьер, сумевший извлечь уроки из потрясений Парижской коммуны, в конечном счете пришел к выводу о необходимости сохранения республики, по крайней мере до окончательной стабилизации положения в стране⁴. О своем республиканском выборе старый орлеанист публично заявил в Национальном собрании еще в декабре 1871 г., вызвав бурю возмущения у монархистов. Летом 1872 г. противники республики попытались отстранить Тьера от власти, но потерпели неудачу из-за острых разногласий между орлеанистами и легитимистами. Вторая попытка была предпринята ими на осенней парламентской сессии. К тому времени двум соперничавшим монархическим фракциям удалось несколько сгладить разделявшие их противоречия.

«Момент истины» настал 13 ноября 1872 г., когда после летних каникул Национальное собрание возобновило работу. Прибывший на пленарное заседание президент Тьер выступил с полуторачасовой речью, в ней он обосновал легитимность существующего республиканского режима, которому, по его убеждению, нет приемлемой альтернативы. «Республика существует, она является законным правительством страны: желать чего-то другого, означало бы вызвать новую революцию, самую ужасную из всех, какие только можно представить», — заявил Тьер. — Давайте не будем тратить время на его (республиканского режима. — П.Ч.) провозглашение, а используем это время на то, чтобы определить его желательные и необходимые характеристики...

³ Выборы в Национальное собрание в феврале 1871 г. проводились в условиях незавершенной войны, когда значительная часть территории Франции оставалась под немецкой оккупацией. Поэтому 645 депутатов представляли только департаменты, находившиеся в феврале 1871 г. под французским национальным суверенитетом. С окончанием войны и выводом оккупационных войск на освобожденных территориях будут проводиться дополнительные выборы, что постепенно расширит состав Национального собрания к середине 1873 г. до 700 с лишним депутатов.

⁴ См.: Черкасов П.П. «Республика господина Тьера» в оценках русских дипломатов (август 1871 — октябрь 1872 года) // Новая и новейшая история. 2024. № 3. С. 78—94. DOI: 10.31857/S0130386424030079

Республика будет консервативной, или ее не будет вообще»⁵.

Выступление президента республики сопровождалось живой, временами даже бурной реакцией зала. Слева и из левого центра раздавались одобрительные возгласы, справа — крики: «Мы не хотим республики!» Было ясно, что Франция скатывается в глубокий правительственный кризис. Именно так оценил парламентское заседание 13 ноября Н.А. Орлов: «Вчера я присутствовал на заслушивании обращения господина Тьера. Заседание было очень бурным. Со стороны левых оно сопровождалось неистовыми аплодисментами. Что касается правых, то они поначалу сохраняли ледяное спокойствие, потом с их стороны посылались неодобрительные возгласы и даже гул. Не думаю, что г-н Тьер ожидал такого результата. Он полагал, что убедит левых, говоря об “окончательной республике”, и одновременно сплотит правых, называя их борцами за порядок. Эта система парламентских качелей не принесла успеха президенту... она глубоко оскорбила чувства парламентского большинства. Поэтому сопротивление вспыхнуло в ожесточенной форме, и мы впервые увидели, как легитимисты сговорились со сторонниками младшей ветви [Бурбонов].

Господин Тьер казался ошеломленным. Его огромный талант, вероятно, подскажет ему какие-то средства для умирения поднятой им бури, но один факт остается несомненным. Начинается открытая борьба между республиканским принципом и принципом монархии двух ветвей.

Наполеон III в 1870 году помог объединению Германии, напав на Пруссию. Господин Тьер в 1872 году, вероятно, поспособствовал слиянию легитимистов и орлеанистов⁶.

Что касается содержания самого послания, то в нем нет ничего, что могло бы не понравиться Европе. Господин Тьер объявляет себя сторонником мира за пределами Франции и приверженцем порядка внутри страны. Иностранные державы не могут требовать от него большего. Что касается французов, то для них ситуация совершенно иная, и я считаю, что открывшаяся [парламентская] сессия будет сопряжена со всякого рода трудностями»⁷.

Орлов не ошибся в своем прогнозе относительно неминуемого обострения правительственного кризиса. Выступление Тьера привело к консолидации разобщенного до того момента монархического большинства в Национальном собрании. Теперь уже не только легитимисты, но и орлеанисты развернули борьбу за отстранение Тьера от власти и последующую ликвидацию республиканского строя. Борьба монархистов против республики вступала в новую фазу.

Последующие заседания Национального собрания проходили под знаком открытого противоборства парламентского большинства и президента республики, которого монархисты считали предателем, нарушившим «пакт Бордо»⁸. Все предложения Тьера по совершенствованию существующего политического режима с ходу отвергались монархистами, желавшими сохранить контроль над исполнительной властью.

Тьеру не оставалось ничего другого, как вновь прибегнуть к испытанному средству — угрозе отставки. Он рассчитывал, что монархисты пока еще не успели прийти к согласию относительно его преемника на посту президента, а республиканцы угрожали развязыванием гражданской войны в случае покушения на республику.

18 ноября Тьер вновь явился в парламент, где монархисты встретили его неодобрительным шумом. Тем не менее президент сумел произнести речь, в которой высказал все претензии к своим политическим недругам, завершая выступление, потребовал немедленного голосования о доверии правительству.

⁵ Duclert V. La République imaginée. 1870–1914. Paris, 2014. P. 103.

⁶ В этом месте на полях Александр II сделал пометку по-французски: «се serait mieux» (это было бы лучше).

⁷ Орлов — Вестману, 14 ноября 1872 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 79. Л. 284–285 об. (все даты даются по новому стилю).

⁸ 12 марта 1871 г. республиканская и три монархические фракции Национального собрания, заседавшего в Бордо, достигли договоренности, что вопрос будущего государственного устройства Франции откладывается до принятия новой Конституции. Это соглашение получило название «пакт Бордо». См.: Duclert V. Op. cit. P. 105.

Присутствовавший на заседании 18 ноября Орлов сообщал в Петербург: «Политическая ситуация на данный момент очень трудно разрешима. Послание г-на Тьера вызвало бесчисленные осложнения. Если бы президент ограничился описанием общего положения в стране и если бы он апеллировал к патриотизму Собрания, рекомендуя ему поставить интересы Франции выше интересов сторон, никакой раздражающей дискуссии не произошло бы и г-н Тьер мог бы спокойно продолжить свою реформаторскую миссию»⁹.

Президент, по убеждению Орлова, совершил ошибку, пойдя на конфронтацию с парламентским большинством, и в результате окончательно утратил поддержку орлеанистов — самой многочисленной фракции большинства. Более того, он невольно способствовал более тесному сближению орлеанистов с легитимистами.

Хотя Тьер уже неоднократно прибегал к угрозе отставки, к чему, казалось бы, все успели привыкнуть, в этот раз его требование о вотуме доверия застало разгоряченных депутатов врасплох. Они еще не успели окончательно определиться. На это, видимо, и рассчитывал искушенный в политических играх Тьер.

Его расчет оказался верным, хотя и не оправдался в полной мере. 267 депутатов выразили доверие правительству Тьера, 116 проголосовали за его отставку. Но что всерьез обеспокоило президента, так это небывалое большое число воздержавшихся — около 300 депутатов¹⁰.

По свидетельству Орлова, Тьер был крайне раздосадован результатами голосования. В течение трех последующих дней он не собирал совет министров, обдумывая дальнейшую тактику. В конечном счете, президент решил не идти на дальнейшее обострение конфликта с собранием, тем более перед лицом угроз левых радикалов развязать гражданскую войну. «Единственная надежда избежать этого (гражданской войны). — *П. Ч.*» состоит в том, что г-н Тьер в очередной раз найдет способ успокоить партию... — отмечал русский посол. — Я на это надеюсь, хотя и не слишком на это рассчитываю... В любом случае президент выйдет ослабленным из этого кризиса, который он сам же вызвал своим неосмотрительным обращением (к парламенту. — *П. Ч.*)»¹¹.

Посол оказался прав. Тьер не стал обострять конфликт перед лицом сплотившегося монархического большинства. В его последующей тактике прослеживается желание если и не примириться со своими противниками, то найти какой-то компромисс. Но правые в этот раз демонстрировали непреклонность. По признанию легитимиста Шенелона, между президентом и монархическим большинством собрания разгоралась «тяжелая скрытая вражда, которую уже не могла примирить никакая попытка соглашения»¹².

Монархисты решительно отвергли конституционные намерения Тьера, в частности идею создания второй верхней палаты парламента. Они сформировали так называемую «Комиссию 30-ти», которая призвана была жестко контролировать все принимаемые президентом решения еще на стадии их подготовки. Комиссия начала разработку законопроекта, лишавшего президента права личного участия в парламентских прениях и возможности напрямую обращаться к депутатам. За ним оставлялась лишь возможность письменных посланий к Национальному собранию. Ограничительный в отношении президента закон будет принят 30 марта 1873 г.

Тем временем 29 ноября 1872 г. разыгрался второй акт политической драмы. В этот день Тьер выступил в собрании с примирительной речью, в которой снял ряд своих предыдущих требований и предложений. Он заявил даже, что никогда не был противником монархии, что подтверждается всей его жизнью, но что он не видит никакой возможности реализовать в современной Франции монархический проект без риска вызвать в стране гражданскую войну.

На состоявшемся вслед за его выступлением голосовании, правительство получило поддержку 370 голосами против 334. «Таким образом, — прокомментировал проведенное голосование

⁹ Орлов — Горчакову, 22 ноября 1872 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 79. Л. 295—295 об.

¹⁰ Антохина-Московченко В. И. Третья республика во Франции. 1870—1918. М., 1985. С. 122.

¹¹ Орлов — Горчакову, 22 ноября 1872 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 79. Л. 298—298 об.

¹² David R. La Troisième République. Soixante ans de politique et d'histoire. Paris, 1934. P. 4.

Орлов в депеше Горчакову, — президента республики удержали у власти всего 34 голоса. Об окончательном решении г-на Тьера (остаются ли ему у власти. — *П. Ч.*) я узнаю только завтра вечером. Если он решит остаться, то будет постоянно подвергаться нападкам со стороны 334 депутатов, которые желают свергнуть его. Если же он уйдет в отставку, то неизбежна гражданская война. Орлеанисты и легитимисты объединились против него. Левые молчат на депутатских скамьях, но продолжают действовать за стенами [парламента]. Бонапартисты ликуют. Видите, князь, ситуация здесь очень напряженная и далеко не обнадеживающая»¹³.

Прямым последствием с трудом полученного 29 ноября вотума доверия стала частичная реорганизация правительства. По требованию монархистов, Тьер отправил в отставку министра внутренних дел республиканца В. Лефрана¹⁴ и назначил на его место орлеаниста Э. де Гуляра. Министерство финансов возглавил Л. Сей, префект департамента Сена, а О. Барди де Фурту, близкий к бонапартистам консерватор, был поставлен во главе министерства общественных работ. В целом реорганизованное правительство Тьера заметно поправело. Под давлением монархистов оно запретило инициированный левыми республиканцами сбор подписей за роспуск Национального собрания и принял ряд других мер в угоду парламентскому большинству.

Что касается объединившихся противников Тьера, то они взяли паузу в ожидании окончательного вывода немецких оккупационных войск с территории Франции. Легитимисты и орлеанисты отдавали себе отчет в том, что Бисмарк желает вести переговоры по этому вопросу только с Тьером и ни с кем другим. Именно по этой причине монархисты и вынуждены были повременить с его отрешением от власти, хотя его судьба ими уже была предreshена.

1872 г. завершался в атмосфере обманчивого политического затишья, наступившего после осеннего обострения. Расстановку политических сил во Франции к началу 1873 г. Орлов обрисовал в записке, адресованной Горчакову¹⁵.

Первое, на что обратил внимание русский посол, — активизация радикальной партии в низших слоях общества, причем не только в городах, где левые с давних пор пользовались большим влиянием, но и в сельской местности среди крестьян, где они начали распространять свои дешевые (всего за один су) печатные издания. «Интеллектуальная и нравственная гангрена, возникшая еще во времена Империи, распространилась и на сельское население, где социалистические и якобинские теории, а также заповеди Интернационала, находят сегодня множество последователей, — констатировал Орлов. — До сих пор крестьяне в большинстве голосовали за кандидатов, которых они считали друзьями правительства. Сегодня же мы видим, что крестьянство начинает отдавать голоса наиболее радикально настроенным кандидатам. В условиях существующей системы всеобщего избирательного права это один из самых тревожных симптомов».

Распространение среди сельского населения влияния радикальных республиканцев вызывало у князя Орлова тем большее беспокойство, что «расколотая своими политическими предпочтениями благородная аристократия, а также духовенство теряют влияние в массе земельных собственников, которые традиционно опираются на сельский элемент, определяющий лицо Палаты [депутатов] в 1849 году и до сих пор составляющий большинство в Национальном собрании. По мнению самых беспристрастных наблюдателей, никто (из депутатов от сельских округов. — *П. Ч.*) не уверен в своем переизбрании после роспуска нынешней Палаты».

Еще хуже обстоит дело с духовенством, всегда считавшимся важнейшей опорой консервативной власти. «Сегодня его влияние полностью утрачено — даже на юге и западе страны», — подчеркнул русский посол.

Подъем радикализма и ослабление консервативных сил сочетается с очевидной апатией французской буржуазии, что делает будущее Франции еще более неопределенным,

¹³ Орлов — Горчакову, 30 ноября 1872 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 79. Л. 307 об. — 308.

¹⁴ Эта замена была тем более символична, что, начиная с 10 февраля 1871 г., министерство внутренних дел всегда находилось под контролем «проверенных республиканцев» (*républicains avérés*) — Э. Пикара, Ламбрехта, Казимира-Перье и В. Лефрана. См.: *Hanotaux G. Le Gouvernement de M. Thiers. 1870—1873. Nouv. éd. T. II. Paris, 1925. P. 209.*

¹⁵ Орлов — Горчакову, 7 января 1873 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 90. Л. 14—17.

констатировал князь Орлов. «Буржуазия и в целом более или менее обеспеченные средние классы, по большей части проявляют безразличие, — докладывал он в Петербург. — Не имея предпочтений в отношении какой-либо государственной системы, они хотят прежде всего порядка, спокойствия и безопасности, которые позволят им заниматься своим делом и продолжать обогащаться. Сегодня они принимают Республику, как вчера они принимали Империю; точно также они примут любое правительство, которое обеспечит им материальное процветание». У французской буржуазии, как крупной, так и средней, нет ни религиозных принципов, ни политических убеждений, констатировал русский дипломат. Именно по этой причине буржуа так не любят какую-либо агитацию, способную нарушить их спокойствие и уверенность в завтрашнем дне.

Данное обстоятельство, по мнению Орлова, дает Тьеру определенные шансы остаться у власти, если он сумеет найти компромисс со своими непримиримыми противниками. «Легко понять, насколько такое состояние умов придает большую силу правительству г-на Тьера, — резюмировал князь Орлов. — Президент олицетворяет статус-кво и поддерживает порядок; как таковой, его поддерживают средние классы, опасющиеся нового, неизвестного правительства; он является защитником республиканской формы, и как таковой — принят радикальной партией».

Но проблема заключалась в том, что «радикальная партия», т.е. республиканцы, составляла меньшинство в Национальном собрании, а судьба Тьера и его правительства по действовавшему законодательству находилась в руках монархического большинства, где к концу 1872 г. пришли к решению избавиться от главы государства, превратившегося в республиканца.

Затишье, наступившее после завершения осенней сессии Национального собрания, неожиданно было нарушено известием о смерти бывшего императора Наполеона III 9 января 1873 г. в Числхёрсте (графство Кент, Англия), где после крушения Второй империи нашло убежище императорское семейство.

Окунев, замещавший уехавшего из Парижа на несколько дней Орлова, докладывал Горчакову о реакции во Франции на смерть низложенного императора: «Большинством населения новость о смерти императора Наполеона была встречена с безразличием. Зато она ввергла в уныние бонапартистскую партию, которая рассчитывала на Наполеона III в том, чтобы в более или менее ближайшем будущем восстановить Империю... Именно поэтому смерть Наполеона нанесла Империалистам¹⁶ серьезный удар. В то же время это дало дополнительную гарантию безопасности нынешнего режима. Правительство г-на Тьера должно было поздравить себя с этим событием в соответствии с теми опасениям, которые внушал ему бонапартизм в настоящем и будущем. Его реакция... была взвешенной и уместной. Президент разрешил маршалам и офицерам бывшего военного штаба императора отправиться [в Англию], чтобы принять участие в его похоронах. Но лишь очень немногие воспользовались этим разрешением. Он (Тьер. — П. Ч.) посчитал, что обязан отказать в подобном разрешении генералам и офицерам, находящимся на действительной военной службе. Одновременно решено предотвратить всякую политическую демонстрацию, которая могла бы произойти по случаю смерти Императора»¹⁷.

Некоторые преимущества для Тьера, проистекавшие из смерти вождя бонапартистов, не могли, конечно, гарантировать устойчивость его власти, так как даже без учета голосов «империалистов» (что было практически невероятно) орлеанисты и легитимисты, составлявшие большинство в Национальном собрании, легко могли отказать в доверии президенту и его правительству.

Положение 75-летнего Тьера в феврале 1873 г. осложнилось из-за внезапного ухудшения его здоровья. У главы государства обострилась застарелая болезнь желудка, сопровождаемая кровотечениями. Накануне решающей схватки за сохранение власти он оказался прикован к постели.

Тем временем вернувшийся в Париж князь Орлов, понимая всю серьезность ситуации, счел необходимым отправить Горчакову записку с говорящим названием: «Господин Тьер

¹⁶ «Империалистами» (Impérialistes) после 1870 г. во Франции называли бонапартистов, сторонников восстановления Второй империи.

¹⁷ Окунев — Горчакову, 16 января 1873 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 90. Л. 22—24 об.

и состояние его здоровья»¹⁸. В записке Орлов сообщает об озабоченности престарелого Тьера не только (и не столько) даже продлением собственной жизни, сколько судьбой своего исторического замысла (*Grand dessein*) — утверждения во Франции «консервативной республики» (*République conservatrice*).

Тьера, писал русский дипломат, не может не беспокоить судьба Франции после его ухода. Одним из важнейших инструментов обеспечения стабильности и преемственности власти, наряду с созданием двухпалатного парламента, Тьер, как полагал Орлов, теперь считает учреждение поста вице-президента Французской республики, против чего прежде он всегда возражал. «Господин Тьер раньше никогда не желал даже слышать о назначении вице-президента, несмотря на мнение Собрания и разговоры об этом в салонах Версаля и Парижа. Это продолжалось до тех пор, пока недавнее недомогание президента Республики не показало обоснованность данного предложения на случай непредвиденного несчастья такого рода. Я твердо убежден, что внезапная смерть г-на Тьера, случись она... никоим образом не изменила бы основы общего положения вещей! Республика не утратит способности сформировать новую исполнительную власть в составе трех или более лиц — как гражданских, так и военных. Ничто в этой стране не меняется столь быстро, как правительство», — не без сарказма резюмировал русский дипломат¹⁹.

Тревожные ожидания развеялись к середине марта, когда Тьер сумел оправиться от недуга и вернулся к исполнению своих обязанностей. За время его болезни «Комиссия 30-ти» завершила свою работу и представила в собрание законопроект, запрещающий президенту лично участвовать в работе парламента и тем самым влиять на принимаемые депутатами решения. Лишь в исключительных случаях глава государства мог обратиться к Национальному собранию, причем только на особом заседании, не предусматривавшем прения.

13 марта 1873 г. собрание большинством голосов (407 «за», 225 «против») приняло закон, лишивший Тьера важнейшего инструмента влияния (давления) на законодательную власть²⁰.

Спустя два дня, 15 марта, в результате изнурительных для обеих сторон переговоров была подписана франко-германская конвенция о досрочном выводе оккупационных войск с территории Франции. Это соглашение тяжело далось Тьеру, которому пришлось преодолевать не только упорство Бисмарка, но и сопротивление собственных «патриотов», своими призывами к реваншу провоцировавших немцев на продолжение оккупации. Тем не менее президенту республики удалось преодолеть оба этих препятствия. Бисмарк согласился до конца лета вывести последние немецкие части с территории Франции.

Казалось бы, Тьер имел все основания ожидать благодарности со стороны соотечественников. Но его судьба находилась в руках монархического большинства Национального собрания. Для монархистов всех оттенков заключение франко-германской конвенции стало сигналом к подготовке отрешения Тьера от власти. Мавр сделал свое дело...

17 марта монархическое большинство отправило в отставку председателя Национального собрания, умеренного республиканца Ж. Греви, поддерживавшего А. Тьера, и избрало на его место орлеаниста Л. Бюффе. Правда, Дюфор, давний соратник Тьера со времен Июльской монархии, сохранил пост «вице-председателя совета министров»²¹.

Очередная, ставшая для Тьера роковой, вспышка его конфликта с парламентским большинством разгорелась в конце апреля 1873 г. в связи с дополнительными выборами в собрание, проходившими в восьми департаментах. Особое значение приобретали выборы в Париже (департамент Сена), где в противоборстве сошлись Ш. де Ремюза, друг и давний сподвижник А. Тьера, левый радикал Д. Бароде, бывший школьный учитель, затем мэр революционного Лиона, и полковник Стоффель, совместный кандидат от бонапартистов и легитимистов. Убедительную победу в столице одержал Бароде (180 тыс. голосов). Считавшийся фаворитом

¹⁸ Орлов — Горчакову, 8 марта 1873 г. *Mr. Thiers et son état de santé* // Там же. Д. 92. Л. 228—232 об.

¹⁹ Там же. Л. 232—232 об.

²⁰ *Hanotaux G. Op. cit.* P. 243—244.

²¹ Главой правительства официально считался сам президент республики А. Тьер, а Л. Дюфор с февраля 1871 г. был его бессменным заместителем, вице-премьером.

Ремюза получил 135 тыс. голосов, а Стоффель — всего 26,6 тыс.²² Как только стали известны результаты голосования, Париж огласили крики: *Vive la République!*

Республиканские кандидаты победили и в подавляющем большинстве департаментов, где состоялись выборы. Правда, этот успех имел скорее моральное значение, так как появление нескольких депутатов-республиканцев не меняло расклада сил в Национальном собрании, где по-прежнему тон задавали монархисты. Тем не менее победа Бароде в Париже крайне обеспокоила правых, потребовавших от Тьера включения в правительство нескольких министров-монархистов.

Поражение Ремюза в Париже было воспринято многими и как личное поражение Тьера. В их числе был и князь Орлов. «Провал списан на господина Тьера, — докладывал посол в Петербург. — Он (Тьер. — П. Ч.) мечтал о прочном союзе парижского населения и Консервативной республики. Он считал, что завоевал симпатии парижского народа, а оказался перед лицом торжествующей демократии. Вчера вечером я был в Елисейском дворце, когда пришло окончательное известие об избрании г-на Бароде. Президент оставался бесстрастным и ограничился заявлением, что “Ассамблея, упразднив пост мэра Лиона, обеспечила успех красному кандидату в Париже”. Но окружение г-на Тьера не смогло скрыть своей тревоги. Лица всех присутствовавших выражали озабоченность, а встреча выглядела очень мрачной. В городе сохранялось спокойствие, и меры предосторожности, принятые правительством, оказались излишними. Но моральное смятение велико, а будущее становится более неопределенным, чем когда-либо»²³.

В последующих донесениях Орлов продолжал анализировать последствия победы республиканца Бароде в Париже. «Избрание г-на Бароде вызвало всеобщие опасения и гнев консервативной партии, — писал посол. — Постоянная комиссия («Комиссия 30-ти». — П. Ч.), большинство в которой составляют роялисты, на мгновение задумалась даже об экстренном созыве Собрания, но не сделала этого в надежде, что г-на Тьера еще удастся вернуть в консервативную фракцию»²⁴.

Ради этого, сообщал посол, кое-кто из правых предлагал даже учредить пожизненное президентство Тьера, продлив на неопределенный период временный (до принятия Конституции) режим или, на худой конец, сформировать «гомогенное», т.е. однородно монархическое, правительство из числа депутатов-монархистов.

Однако все эти предложения не получили одобрения правого большинства, продолжавшего настаивать на уходе Тьера, который, со своей стороны, не видел серьезной угрозы для стабильности от избрания Бароде, а победу радикала, по свидетельству Орлова, президент объяснял «протестом [парижан] против попыток монархистов из Собрания не допустить утверждения Консервативной республики»²⁵.

«Г-н Тьер уверен, что способен усмирить беспорядки. Но если он не боится радикалов, то со всей очевидностью опасается раскола среди консерваторов, соперничающих на одном монархическом поле, где сражаются три партии (орлеанисты, легитимисты и бонапартисты. — П. Ч.), а их лидеры способны спровоцировать гражданскую войну, дробя свои силы. Вот почему г-н Тьер остается верным своей программе Консервативной республики. Но у медали есть и оборотная сторона. У консерваторов, возможно, не хватит сил основать монархию, но у них хватит сил, чтобы свергнуть Тьера», — заключил прозорливый русский посол²⁶.

После довыборов в Национальное собрание, результаты которых обеспокоили монархистов, они усилили давление на Тьера, выдвигая все новые требования. В середине мая произошла очередная реорганизация правительства, из него ушли Ж. Симон и Э. де Гуляр. Монархисты активизировали поиски приемлемого для трех их фракций кандидата на пост нового главы государства вместо Тьера, последний вовсе не помышлял об уходе. Он был

²² Hanotaux G. Op. cit. P. 264.

²³ Орлов — Горчакову, 28 апреля 1873 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 90. Л. 85—85 об.

²⁴ Орлов — Горчакову, 6 мая 1873 г. // Там же. Л. 90.

²⁵ Там же. Л. 90 об.

²⁶ Там же. Л. 91 об.—92.

убежден, что его не тронут, во всяком случае до завершения полной эвакуации германских войск, т.е. до конца лета 1873 г. Ведь именно он добился освобождения национальной территории. И именно он в глазах Бисмарка был гарантом выполнения Францией условий Франкфуртского мира и недопущения реванша, о котором откровенно мечтали Л. Гамбетта и его единомышленники — левые республиканцы.

Орлов, со своей стороны, тоже не исключал возможности удержания Тьером власти хотя бы до завершения немецкой оккупации и окончания летней сессии Национального собрания, а быть может, даже и до выборов нового собрания. «Эти два громоотвода способны сохранить за ним место до созыва будущего Учредительного собрания», — полагал Орлов²⁷.

Существовал и второй вариант развития событий, который русский дипломат считал совершенно утопичным. Этот вариант предполагал, что даже в случае вынужденной отставки Тьера затем попросят вернуться, поскольку он считается незаменимым. «К сожалению, — писал Орлов, — президента Республики и его окружение убаюкивает иллюзия, что, спустя лишь несколько дней после его ожидаемого падения, г-н Тьер будет возвращен в правительство. Но так не будет. Консерваторы способны дойти до крайностей. У них будет либо король, либо император. В противном случае им придется уступить место красным, что мне представляется маловероятным»²⁸.

Развязка наступила 24 мая 1873 г., когда Тьер не без труда, но все же получил согласие председателя Национального собрания Бюффе на прямое обращение к депутатам.

Его появление на парламентской трибуне некоторые депутаты встретили возгласами: «Нарушен закон!», «Вы не можете здесь выступать!» Тем не менее глава государства сумел заставить враждебно настроенных парламентариев выслушать его речь, продолжавшуюся почти два часа. Представив депутатам свое видение положения Франции после окончания войны с Германией и не забыв при этом отметить собственную роль в восстановлении страны, Тьер четко обозначил выбор, перед которым оказалась страна: быть ей республикой или монархией? «Будем откровенны, — заявил он, завершая выступление, — вопрос, который нас разделяет, это вопрос о монархии или республике. Что касается меня, то я уже сделал свой выбор... И причина, побудившая меня, старого сторонника монархии, сделать этот выбор, помимо понимания общего направления развития, по которому идет цивилизованный мир, состоит в том, что сегодня... монархия абсолютно невозможна»²⁹.

По завершении выступления главы государства председательствующий на заседании Бюффе объявил перерыв. Тьер высказал председателю Национального собрания желание присутствовать и на вечернем заседании, но ему было отказано со ссылкой на закон от 13 марта. Нельзя исключать и того, что Бюффе, посвященный в планы противников Тьера, проявил в данном случае деликатность, освободив 76-летнего президента от присутствия на собственной политической казни.

Собравшиеся после обеденного перерыва депутаты не стали медлить. Яркая речь главы государства уже не могла изменить их планов. «Мавр» должен уйти. Таково было убеждение монархического большинства. 360 голосами против 347 собрание выразило недоверие правительству бессменного (с 1871 г.) Дюфора. Фактически это был вотум недоверия самому Тьеру, формальному главе правительства.

Дюфор поспешил к президенту, которого проинформировал об отставке всего состава правительства. Затем он вернулся в парламент и попросил слова, чтобы зачитать обращение Тьера к председателю Национального собрания. Обращение главы государства было предельно кратким: «Имею честь передать Национальному собранию заявление об отставке с возложенных на меня функций Президента Республики. Мне нет нужды добавлять,

²⁷ Записка Орлова от 9 мая 1873 г. *Situation après les Élections du 27 Avril [1873]* // Там же. Д. 92. Л. 366 об.—367.

²⁸ Орлов — Горчакову, 9 мая 1873 г. // Там же. Д. 91. Л. 23 об.—24.

²⁹ *Guiral P. Adolphe Thiers ou De la nécessité en politique*. Paris, 1986. P. 485.

что правительство будет выполнять все свои обязанности до тех пор, пока ему на смену не придет новое»³⁰.

Характерно, что свое обращение Тьер подписал как «член Национального собрания». Это могло означать, что он намерен продолжать политическую деятельность в качестве депутата парламента. Тем не менее было ясно, что эпоха Тьера завершилась.

Национальное собрание утвердило отставку президента и немедленно приступило к избранию нового главы государства. Орлеанисты, легитимисты и бонапартисты к тому времени уже сумели договориться, что преемником А. Тьера должен стать маршал Франции П. де Мак-Магон, герцог де Мажента. Другой кандидат на президентский пост, умеренный республиканец Ж. Греви, бывший председатель Национального собрания, всерьез не рассматривался. На состоявшемся вечером 24 мая голосовании Мак-Магон получил 390 голосов. Его соперник ожидаемо проиграл. За Греви проголосовал один (!) депутат³¹.

Политическая драма, свидетелем которой стал князь Орлов, нашла отражение в его развернутой записке, составленной в тот же день вечером 24 мая 1873 г. на имя канцлера Горчакова³². В этой записке Орлов предпринял попытку по горячим следам подвести итог двухлетнему правлению президента Тьера, отметить как его заслуги, так и просчеты.

«Франция нуждалась в реформаторе, а господин Тьер был всего лишь политиком и администратором, причем в стиле Первой Империи и Реставрации, — писал Орлов. — Она (Франция. — П. Ч.) ждала гениального реформатора, а господин Тьер сформировался в рамках английской политической школы, не осознав в должной мере тех огромных сдвигов в положении вещей и в развитии идей, которые были вызваны социальным взрывом 1848 года. Взглядам Тьера была свойственна устаревшая претензия на то, чтобы вернуть нацию во времена Июльской монархии, одновременно предложив ей демократию, всеобщее избирательное право, две уравновешивающие друг друга палаты и другие институты парламентской олигархии времен 1830 года.

В сфере финансов г-н Тьер тоже человек прошлого, не способный предложить что-то новое, найти новые источники наращивания общественного богатства...

Г-н Тьер, несомненно, обладал опытом проведения совещательных Собраний, но при этом он больше осложнял работу [парламента], нежели направлял ее. Он преуспел в парламентских интригах, но ни разу за свою долгую карьеру не обнаружил способности формировать и дисциплинировать [парламентское] большинство; у него был слишком подвижный ум, подверженный к тому же всевозможным прихотям...

Досрочное освобождение территории [Франции] навсегда останется великой исторической заслугой бывшего президента Республики. Однако, при всей неоспоримости этой заслуги, она могла лишь отсрочить его падение, но не могла компенсировать его многочисленных ошибок, полумер и фатальной самоуспокоенности, с которыми он отстаивал прерогативы исполнительной власти. Г-н Тьер не слушал никого, кроме своей камарильи, чем вызывал всеобщее недовольство, все более изолируя себя от тех, кто мог бы быть ему действительно полезным в его политике.

После провала неудачной попытки графа де Ремюза (стать депутатом Национального собрания. — П. Ч.) власть Тьера быстро слабела, и едва он попытался переформировать свой кабинет, как голосование 24 мая свергло его...

Сегодня его сплотившиеся противники желают, чтобы бывший президент республики вышел из состава Собрания; им хотелось бы, чтобы он отправился куда-нибудь в заграничное путешествие. Ненавидимый нынешним Собранием и даже собственной девоцентристской (подчеркнуто Орловым. — П. Ч.) партией, г-н Тьер не доставит своим врагам справа и из правого центра (подчеркнуто Орловым. — П. Ч.) удовольствия и не откажется от своего

³⁰ Hanotaux G. Op. cit. P. 295–296.

³¹ Такой необычный результат стал следствием того, что республиканская фракция в Национальном собрании в полном составе бойкотировала голосование с предрешенным исходом.

³² Записка Орлова от 24 мая 1873 г. Chute de Monsieur Thiers // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 92. Л. 433–450.

депутатского места... Он останется [в Собрании] “в ожидании событий”». Орлов, скорее всего, имел в виду сохранявшуюся у Тьера надежду на то, что его вновь, как это не раз уже было, призовут к власти.

Однако месяц спустя русский посол изменил свое мнение. «Г-н Тьер мертв физически и морально, — писал он в Петербург. — Он больше не живет, он выживает. Его падение нанесло смертельную рану его самолюбию, от чего он уже не оправится... Да и сам г-н Тьер считает свою политическую карьеру завершенной»³³.

Бывший президент еще пытался проявлять политическую активность, участвуя, когда это позволяло здоровье, в парламентских дебатах, но его слабеющий голос уже не звучал так громко и убедительно, как прежде.

Франция тем временем вступала в новый этап своей истории, когда ей предстояло сделать окончательный выбор между республикой и монархией.

* * *

Изучение дипломатической корреспонденции из посольства России в Париже показывает, что посол князь Орлов и советник посольства Окунев достаточно объективно оценивали происходивший на их глазах процесс отстранения президента Тьера от власти. Столь же объективно и критично они оценивали и действия Тьера, пытавшегося удержаться на своем посту. Отдавая должное его мужественному решению отказаться от монархических иллюзий и принять неизбежность республиканского выбора для Франции, русские дипломаты в то же время считали, что демонстративный разрыв Тьера с вчерашними «однопартийцами» сделал его уход неизбежным. В любом случае, он полностью исчерпал отведенный ему ресурс времени и не имел шансов оставаться у власти. Тем не менее публичная поддержка президентом Тьером Республики сыграла свою роль в укреплении влияния республиканских ценностей в общественном сознании Франции 1870-х годов.

Библиография / References

Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. 1870–1918. М., 1985.

Черкасов П.П. Рождение Третьей республики во Франции глазами русского дипломата (сентябрь 1870 года – май 1871 года) // Новая и новейшая история. 2023. № 6. С. 77–94. DOI: 10.31857/S013038640028926-6

Черкасов П.П. «Республика господина Тьера» в оценках русских дипломатов (август 1871 – октябрь 1872 года) // Новая и новейшая история. 2024. № 3. С. 78–94. DOI: 10.31857/S0130386424030079

Antyukhina-Moskovchenko V.I. Tret'ya respublika vo Frantsii [The Third Republic in France]. 1870–1918. Moskva, 1985. (In Russ.)

Cherkasov P.P. Rozhdenie Tret'ei respubliki vo Frantsii glazami russkogo diplomata (sentyabr' 1870 goda – mai 1871 goda) [The Birth of the Third Republic in France Through the Eyes of a Russian Diplomat, September 1870 – May 1871] // Novaya i Noveishaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. № 6. S. 77–94. DOI: 10.31857/S013038640028926-6 (In Russ.)

Cherkasov P.P. “Respublika gospodina T'era” v otsenkakh russkikh diplomatov (avgust 1871 – oktyabr' 1872 goda) [“Mr. Thiers' Republic” in the Assessments of Russian Diplomats, August 1871 – October 1872] // Novaya i Noveishaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2024. № 3. S. 78–94. DOI: 10.31857/S0130386424030079 (In Russ.)

Azéma J.-P., Winock M. La IIIe République. Paris, 1976.

David R. La Troisième République. Soixante ans de politique et d'histoire. Paris, 1934.

Démier F. La France du XIXe siècle. 1814–1914. Paris, 2000.

Duclert V. La République imaginée. 1870–1914. Paris, 2014.

Hanotaux G. Le Gouvernement de M. Thiers. 1870–1873. Nouv. éd. T. II. Paris, 1925.

Grévy J. La République des opportunistes. 1870–1885. Paris, 1998.

Guiral P. Adolphe Thiers ou De la nécessité en politique. Paris, 1986.

Rémond R. La vie politique en France 1848–1879. Paris, 2005.

³³ Записка Орлова от 20 июня 1873 г. // Там же. Л. 550–552.

DOI: 10.31857/S0130386424060128

© 2024 г. А.С. ЛЮЛЬЧАК

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИНДОКТРИНАЦИЯ И ПРОПАГАНДА В АНТИКЕМАЛИСТСКОЙ ПРЕССЕ НАЧАЛА 1930-х годов

Люльчак Александр Сергеевич — младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, аспирант кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: lyulchakas@my.msu.ru

Scopus Author ID: 58786233400; ORCID: 0009-0001-3137-3497

Аннотация. Газета «Свободная республика» (Serbes Cumhuriyet), выходившая в свет с октября 1930 г. по январь 1931 г., создавалась как печатный орган основанной по инициативе Мустафы Кемаля (Ататюрка) Свободной республиканской партии (СРП), которая, по замыслу турецкого руководства, должна была играть роль «контролируемой оппозиции» в политической жизни страны. В период эксперимента по строительству режима управляемой демократии издание стало рупором либерального движения, одновременно превратившись в поле идейной борьбы СРП и правящей Народно-республиканской партии (НРП). Тема противостояния двух политических организаций в СМИ не получила широкого освещения в отечественной историографии. Настоящее исследование, в котором анализируются механизмы кемалистской и оппозиционной пропаганды начала 1930-х годов, является попыткой восполнить данный пробел. Основная задача автора: реконструкция методов информационной войны и пропагандистских приемов, используемых «Свободной республикой», такими проправительственными изданиями, как «Национальный суверенитет» (Hakimiyet-i Milliye), «Время» (Vakit), а также лояльной властям газеты «Республика» (Cumhuriyet). Многообразие пропагандистских штампов в статьях «Свободной республики» делает ее ценным источником для изучения партийной борьбы начала 1930-х годов и попыток сформулировать альтернативную кемалистской программу развития страны, а главное — реконструировать идеологический и политический контексты предпринятого Ататюрком эксперимента, продолжавшегося всего три месяца. Анализ публикаций этого и других изданий позволяет прийти к следующему выводу: несмотря на все амбициозные попытки «Свободной республики» играть роль альтернативы государственным СМИ, газета не сумела противостоять мощной пропагандистской машине кемалистов в информационной войне, развязанной против нее официальной прессой.

Ключевые слова: Турция, пресса, газеты, пропаганда, Свободная республиканская партия, партийная пресса, кемалисты, политические партии.

A.S. Lyulchak

Ideological Indoctrination and Propaganda in the Anti-Kemalist Press of the Early 1930s

Aleksander Lyulchak, Institute of World History, Russian Academy of Science; Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: lyulchakas@my.msu.ru

Scopus Author ID: 58786233400; ORCID: 0009-0001-3137-3497

Abstract. In the article, that author presents a detailed analysis of the propaganda tactics employed by both Kemalist and anti-Kemalist forces during the early 1930s. It draws upon a diverse array of source material, including the Turkish newspapers, such as “Nation” (Ulus), “Time” (Vakit), “Republic” (Cumhuriyet), and the opposition daily “Free Republic” (Serbes Cumhuriyet), which ran from October 1930 to January 1931. The latter was established as the official print media of the Free Republican Party (FRP), which was headed by a close associate of the President, Ali Fethi (Okyar). The daily became the mouthpiece of moderate liberal movement, while concurrently turning into a weapon of ideological confrontation between the FRP and the incumbent Kemalist Republican People’s Party (RPP). The study of the opposition newspaper represents a novel approach within the Russian academic literature, as there have been no previous attempts to examine the perspective of those opposed to the Kemalists, or to analyse the representation of the main ideas of the FRP in the press. The research focuses on the analysis of anti-Kemalist propaganda in the “Free Republic” newspaper. The plethora of propaganda clichés present on its pages renders “Free Republic” a valuable source for studying the ideological shift that occurred during the early 1930s. It demonstrates the efforts to devise an alternative programme for the development of the Turkish Republic and enables the reconstruction of the ideological and political context of the Kemalist unsuccessful endeavour to establish a controllable opposition in 1930. Although it had the potential to gain a foothold in the market, the “Free Republic” newspaper ultimately succumbed to the forces of pro-government press propaganda. Despite its ambitious and courageous editorial stance, the opposition daily could not withstand the formidable and sophisticated propaganda apparatus of the Kemalists.

Keywords: Turkey, press, newspapers, propaganda, Free Republican Party, party press, Kemalists, political parties.

Создание в 1930 г. по инициативе Мустафы Кемаля (Ататюрка) Свободной республиканской партии (СРП, Serbest Cumhuriyet Fırkası) стало важной частью своеобразного политического эксперимента по установлению в Турции режима управляемой демократии. Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис негативно отразился на всех сферах жизни турецкого общества. В стране наблюдался рост недовольства политикой кемалистских властей. В этих условиях президент Турции инициировал создание контролируемой оппозиции. Данный опыт длился всего три месяца. СРП прекратила свое существование вследствие давления со стороны президента, увидевшего в ее относительном успехе на муниципальных выборах в октябре 1930 г. угрозу доминированию правящей Народно-республиканской партии (НРП, Cumhuriyet Halk Fırkası). По требованию М. Кемаля лидер СРП Али Фетхи (Окьяр) объявил о ее ликвидации 17 ноября 1930 г.

Недолгая деятельность СРП не только обнажила внутренние проблемы, стоявшие перед Турецкой республикой в начале 1930-х годов, но и стала причиной ожесточенного идеологического противостояния между кемалистами из НРП и их противниками, развернувшегося на страницах общенациональных газет. Одним из средств выражения несогласия оппозиции с курсом правящей партии являлась газета «Свободная республика» (Serbes Cumhuriyet), первый выпуск которой увидел свет 26 октября 1930 г. Издание, выходившее в Измире, стало рупором оппозиции, активно использовавшей эту «платформу» для продвижения своих идей «правильного» (альтернативного кемалистскому) пути развития государства. В этой связи анализ идеологической составляющей материалов газеты «Свободная республика» приобретает особую актуальность в контексте деконструкции программных установок СРП. Издание просуществовало с 26 октября 1930 г. по 14 января 1931 г., пережив на два месяца партию А. Фетхи. Тираж «Свободной республики» неизвестен, так как не указывался на страницах газеты. Важно отметить, что тональность ее материалов после роспуска оппозиционной партии заметно изменилась: вместо статей, в которых обличалась политика НРП, стали выходить гораздо более сдержанные публикации, содержательно более соответствовавшие основным проправительственным СМИ.

Противостояние с кемалистской прессой, которая в начале 1930-х годов доминировала в турецком информационном поле, в частности с газетами «Республика» (Cumhuriyet),

«Время» (Vakit) и «Национальный суверенитет» (Hakimiyet-i Milliye), требовало от создателей оппозиционного издания четкого изложения своих политических взглядов. Вопросы, связанные с дискурсом «Свободной республики» и основными направлениями ее деятельности, составляют проблемное поле настоящей работы. Особый интерес в контексте исследования представляет изучение идеологической направленности издания, а также методов, которые использовались его сотрудниками для привлечения в ряды СРП потенциальных избирателей.

Методической основой исследования является историческая имагология¹, в рамках которой образ «чужого» изучается в событийном контексте. Это определяет научную новизну настоящей работы, так как анализ политических идеологий и их практического применения с точки зрения концепции «свой – чужой» не предпринимался до настоящего времени ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

В научной литературе история возникновения СРП освещена достаточно широко², однако работы, в которых бы изучалась деятельность «Свободной республики», практически отсутствуют³. Среди исследований, связанных с данным СМИ, можно выделить диссертацию Гюльдена Гюлера⁴, посвященную изучению дискурса этого оппозиционного издания, а также обзорную статью Хаккы Уйяра⁵. Ни в одной из известных работ «Свободная республика» не рассматривается в контексте антикемалистской пропаганды второй половины 1920-х – начала 1930-х годов. Настоящее исследование призвано заполнить имеющуюся

¹ За последние несколько лет увеличилось количество работ, в которых используется имагология, а также рассматривается концепция «свой – чужой». См.: «Свои» / «Другие» / «Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2021; Мирзаханов В.С. История XX в.: многообразие историографических подходов к пониманию феномена // Новая и новейшая история. 2020. № 5. С. 7–27. DOI: 10.31857/S013038640011358-1; Сафронова А.Л. Буддийский мир Южной Азии в трудах и творчестве российских ученых и деятелей культуры XIX – начала XX в. // Исторический вестник. 2023. Т. XLVI. Ч. 2. С. 324–346. Среди работ по изучению образа «иног», связанных с Турцией, следует особо отметить статью Т.Ю. Кобищанова. См.: Кобищанов Т.Ю. Мощь и немощь армии султана в описании союзников по второй антифранцузской коалиции (азиатский этап кампании 1799–1800 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 10 (132). С. 1–28. DOI: 10.18254/S207987840028729-0

В отечественной литературе также представлены работы, посвященные изучению образа Турции в современной исторической политике. См., например: Шлыков П.В. Историческая политика в современной Турции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 12 (98). Ч. 1. С. 1–41. DOI: 10.18254/S207987840010436-8

² В этой связи следует особо отметить работы турецких историков Мете Тунджая, Олкана Семеновлу и Мехмеда Пынара. См.: Tunçay M. Türkiye Cumhuriyeti'nde Tek Parti Yönetiminin Kurulması (1923–1931). İstanbul, 1999; Pınar M. Bursa'da Serbest Cumhuriyet Fırkası Teşkilatı ve İktidar İle Çekişmesi // History Studies. International Journal of History. 2014. Vol. 6. Iss. 3. P. 295–310; Senemoğlu O. Türkiye'nin Demokrasiye Geçişte İkinci Başarısız Girişimi: Serbest Cumhuriyet Fırkası (SCF) // Nişantaşı Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2016. № 4 (2). S. 44–66. Ряд исследований посвящен теме пропагандистской войны между печатными органами НРП и СРП, особенно в области карикатуры. См.: Başaran İnce G. The Free Republican Party in the political cartoons of the 1930s // New Perspectives on Turkey. 2015. № 53. P. 93–136; Aydoğan P. Serbest Cumhuriyet Fırkası'nın Türk Modernleşmesi İçindeki Yerinin Dönemin Karikatürleriyle Analizi // Memleket Siyaset Yönetim. 2022. № 17 (37). P. 171–200; Samur M., Sofuoğlu A. Karikatürlerde Serbest Cumhuriyet Fırkası // Atatürk Yolu Dergisi. 2023. № 73. S. 321–347.

³ В данном контексте следует упомянуть работу А.М. Абидулина и С.В. Кривова, посвященную проблеме преемственности в национальном строительстве между Османской империей и Турецкой республикой. Однако вопрос о месте СРП в политической системе раннереспубликанской Турции в рамках этого исследования не рассматривается. См.: Абидулин А.М., Кривов С.В. Османская империя и кемалистская Турция: проблема преемственности и национального строительства // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 164–174. DOI: 10.31857/S013038640008660-4

⁴ Glden G. Serbes Cumhuriyet Gazetesi'nin (26 Ekim 1930–14 Ocak 1931) İncelenmesi ve Deęerlendirilmesi. Yksek Lisans Tezi. Krklareli, 2013.

⁵ Uyar H. SCF'nin Yayın Organı: Serbes Cumhuriyet Gazetesi // Modern Trkiye'de Siyasi Dşnce: 9 ciltte. 7. Cilt. Liberalizm. İletiřim Yayınları. İstanbul, 2005.

лакуну в изучении идеологической составляющей публикаций газеты, а также методов, которые использовались изданием для агитации в пользу СРП.

Прежде чем перейти к анализу идеологической индоктринации антикемалистской пропаганды в материалах «Свободной республики», необходимо рассмотреть деятельность СРП, которая была ответственна за публикацию и распространение этой газеты.

После запрета и роспуска оппозиционной Прогрессивно-республиканской партии (ПРП, Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası) в 1925 г.⁶ на протяжении пяти лет НРП оставалась единственной организованной политической силой в Турции. К 1930 г. в связи с тяжелой экономической ситуацией в стране число недовольных ее курсом увеличилось⁷. М. Кемаль, которому было очевидно, что данная тенденция будет усиливаться и ситуация внутри Турции может стать взрывоопасной⁸, решился на довольно смелый эксперимент по созданию альтернативной НРП политической силы — СРП.

В качестве лидера «оппозиционной» партии Ататюрк выбрал своего друга А. Фетхи, бывшего в 1925–1930 гг. послом Турции во Франции⁹. По прибытию из Парижа последний подготовил отчет о неудовлетворительной работе правительства НРП во главе с Исмет-пашой (Инёню)¹⁰. После долгих обсуждений и дискуссий относительно устройства партии, ее программы и роли президента Турции в ее деятельности Кемаль и Фетхи пришли к соглашению, и 12 августа 1930 г. была учреждена СРП. Ататюрк прилагал значительные усилия по привлечению в новую политическую организацию собственных сторонников. В частности, он приказал нескольким соратникам, включая друга детства Нури Джонкера¹¹, а также своей сестре Макбуле Атадан¹² вступить в ряды СРП, тем самым продемонстрировав личную заинтересованность в ее создании.

Значительное внимание уделялось и публичной агитации в пользу новой партии. Так, на первой странице газеты «Время»¹³ в номере от 13 августа 1930 г. была опубликована программа СРП (это было уникальным явлением для кемалистской прессы того времени).

⁶ Политическая программа ПРП базировалась на либеральных идеях. Подробнее о деятельности партии см.: *Еремеев Д.Е.* История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. М., 2017. С. 120–125; *Zürcher E.J.* Turkey: A Modern History. London; New York, 2017. P. 169–170; *Idem.* The Progressive Republican Party of 1924–25: Reactionaries, Conservatives, or Moderates? // *European Journal of Turkish Studies*. 2021. № 33. P. 1–11; *Sürücü B.* İlk Bölünme: Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası'nın Doğuşu // *Turkish Business Journal*. 2022. № 3 (6). S. 1–28.

⁷ Косвенным подтверждением роста популярности СРП являлись результаты муниципальных выборов октября 1930 г., на которых ее представители получили 30 мандатов из 502, что для созданной за месяц до голосования партии было неплохим результатом.

⁸ К концу 1920-х годов ситуация в Турции оставалась нестабильной, в восточных и юго-восточных провинциях периодически вспыхивали антикемалистские восстания. См. подробнее: *Atatürk Döneminde Meydana Gelen Ayaklanmalar (1924–1938)* // *Atatürk Ansiklopedisi*. 2021. URL: <https://ataturkansiklopedisi.gov.tr/bilgi/ataturk-doneminde-meydana-gelen-ayaklanmalar-1924-1938/> (дата обращения: 01.02.2024).

⁹ Подробнее о деятельности Али Фетхи до 1930 г. см.: *Okyar F.* Üç Devirde Bir Adam. Tercuman Yayınları. İstanbul, 1980; *Nuray S.* Türk Asker, Diplomat, Siyasetçi Ali Fethi Okyar // *Akademik Tarih Ve Araştırmalar Dergisi*. 2021. № 4 (5). S. 306–388; *Sarılioğlu İ.* Büyük Taarruz Öncesi Diploması: Dâhiliye Vekili Ali Fethi Bey'in Londra Misyonu // *Ankara Hacı Bayram Veli Üniversitesi İktisadi Ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*. 2022. № 24 (2). S. 636–661.

¹⁰ Подробнее об отчете, а также о предыстории создании СРП см.: *Zürcher E.J.* Turkey: A Modern History. P. 169.

¹¹ Подробнее о Нури Джонкере и его деятельности в СРП см.: *Gülen A.* Serbest Cumhuriyet Fırkası'nda Genel Sekreterlik Kurumu ve Nuri Conker'in Genel Sekreterliği // *Tarih Araştırmaları Dergisi*. 2022. № 41 (72). S. 439–460.

¹² *Zürcher E.J.* Turkey: A Modern History. P. 179. Подробнее о жизни Макбуле Атадан и ее политической деятельности см.: *Çoban İ.* Atatürk'ün Kız Kardeşi Makbule Atadan Hanımefendi'nin Hayatı // *Tarih Ve Tarihçi*. 2022. № 1 (2). S. 28–29.

¹³ Газета «Время» была основана в 1875 г., однако выходила в свет лишь в течение года. Деятельность этого издания была возобновлена в 1917 г. См.: *Olpağ Koç C.* Bir Dönemin Tanığı Olarak Vakıf Gazetesi // *Edebi Eleştiri Dergisi*. 2023. Cumhuriyetin İlanının 100. Yılı Anısına 1923'ten 2023'e Süreli Yayınlar ve Edebiyat Özel Sayısı. S. 201–212.

Следует отметить, что те ее тезисы, которые касались экономического развития страны (включая необходимость привлечения иностранного капитала), выходили за рамки первоначальных договоренностей между Фетхи и Кемалем, который в ходе встречи с лидером новой партии, прошедшей 11 августа 1930 г., говорил о том, что СРП необходимо придерживаться курса на республиканизм и лаицизм. В рамках программы западная либеральная капиталистическая модель развития, предполагающая невмешательство государства в экономику, рассматривалась в позитивном ключе¹⁴. Основными предложениями по разрешению кризиса являлись упразднение правительственного контроля над разными видами хозяйственной деятельности и сокращение бюджетных расходов.

Впрочем, редакция газеты «Время» решила сопроводить текст программы карикатурой, на которой похожий на Фетхи человек курит кальян и пускает дым в сторону Исмет-паши и других членов НРП¹⁵. Подпись к иллюстрации гласила, что на ней изображен один из соучредителей СРП Ахмед Агаоглу¹⁶, однако визуально этот персонаж имел сходство именно с лидером новой партии. В целом карикатура носила довольно нейтральный характер, хотя в ней усматривался некоторый укор в адрес СРП — ее глава «пускал туман» в сторону представителей НРП, что указывало на возможные преувеличения или неискренность в отношении заявленных в программе целей. При этом следует отметить, что и члены правящей партии были изображены на рисунке в необычном для них ключе — меньше по размеру, чем условный Фетхи.

Агитация за вступление в новую «оппозиционную» партию сыграла с НРП злую шутку. Как отмечалось выше, по итогам местных выборов в октябре 1930 г. СРП получила 30 мандатов из 502 в Великом национальном собрании Турции (ВНСТ)¹⁷. Несмотря на то что партия Фетхи практически не имела шансов на победу, ее депутаты подвергли резкой критике НРП, обвиняя правительство в фальсификациях, допущенных в ходе голосования¹⁸. Популярность СРП среди граждан Турции, недовольных кемалистскими реформами и понесших существенные экономические потери в ходе кризиса в конце 1920-х годов, неуклонно росла¹⁹. За два месяца, прошедших с момента создания «оппозиционной» партии, она смогла пробиться в ВНСТ, а также вызвать общественный резонанс и привлечь к себе внимание во время измирских событий сентября 1930 г.²⁰ В НРП серьезно обеспокоились риском потери власти в недалеком будущем. В этой связи М. Кемаль принял решение четко обозначить свою политическую позицию. В беседе с А. Фетхи 15 ноября 1930 г. он заявил, что не может далее оставаться безучастным к происходящему, отметив, что в борьбе между оппозицией и партией власти он поддержит последнюю²¹. Подобная позиция президента

¹⁴ Подробнее о программе СРП и ее идеологических принципах см.: Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce. 7. Cilt. S. 214–216.

¹⁵ Muhalef Fırka Programını Neşretti // Vakıf. 13.VIII.1930. S. 1.

¹⁶ До конца 1920-х годов Ахмед Агаоглу был в числе сторонников первого президента Турции, однако позднее выступил против инициированных кемалистами реформ. Подробнее о его политических взглядах см.: Жигульская Д.В. Эволюция политических взглядов Ахмед-бека Агаева (Агаоглу) // Проблемы востоковедения. 2018. № 4 (82). С. 24–30.

¹⁷ Zürcher E.J. Turkey: A Modern History. P. 180.

¹⁸ Еремеев Д.Е. Указ. соч. С. 155.

¹⁹ Особый интерес в этой связи представляет реакция турецкой прессы на результаты выборов 1930 г. См.: Demirtaş B. Türk Basınındaki Yansımalarla Göre Serbest Cumhuriyet Fırkası ve 1930 Yerel Seçimleri // EKEV Akademi Dergisi. 2018. № 73. S. 303–316.

²⁰ 5 сентября 1930 г. в Измире во время митинга по случаю приезда лидера СРП Али Фетхи полиция применила силовые меры по отношению к демонстрантам в ответ на «провокационные» высказывания в адрес НРП и правительства Исмет-паши. В результате начавшихся беспорядков погиб ребенок. Подробнее об инциденте см.: Öz E. İzmir ve Serbest Cumhuriyet Fırkası [12 Ağustos-17 Kasım 1930] // MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2015. № 4 (5). S. 409–440.

²¹ Zürcher E.J. Turkey: A Modern History. P. 180.

стала основной причиной роспуска СРП 17 ноября 1930 г.²² В итоге политический эксперимент по созданию контролируемой оппозиции оказался неудачным.

Попытка построения режима управляемой демократии потерпела фиаско, что во многом было обусловлено усиливающимися в турецком обществе разногласиями относительно кемалистских реформ. СРП стала своеобразной «отдушиной» для приверженцев консервативных взглядов, а также для всех тех, кто видел лишь негативные последствия избранного НРП и Атаюрком курса на модернизацию Турции. После относительного успеха на муниципальных выборах 1930 г. судьба СРП была предрешена. «Эпоха» эксперимента по созданию двухпартийной системы оставила после себя любопытный источник. Его изучение позволяет составить представление о тех идеях, которые лидеры оппозиции пытались воплотить в жизнь. Речь идет о газете «Свободная республика», ненадолго пережившей партию и являвшейся ее главным печатным органом. На страницах издания публиковались антикемалистские статьи. Главным редактором «Свободной республики» являлся представитель измирского отделения СРП Фаик Мухиттин.

Идеологическая линия газеты была сформулирована в первом выпуске «Свободной республики» от 26 октября 1930 г. в статьях за авторством Фетхи и Агаоглу²³. Последний в резкой форме выражал свое несогласие с деятельностью НРП и высказывал следующие соображения: «С тех пор, как появилась Свободная партия²⁴, то есть в течение короткого периода последних двух месяцев²⁵... выявились две важные истины. Первой из них является гниение²⁶ Народно-республиканской партии. Эта большая группа... только начала создавать свою организацию, и даже при первом контакте²⁷ с новой партией, находящейся в зачаточном состоянии, она колебалась, потеряла самообладание»²⁸. Так, Агаоглу обозначил тезис о «разложении» НРП. Автор статьи также отмечал, что партия власти, «структурой напоминавшая армию», опутала его родной город (Измир) сетью своих организаций. СРП решительно выступала против монополии НРП на местах. В данном вопросе оппозиционеры не могли пойти на компромисс с правящей партией.

В этой же статье Агаоглу подчеркнул, что основной причиной успеха кемалистской партии на местных выборах в октябре 1930 г. являлась поддержка со стороны правительства: «Правительство, обеспокоенное проявлением такого состояния партии, считало своим долгом прийти ей на помощь и поддержать ее (партию. — *А.Л.*). Все вмешательства и мании, связанные с плагиатом, которые имеют место, являются результатом действий правительства... Благодаря этим вмешательствам и покровительству партия²⁹ якобы одержала победу. Но эта победа стала пирровой»³⁰. Следует отметить, что поддержка НРП со стороны правительства Турецкой республики не являлась тайной: после окончания выборов Атаюрк лично объявил об этом, что не могло не вызвать негативной реакции у представителей СРП. В своей статье Агаоглу выразил несогласие с подобными действиями исполнительной власти. По его мнению, данный факт должен был навести читателей «Свободной республики» на мысль о том, что и само правительство «прогнило».

Косвенно данный тезис подтверждался новостной заметкой на второй странице того же номера газеты, в которой сообщалось, что жители деревни Сулейманлы в иле Измир

²² Еремеев Д.Е. Указ. соч. С. 155.

²³ Fethi A. Büyük liderin ihtisasatı; Ağaoglu A. İki hakikat // Serbes Cumhuriyet. 26.X.1930. S. 1.

²⁴ В таком сокращенном варианте А. Агаоглу именовал Свободную республиканскую партию.

²⁵ Имеются в виду два месяца с момента основания партии.

²⁶ В оригинале Cumhuriyet Halk Fırkası'nın çürüklüğü.

²⁷ В данном случае речь идет о первой и единственной избирательной кампании, в которой участвовала СРП, — выборах октября 1930 г.

²⁸ Ağaoglu A. İki hakikat.

²⁹ Имеется в виду НРП.

³⁰ Ağaoglu A. İki hakikat.

пытались похитить³¹ человека, приехавшего туда из города Акхисар. В результате драки последний был убит. Автор заметки указывал на неспособность местных органов власти предотвратить данное преступление, что должно было дискредитировать в глазах читателей и правительство. Однако в этом же выпуске издания была опубликована и другая новостная статья, в рамках которой работа правоохранительных органов оценивалась положительно. Воры курдского происхождения³² ворвались в дом в деревне Бюльбюльдере (в районе Тире ила Измир) и нанесли ранения женщине, но были своевременно задержаны жандармерией³³. И если эта заметка выглядела как рядовая новость, учитывая отсутствие дополнительных критических замечаний в адрес действий сотрудников полиции, то предыдущая должна была привести читателей к определенным размышлениям о том, могли ли органы правопорядка Турции, контролировавшиеся правительством НРП, действовать более эффективно.

На первой полосе того же номера «Свободной республики» (помимо статьи Агаоглу) была помещена фотография Фетхи, а также его собственный текст, в котором глава СРП обращал внимание на то, что «поколение людей, выросших в республиканскую эпоху, будет жить свободной... жизнью». На примере Великобритании, Франции и США он показал, на какие политические и социально-экономические стандарты должно равняться все турецкое общество³⁴. Эта мысль перекликалась со статьей Агаоглу. Оба автора позиционировали недавно созданную оппозиционную партию, идеология которой базировалась на либеральных ценностях, как реальную политическую альтернативу «прогнившей» НРП.

Чтобы подчеркнуть свою идеологическую принадлежность, редакторы газеты на протяжении практически всего периода ее существования публиковали на второй странице издания работу французского писателя и критика Эмиля Фаге «Либерализм»³⁵. Примечательно, что во втором и в третьем выпусках «Свободной республики» в рамках этих публикаций приводились тексты Деклараций прав человека и гражданина 1789 г.³⁶ и 1793 г.³⁷ Так газета знакомила своих читателей с текстами, имевшими существенное значение для становления французского и европейского либерализма. Подобные публикации были призваны донести до аудитории базовые принципы этой идеологии и, как указывалось выше, обозначить основную политическую линию издания.

Такой подход нашел свое отражение в первом же номере «Свободной республики», в статье с одноименным подзаголовком, в которой подробным образом прописывались цели и задачи издания. По мнению редакции, уже «название газеты само по себе является программой». Развивая эту мысль, автор (по всей видимости, им был главный редактор) писал далее: «Мы вместе с большинством жителей родного города (Измира. — А.Л.) хотим, чтобы республика была свободной». Достижение этой цели виделось возможным при «полном соблюдении прав граждан, вытекающих из республиканского духа». В статье также отмечалось: «На нашем пути нет господства и упорства. Нет воровства и злоупотреблений. Нельзя жертвовать национальными интересами ради личных интересов... Эта газета — народная газета. Каждая жалоба общественности — жалоба этой газеты. Все проблемы людей — проблемы этой газеты. Для нас нет другой цели, кроме благополучия нации. Ради этой цели мы будем работать неустанно, неустанно и неустанно»³⁸.

³¹ В оригинале используется словосочетание *tecavüz ettiği*, что буквально означает «изнасилованный» или «тот, на которого совершено нападение». См.: *Serbes Cumhuriyet*. 26.X.1930. S. 2.

³² Данный факт был отмечен в заголовке статьи: «В Бюльбюльдере два курда» (*Bülübüldere iki kürd*).

³³ *Bülübüldere iki kürd // Serbes Cumhuriyet*. 26.X.1930. S. 2.

³⁴ *Serbes Cumhuriyet*. 26.X.1930. S. 1.

³⁵ Примечательно, что в рамках этих публикаций название книги Э. Фаге переводилось как «Что такое либерализм?». По замыслу редколлегии газеты, это должно было привлечь дополнительное внимание читателей. См., например: *Serbes Cumhuriyet*. 04.I.1931. S. 2. Оригинал работы см.: *Faguet É. Le libéralisme*. Paris, 1903.

³⁶ *Liberalizm nedir // Serbes Cumhuriyet*. 27.X.1930. S. 2.

³⁷ *Ibidem*.

³⁸ *Serbes Cumhuriyet // Serbes Cumhuriyet*. 26.X.1930. S. 2.

В фокусе внимания журналистов «Свободной республики» были и события общественной жизни. Так, газета с восхищением писала о возрождении «Союза учителей»³⁹, рассказывала о проекте нового полицейского устава, который, по словам главы полиции Стамбула Тевфик Хади-бея, должен быть представлен на утверждение ВНСТ⁴⁰, а также о том, что президент Измирского отделения Общества экономики и сбережений Тургут-бей проводил в школах просветительские беседы с детьми⁴¹. Выбор тем свидетельствует о том, что редакцию газеты интересовали не только актуальные политические вопросы⁴², но и повседневные проблемы страны.

Роспуск СРП газета встретила гневными редакционными публикациями. В выпуске от 19 ноября 1930 г. за подписью «Ф.М.»⁴³ вышла в свет статья «Фетхи-бей умер. Да здравствует свобода!», в которой речь шла о том, что своим решением распустить партию «Фетхи-бей покончил жизнь самоубийством как политический деятель... Если он мертв, то да здравствует свобода! Да здравствуют дети идеи!»⁴⁴ В попытке успокоить читателей «Свободная республика» публиковала на первых полосах выпусков от 21 и 27 ноября 1930 г. провокационные сообщения о том, что в Турции может быть воссоздана ПРП, существовавшая с 1924 по 1925 г. Вскоре на страницах издания появилась информация, что деятельность СРП будет возобновлена, что на следующих парламентских выборах оппозиция не будет представлена единой партией и что один из бывших руководителей ПРП Рефет-паша (Беле) связан с заместителем министра внутренних дел (его фамилия не была указана в статье) в Анкаре и предпринял попытки возобновить ее деятельность⁴⁵. Тем не менее всякая инициатива, связанная с созданием и деятельностью политических организаций, оппозиционных НРП, купировалась властями. В 1931 г. в Турции окончательно утвердилось однопартийная система с доминированием НРП. Это не могло не отразиться на деятельности газеты «Свободная республика».

Особенно ярко тенденция к установлению в Турции однопартийного режима и постепенной «зачистке» политического и общественного пространства от оппозиции проявилась в инциденте в городе Менемен в конце 1930 г. 23 декабря в город вошла группа дервишей из Манисы, которые, развернув зеленое знамя, призвали к восстановлению в стране халифата. Для предотвращения беспорядков в Менемен была направлена рота солдат под командованием лейтенанта запаса Мустафы Фехми Кубилая. Лейтенант потребовал от дервишей сдаться, но они напали на него и отрубили ему голову, которую затем водрузили на палку и выставили на всеобщее обозрение. Прибывшие на место трагедии жандармы открыли по зачинщикам беспорядков огонь, убив троих из них. Данный инцидент вызвал шоковую реакцию по всей стране. Кемалистское руководство было поражено тем, что жители Менемена никак не помешали дервишам совершить убийство Кубилая. Правительство ввело военное положение, по подозрению в причастности к инциденту было арестовано более 2 тыс. человек, среди которых было немало членов СРП⁴⁶. Происходящее являлось практически зеркальным отражением ситуации с ПРП, распущенной после восстания шейха Саида в 1925 г. Спустя менее года после ликвидации этой партии многие ее бывшие

³⁹ Muallimler birliği // Serbes Cumhuriyet. 16.XI.1930. S. 1.

⁴⁰ Emniyeti umuiye müdürünün beyanatı // Serbes Cumhuriyet. 01.XII.1930. S. 4.

⁴¹ Turgu B. Konferanslarına devam edecek // Serbes Cumhuriyet. 19.XII.1930. S. 2.

⁴² Международная повестка дня также освещалась на страницах издания, однако занимала более скромное место, нежели публикации на внутривнутриполитические темы. Например, сообщение о визите премьер-министра Греции Элефтериоса Венизелоса в Турцию помещалось в колонке ниже, чем новость о выступлении М. Кемаля в ВНСТ. См.: Gazi Hz. nin nutukları // Serbes Cumhuriyet. 26.X.1930. S. 4. Тем не менее иногда международная политика могла выходить на первый план, как в случае с тем же визитом Э. Венизелоса в Турцию, которому была посвящена первая полоса номера газеты от 2 ноября 1930 г. См.: Türk-Yunan Dostluğu // Serbes Cumhuriyet. 02.XI.1930. S. 1.

⁴³ Вполне вероятно, что автором данной статьи являлся главный редактор издания Ф. Мухиттин.

⁴⁴ Fethi bey öldü! Yağasın hüriyet // Serbes Cumhuriyet. 19.XI.1930. S. 1.

⁴⁵ Terakkiperver C. Fırkası ihya mı ediliyor? // Serbes Cumhuriyet. 21.XI.1930. S. 1.

⁴⁶ Zürcher E.J. Turkey: A Modern History. P. 180.

члены были арестованы по подозрению в участии в так называемом Измирском заговоре (организация неудавшегося покушения на М. Кемаля)⁴⁷.

«Свободная республика» достаточно подробно описала этот инцидент в статье под заголовком «Жертвы революции»⁴⁸. Такое название свидетельствовало о том, что точка зрения издания на произошедшие события не столь однозначна, как позиция официальных газет, которые осудили происшествие в Менемене и встали на сторону убитого офицера жандармерии⁴⁹. В последующих выпусках газета не ограничивалась описанием последствий этих событий. Так, в номере от 28 декабря 1930 г. сообщалось о бегстве одного из членов СРП Ибрагима Сурури-бея на Кипр в связи с тем, что власти начали его преследование⁵⁰. В то же время издание стремилось оградить себя от возможных нападков со стороны официальных властей, пытаясь показать весь трагизм ситуации в Менемене и смерти Кубилая. Так, в выпуске газеты от 30 декабря 1930 г. в авторской статье за подписью «Йылмаз» отмечалось, что величайшим достижением Турецкой республики являлся лаицизм, благодаря которому был открыт путь к прогрессу, а в случае с инцидентом в Менемене молодежь и граждане, являвшиеся сторонниками реформ, противостояли действиям дервишей, совершивших убийство⁵¹.

Все эти слова выглядели как попытка оправдаться за предыдущие публикации. Однако после роспуска СРП, а также инцидента в Менемене и массовых арестов бывших сторонников оппозиционной партии, судьба издания была предопределена. Последний выпуск «Свободной республики» вышел в свет 14 января 1931 г. Издание просуществовало немногим более двух с половиной месяцев.

Таким образом, судьба «Свободной республики» стала отражением пути СРП. Как отмечалось выше, политический эксперимент, целью которого являлось создание управляемой оппозиции, провалился как в политическом, так и в медийном пространстве. Несмотря на довольно громкие лозунги, звучавшие со страниц газеты, дальнейшая деятельность издания после инцидента в Менемене оказалась невозможной. Важно отметить, что «Свободная республика» выделяется на фоне других СМИ, действовавших в Турции в рассматриваемый период. При освещении событий в стране и мире сотрудники издания не повторяли мнение официальных кемалистских источников. На своих страницах «Свободная республика» пыталась рассказать о жизни простых граждан Турции. Их истории нередко подавались в таком ракурсе, который указывал на ошибки правительства НРП. Публикуя ту или иную новостную заметку, как, например, это было в случае с сообщением о неработавших трамваях⁵², издание пыталось обратить внимание на проблемы, которые являлись актуальными для турецкого общества. Таким образом, «Свободная республика» не игнорировала повседневную жизнь страны. Напротив, многочисленные примеры из нее использовались с целью критики действующего правительства и официальной прессы.

Вместе с тем короткий период существования СРП был ознаменован ее стремительной и жесткой конфронтацией с партией власти. Это политическое противостояние нашло отражение не только на страницах «Свободной республики», но также и в официальных СМИ. Важно отметить, что изначально кемалистские издания избрали довольно нейтральную линию поведения по отношению к СРП. Однако накануне местных выборов 1930 г.

⁴⁷ Подробнее о ликвидации ПРП и об Измирском заговоре см.: *Özkaya Y. İzmir Suikastı // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi*. 1991. № 8 (22). S. 67–74; *Zürcher E.J. Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası (1924–1925)*. İstanbul, 2021. S. 155–165.

⁴⁸ Данный заголовок можно также перевести как «Жертвы реформы», так как слово *İnkılâp* использовалось и для обозначения кемалистских реформ 1920-х годов. См.: *İnkılâp Şehitleri // Serbes Cumhuriyet*. 25.XII.1930. S. 1.

⁴⁹ Примером может послужить газета «Национальный суверенитет», где новости о трагедии в Менемене была уделена полоса на первой странице издания. См.: *Menemen'de Bir İrtica Hareketi Tepelendi // Hakimiyet-i Milliye*. 25.XII.1930. S. 1.

⁵⁰ *Balikesirde tevkifat // Serbes Cumhuriyet*. 28.XII.1930. S. 1.

⁵¹ *Taassup karanlıkları // Serbes Cumhuriyet*. 30.XII.1930. S. 1.

⁵² *Geceki fırtına // Serbes Cumhuriyet*. 26.X.1930. S. 3.

представители оппозиционной партии все чаще стали подвергаться резкой критике с их стороны.

В период эксперимента по созданию контролируемой оппозиции произошли серьезные изменения в политике кемалистских изданий в отношении освещения деятельности новой партии. Как указывалось выше, вначале официальная пресса была настроена к СРП в целом нейтрально⁵³. Однако уже к осени 1930 г. индифферентность в отношении оппозиционной партии сменилась резким антагонизмом и враждой, что явилось ответом на критику НРП сторонниками Фетхи. Официальные и лояльные кемалистским властям издания включились в кампанию, направленную против СРП. Период с октября 1930 г. по январь 1931 г. был ознаменован информационной войной между проправительственными и оппозиционными печатными СМИ.

Кемалистские издания использовали широкий арсенал пропагандистских приемов в целях дискредитации оппозиции. Помимо разгромных статей, обличающих деятелей СРП, немаловажную роль в информационной кампании, направленной против этой партии, играли карикатуры, в которых высмеивались ее лидеры, часто изображавшиеся в гротескном виде или на контрасте с руководителями НРП. Авторы карикатур нередко стремились акцентировать внимание читательской аудитории на дихотомии «прогресс — отсталость», подчеркивая универсализм и современность кемалистов и реакционность оппозиционеров в подходах к вопросу развития страны. Ярким примером подобного рода является рисунок «Посмотрим, кто выиграет гонку» из газеты «Республика» от 26 августа 1930 г., на котором изображены лидеры двух противоборствующих партий: Исмет-паша и Фетхи⁵⁴. На этой карикатуре глава НРП был представлен в качестве машиниста поезда, а председатель СРП — всадника. Если Исмет, по мысли автора рисунка, выступал за модернизацию страны, за ее перевод на «рельсы прогресса» и за строительство «Новой Турции», то Фетхи являлся ретроградом, использовавшим лошадь в качестве своего транспортного средства.

Новость о роспуске СРП была освещена кемалистскими изданиями с изрядной долей иронии. В частности, «Республика» в выпуске от 18 ноября 1930 г. отозвалась на это событие карикатурой. Ее автор в довольно саркастической манере обыграл фразу, с которой обычно начиналась любая турецкая сказка: «жили-были» (*Bir varmış bir yokmuş*, надпись располагалась под рисунком)⁵⁵. Карикатура состояла из двух частей. На первой из них были изображены лидеры СРП, державшие в руках младенца, символизирующего рождение новой партии, на второй — гроб с инициалами «S.C.», т.е. *Serbest Cumhuriyet* («Свободная Республика»), что намекало на похороны партии. Смысл этого рисунка заключался в нежизнеспособности идей основателей СРП. Именно Фетхи провозгласил роспуск партии, тем самым похоронив ее, что и было изображено на карикатуре.

Если карикатуры являлись ярким графическим выражением конфронтации между НРП и СРП, то статьи, обличавшие партию Фетхи, говорили об опасностях, которые могла таить в себе ее победа. Так, при обсуждении результатов муниципальных выборов 30 октября 1930 г. газета «Время» отмечала, что, несмотря на победу кемалистов в Измире, СРП получила достаточное количество голосов, чтобы противостоять партии власти⁵⁶. В случае победы представителей НРП в тех или иных городах газета «Национальный суверенитет» (печатный орган партии) выходила с огромной первой полосой, посвященной этому событию⁵⁷. В дни ликвидации партии некоторые ведущие кемалистские издания вышли

⁵³ Ярким примером этого служит газета «Время», которая опубликовала на своих страницах программу СРП. См.: *Muhallif Fırka Programını Neşretti // Vakit*. 13.VIII.1930. S. 1.

⁵⁴ *Bakalım yarışı kim kazanacak // Cumhuriyet*. 26.VIII.1930. S. 1.

⁵⁵ Один из вариантов дословного перевода фразы *bir varmış bir yokmuş* — «было ль, не было ль».

⁵⁶ *İzmir ve Antalyada C.H.F. kazandı // Vakit*. 21.X.1930. S. 1.

⁵⁷ Примерами могут послужить выпуски от 9 и 14 октября, в которых редакция газеты красными буквами написала о победе на выборах в Стамбуле, Измире, Конье, а также в Трабзоне, Зонгулдаке и Артвине. См.: *Fırkamız Trabzon, Zonguldak ve Artvin'de Belediye İntihabını Kazandı // Hakimiyet-i Milliye*. 14.IX.1930. S. 1; *Konya, İzmir ve İstanbul'da C.H.F. Lehindedir // Ibid*. 09.X.1930. S. 1.

с довольно скромными публикациями на эту тему. В частности, данное событие не получило широкого освещения в выпуске газеты «Республика» от 17 ноября 1930 г., несмотря на то что на первой странице номера была помещена новостная заметка о роспуске СРП. При этом намного больше внимания уделялось поездке Ататюрка в Сивас, Самсун и Трабзон, а также дебатам в ВНСТ⁵⁸. Газета «Национальный суверенитет» высказалась по поводу закрытия партии лишь 19 ноября, также довольно кратко⁵⁹.

Следует отметить, что как статьи, так и карикатуры, посвященные партии Фетхи, имели единственной целью уверить читателя в неминуемой победе НРП над сторонниками старых идей, оппозиционерами-ретроградами, которые, по мнению официальных СМИ, не следовали за прогрессом, но «тянули» Турцию обратно в прошлое, в отсталость и зависимость от иностранных государств, с чем не могли смириться кемалисты. Карикатуры наиболее ярко выражали то неприятие, с которым проправительственные издания относились к членам СРП. Как было показано выше, Фетхи и другие лидеры партии изображались недалекими и неадекватными людьми, в то время как руководитель НРП (Исмет-паша) — сторонником прогресса.

В короткой, но ожесточенной схватке между проправительственными и оппозиционными СМИ победа осталась за первыми, что было обусловлено их поддержкой со стороны президента Турции, а также огромным пропагандистским аппаратом, которым обладала НРП в начале 1930-х годов. Борьба СРП, несмотря на всю амбициозность и смелость ее сторонников, была изначально проиграна ввиду использования партией власти всех инструментов информационной войны.

* * *

Политический эксперимент, предпринятый Ататюрком в 1930 г., свидетельствовал о недовольстве значительной части турецкого общества кемалистскими реформами 1920-х годов. История СРП наглядно продемонстрировала государственному руководству Турции отсутствие необходимости в дальнейшем создании «оппозиционных» политических организаций. Этим во многом было обусловлено окончательное утверждение однопартийной системы в начале 1930-х годов.

Короткий период эксперимента по построению в Турции режима управляемой демократии в 1930 г. был ознаменован не только неудачей Ататюрка в создании контролируемой оппозиции, но и пропагандистскими сражениями между НРП и СРП, наиболее масштабные из которых развернулись в печатных СМИ. Силы в этой информационной войне изначально были неравными. Если под контролем НРП находилось большинство газет и журналов Турции, то партия Фетхи могла рассчитывать на поддержку лишь одного издания, которое, впрочем, развернуло активную деятельность по привлечению электората и освещению различных аспектов идеологии СРП. Главным печатным органом оппозиции стала газета «Свободная республика», которая в своих статьях не только обвиняла НРП в отходе от изначальных идей республиканизма, но и предлагала альтернативную модель политического и экономического развития Турции.

«Свободная республика» знакомила читателей как с основными идеями либерализма (используя для этого в качестве своеобразной «площадки» редакторские статьи, а также публикации Агаоглу), так и с новостными сюжетами, призванными дискредитировать в глазах читателей политику кемалистского правительства. Газета не только на теоретическом уровне объясняла читателям основные пункты политической программы СРП, но и показывала важность их реализации с точки зрения повышения уровня и качества жизни населения Турции. Однако в пропагандистской войне, развязанной против нее официальной прессой, издание не смогло противостоять мощной пропагандистской машине кемалистов.

⁵⁸ Cumhuriyet. 17.XI.1930. S. 1.

⁵⁹ Hakimiyet-i Milliye. 19.XI.1930. S. 1.

«Свободная республика» стала последним оппозиционным изданием, открыто бросившим вызов официальной прессе. В 1931 г., после того, как бывший печатный орган СРП был закрыт, ВНСТ приняло Закон «О печати» (№ 1867), в котором строго регламентировались условия создания газет и журналов (ст. 7–8) и их деятельности (ст. 9–20). Отдельные статьи Закона запрещали политическое подстрекательство в СМИ (ст. 28–30)⁶⁰. Эти положения могли использоваться как инструмент давления на любое издание. Закон «О печати» являлся основополагающим для деятельности однопартийной прессы в период с 1931 по 1949 г., до выхода в свет газеты «Победа» (Zafer) — первого с 1931 г. оппозиционного издания — печатного органа основанной в 1946 г. Демократической партии.

Библиография / References

Абидулин А.М., Кривов С.В. Османская империя и кемалистская Турция: проблема преемственности и национального строительства // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 164–174. DOI: 10.31857/S013038640008660-4

Еремеев Д.Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. М., 2017.

Жигульская Д.В. Эволюция политических взглядов Ахмед-бека Агаева (Агаоглу) // Проблемы востоковедения. 2018. № 4 (82). С. 24–30.

Кобищанов Т.Ю. Мощь и немощь армии султана в описании союзников по второй антифранцузской коалиции (азиатский этап кампании 1799–1800 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 10 (132). С. 1–28. DOI: 10.18254/S207987840028729-0

Мирзаханов В.С. История XX в.: многообразие историографических подходов к пониманию феномена // Новая и новейшая история. 2020. № 5. С. 7–27. DOI: 10.31857/S013038640011358-1

Сафронова А.Л. Буддийский мир Южной Азии в трудах и творчестве российских ученых и деятелей культуры XIX – начала XX в. // Исторический вестник. 2023. Т. XLVI. Ч. 2. С. 324–346.

«Свой» / «Другие» / «Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2021.

Шлыков П.В. Историческая политика в современной Турции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Ч. 1. URL: <https://history.jes.su/s207987840010436-8-1/?ysclid=m2vtfpnot8317366886> (дата обращения: 14.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840010436-8

Abidulin A.M., Krivov S.V. Osmanskaia imperiia i kemalistskaia Turtsiia: problema preemstvennosti i natsional'nogo stroitel'stva [The Ottoman Empire and Kemalist Turkey: A Problem of the Continuity and Nation Building] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 2. S. 164–174. DOI: 10.31857/S013038640008660-4 (In Russ.)

Eremeev D.E. Istoriia Turetskoi Respubliki s 1918 goda do nashikh dnei [The History of the Turkish Republic from 1918 to the Present Day]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Kobishchanov T.Iu. Moshch' i nemoshch' armii sultana v opisanii soiuznikov po vtoroi antifrantsuzskoi koalitsii (aziatskii etap kampanii 1799–1800 gg.) [The Power and Weakness of the Sultan's Army in the Description of the Allies of the Second Anti-French Coalition (the Asian Stage of the Campaign of 1799–1801)] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. T. 14. № 10 (132). S. 1–28. DOI: 10.18254/S207987840028729-0 (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Istoriia XX v.: mnogoobrazie istoriograficheskikh podkhodov k ponimaniu fenomena [The History of the 20th Century: A Variety of Historiographical Approaches to Understanding the Phenomenon] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 5. S. 7–27. DOI: 10.31857/S013038640011358-1 (In Russ.)

Safronova A.L. Buddiiskii mir Iuzhnoi Azii v trudakh i tvorchestve rossiiskikh uchennykh i deiatelei kul'tury XIX – nachala XX v. [The Buddhist world of South Asia in the works and creativity of Russian scientists and cultural figures of the 19th – early 20th cc] // Istoricheskii vestnik [Historical Bulletin]. 2023. T. XLVI. Ch. 2. S. 324–346. (In Russ.)

Shlykov P.V. Istoricheskaya politika v sovremennoi Turtsii [Historical politics in modern Turkey] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2020. T. 11. Vyp. 12 (98). Ch. 1. URL: <https://history.jes.su/s207987840010436-8-1/?ysclid=m2vtfpnot8317366886> (access date: 14.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840010436-8 (In Russ.)

“Svoi” / “Drugie” / “Chuzhie”: iz istorii vzaimodeistviia i protivoborstva Zapada, Vostoka i Rossii [“Ours” / “Others” / “Strangers”: From the History of Interaction and Confrontation Between the West, East and Russia] / отв. ред. Т.Л. Лабутина. Санкт-Петербург, 2021. (In Russ.)

⁶⁰ T.C. Resmi Gazete. 08.VIII.1931. S. 731–736.

Zhigul'skaia D.V. Evoliutsiia politicheskikh vzgliadov Akhmed-beka Agaeva (Agaoglu) [Evolution of political views of Akhmed-bek Agayev (Agaoglu)] // Problemy vostokovedeniia [The Problems of Oriental Studies]. 2018. № 4 (82). S. 24–30. (In Russ.)

Atatürk Döneminde Meydana Gelen Ayaklanmalar (1924–1938) // Atatürk Ansiklopedisi. 2021. URL: <https://ataturkansiklopedisi.gov.tr/bilgi/ataturk-doneminde-meydana-gelen-ayaklanmalar-1924-1938/> (access date: 01.02.2024).

Aydoğan P. Serbest Cumhuriyet Fırkası'nın Türk Modernleşmesi İçindeki Yerinin Dönemin Karikatürleriyle Analizi // Memleket Siyaset Yönetim. 2022. № 17 (37). S. 171–200.

Başaran İnce G. The Free Republican Party in the political cartoons of the 1930s // New Perspectives on Turkey. 2015. № 53. P. 93–136.

Çoban İ. Atatürk'ün Kız Kardeşi Makbule Atadan Hanımefendi'nin Hayatı // Tarih Ve Tarihçi. 2022. № 1 (2). S. 18–40.

Demirtaş B. Türk Basınındaki Yansımalarla Göre Serbest Cumhuriyet Fırkası ve 1930 Yerel Seçimleri // EKEV Akademi Dergisi. 2018. № 73. S. 303–316.

Faquet É. Le libéralisme. Paris, 1903.

Gülen G. Serbes Cumhuriyet Gazetesi'nin (26 Ekim 1930–14 Ocak 1931) İncelenmesi ve Değerlendirilmesi. Yüksek Lisans Tezi. Kırklareli, 2013.

Gülen A. Serbest Cumhuriyet Fırkası'nda Genel Sekreterlik Kurumu ve Nuri Conker'in Genel Sekreterliği // Tarih Araştırmaları Dergisi. 2022. № 41 (72). S. 439–460.

Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce: 9 ciltte. 7. Cilt. Liberalizm. İletişim Yayınları. İstanbul, 2005. S. 214–216.

Nuray S. Türk Asker, Diplomat, Siyasetçi Ali Fethi Okyar // Akademik Tarih Ve Araştırmalar Dergisi. 2021. № 4 (5). S. 306–338.

Okyar F. Üç Devirde Bir Adam. Tercuman Yayınları. İstanbul, 1980.

Olpak Koç C. Bir Dönemin Tanığı Olarak Vakıf Gazetesi // Edebi Eleştiri Dergisi. 2023. Cumhuriyetin İlanının 100. Yılı Anısına 1923'ten 2023'e Süreli Yayınlar ve Edebiyat Özel Sayısı. S. 201–212.

Öz E. İzmir ve Serbest Cumhuriyet Fırkası [12 Ağustos–17 Kasım 1930] // MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2015. № 4 (5). S. 409–440.

Özkaya Y. İzmir Suikastı // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. 1991. № 8 (22). S. 67–74.

Pınar M. Bursa'da Serbest Cumhuriyet Fırkası Teşkilatı ve İktidar İle Çekişmesi // History Studies. International Journal of History. 2014. Vol. 6. Iss. 3. P. 295–310.

Samur M., Sofuoğlu A. Karikatürlerde Serbest Cumhuriyet Fırkası // Atatürk Yolu Dergisi. 2023. № 73. S. 321–347.

Sarılioğlu İ. Büyük Taarruz Öncesi Diploması: Dâhiliye Vekili Ali Fethi Bey'in Londra Misyonu // Ankara Hacı Bayram Veli Üniversitesi İktisadi Ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi. 2022. № 24 (2). S. 636–661.

Senemoğlu O. Türkiye'nin Demokrasiye Geçişte İkinci Başarısız Girişimi: Serbest Cumhuriyet Fırkası (SCF) // Nişantaşı Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2016. № 4 (2). S. 44–66.

Sürücü B. İlk Bölünme: Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası'nın Doğuşu // Turkish Business Journal. 2022. № 3 (6). S. 1–28.

Tunçay M. Türkiye Cumhuriyeti'nde Tek Parti Yönetiminin Kurulması (1923–1931). İstanbul, 1999.

Uyar H. SCF'nin Yayın Organı: Serbes Cumhuriyet Gazetesi // Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce: 9 ciltte. 7. Cilt. Liberalizm. İletişim Yayınları. İstanbul, 2005.

Zürcher E.J. Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası (1924–1925). İstanbul, 2021.

Zürcher E.J. Turkey: A Modern History. London; New York, 2017. P. 169–170.

Zürcher E.J. The Progressive Republican Party of 1924–25: Reactionaries, Conservatives, or Moderates? // European Journal of Turkish Studies. 2021. № 33. P. 1–11.

© 2024 г. А.Л. БЕГЛОВ

ЧТО БЫЛО ДО «КРЕМЛЕВСКОЙ ВСТРЕЧИ»? СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ «НОВОГО КУРСА» СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1941–1943 годах

Беглов Алексей Львович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: al.beglov@igh.ru

Scopus Author ID: 55531443600; ORCID: 0000-0001-8656-1615; Researcher ID: ABH-1734-2020

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. В статье рассматривается становление политики «нового курса» в отношении Русской православной церкви в первые два года Великой Отечественной войны. С точки зрения автора, классический вариант политики «нового курса» советской власти, сложившийся к 1943 г., предполагал отказ от массовых репрессий верующих (при сохранившихся адресных репрессиях в отношении иерархов и церковных активистов) и учет интересов религиозных организаций. В первые два года войны элементы новой религиозной политики сосуществовали с репрессиями. Взяв за основу корреспонденцию настоятеля католического прихода в Москве о. Леопольда Брауна, направленную в США и в Ватикан, автор рассматривает три узловых момента кристаллизации этой политики. Первый приходится на осень 1941 г. и связан с попытками союзников по антигитлеровской коалиции дать понять советскому руководству необходимость изменений в религиозной сфере в связи с проблемой подключения СССР к программе ленд-лиза. Второй приходится на весну 1942 г., когда советская дипломатия зондировала возможность улучшения отношений с Ватиканом. Третий — на 1943 г. и ознаменован публичными шагами советской власти навстречу Православной церкви. Автор приходит к выводу, что механизмы инструментализации религиозного фактора были известны советской политической системе, но последовательное замещение репрессивного курса на инструментализацию стало возможным только в условиях военно-политического кризиса 1941–1942 гг. Принудительное привлечение к советским проектам религиозных лидеров начало сопровождаться шагами навстречу церкви со стороны советской власти со второй половины 1942 г. Публичными такие шаги стали в начале 1943 г. в связи со сборами церковных средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского. С осени 1943 г. «новый курс» окончательно перешел в публичную сферу и стал осознанной стратегией советского руководства.

Ключевые слова: СССР, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, религиозная политика, церковь и государство, Русская православная церковь, внешняя политика, антигитлеровская коалиция, Ватикан, о. Леопольд Браун.

A.L. Beglov

What Happened Before the “Kremlin Meeting”? Formation of the Soviet Leadership’s “New Deal” Policy Towards the Russian Orthodox Church in 1941–1943

Alexey Beglov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: al.beglov@igh.ru

Scopus Author ID: 55531443600; ORCID: 0000-0001-8656-1615; Researcher ID: ABH-1734-2020

The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. In the article, the author examines the formation of the “New Deal” policy towards the Russian Orthodox Church during the initial two years of the Great Patriotic War. From the author’s perspective, the conventional interpretation of the Soviet authorities’ ‘new deal’ policy towards the country’s religious associations entails the rejection of mass repression against believers (with the potential for targeted repression against hierarchs and church activists) and the consideration of the interests of religious organisations by the Soviet authorities. In the initial two years of the war, elements of the new religious policy existed concurrently with repression. The author examines three pivotal moments in the crystallisation of this policy, drawing on the correspondence of the rector of the Catholic parish in Moscow, Fr. Leopold Braun, and his communications with the United States and the Vatican. The first of them occurred in the autumn of 1941 and was connected with the efforts of the anti-Hitler coalition allies to demonstrate to the Soviet leadership the necessity of implementing changes in the religious sphere in order to address the issue of the USSR joining the Lend-Lease programme. The second occurred in the spring of 1942, when Soviet diplomacy explored the potential for improving relations with the Vatican. The third took place in 1943 and was characterised by public actions undertaken by the Soviet authorities towards the Orthodox Church. The author concludes that the mechanisms of instrumentalisation of the religious factor were known to the Soviet political system; however, the consistent replacement of the repressive course by a course of instrumentalisation became possible only in the context of the military-political crisis of 1941–1942. The forced mobilisation of religious leaders by the Soviet authorities was accompanied by steps towards the church from the second half of 1942 onwards. These steps became public in early 1943, in connection with the collection of church funds for a tank column named after Dmitry Donskoy. From the autumn of 1943, the “new deal” entered the public sphere and became a conscious strategy of the Soviet leadership.

Keywords: USSR, World War II, Great Patriotic War, religious policy, church and state, Russian Orthodox Church, foreign policy, anti-Hitler coalition, Vatican, Fr. Leopold Braun.

Становление политики советского руководства в отношении Русской православной церкви (РПЦ), а затем и других религиозных объединений в СССР, получившей в историографии наименование «нового курса»¹, по-прежнему вызывает споры и вместе с тем повышенный интерес среди историков. Этот интерес неслучаен. «Новый курс» — это яркий пример перехода от курса на уничтожение религиозных сообществ к курсу на их инструментализацию². Его изучение на конкретном историческом материале ставит ряд вопросов. Ключевой из них касается соотношения внутренних для советской политической системы и внешних по отношению к ней факторов, определивших данный переход. Иными словами, мы можем поставить вопрос: чем этот переход был обусловлен, был ли он следствием развития внутреннего потенциала советской политической системы или он был вызван внешними по отношению к этой системе причинами? Был ли он неизбежным в условиях мировой войны, и какова роль конкретных исторических фигур в этом переходе?

В зависимости от ответа на эти общие вопросы стоят ответы на вопросы более частные, но не менее значимые. Например, о периодизации «нового курса». Среди исследователей до сих пор

¹ См.: Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999. С. 105.

² Ср.: Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб., 2021. С. 344–345.

нет общего мнения, с какого момента следует вести отсчет этой политики. Большинство признает, что одним из ключевых событий в истории «нового курса» стала встреча в Кремле советских руководителей и высших иерархов РПЦ 4 сентября 1943 г.³ По мнению одних авторов, эта встреча ознаменовала начало политики «нового курса». По мнению других, она стала важным этапом в развитии этой политики, тогда как ее начало следует отнести к 1941 или даже к 1939 г.⁴

Как бы мы ни оценивали роль событий 1943 г., не вызывает сомнений, что у них была своя предыстория. Однако первые два года Великой Отечественной войны с точки зрения деталей эволюции политики советского государства в отношении церкви и других религиозных объединений представляют собой своеобразную «серую зону». Мы знаем о «патриотической позиции» церкви в 1941–1942 гг., о новых тенденциях в церковной жизни на оккупированных территориях⁵, но плохо представляем себе, что происходило в политике советской власти в этот период, какие цели в отношении церкви власть преследовала, т.е. мы плохо представляем себе предысторию широко известных событий 1943 г. Во многом это объясняется ограниченной источниковой базой. Массив документов, созданных после встречи в Кремле, разительным образом отличается от известных нам единичных документов первых двух лет Великой Отечественной войны.

Основные события 1941–1943 гг. были описаны О.Ю. Васильевой еще в конце 1990-х годов. Речь идет о контактах митрополита Николая (Ярушевича) с представителями британского посольства в Куйбышеве в сентябре 1942 г., о выходе в свет книги «Правда о религии в России» в середине 1942 г., о включении в начале 1943 г. церковной тематики в поле зрения советской внешней разведки, о подготовке визита англиканской делегации осенью 1943 г.⁶ В настоящей статье мы постараемся прибавить к этому несколько дополнительных штрихов. В результате можно будет реконструировать если не все обстоятельства возникновения «нового курса», то, по крайней мере, логику и мотивацию действий советского руководства на «религиозном фронте» в первые два года Великой Отечественной войны, увидим с какими трудностями сталкивалась новая политика в самом начале и сможем более взвешенно оценить то, что произошло осенью 1943 г. Все это, как представляется, приблизит нас к лучшему пониманию конкретно-исторических обстоятельств перехода от курса на уничтожение религиозных сообществ к курсу на их инструментализацию в рамках советской политической системы.

Основой для нашей реконструкции станут вышедшие в последние годы работы отечественных и зарубежных авторов, а также документы из зарубежных архивов, прежде всего архива Государственного секретариата Ватикана, а также архива Ордена ассумпционистов

³ Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 105–117.

⁴ Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999; Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999; Якунин В.Н. Укрепление положения Русской православной церкви и структура ее управления в 1941–1945 годы // Российская история. 2003. № 4. С. 83–93; Одинцов М.И., Кочетова А.С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2014; Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958. М., 2016; Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2018; Его же. Международная деятельность Русской православной церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 104–129. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129> (дата обращения: 15.08.2024); и др.

⁵ Алексеев В.И., Ставр Ф. Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1980. № 11. С. 91–118; № 12. С. 108–126; 1981. № 1 (13). С. 75–97; № 2 (14). С. 118–154; № 3 (15). С. 85–100; № 4 (16). С. 91–121; № 5 (17). 97–114; № 6 (18). С. 105–125; Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 81–104; Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная церковь. (Нацистская политика в отношении Православной церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР.) М., 2002; Обозный К.П. История Псковской Православной миссии. 1941–1944 гг. М., 2008; Петров И.В. Меж двух зол. Православное духовенство на временно оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. М., 2021.

⁶ Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 44–80, 105, 128–149.

в Бостоне⁷. Член этого ордена, о. Леопольд Браун, был представителем Католической церкви в Москве в эти годы и как представитель американской стороны — непосредственным участником происходивших в это время событий. Он приехал в Советскую Россию в 1934 г. как католический священник и помощник епископа Пия Неве, настоятеля московского католического храма святого Людовика⁸. После того как в 1936 г. епископ Неве покинул СССР, о. Браун занял его место. Кроме того, о. Браун был членом дипломатической миссии США, въехавшей в Россию после дипломатического признания СССР со стороны Соединенных Штатов согласно соглашению Рузвельта — Литвинова (1933).

Это было одно из двух соглашений со странами, признавшими СССР, в котором оговаривался религиозный аспект, а именно — обеспечение свободы религиозной деятельности американских подданных в Советской России. Американцам-католикам в Москве нужен был свой священник, и о. Браун ехал в СССР во исполнение этого пункта соглашения. Этот нюанс важен для понимания положения о. Брауна и его позиции во время Великой Отечественной войны. Как член дипломатической миссии США он был включен в ее работу и о многом осведомлен. Он постоянно писал меморандумы не только в Ватикан или орденом властям (что был обязан делать как апостольский администратор в Москве), но и в Государственный департамент, в американское посольство, представителю президента Рузвельта в Ватикане и т.п.⁹ Эти документы позволяют нам восполнить наши знания об эволюции советской религиозной политики в преддверии кремлевской встречи 1943 г.

После 1943 г. «новый курс» имел яркие отличительные черты. К ним, на наш взгляд, следует отнести совпадение интересов церкви и советского государства в сфере расширения участия Русской церкви в международных делах и в сфере нормализации церковной жизни внутри СССР. Такое совпадение интересов обусловило прекращение после 1943 г. массовых репрессий в отношении духовенства и верующих (при возможности сохранения адресных репрессий как в отношении иерархов, так и церковных активистов, особенно на ранее оккупированных территориях)¹⁰, а также уступки со стороны советского государства в отношении Православной церкви (а затем и других религиозных объединений страны). Понимание советской стороной интересов церкви и готовность в определенной степени выстраивать свою религиозную политику с учетом этих интересов было ярким отличием «нового курса» 1940–1950-х годов как от предшествующей, так и от последующей политики советской власти в религиозной сфере.

Характерной чертой первых двух военных лет была мощная репрессивная волна в отношении духовенства и верующих. Причем подниматься эта волна стала с 1940 г., но своего пика достигла в 1941 г. В 1939 г. судами общей юрисдикции были осуждены 987 «церковников и сектантов», в том числе 414 «служителей культа». Это был минимум репрессированных за пятилетие 1938–1942 гг. В 1940 г. осуждено уже 2231 человек этой категории, в том числе 910 «служителей культа». В первой половине 1941 г. было осуждено 1618 «церковников и сектантов», во втором полугодии 1941 г. на неоккупированных территориях — 1480 человек этой категории,

⁷ Эти источники стали нам доступны в результате реализации проекта Института всеобщей истории РАН «Entangled Histories: Россия и Ватикан, 1917–1958 гг.» (2019–2021): Freeze G., Beglov A., Beliakova N., Tokareva E. Catholics in the Soviet Union: New Research and New Sources on Everyday Religious Life (1917–1958) // The Catholic Historical Review. 2020. Vol. 106. № 3. P. 477–489. URL: <https://doi.org/10.1353/cat.2020.0050> (дата обращения: 19.07.2024).

⁸ *Беглов А.Л., Фадеев И.А.* Судьба католического храма св. Людовика в Москве в освещении американского ассумпциониста // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016675-1-1/> (дата обращения: 09.08.2024); *Жданова Е.С.* Установление контроля советской власти над католическим храмом св. Людовика в Москве в 1947–1950 гг. (по документам Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР) // Там же. (дата обращения: 19.07.2024).

⁹ См.: например: *Беглов А.Л., Фадеев И.А.* Американские представители в СССР и судьба советской религиозной политики в начале Великой Отечественной войны. Из корреспонденции отца Леопольда Брауна 1941 года // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 207–227. DOI: 10.31857/S013038640024937-8

¹⁰ *Беглов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». С. 117–123.

в 1942 г. — 1106 человек и, наконец, в 1943 г. — 539 человек¹¹. И это осужденные только судами общей юрисдикции, тогда как с IV квартала 1941 г. значительная часть дел передавалась в Особое совещание НКВД и в военные трибуналы¹². Но и эти данные демонстрируют достаточно выраженную тенденцию. При этом, как показал О.В. Будницкий, репрессии начала войны по своей жестокости мало чем отличались от периода массовых операций 1937—1938 гг. Так, в IV квартале 1941 г. приговоры к высшей мере наказания составляли 41,5% от общего числа вынесенных приговоров за государственные преступления. В последующие месяцы накал репрессий начал снижаться. Во II квартале 1942 г. смертные приговоры составляли 21,6% от общего числа, в III квартале 1942 г. — 13,8%¹³. Таким образом, важно подчеркнуть: элементы «нового курса», постепенно проявлявшиеся, как мы увидим ниже, с осени первого военного года, еще не отменяли прежнюю репрессивную политику, а «прорастали» сквозь нее.

Что же это были за новые тенденции в религиозной политике советской власти? Рассмотрим три узловых момента в их формировании в свете обозначенных выше источников.

Первый из них приходится на осень 1941 г. В конце июля 1941 г. начинаются переговоры между СССР и США о помощи со стороны последних и о подключении СССР к программе ленд-лиза. И здесь репутация СССР как гонителя религии стала внутриполитической проблемой для администрации президента Ф. Рузвельта. Религиозные группы в Конгрессе, особенно католики, выражали открытое несогласие с возможностью оказания помощи Советскому Союзу. В этой ситуации американская администрация действовала по двум направлениям. С одной стороны, Ф. Рузвельт отправил в Ватикан своего личного представителя с тем, чтобы убедить папу Пия XI повлиять на американских католиков и смягчить их позицию в отношении помощи СССР. С другой — американские представители добивались от советского руководства каких-то значимых шагов, которые могли хотя бы отчасти исправить неблагоприятный образ советской страны¹⁴.

О. Браун был непосредственным участником этих событий. 29 сентября — 1 октября 1941 г. в столице СССР проходила Первая московская конференция союзников. 2—4 октября о. Браун был приглашен к участию в консультациях с послом Л. Стейнхардтом и главой американской делегации А. Гарриманом. Результатом этого совещания стали два документа, написанные о. Брауном 2 и 5 октября. Оба документа были адресованы представителю президента Ф. Рузвельта в Ватикане М. Тейлору. Первый — это краткий меморандум, второй — обширное письмо с изложением истории религиозной политики советской власти, особенно в 1930-е годы, и тех изменений, которые, как считал о. Браун, уже начали происходить в ней с началом войны. В обоих документах настоятель московского католического прихода призывал правительство Соединенных Штатов сделать еще одно решающее усилие с тем, чтобы добиться от Советского Союза гарантий подлинной религиозной свободы. Одновременно эти письма опосредованно были адресованы и чиновникам Римской курии, а в идеальной ситуации — и лично папе. Святой Престол должен был понять, что наступил исключительно благоприятный момент для изменения советской религиозной политики и необходимо смягчить свою позицию в отношении СССР, чтобы помочь этим изменениям. Тем самым

¹¹ *Плякин М., свящ.* Гонения на Русскую православную церковь в 1940-е годы // Труды Саратовской православной духовной семинарии. Вып. XI. Саратов, 2017. С. 169—182; *Будницкий О.В.* Репрессии против верующих накануне и во время Великой Отечественной войны 1939—1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 100—124.

¹² *Будницкий О.В.* Указ. соч. С. 110.

¹³ Там же. С. 110—118.

¹⁴ См.: *Майнер С.М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941—1945. М., 2010. С. 289—303; *Филиппов Б.А.* Ф. Рузвельт, Пий XII, И. Сталин и проблема репутации СССР в годы Второй мировой войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской православной церкви. 2016. Вып. 4 (71). С. 84—102.

о. Браун пытался оказать поддержку той линии американской дипломатии, которая была направлена на коррекцию позиции Ватикана в отношении Советской России¹⁵.

Обратим внимание на два аспекта этих событий, которые важны для понимания генезиса «нового курса». Первый аспект заключается в том, что союзники подталкивали советское руководство к публичной демонстрации религиозной терпимости, причем уже не в первый раз. Нечто подобное имело место в 1930 г., когда представители английской лейбористской администрации буквально подсказывали советскому руководству конкретные шаги в рамках контрпропагандистской кампании, развернутой СССР против «крестового похода молитв» и кампании в защиту советских верующих в Англии. Это была та самая кампания, в рамках которой, как показал И.А. Курляндский, И.В. Сталиным (при участии Е. Ярославского и В.М. Молотова) было написано «интервью» митрополита Сергия (Страгородского) об отсутствии гонений в СССР¹⁶.

Второй аспект заключается в том, что советское руководство неохотно реагировало на «зондажные просьбы Рузвельта»¹⁷ относительно изменений советской религиозной политики. Характерен эпизод, который А. Гарриман описал в отчете Ф. Рузвельту. В ответ на объяснения американского представителя важности религиозного фактора для администрации И.В. Сталин только кивнул и фактически ушел от сколько-нибудь определенного проявления своей позиции. В.М. Молотов был более откровенен. Он, с «большой искренностью» выразив свое уважение Ф. Рузвельту, прямо поставил вопрос: «Действительно ли такой умный деятель, как президент, является столь набожным, как он хочет казаться, или его набожность преследует политические цели?» Советские лидеры не могли принять всерьез значимость религиозного фактора для внутривластной обстановки в США. В итоге Гарриман подчеркивал, что уезжает из Москвы с впечатлением, что «все, что намерены сделать Советы, — это отделаться словами, лишь создав некоторыми мерами впечатление разрядки, а никаких подлинных изменений в свою практику не внести»¹⁸. Таким образом, осенью 1941 г. необходимость коррекции религиозной политики для советского руководства была далеко не очевидной и союзникам приходилось прикладывать усилия, чтобы подтолкнуть советских лидеров к осознанию этой необходимости. Тем самым роль союзников на этом этапе развития «нового курса» была немаловажной.

Второй узловый момент в формировании новых тенденций в государственно-церковных отношениях пришелся на весну 1942 г. В это время о. Браун отправил две корреспонденции, которые, как он надеялся, должны были достигнуть Святого Престола. Первая из них от 20 марта была адресована помощнику Государственного секретаря, главе Конгрегации чрезвычайных церковных дел Д. Тардини. В этом письме о. Браун еще раз повторил тезисы, изложенные им в письме М. Тейлору в октябре 1941 г., что уже в текущий момент возможно

¹⁵ Публикацию обоих документов и их анализ см. в: *Беглов А.Л., Фадеев И.А.* Американские представители... С. 207–227. Надо сказать, что Святой Престол не внял призывам своего московского представителя и продолжал ожидать более явных изменений советской религиозной политики.

¹⁶ *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия (религиозный фактор во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 433–434, 440–442, 455–458, 676–677; *Беглов А.Л.* «Крестовый поход молитв» 1930 г. и реакция на него в СССР // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002219-9-1> (дата обращения: 19.07.2024).

¹⁷ Из воспоминаний деятеля советских спецслужб П.А. Судоплатова: «Подготовленные нами материалы о патристической позиции русской православной церкви, ее консолидирующей роли в набиравшем силу антифашистском движении славянских народов на Балканах и неофициальные зондажные просьбы Рузвельта улучшить политическое и правовое положение православной церкви, переданные через Гарримана Сталину, очевидно, убедили его пойти навстречу союзникам и вести по отношению к церкви менее жесткую политику. Сталин сделал неожиданный шаг: разрешил провести выборы патриарха русской православной церкви» (*Судоплатов П.* «Остаюсь единственным живым свидетелем...» // Молодая гвардия. 1995. № 5. С. 40).

¹⁸ Цит. по: *Филиппов Б.А.* Указ. соч. С. 92.

установить новый *modus vivendi* между Святым Престолом и СССР¹⁹. В дополнение к своим прежним аргументам он приводил сведения о высказываниях одного из советских дипломатических представителей в Лондоне, которые, по мнению о. Брауна, свидетельствовали о готовности к контактам с Ватиканом по этому вопросу. Он писал:

«Я могу с абсолютной уверенностью утверждать, что советское правительство желает сотрудничать в подобном демарше. Эта мысль была буквально озвучена недавно в Лондоне одним влиятельным сотрудником по связям советского правительства, который в частном и конфиденциальном порядке беседовал с одним иностранным лицом, находящимся в настоящее время здесь. Во время этого строго частного разговора сотрудник по связям сообщил о желании советского правительства осязаемо продемонстрировать свое благожелательное отношение к католицизму. Очевидно, эти слова следует толковать как косвенное приглашение к шагам навстречу с обеих сторон для достижения согласия. Все это весьма красноречиво подтверждает то, что ваш слуга имел честь сообщить Филиппо в октябре 1941 г.: железо горячо, и пришло время его ковать»²⁰.

Через несколько недель о. Брауну представилась возможность еще раз подтвердить свою уверенность. 1 мая он отправил через США в Ватикан документ, который передали ему советские власти. Это трофейный приказ одного из генералов германской армии о разрешении церковного вопроса на оккупированных территориях. В нем, помимо общих нацистских рассуждений, говорилось о необходимости разрешения религиозного вопроса на оккупированных территориях «в пользу религии, свободной от еврейского влияния», и о недопущении христианского духовенства на занятые немцами территории. Переданный о. Брауном документ известен как «Оперативный приказ № 20 Главного управления имперской безопасности “О разрешении церковного вопроса на занятых восточных территориях”» от 31 октября 1941 г. Считается, что он был захвачен Красной армией во время наступления под Москвой. По русскому «переводу», хранящемуся в Российском государственном архиве социально-политической истории, он был впервые опубликован О.Ю. Васильевой, а затем републикован М.И. Одинцовым и М.В. Шкаровским²¹. Немецкий вариант этого документа до последнего времени не был известен историкам. При этом в корреспонденции о. Брауна мы находим и немецкий вариант текста, и его переводы на французский и английский языки²².

Сам о. Браун оценивает документ очень высоко, он не сомневается в его подлинности и считает, что получение его дает союзникам по антигитлеровской коалиции «высокие моральные преимущества». Кроме того, он подчеркивает, что данный документ передан ему «по настоятельной просьбе местных правительственных властей, которые... *очень желают, чтобы эта информация достигла Ватикана*» (выделено мной. — А.Б.)²³. Передача трофейного документа представителю Католической церкви означала, что советское руководство таким образом зондировало возможность нормализации отношений с Ватиканом. Видимо, о. Браун был прав: весной второго года войны у Святого Престола действительно была реальная возможность улучшить отношения с СССР. Однако в Ватикане реагировали на подобные сигналы с большой осторожностью. Между тем события менялись стремительно.

¹⁹ Archivio Storico della Sezione per i Rapporti con gli Stati della Segreteria di Stato, Città del Vaticano. Fondo Affari Ecclesiastici Straordinari (далее — AA.EE.SS). Pontificato: Pio XII. Pt. I (1939–1948). Russia. Pos. 691a. Ff. 171–177.

²⁰ Ibid. F. 175.

²¹ Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 87–90; Одинцов М.И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 42–43; Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов. Сб. док. М., 2003. С. 190–192.

²² Анализ этого документа и доступной информации о его авторе, «начальнике военно-экономической инспекции центрального фронта» генерал-лейтенанте Вайганге, позволяет нам сделать осторожное предположение, что «Оперативный приказ № 20» появился на свет в кабинетах советских специальных органов. Детальную аргументацию данной гипотезы мы представим при полной публикации этого документа.

²³ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Pt. I (1939–1948). Russia. Pos. 702. F. 34–36, 38–44.

С марта по июнь 1942 г. в СССР реализовывался проект подготовки и издания книги «Правда о религии в России». Она была предназначена «в основном для распространения за границей» и должна была наглядно представить материалы, «изобличающие немцев в варварском отношении к православной церкви и духовенству»²⁴. План книги был предложен начальником третьего (контрразведывательного) Управления НКВД СССР Н.Д. Горлинским, но делалась она «силами работников Московской патриархии»: в подготовке издания приняли участие семь архиереев, троим сотрудникам патриархии было разрешено на время подготовки издания прибыть из Ульяновска (где патриархия находилась в эвакуации) в Москву²⁵. Операция с изданием книги «Правда о религии в России» преследовала ту же цель, что и операция по — как мы предполагаем — созданию и передаче в Ватикан «Оперативного приказа № 20». В обоих случаях нужно было показать аудитории за границей (более широкой в первом случае и более узкой во втором), что нацистская религиозная политика на оккупированных территориях неизмеримо хуже той политики, что ранее проводила советская власть. Кроме этого, и документ, и книга были реакцией на попытки использования оккупантами в пропагандистских целях религиозного движения в занятых ими областях. Положение церкви на оккупированных территориях находилось в фокусе внимания советских специальных органов по меньшей мере с февраля — марта 1942 г.²⁶

Описанные акты тайной или явной, но формально не государственной, а церковной политики выстраивались в единую линию с официальными дипломатическими демаршами советского правительства. 27 апреля 1942 г. всем послам иностранных государств, с которыми у СССР были дипломатические отношения, была вручена нота наркома иностранных дел В.М. Молотова «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления», в ней на конкретных примерах и с обращением к свидетельствам представителей православного духовенства говорилось об уничтожении храмов, святынь и о том, что «гитлеровские оккупанты не щадят и религиозных чувств верующей части советского населения»²⁷.

Одновременно происходили и другие события, все более явно обозначавшие новые тенденции в советской религиозной политике. В конце марта 1942 г. были разрешены ночные пасхальные богослужения (пасха в 1942 г. приходилась на 5 апреля). Власти тщательно фиксировали реакцию советских граждан и с удовлетворением отмечали, что в Москве и Куйбышеве на богослужениях присутствовали представители иностранных дипломатических миссий²⁸. Это, как и выпуск книги «Правда о религии в России», был ответ на озабоченность союзников, но и небольшой шаг навстречу церкви и рядовым верующим. К июню — в рекордные сроки — тираж книги был отпечатан, и в сентябре митрополит Киевский Николай (Ярушевич) и епископ Калужский Питирим (Свиридов) посетили Куйбышев и вручили экземпляры издания американским, британским и китайским дипломатическим представителям²⁹.

Для церкви особенно важным было то, что с лета 1942 г. уцелевшие и вновь поставленные епископы получили возможность находиться в своих епархиях. До этого, вне зависимости

²⁴ Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. док. / сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М., 2009. С. 180; *Христофоров В.С.* К истории церковно-государственных отношений в годы Великой Отечественной войны // *Российская история*. 2011. № 4. С. 173.

²⁵ *Галкин А.К.* Указы и определения Московской патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 г. // *Вестник церковной истории*. 2008. № 2 (10). С. 62.

²⁶ *Христофоров В.С.* Указ. соч. С. 173; *Токарева Е.С.* Итальянские католические капелланы на Восточном фронте в годы Второй мировой войны // *Новая и новейшая история*. 2022. № 5. С. 153—172. DOI: 10.31857/S013038640020036-7

²⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г. Документы и материалы. М., 1944. С. 220—221; *Болотов С.В.* Русская православная церковь и международная политика СССР в 1930-е — 1950-е годы. М., 2011. С. 55.

²⁸ *Христофоров В.С.* Указ. соч. С. 174—175.

²⁹ *Майнер С.М.* Указ. соч. С. 140—143; *Христофоров В.С.* Указ. соч. С. 173.

от того, какую кафедру они формально занимали, большинство епископов РПЦ находилось либо в Ульяновске, либо в Москве³⁰. И появление такой возможности было еще одним шагом навстречу церкви со стороны советской власти. Кроме того, как мы видели выше, со второй половины 1942 г. начала снижаться интенсивность репрессий против верующих. Как представляется, именно с середины 1942 г. начал оформляться «новый курс», характерный для последующих лет, имеющий в виду взаимные встречные шаги власти и церкви. Чтобы проиллюстрировать это утверждение, сопоставим проект написания и издания книги «Правда о религии в России» с организацией контрпропагандистской кампании против «крестового похода молитв» 1930 г.

Весь ход создания книги, включая возникновение замысла в недрах советских специальных служб, санкцию на его осуществление высшего руководства страны, мобилизацию православных иерархов, священнослужителей и мирян для его реализации, — все это очень напоминало ситуацию 1930 г. с эксплуатацией церковных лидеров в интересах советской власти. Но если тогда религиозные лидеры были мобилизованы на защиту внешнеполитических интересов советской власти принудительно, то теперь во время войны это было уже не совсем так, или даже совсем не так³¹.

30 декабря 1942 г. митрополит Сергей (Страгородский) обратился к духовенству и пастве РПЦ с посланием о сборе средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского. 5 января 1943 г. состоялся обмен телеграммами между митрополитом Сергием и Сталиным. Предстоятель Русской церкви информировал главу советского правительства о начале сбора средств на танковую колонну и просил открыть для этого специальный счет в Госбанке. Сталин благодарил духовенство и верующих за «заботу о бронетанковых силах Красной армии» и сообщал, что указание об открытии счета дано. Это была уже существенная уступка со стороны власти. Церкви *de facto* возвращалось право юридического лица, которого она была лишена декретом «Об отделении церкви от государства...» 1918 г. Не менее важно, что обе телеграммы в тот же день были опубликованы в газете «Правда»³². Тем самым о своих шагах навстречу церкви государство теперь готово было заявить публично. Причем в определенном смысле верующие сами подсказывали эти шаги советской власти (подобно тому, как союзники подсказывали внешнеполитические демарши). Уже в августе 1941 г. харьковские верующие, перечисляя 11 тыс. руб. в Фонд обороны, просили опубликовать сообщение об этом в местной прессе, но информация об этом появилась в «Правде» 16 августа 1941 г. По мнению О.В. Будницкого, это было первое сообщение в прессе о патриотической деятельности РПЦ во время войны³³.

Отметим, что детальное изучение государственно-церковных отношений 1941–1943 гг. ставит перед нами ряд источниковедческих вопросов. Сегодня мы имеем относительно полное представление о возникновении замысла и о механизме подготовки книги «Правда о религии в России»³⁴. Но у нас нет никаких данных, кто был инициатором сбора средств

³⁰ Галкин А.К. Указ. соч. С. 63–64. Отметим, что с конца мая 1942 г. предстоятель РПЦ получил возможность рукополагать новых епископов для епархий, находившихся на территории, контролируемой советскими властями. Правда, первая такая хиротония, воспринимавшаяся как исключение, состоялась в Куйбышеве еще 25 декабря 1941 г., в день Рождества по григорианскому календарю, что должно было привлечь внимание находившегося в городе дипломатического корпуса. Следующие рукоположения состоялись 31 мая, 14 октября и 27 декабря 1942 г. Всего в период с июня 1941 г. по август 1943 г. было проведено семь епископских хиротоний. См.: Там же. С. 61–67, 112.

³¹ Характерен в этом отношении один из текстов, включенных в названное издание. Речь идет об интервью архиепископа Саратовского Андрея (Комарова) корреспонденту американского агентства «Ассошиэйтед пресс» Г. Кингу от 24 декабря 1941 г. Ряд тезисов этого интервью (в частности, о применении репрессий против духовенства не за религиозные убеждения, а только за деятельность, направленную против «существующего советского строя») почти дословно повторял выступление митрополита Сергея 1930 г. Однако рассказ о патриотической деятельности церкви во время войны и просьба о помощи, обращенная к американским союзникам, вполне отвечали настроениям русского епископата рубежа 1941–1942 гг. См.: Болотов С.В. Указ. соч. С. 59–61.

³² Русская православная церковь... С. 60–61.

³³ Будницкий О.В. Указ. соч. С. 116–117.

³⁴ Ср.: Христов В.С. Указ. соч. С. 173.

на танковую колонну имени Дмитрия Донского и как согласовывался обмен телеграммами между митрополитом Сергием и Сталиным. Ведь о том, что он не был импровизацией председателя РПЦ, мы можем говорить с большой уверенностью. Также пока остается загадкой появление «Оперативного приказа № 20». Представляется, что в этом направлении необходимо вести поиск новых источников, освещающих генезис «нового курса» государственно-церковных отношений.

Вернемся к документам, вышедшим из-под пера о. Брауна. Третий узловый момент, который они дают возможность проанализировать, заставляет нас обратиться к событиям осенних месяцев 1943 г. 6–9 ноября о. Браун составил обширное послание в Ватикан, описывающее положение в Советской России во второй половине 1943 г. Свой отчет настоятель московского католического прихода посвятил трем темам. Он дал общий обзор религиозной жизни в СССР с июня по октябрь 1943 г., отмечая многочисленные признаки религиозного подъема. На основании открытых источников подробно описал собор РПЦ, прошедший 8 сентября, и избрание на нем патриарха Сергия. И, наконец, дал детальный отчет о визите делегации Англиканской церкви, состоявшемся 18–28 сентября³⁵.

Бросается в глаза, что послание о. Брауна осени 1943 г. написано совсем в другом ключе, чем его корреспонденции 1941–1942 гг. Если в начале войны он смотрел на перспективы изменения советской религиозной политики с энтузиазмом, то теперь, когда политика уступок по отношению к религии, и прежде всего к Православной церкви, начала реализовываться воочию, он неожиданно стал относиться к происходящим изменениям с большим скепсисом. Он несколько раз повторяет своему адресату, что все изменения в советской религиозной политике, которые он описывает, не более чем запоздалая реакция советских властей на «крестовый поход» Гитлера, что они обусловлены «страхом перед иностранным мнением», а по своей сути советская религиозная политика не изменилась. Тем самым тот, кто при гораздо более скромных проявлениях «умеренной терпимости» к религии со стороны советского руководства с жаром призывал своего адресата в Ватикане делать встречные шаги и добиваться выработки благоприятного *modus vivendi*, теперь, когда советские власти отчетливо обозначили «новый курс» в отношении религии, призывал Святой Престол не принимать его всерьез. Как это можно объяснить?

Попробуем высказать предположение. В 1943 г. стало очевидно, что главные интересы советского руководства связаны с Православной церковью, а вовсе не с налаживанием отношений с Ватиканом. Тогда как о. Браун все это время надеялся на установление *modus vivendi* именно со Святым Престолом, когда же направление новой религиозной политики оказалось другим, его охватили разочарование и скепсис.

В заключение рассмотрим хронологию предыстории «нового курса» в первые два года Великой Отечественной войны, какой она предстает перед нами с учетом рассмотренных выше источников. В июне 1941 г. местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергий (Страгородский) и митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) выступают с патриотическими посланиями, начинаются сборы средств и вещей среди верующих на нужды обороны. Первое упоминание о патриотической деятельности церкви и о таких сборах появляется в «Правде» 16 августа 1941 г. В том же номере публикуются заметки о преследованиях религиозных деятелей со стороны нацистов в Голландии и Польше. В это же время со страниц прессы исчезает антирелигиозная пропаганда³⁶. При этом одновременно, летом 1941 г. — в первой половине 1942 г., разворачивается репрессивная волна против духовенства и верующих. Осенью на сцену выходят союзники по антигитлеровской коалиции. На сентябрь — октябрь 1941 г. приходится первые зондажи американцев об изменении советской антирелигиозной политики в контексте проблемы ленд-лиза. Поддерживая усилия американской

³⁵ *Беглов А.Л.* Религиозная жизнь в СССР и его отношения с союзниками в 1943 году глазами американского ассампциониста // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 173–184. DOI: 10.31857/S013038640020319-8

³⁶ *Будницкий О.В.* Указ. соч. С. 116–117; *Токарева Е.С.* Ватикан в фокусе советской политики и пропаганды. 1921–1941 годы. М., 2023. С. 315–317.

дипломатии, о. Браун пишет первое письмо в Ватикан о возможности установления *modus vivendi* с Советским государством.

В марте — июне 1942 г. реализуется проект создания и выпуска в свет книги «Правда о религии в России»: советские власти идут навстречу просьбам союзников, мобилизуя церковных лидеров подобно тому, как делали это в 1930 г., реагируя на «крестовый поход молитв». 20 марта о. Браун отправляет письмо Д. Тардини, в котором напоминает о возможности достижения *modus vivendi* с советским руководством именно сейчас. 5 апреля 1942 г. представители союзников присутствуют на пасхальных богослужениях в Москве и Куйбышеве, советские власти рассылают фото пасхальных служб для публикации за границей³⁷. В конце апреля о. Брауну передан «Оперативный приказ № 20», 1 мая он отправляет его в Ватикан: советские власти пытаются установить контакты со Святым Престолом и повлиять на его позицию по отношению к Германии. 16 и 18 сентября 1942 г. два иерарха РПЦ посещают посольства союзников в Куйбышеве и передают дипломатам экземпляры «Правды о религии в России»; в английском посольстве митрополит Николай (Ярушевич) говорит о возможности обмена визитами с Англиканской церковью³⁸.

С 30 декабря 1942 г. по 8 марта 1944 г. идут сборы средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского; об их начале и открытии специального счета объявлено публично: власть делает шаг навстречу церкви. Видимо, где-то в середине — второй половине 1942 г. формируется «новый курс», имеющий в виду учет интересов обеих сторон. 5 июня 1943 г. было подписано постановление Государственного комитета обороны, которым религиозная проблематика включалась в перечень направлений работы советской внешней разведки³⁹. 5 сентября 1943 г. в «Правде» и «Известиях» публикуются коммюнике о встрече советского руководства с иерархами РПЦ — публичное объявление «нового курса». 8 сентября проходит собор епископов Русской церкви и избрание патриарха (после 18-летнего перерыва); 12 сентября состоялась его интронизация. 18–28 сентября 1943 г. в Москве находилась делегация Англиканской церкви. 6–9 ноября 1943 г. было написано «разочарованное» письмо о. Брауна. 28 ноября — 1 декабря 1943 г. прошла Тегеранская конференция союзников, к которой в том числе были приурочены сентябрьские события.

Таким образом, «новый курс» как по-настоящему новая религиозная политика советской власти (т.е. без массовой репрессивной составляющей и с учетом интересов церкви) не появилась в одночасье. В 1939 г. — первой половине 1942 г. советские власти продолжали эксплуатировать религиозный фактор, не отказываясь от репрессивного курса. Элементы «нового курса» прорастали сквозь старую репрессивную политику и поначалу не отменяли ее. Это говорит о том, что инструментализация религиозных сообществ была известна советской политической системе⁴⁰, но для того, чтобы инструментализация стала основным содержанием советской религиозной политики, потребовалась мощная внешняя по отношению к политической системе встряска в виде военно-политического кризиса 1941–1942 гг. В этом смысле «новый курс» был вынужденной политикой, которая прошла период становления.

На начальном этапе становления «нового курса» значимыми были два фактора. С одной стороны, фактор союзников, которые настаивали на уступках в пользу религии и церкви и подталкивали советское руководство к осознанию их необходимости. С другой — можно сказать, что церковь брала инициативу в свои руки, когда обозначила свою патриотическую позицию, выраженную прежде всего в масштабной благотворительной деятельности, объединявшей рядовых верующих, духовенство и иерархов. Не нужно сбрасывать со счетов и положение на оккупированных территориях, оно принималось во внимание советским руководством. Эти наблюдения подтверждают сделанные ранее выводы о различных этапах «нового курса», которые проходила эта политика в зависимости от смены приоритетов советского руководства:

³⁷ Майнер С.М. Указ. соч. С. 118.

³⁸ Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 128; Майнер С.М. Указ. соч. С. 141–143.

³⁹ Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 69–72, 105.

⁴⁰ Как мы знаем, она была известна по крайней мере с 1930 г., с успешного с точки зрения советской власти опыта мобилизации религиозных лидеров для ответа на кампанию защиты советских верующих за рубежом. См.: Беглов А.Л. «Крестовый поход молитв»... Ср.: Болотов С.В. Указ. соч. С. 43.

вначале она была адресована союзникам по антигитлеровской коалиции, затем (с 1943 г.) в фокусе внимания советских лидеров находилась Восточная Европа, а позже (с 1945 г.) — Ближний Восток⁴¹.

Примечательно, что одним из направлений «нового курса» на начальном его этапе было налаживание отношений с Ватиканом. Это направление тесно смыкалось с использованием религиозного фактора для выстраивания отношений с союзниками. Однако оно оказалось тупиковой ветвью «нового курса»: с 1943 г. советское руководство вернулось к прежней конфронтационной линии в отношениях с центром католического мира⁴².

Проект издания книги «Правда о религии в России» находился на границе изменения модуса советской политики от принудительной мобилизации религиозных лидеров к взаимным уступкам. Действительно значимые уступки мы фиксируем со второй половины 1942 г. — января 1943 г., когда епископы получили возможность находиться в своих епархиях и был открыт счет в Госбанке для средств, собираемых верующими на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского, о чем было публично объявлено. Тем самым до 1943 г. «новый курс» был тайной, непубличной политикой; окончательно он становится явным осенью 1943 г. и именно с этого момента является осознанной стратегией советского руководства. К началу Великой Отечественной войны советские власти не имели последовательной стратегии в религиозном вопросе⁴³. Их действия представляли собой реакцию на конкретные события и потому часто были противоречивыми. Новая стратегия в религиозном вопросе, оформившаяся в 1943 г., заключалась в мобилизации религиозного фактора для нужд советской внешней политики и предполагала шаги навстречу церкви, пусть и ограниченные. В этом заключалось ее принципиальное отличие от политики предшествующего двадцатилетия.

Внешний по отношению к советской политической системе фактор в формировании «нового курса» (в виде просьб союзников осени 1941 г.) сыграл свою роль на этапе становления новой религиозной политики, дав толчок для начала изменений прежнего курса, но затем (примерно к концу 1942 г.) потерял свое значение. Отметим, что любой перелом советской политики, особенно такой существенный, как поворот к «новому курсу», не мог быть реализован без личного участия Сталина. Он определял не только задачи новой религиозной политики — в чем нет сомнений у исследователей, — но и глубину рассматриваемого поворота, и в этом он мог удивить как свое окружение, так и более широкие круги вовлеченных в этот процесс представителей советских специальных служб⁴⁴.

Необходимо также подчеркнуть: сам характер развития государственно-церковных отношений в первые два военных года говорит о том, что не было и не могло быть никакого документа, который отменял бы прежний репрессивный курс и начинал новый. Элементы новой политики «прорастали» сквозь старые, сама новая политика кристаллизовалась постепенно, возможно, не вполне заметно даже для самих акторов происходивших изменений. При этом все еще могут быть обнаружены источники, освещающие конкретные аспекты становления новой религиозной политики, например обстоятельства, связанные с началом сбора церковных средств на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского.

Библиография

Алексеев В.И., Ставру Ф. Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1980. № 11. С. 91–118; № 12. С. 108–126; 1981. № 1 (13). С. 75–97; № 2 (14). С. 118–154; № 3 (15). С. 85–100; № 4 (16). С. 91–121; № 5 (17). 97–114; № 6 (18). С. 105–125.

⁴¹ Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 128–182, 202–206; Беглов А.Л. Международная деятельность... С. 104–129.

⁴² Токарева Е.С. Ватикан в советской политике и пропаганде в годы Второй мировой войны // Иоанн XXIII и современный мир. М., 2002. С. 98–128.

⁴³ Наш вывод согласуется с наблюдениями Е.С. Токаревой, сделанными на материале советской политики в отношении Ватикана. См.: Токарева Е.С. Ватикан в фокусе советской политики... С. 323–324.

⁴⁴ См. приведенную выше цитату из воспоминаний П.А. Судоплатова, в которой автор говорит о неожиданности санкции на избрание патриарха Русской церкви: Судоплатов П. Указ. соч. С. 40.

Беглов А.Л. «Крестовый поход молитв» 1930 г. и реакция на него в СССР // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002219-9-1> (дата обращения: 19.07.2024).

Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.

Беглов А.Л. Международная деятельность Русской православной церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 104–129.

Беглов А.Л. Религиозная жизнь в СССР и его отношения с союзниками в 1943 году глазами американского ассумпциониста // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 173–184. DOI: 10.31857/S013038640020319-8

Беглов А.Л., Фадеев И.А. Американские представители в СССР и судьба советской религиозной политики в начале Великой Отечественной войны. Из корреспонденции отца Леопольда Брауна 1941 года // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 207–227. DOI: 10.31857/S013038640024937-8

Беглов А.Л., Фадеев И.А. Судьба католического храма св. Людовика в Москве в освещении американского ассумпциониста // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016675-1-1/> (дата обращения: 09.08.2024).

Болотов С.В. Русская православная церковь и международная политика СССР в 1930-е — 1950-е годы. М., 2011.

Будницкий О.В. Репрессии против верующих накануне и во время Великой Отечественной войны 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 100–124.

Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г. Документы и материалы. М., 1944.

Галкин А.К. Указы и определения Московской Патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 г. // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 57–118.

Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб., 2021.

Жданова Е.С. Установление контроля советской власти над католическим храмом св. Людовика в Москве в 1947–1950 гг. (по документам Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016674-0-1/> (дата обращения: 19.07.2024).

Курьяндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный фактор во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011.

Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. М., 2010.

Обозный К.П. История Псковской Православной миссии. 1941–1944 гг. М., 2008.

Одинцов М.И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995.

Одинцов М.И., Кочетова А.С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2014.

Петров И.В. Меж двух зол. Православное духовенство на временно оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. М., 2021.

Плякин М., свящ. Гонения на Русскую православную церковь в 1940-е годы // Труды Саратовской православной духовной семинарии. Вып. XI. Саратов, 2017. С. 169–182.

Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958. М., 2016.

Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. док. / сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М., 2009.

Судоплатов П. «Остаюсь единственным живым свидетелем...» // Молодая гвардия. 1995. № 5. С. 18–43.

Токарева Е.С. Ватикан в советской политике и пропаганде в годы Второй мировой войны // Иоанн XXIII и современный мир. М., 2002. С. 98–128.

Токарева Е.С. Ватикан в фокусе советской политики и пропаганды. 1921–1941 годы. М., 2023.

Токарева Е.С. Итальянские католические капелланы на Восточном фронте в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 153–172. DOI: 10.31857/S013038640020036-7

Филиппов Б.А. Ф. Рузвельт, Пий XII, И. Сталин и проблема репутации СССР в годы Второй мировой войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской православной церкви. 2016. Вып. 4 (71). С. 84–102.

Христофоров В.С. К истории церковно-государственных отношений в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2011. № 4. С. 172–177.

Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999.

Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная церковь. (Нацистская политика в отношении Православной церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР.) М., 2002.

Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов. Сб. док. М., 2003.

Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999.

Якунин В.Н. Укрепление положения Русской православной церкви и структура ее управления в 1941–1945 годы // Российская история. 2003. № 4. С. 83–93.

Freeze G., Beglov A., Beliakova N., Tokareva E. Catholics in the Soviet Union: New Research and New Sources on Everyday Religious Life (1917–1958) // The Catholic Historical Review. 2020. Vol. 106. № 3. P. 477–489. URL: <https://doi.org/10.1353/cat.2020.0050> (дата обращения: 19.07.2024).

References

Alekseev V.I., Stavru F. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' na okkupirovannoi nemtsami territorii [The Russian Orthodox Church in the German-occupied territory] // Russkoe vrozozhdenie [Russian Renaissance]. 1980. № 11. S. 91–118; № 12. S. 108–126; 1981. № 1 (13). S. 75–97; № 2 (14). S. 118–154; № 3 (15). S. 85–100; № 4 (16). S. 91–121; № 5 (17). S. 97–114; № 6 (18). S. 105–125. (In Russ.)

Beglov A.L. “Krestovyi pokhod molitv” 1930 g. i reaktsiia na nego v SSSR [“Prayers crusade” of 1930 and the reaction to it in the USSR] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational journal “History”]. 2018. T. 9. Vyp. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002219-9-1> (access date: 03.03.2023). DOI: 10.18254/S0002219-9-1 (In Russ.)

Beglov A.L. Mezhdunarodnaia deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v period “novogo kursa” v gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniakh. Osnovnye etapy i krizisnye iavleniia [International Activities of the Russian Orthodox Church During the “New Course” in Church-State Relations. Main Phases and Crisis Phenomena] // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo [The Outlines of a Global Transformation: Politics, Economics and Law]. 2018. T. 11. № 4. S. 104–129. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129> (access date: 03.08.2024). (In Russ.)

Beglov A.L. Religioznaia zhizn' v SSSR i ego otnosheniia s soizuznikami v 1943 godu glazami amerikanskogo assumptsionista [Religious Life in the USSR and the Allied Policy of 1943: The Perspective of an American Assumptionist] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 5. С. 173–184. DOI: 10.31857/S013038640020319-8 (In Russ.)

Beglov A.L. V poiskakh “bezgreshnykh katakomb”. Tserkovnoe podpol'e v SSSR [In Search of “Ideal Church Catacombs”. Church Underground in the USSR]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Beglov A.L., Fadeyev I.A. Amerikanskii predstaviteli v SSSR i sud'ba sovetskoi religioznoi politiki v nachale Velikoi Otechestvennoi voyny. Iz korrespondentsii ottsa Leopolda Brauna 1941 goda [American Representatives to the USSR and the Fate of Soviet Religious Policy at the Beginning of the Great Patriotic War: From Father Leopold Braun's Correspondence of 1941] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. № 3. S. 207–227. DOI: 10.31857/S013038640024937-8 (In Russ.)

Beglov A.L., Fadeyev I.A. Sud'ba katolicheskogo khrama sv. Liudovika v Moskve v osveshchenii amerikanskogo assumptsionista [The fate of the Catholic Church of St. Louis of the French in Soviet Moscow: The perspective of an American assumptionist] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational journal “History”]. 2021. T. 12. Vyp. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016675-1-1/> (access date: 03.03.2023). DOI: 10.18254/S207987840016675-1 (In Russ.)

Bolotov S.V. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i mezhdunarodnaia politika SSSR v 1930-e – 1950-e gody [The Russian Orthodox Church and the international policy of the USSR in the 1930s–1950s]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Budnitskii O.V. Repressii protiv veruiushchikh nakanune i vo vremia Velikoi Otechestvennoi voyny 1939–1945 gg. [Repressions against believers on the eve and during the Great Patriotic War 1939–1945] // Rossiiskaia istoriia [Russian History]. 2019. № 3. S. 100–124. (In Russ.)

Chumachenko T.A. Gosudarstvo, pravoslavnaia tserkov', veruiushchie [State, Orthodox Church, Faithful]. 1941–1961 gg. Moskva, 1999. (In Russ.)

Dzhentile E. Politicheskie religii. Mezhdru demokratiei i totalitarizmom [Political Religions. Between Democracy and Totalitarianism]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

Filippov B.A. F. Ruzvel't, Pii XII, I. Stalin i problema reputatsii SSSR v gody Vtoroi mirovoi voyny [Franklin Roosevelt, Pius XII, Joseph Stalin and the Problem of the USSR's Image and Reputation During the Second World War] // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II. Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Bulletin of the Orthodox Holy-Tikhonov University for the Humanities. Series II. History. The History of the Russian Orthodox Church]. 2016. Vyp. 4 (71). S. 84–102. (In Russ.)

Galkin A.K. Ukazy i opredeleniia Moskovskoi Patriarkhii ob arkhieiereiakh s nachala Velikoi Otechestvennoi voyny do Sobora 1943 g. [Decrees and definitions of the Moscow Patriarchate on bishops from the beginning of the Great Patriotic War to the Council of 1943] // Vestnik tserkovnoi istorii [Herald of Church History]. 2008. № 2 (10). S. 57–118. (In Russ.)

Iakunin V.N. Ukreplenie polozheniia Russkoi Pravoslavnoi tserkvi i struktura ee upravleniia v 1941–1945 gody [Strengthening the position of the Russian Orthodox Church and the structure of its administration in 1941–1945] // Rossiiskaia istoriia [Russian History]. 2003. № 4. S. 83–93. (In Russ.)

Khristoforov V.S. K istorii tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [To the history of church-state relations during the Great Patriotic War] // Rossiiskaia istoriia [Russian History]. 2011. № 4. S. 172–177. (In Russ.)

Kurlandskii I.A. Stalin, vlast', religii (religiozniy faktor vo vnutrennei politike sovetskogo gosudarstva v 1922–1953 gg.) [Stalin, power, religion (religious factor in the internal policy of the Soviet state in 1922–1953)]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Miner S.M. Stalinskaia sviashchennaia voina. Religii, natsionalizm i soiuznicheskaya politika [Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Alliance Politics]. 1941–1945. Moskva, 2010. (In Russ.)

Oboznyi K.P. Istoriia Pskovskoi Pravoslavnoi Missii [The History of the Pskov Orthodox Mission]. 1941–1944. Moskva, 2008. (In Russ.)

Odintsov M.I. Religioznye organizatsii v SSSR nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. [Religious organisations in the USSR on the eve and during the Great Patriotic War 1941–1945]. Moskva, 1995. (In Russ.)

Odintsov M.I., Kochetova A.S. Konfessional'naya politika v Sovetskom Soiuze v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. [Religious Policy in the Soviet Union During the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Petrov I.V. Mezhdvukh zol. Pravoslavnoe dukhovenstvo na vremennno okkupirovannoi territorii RSFSR v 1941–1944 gg. [Between two evils. Orthodox clergy in the temporarily Occupied Territory of the Russian Soviet Federative Socialist Republic in 1941–1944]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Pliakin M., sviashch. Goneniia na Russkuiu Pravoslavnuiu Tserkov' v 1940-e gody [Persecution of the Russian Orthodox Church in the 1940s] // Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. Vyp. XI. Saratov, 2017. S. 169–182. (In Russ.)

Roccucci A. Stalin i patriarkh: Pravoslavnaia tserkov' i sovetskaia vlast' [Stalin and the Patriarch: The Orthodox Church and Soviet Power]. 1917–1958. Moskva, 2016. (In Russ.)

Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Sb. dok. [The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of documents] / sost. O.Yu. Vasil'eva, I.I. Kudriavtsev, L.A. Lykova. Moskva, 2009. (In Russ.)

Shkarovskii M.V. Natsistskaia Germaniia i Pravoslavnaia Tserkov' (natsistskaia politika v otnoshenii Pravoslavnoi Tserkvi i religioznoe vozrozhdenie na okkupirovannoi territorii SSSR) [Nazi Germany and the Orthodox Church (Nazi policy towards the Orthodox Church and religious revival in the occupied Territory of the USSR)]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Shkarovskii M.V. Politika Tret'ego reikha po otnosheniiu k Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v svete arkhivnykh materialov 1935–1945 godov [The policy of the Third Reich towards the Russian Orthodox Church in the light of archival materials of 1935–1945]. Sb. dok. Moskva, 2003. (In Russ.)

Shkarovskii M.V. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939–1964 godakh) [The Russian Orthodox Church Under Stalin and Khrushchev: State-Church Relations in the USSR in 1939–1964]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Sudoplatov P. “Ostaius' edinstvennym zhivym svidelem...” [“I remain the only living witness...”] // Molodaia gvardiia [The Young Guard]. 1995. № 5. S. 18–43. (In Russ.)

Tokareva E.S. Ital'yanskii katolicheskie kapellany na Vostochnom fronte v gody Vtoroi mirovoj voiny [Italian Catholic chaplains on the Eastern front during World War II] // Novaya i Novejsaya Istoriia [Modern and Contemporary History]. 2022. № 5. S. 153–172. DOI: 10.31857/S013038640020036-7 (In Russ.)

Tokareva E.S. Vatikan v fokuse sovetskoj politiki i propagandy [The Vatican in the Focus of Soviet Policy and Propaganda]. 1921–1941 gody. Moskva, 2023. (In Russ.)

Tokareva E.S. Vatikan v sovetskoj politike i propagande v gody Vtoroi mirovoj voiny [The Vatican in Soviet Politics and propaganda during the Second World War] // Ioann XXIII i sovremennyi mir [John XXIII and the modern world]. Moskva, 2002. S. 98–128. (In Russ.)

Vasil'eva O.Yu. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg. [The Russian Orthodox Church in the Policies of the Soviet State, 1943–1948]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Vneshniaia politika Sovetskogo Soiuza v period Otechestvennoi voiny. T. 1. 22 iunია 1941 g. – 31 dekabria 1943 g.: Dokumenty i materialy [Foreign Policy of the Soviet Union during the Patriotic War. T. 1. 22 June 1941 – 31 December 1943. Documents and materials]. Moskva, 1944. (In Russ.)

Zhdanova E.S. Ustanovlenie kontrolya sovetskoj vlasti nad katolicheskimi khramom sv. Liudovika v Moskve v 1947–1950 gg. (po dokumentam Soveta po delam religioznykh kul'tov pri Sovete Ministrov SSSR) [The Establishment of Soviet Control over the Church of St. Louis in Moscow in 1947–1950 (According to the Documents of the the Council for Religious Cults Affairs under the Council of Ministers of the Soviet Union)] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriia” [Electronic scientific and educational journal “History”]. 2021. T. 12. Vyp. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016674-0-1/> (access date: 19.07.2024). (In Russ.)

Freeze G., Beglov A., Beliakova N., Tokareva E. Catholics in the Soviet Union: New Research and New Sources on Everyday Religious Life (1917–1958) // The Catholic Historical Review. 2020. Vol. 106. № 3. P. 477–489. URL: <https://doi.org/10.1353/cat.2020.0050> (access date: 19.07.2024).

DOI: 10.31857/S0130386424060145

© 2024 г. П.В. ШЛЫКОВ

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ТУРЦИИ В НАЧАЛЕ XXI века: ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Шлыков Павел Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России (Москва, Россия).

E-mail: shlykov@mail.ru

Scopus Author ID: 57194032891; ORCID: 0000-0002-0331-430X; Researcher ID: N-3826-2014

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Аннотация. Статья посвящена анализу трех периодов российско-турецких отношений, хронологически охватывающих 2000-е, 2010-е и первую половину 2020-х годов. Актуальность исследования определяется тем, что к концу первой четверти XXI в. Россия и Турция по многим направлениям (дипломатическое взаимодействие на глобальном и региональном уровнях, торгово-экономические связи, сотрудничество в области энергетики и военно-технических связей) стали друг для друга приоритетными партнерами. Эта ситуация разительным образом контрастировала с 1990-ми годами, когда Турция по инерции сохраняла блоковую и идеологическую солидарность с «коллективным Западом». В статье обосновывается тезис о динамичной трансформации российско-турецких отношений за последнюю четверть века: для трех выделенных хронологических периодов характерно уникальное соотношение элементов комплементарности и конкуренции, которые определили сменявшие друг друга модели отношений. Современные публикации преимущественно фокусируются на отдельных аспектах взаимодействия двух стран, будь то дипломатическая сфера, энергетика или сюжеты пересекающихся и конкурирующих интересов по конкретным региональным вопросам (Сирия, Ливия, ситуация на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, Закавказье). Вместе с тем комплексный анализ детерминант, определявших процесс трансформации российско-турецких отношений, пока что недостаточно представлен в современных туркологических исследованиях. Статья написана на основе обширной источниковой базы — это официальные документы государственных органов и структур, вовлеченных в реализацию внешнеполитического курса, данные национальной статистики, публикации информационных агентств и ведущих СМИ.

Ключевые слова: Россия, Турция, Ближний Восток, внешняя политика, Реджеп Тайип Эрдоган, В.В. Путин.

P.V. Shlykov**Russia and Turkey in the Early 21st Century: Transformation of Bilateral Interaction Models***Pavel Shlykov, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; MGIMO University (Moscow, Russia).**E-mail: shlykov@mail.ru**Scopus Author ID: 57194032891; ORCID: 0000-0002-0331-430X; Researcher ID: N-3826-2014**This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development № 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.*

Abstract. In the article, the author undertakes an examination of three distinct periods in the history of Russian-Turkish relations. From a chronological perspective, these periods encompass the 2000s, the 2010s, and the first half of the 2020s. By the end of the first quarter of the 21st century, Russia and Turkey had begun to accord a higher level of priority to their relations with each other in a number of areas, including diplomatic interaction at the global and regional levels, trade and economic relations, energy and military-technical cooperation. This situation starkly contrasts with the late 1990s, when Turkey demonstrated a tendency to align with the “collective West” in a manner driven by both inertia and ideology. The author posits that Russian-Turkish relations have undergone a dynamic transformation over the past quarter of a century, while each of the periods under consideration exhibiting a unique constellation of complementarity and competition. These two aspects defined the respective models of bilateral relations in each period. Existing research focuses mainly on various discrete aspects of the relationship between the two countries – be it diplomatic interaction, energy, or issues of intertwined or competing interests in specific hotspots and regions such as Syria, Libya, the Middle East, Central Asia, and the Caucasus. At the same time, a comprehensive analysis of the driving forces behind the transformation of Russia-Turkey relations is still lacking in academic publications on Turkey. In order to present such an analysis, this article draws on a number of important primary sources, including official documents of Russian and Turkish state agencies and structures involved in the implementation of foreign policy, national statistics, publications of news agencies, and leading media.

Keywords: Russia, Turkey, Middle East, Russia-Turkey Relations, Eurasia, Recep Tayyip Erdoğan, Vladimir Putin.

Первая четверть XXI в. стала знаковой для российско-турецких отношений с точки зрения их динамичного и при этом нелинейного развития. На контрасте с периодом 1990-х годов, когда Турция по инерции еще находилась в орбите влияния Запада, а Россия в ее внешней политике занимала скорее периферийное положение, с началом 2000-х годов российское направление постепенно вышло на более высокий уровень в иерархии турецких внешнеполитических приоритетов. И для России Турция в этот период стала гораздо более значимым торгово-экономическим партнером и страной, в отношении с которой начало формироваться пространство для сотрудничества и одновременно конкуренции в условиях пересекающихся интересов (Центральная Азия, Южный Кавказ, а позднее и Ближний Восток).

В исследовательской литературе можно встретить различные оценки и объяснения современного состояния и динамики российско-турецких отношений¹. Многие авторы склонны объяснять сближение двух стран и расширение форматов и масштабов взаимодействия Москвы и Анкары личными отношениями В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана как сопоставимых по масштабу сильных харизматичных лидеров, демонстрирующих определенную

¹ Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции // Обозреватель — Observer. 2013. № 6 (281). С. 73–88; Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84–92; Özcan G., et al. Kuşku ile Komşuluk. İstanbul, 2017; Baev P. Turkey and Russia // The Routledge Handbook of Turkish Politics. London, 2019. P. 413–425; Balta E., Çelikpala M. Turkey and Russia // The Oxford Handbook of Turkish Politics. Oxford, 2021. P. 585–604.

схожесть в подходах к вопросам организации власти и мировой политики². Еще в середине 2010-х годов редактор *Le Monde* Натали Нугайред в колонке для *The Guardian* метафорично характеризовала Путина и Эрдогана «двумя рассерженными на границах Европы»³. Другие исследователи акцентируют внимание на росте авторитарных тенденций в Турции с конца 2000-х годов и связанных с этим процессах девестернизации и сворачивания либерально-демократических инициатив, долгое время мотивированных перспективой обретения полноправного членства в ЕС. Растущее разочарование в европейском проекте⁴ пропорционально снизило интерес к западной либеральной модели общественного порядка и повысило привлекательность партнерства с Россией и Китаем, лидеры которых, в отличие от европейских и американских политиков, воздерживались от критики турецкой демократии⁵. В современных публикациях можно встретить также точку зрения, что «заигрывание с Кремлем» стало частью внутривластной стратегии Эрдогана по укреплению своей единоличной власти в Турции⁶. Более объективный анализ, в свою очередь, позволил увидеть комплементарность экономик двух стран и в этой специфической экономической взаимозависимости искать объяснение устойчивой тенденции к сближению и диверсификации сотрудничества Москвы и Анкары⁷. Более широкий взгляд на проблематику российско-турецких отношений позволяет вывести геополитические факторы-детерминанты, определявшие характер их развития и динамику трансформации, — окончание холодной войны⁸, эскалация напряженности в отношениях Турции с США и ЕС за последние полтора десятилетия⁹, наконец, ослабление монополии Запада в вопросах мировой политики¹⁰. Теоретическое осмысление характера российско-турецких отношений, в свою очередь, дало возможность с помощью концепта стратегического хеджирования деконструировать логику их нелинейной динамики, пластичности политико-экономического альянса и конкурентного взаимодействия Москвы и Анкары¹¹. В силу комплекса структурно-международных и внутренних факторов Турция стремится использовать уникальное сочетание различных моделей балансирования и стратегического хеджирования ради сохранения и наращивания своей стратегической автономии в международных делах. В этой ситуации Россия, по сути, оказалась для Турции особым ресурсом расширения стратегической автономии, а украинский кризис создал новые возможности.

При всем пристальном внимании к российско-турецким отношениям в исследовательской литературе пока что не представлено комплексного исследования динамики меняющейся комплементарности и соперничества России и Турции по ключевым вопросам их взаимодействия в последние 25 лет. Данная статья призвана заполнить имеющийся пробел, акцентируя внимание на трех периодах российско-турецких отношений — 2000-х, 2010-х и начале 2020-х годов. Трем обозначенным хронологическим промежуткам соответствуют три модели отношений России и Турции, для каждой из которых характерны, во-первых, различные приоритеты и движущие силы, определявшие эти отношения, и, во-вторых, различные структурные особенности баланса между взаимодополняемостью и конкуренцией.

² *Aydıntaşbaş A.* With friends like these // *ECFR*. 23.VI.2016; *Çagaptay S.* Erdogan's Empire. London, 2019. P. 141.

³ *Nougayrède N.* The two angry men on Europe's borders // *The Guardian*. 29.X.2014.

⁴ Шлыков П.В. Куда идет Турция? // Современная Европа. 2013. Т. 53. № 1. С. 58–76.

⁵ *Trenin D.* The Astonishing Likeness of Turkey and Russia // *Carnegie Endowment*. 14.VI.2013; *Taussig T.* The serpentine trajectory of Turkish-Russian relations // *Brookings*. 04.X.2017; *Kubicek P.* Strictly Pragmatism? // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2021. Vol. 23. № 2. P. 233–250.

⁶ *Kınıkloğlu S.* Turkey's Russia Affair // *The Turkey Analyst*. 23.IX.2019.

⁷ *Öniş Z., Yılmaz Ş.* Turkey and Russia in a Shifting Global Order // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. P. 71–95.

⁸ *Aktürk Ş.* Turkish-Russian Relations After the End of the Cold War (1992–2002) // *Turkish Studies*. 2006. Vol. 7. P. 337–364.

⁹ *Stein A.* Why Turkey Turned Its Back on the United States and Embraced Russia? // *Foreign Affairs*. 06.VII.2019.

¹⁰ *Baltı E., Çelikkpala M.* Op. cit. P. 585–604.

¹¹ *Shlykov P.* The state of strategic hedging: Turkey's foreign policy and relations with Russia // *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21. P. 134–158.

Статья основана на анализе разнообразных источников, позволяющих реконструировать динамику российско-турецких отношений за последние два с половиной десятилетия и выявить основные факторы-детерминанты их трансформации — это официальные документы государственных органов и структур, вовлеченных в реализацию внешнеполитического курса¹², данные национальной статистики, публикации информационных агентств и ведущих СМИ. Документы внешнеполитических ведомств вкупе с заявлениями лидеров двух стран¹³ позволили выявить официальный дискурс российских и турецких властей по поводу отношений Москвы и Анкары в контексте меняющейся региональной и глобальной международно-политической конъюнктуры, а также помогли деконструировать модели российско-турецких отношений в динамике их трансформации. Материалы Турецкого статистического института (Türkiye İstatistik Kurumu — TÜİK) и аналогичных организаций позволили изучить конкретное наполнение российско-турецкого взаимодействия в разных сферах. Наконец, дискурс-анализ газетных публикаций ведущих турецких СМИ дал возможность воссоздать общественно-политический контекст российско-турецких отношений, необходимый для понимания их логики и нелинейной траектории развития.

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2000-е годы: ОТ ИДЕОЛОГИИ К ПРАГМАТИЗМУ

Новую страницу в российско-турецких отношениях символично открыло подписание главами внешнеполитических ведомств двух стран в Анкаре 16 ноября 2001 г. «Плана действий по развитию сотрудничества между РФ и Турцией в Евразии»¹⁴. В нем отражалось намерение перейти от формата сугубо двустороннего сотрудничества к региональному взаимодействию «во всех областях в духе дружбы и взаимного доверия»¹⁵ в рамках обширного географического пространства — от Балкан, Средиземноморья и Ближнего Востока до Южного Кавказа и Центральной Азии. План не только содержал дорожную карту по налаживанию кооперации в сфере торговли, культуры и туризма, но прежде всего должен был заложить фундамент для построения нового формата политического диалога между Москвой и Анкарой, начало которого положил официальный визит президента В.В. Путина в Турцию в декабре 2004 г.¹⁶ Приезд российского лидера в Анкару не просто прерывал «32-летнюю паузу в двусторонних визитах высшего уровня»¹⁷, но стал рассматриваться как первый государственный визит главы России в Турцию за всю пятисотлетнюю историю двусторонних отношений¹⁸. В подписанной по его итогам «Совместной декларации об углублении дружбы и многопланового партнерства» отмечался «широкий спектр взаимных интересов и рост политического доверия» и постулировалась необходимость «диверсификации сфер сотрудничества» как императива поступательного развития отношений «двух евразийских стран»¹⁹.

¹² В Турции в процесс выработки и реализации внешнеполитического курса, помимо МИДа, вовлечены Совет по вопросам безопасности и внешней политики, Совет национальной безопасности, Национальная разведывательная организация и Главное управление по массовым коммуникациям при администрации президента.

¹³ Все выступления президента Турции, пресс-коммюнике, интервью и статьи аккумулируются на портале его администрации. См.: Т.С. Cumhurbaşkanlığı // URL: <https://www.tccb.gov.tr/receptauyirperdogan/> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁴ План действий по развитию сотрудничества между РФ и ТР в Евразии от 16.11.2001 // URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-rusya-federasyonu-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁵ Rusya ile yeni ortaklık // Milliyet. 23.XI.2001.

¹⁶ В Анкаре состоялась церемония официальной встречи... 06.12.2004 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/32319> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁷ Ульянов Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М., 2014. С. 5—6.

¹⁸ Если не считать визиты Н.В. Подгорного и А.Н. Косыгина в 1970-е годы и Б.Н. Ельцина в 1990-е годы, которые не имели статуса государственных.

¹⁹ Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между РФ и ТР. 07.12.2004 // URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/tr/1660834/> (дата обращения: 10.09.2024).

К началу 2000-х годов совокупность внешних и внутренних факторов, определяющих позитивные тенденции в развитии российско-турецких отношений в разных сферах, достигла «порогового уровня кумулятивного эффекта». У политического руководства России (с избранием В.В. Путина президентом в 2000 г.) и Турции (с приходом власти однопартийного правительства Партии справедливости и развития (ПСР), победившей на выборах 2002 г.) наметилось определенное совпадение подходов по целому ряду острых вопросов мировой и региональной повестки дня. Прежде всего это касалось неприятия монополии США на выстраивание нового порядка на Ближнем Востоке. Новая политическая элита Турции – создатели ПСР Р.Т. Эрдоган, А. Гюль, Б. Арынч – не была склонна к наращиванию показной активности на постсоветском пространстве, столь раздражавшей Москву, отказалась от идеи «Великого Турана» и броских лозунгов времен Т. Озала и С. Демиреля о тюркском мире «от Адриатического моря до Великой китайской стены»²⁰ и в целом демонстрировала сдержанность во внешнеполитической риторике. Это резко контрастировало с подходом турецких политиков 1990-х годов, продолжавших по инерции мыслить в парадигме холодной войны, что существенно осложняло диалог с Москвой по чеченской и курдской проблемам и тормозило налаживание сотрудничества в энергетической сфере. Правительство ПСР постаралось отойти от стереотипов блокового противостояния и демонстрировало нацеленность на выстраивание конструктивного диалога как с США и ЕС, так и Россией, что позволило положить «прагматизм взаимной заинтересованности» в основу поступательного развития российско-турецких отношений в 2000-е годы²¹.

Этот «прагматизм взаимной заинтересованности» обуславливался, с одной стороны, настроем нового поколения политической и бизнес-элиты Турции, с другой – новыми концептуальными подходами к внешней политике и международным отношениям. В 2000-е годы прежние раздражающие факторы в отношениях Москвы и Анкары (восприятие России как источника перманентной угрозы национальной безопасности, обеспокоенность позицией по курдскому вопросу, соперничество в вопросах транспортировки энергоресурсов каспийского региона) либо утратили актуальность, либо были принципиально переосмыслены. В то же время растущее по своим масштабам торгово-экономическое сотрудничество с Россией делало насущно необходимым налаживание конструктивных взаимоотношений с Москвой и учета новых экономических интересов при выстраивании внешней политики, которая концептуально опиралась уже не на старые подходы с идеей Турции как «моста между Востоком и Западом» и «фланговой страны», а ее позиционирование как державы с глобальной внешнеполитической миссией, «центрального государства» для Балкан, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока²².

Шесть принципов внешней политики Турции, сформулированных главным советником Эрдогана по вопросам внешней политики в 2000-е годы проф. А. Давутоглу (баланс между свободой и безопасностью, «ноль проблем» с соседями, инициативная миротворческая дипломатия, комплементарность в международных отношениях, активное участие в решении глобальных проблем и деятельности международных организаций)²³, создавали новую систему координат, где уже не было место прежним идеологическим ограничениям, ранее тормозившим развитие российско-турецких отношений. Кроме того, новые подходы к международным отношениям соотносились с планами включения Турции в орбиту геополитического партнерства в Евразии и показывали ее заинтересованность в поддержании стабильности в неспокойном международном окружении, которую на тот момент в полной мере разделяли в Москве.

К концу 2000-х годов России и Турции удалось успешно завершить переговоры по заключению соглашений о реализации масштабных проектов, определивших вектор развития

²⁰ *Adriyatik Çin'e Türkiye // Cumhuriyet. 24.II.1992. S. 1, 19.*

²¹ *Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. Указ. соч. С. 7.*

²² *См.: Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. İstanbul, 2001. S. 107–108, 277.*

²³ *“The Principles of Turkish Foreign Policy” by Ahmet Davutoğlu // Yeni Şafak. 18.I.2010.*

сотрудничества двух стран на ближайшие полтора десятилетия, — строительстве первой в истории страны АЭС на средиземноморском побережье в иле Мерсин (АЭС «Аккую») ²⁴, прокладке Трансанатолийского нефтепровода (Самсун — Джейхан) ²⁵, введении безвизового режима между странами ²⁶ и учреждении Совета сотрудничества высшего уровня ²⁷. Все это позволило лидерам России и Турции говорить о «стратегическом партнерстве двух стран» и практических шагах по его реализации.

«Прорывные соглашения» рубежа 2000-х и 2010-х годов ²⁸ оценивались как более выгодные для турецкой стороны. Проект АЭС «Аккую» по модели «строй — владей — эксплуатируй» нес существенные риски для российских контрагентов в плане окупаемости и сохранения контроля над АЭС и шел вразрез с традиционным подходом российских властей, воздерживавшихся от помощи в развитии атомной энергетики странам, закупающим газ из России. Строительство нефтепровода Самсун — Джейхан российские власти откровенно называли экономически нецелесообразным ²⁹, в то время как турецкая сторона говорила о вторичности экономической составляющей проекта, направленного на разгрузку танкерного трафика в Черноморских проливах и решение экологических проблем ³⁰. Безвизовый режим для туристов также больше отвечал интересам Турции, крайне заинтересованной в наращивании потока отдыхающих из России и удержании лидерства на российском туристическом рынке (достаточно сказать, что соотношение россиян, приезжающих в Турцию, к турецким гражданам, посещающим Россию, составляло примерно 30:1) ³¹. Все это заставляло рассматривать масштабные проекты в Турции как политические инвестиции в поступательное развитие российско-турецких отношений, которое не исключало наличие разногласий по ряду региональных проблем (в оценках «арабской весны», вопросу размещения американской системы ПРО в Турции и др.). Однако расхождения в подходах и взглядах не препятствовали политическому диалогу и не ломали сложившуюся в 2000-е годы модель взаимного доверия и уважения к политическим решениям друг друга. Способность демпфировать реакции на колебания внешнеполитической конъюнктуры отражала накопленный запас прочности в модели отношений между Россией и Турцией, сложившейся в первое десятилетие XXI в.

РОСТ КОМПЛЕКСНОЙ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ РОССИИ И ТУРЦИИ

В 2010-е годы

Отличительной чертой периода 2010-х годов в российско-турецких отношениях стало формирование комплекса детерминант глобального, регионального, межгосударственного и внутриполитического характера, стимулировавших дальнейшее сближение и расширение сотрудничества между Москвой и Анкарой. Во-первых, это очевидное разочарование в «европейском проекте» и в целом в союзнических отношениях с Западом, осознание ограниченности возможностей и перспектив евроинтеграции на фоне европейского долгового кризиса ³². Во-вторых, серьезная внутриполитическая трансформация Турции, в рамках которой обозначились тенденции к установлению «режима конкурентного авторитаризма» ³³

²⁴ T.C. Hükümeti ile R.F. Hükümeti Arasında... // Resmi Gazete. 06.X.2010.

²⁵ Samsun-Ceyhan Petrol Hattı mutabakat metni imzalanıyor // Dünya. 19.X.2009.

²⁶ T.C. Hükümeti ile R.F. Hükümeti Arasında... // Resmi Gazete. 27.VII.2010.

²⁷ Совместное заявление о создании Совета сотрудничества высшего уровня между РФ и ТР. 12.05.2010 // URL: <http://kremlin.ru/supplement/552> (дата обращения: 10.09.2024).

²⁸ Турецкие СМИ называют визит Медведева «историческим прорывом» // РИА «Новости». 13.05.2010.

²⁹ Проект Самсун-Джейхан экономически невыгоден // РИА «Новости». 02.09.2011.

³⁰ «Анкара настаивает на выполнении проекта строительства нефтепровода “Самсун-Джейхан” — заявил президент Турции А. Пюль, — экономическая сторона строительства вторична». (Турция поддерживает проект нефтепровода «Самсун-Джейхан» // Вести. 09.09.2011.)

³¹ Страны Востока во внешней политике России. М., 2022. С. 75—104.

³² Шильков П.В. Между США, Европой и Евразией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 51—88.

³³ Arslantaş D., Kaiser A. The “Competitive Authoritarian” Turn in Turkey // Third World Quarterly. 2023. Vol. 44. P. 496—512.

и монополии на все ветви власти со стороны Р.Т. Эрдогана³⁴. В-третьих, установление тесных личных отношений между лидерами двух стран — Р.Т. Эрдоганом и В.В. Путиным³⁵. Наконец, прямая и безусловная поддержка российскими властями Эрдогана во время путча 15 июля 2016 г. на фоне двусмысленной реакции на трагические события европейских и американских политиков, которые не спешили с осуждением организаторов попытки госпереворота и выражением поддержки «законно избранной власти в Турции», несмотря на соответствующие запросы по дипломатическим каналам³⁶. Вместо порицания путчистов госсекретарь США Дж. Керри выражал надежду на «мирную стабилизацию ситуации»³⁷, а глава европейской дипломатии Ф. Могерини призвала власти Турции к «сдержанности и уважению демократических институтов»³⁸. Неудивительно, что пресс-секретарь Эрдогана И. Калын, не скрывая досады, писал в своем Twitter, обращаясь к США и ЕС: «Если бы переворот удался, вы бы его поддержали, как в Египте³⁹... теперь мы знаем ваше истинное лицо»⁴⁰. Вскрывшиеся в ходе расследования факты, что среди путчистов были натовские офицеры, а атаковавшие правительственные здания самолеты заправлялись на натовской базе «Инджирлик», вызвали подозрения, что спецслужбы и власти США были в курсе готовившегося переворота, о чем с нескрываемым раздражением стали писать турецкие СМИ⁴¹.

Разочарование в союзниках по НАТО привело к тому, что Турция, которая на протяжении большей части XX в. стремилась к сближению с Западом и демонстрировала успехи в деле интеграции в общеевропейские структуры, в 2010-е годы фактически стала отказываться от идеи «незаменимости Запада» и примата прозападной ориентации. Сохраняя институциональные связи с Западом в виде членства в НАТО, Совете Европы, Таможенном союзе с ЕС, ТРАСЕКА и других общеевропейских проектах и структурах, руководство Турции стало пересматривать внешнеполитические приоритеты и активно наращивать взаимодействия с незападными партнерами, запустив масштабную ревизию своей внешней политики.

В 2010-е годы Россия и Китай вошли в тройку главных внешнеэкономических партнеров Турции, а интеграция и расширение партнерства с такими структурами, как ШОС и БРИКС, символами пост-западного миропорядка, стало рассматриваться как приоритетное направление внешней политики⁴². Сближение с ШОС и БРИКС не только неоднократно декларировалось на разных уровнях⁴³, но и получило практическое воплощение. В 2012 г. Турция добилась статуса диалогового партнера ШОС, став первой страной НАТО, институционализировавшей отношения с этой организацией⁴⁴, в 2018 г. Эрдоган получил приглашение на саммит БРИКС в Йоханнесбурге, где представил план кратного наращивания масштабов торгово-экономического и технологического сотрудничества со странами БРИКС⁴⁵, а с расширением БРИКС в 2024 г. Эрдоган официально заявил о планах Турции также стать ее членом⁴⁶. Практические шаги по расширению сотрудничества и взаимодействия

³⁴ Шлыков П.В. Формула консолидации власти // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 4. С. 116–140.

³⁵ Путин об Эрдогане: «Это человек, который держит слово, мужчина... Он хвостом не виляет». См.: Ежегодная пресс-конференция В.В. Путина. 17.12.2020 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/64671> (дата обращения: 10.09.2024).

³⁶ ABD: O gece bizden destek istendi // Cumhuriyet. 06.VIII.2016.

³⁷ ABD hala delil arıyor! // Sabah. 19.VII.2016.

³⁸ Mogherini F. Call for restraint and respect for democratic institutions #Turkey // Twitter. 16.07.2016. URL: <https://twitter.com/federicamog/status/754068205010690048> (дата обращения: 10.09.2024).

³⁹ Речь о свержении 3 июля 2013 г. в результате военного переворота избранного президента М. Мурси.

⁴⁰ Kalin I. Had the coup succeed, you would have supported it... // Twitter. 20.07.2016. URL: <https://twitter.com/ikalini1/status/755681633039224832> (дата обращения: 10.09.2024).

⁴¹ FETÖ darbesini ABD'nin desteklediğini ortaya koyan veriler // Yeni Şafak. 20.VII.2016.

⁴² Oğuzlu T. Decoding Turkey's Rise // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. P. 617–636.

⁴³ Шанхайский ход Анкары // Московские новости. 01.VIII.2012. С. 4.

⁴⁴ Erşen E., Köstem S. Turkey's Pivot to Eurasia. London, 2019. P. 93–94.

⁴⁵ Turkey aims to enhance cooperation with BRICS // Anadolu Ajansı. 27.VII.2018.

⁴⁶ Rusya: Türkiye BRICS'e başvurdu // Yeni Şafak. 05.IX.2024.

с незападным миром были облечены в концептуальную рамку в виде инициативы «Снова Азия» (*Yeniden Asya Açılımı*), которую глава турецкого МИД М. Чавушоглу провозгласил на традиционной встрече с послами и представителями дипломатического корпуса в 2019 г. Суть инициативы сводилась к обоснованию императива развития экономического партнерства с ведущими азиатскими державами и разработки дорожной карты по его реализации⁴⁷. В этом ключе стали рассматриваться и возможности дальнейшего углубления сотрудничества с Россией как ключевым союзником Китая.

Еще одним значимым фактором сближения России и Турции стало концептуальное переосмысление турецкими политиками процесса трансформации системы международных отношений после окончания холодной войны. В 2010-е годы они пришли к осознанию того, что «с уходом в прошлое краткой эпохи однополярного мира обострившаяся борьба за политическое и экономическое влияние расшатала существующий миропорядок и критически снизила эффективность институтов многостороннего сотрудничества... и перед Турцией с ее геополитическим потенциалом встала необходимость генерировать новые идеи, новые инициативы, новые подходы»⁴⁸. За 2010-е годы доля стран БРИКС в мировом ВВП увеличилась с 20% в 2000 г. до более 35% к 2024 г., в то время как за тот же период доля стран G7 снизилась с 42% до 30%⁴⁹, что в представлении многих нивелировало монополию США и Запада в целом на роль гаранта международной безопасности и право «принуждать к соблюдению правил либерального миропорядка»⁵⁰. Подобная ситуация для таких региональных держав, как Турция, позволила расширить пространство для маневра в отстаивании своих интересов и наращивании участия в мировой политике. Появление новых центров силы не только понижало зависимость от Запада, но и давало возможности более тонкого балансирования⁵¹. Из этой логики выкристаллизовалась и стратегия геополитического балансирования между разными центрами силы постбиполярного мира в качестве залога более эффективной защиты своих интересов⁵².

Сложившаяся в контексте «арабской весны» ситуация на Ближнем Востоке способствовала дальнейшему отчуждению Турции от Запада. Политика Вашингтона в Сирии — тесное сотрудничество с курдскими организациями (с точки зрения официальной Анкары, пособниками признанной террористической Рабочей партии Курдистана), и кооперация с Саудовской Аравией, ОАЭ и Израилем (т.е. «региональными антагонистами» Турции) — способствовала заметному нагнетанию напряженности в турецко-американских отношениях, подталкивая Анкару искать альтернативных партнеров для отстаивания своих интересов в регионе. У некоторых наблюдателей даже создавалось впечатление, что чем хуже становились отношения с США, тем охотнее Турция крепила и расширяла региональное взаимодействие с Россией⁵³.

Показательно, что с началом нового витка конфронтации России и Запада, вызванного обострением кризиса вокруг Украины и воссоединением Крыма с Россией в 2014 г., власти Турции четко продемонстрировали приоритетность национальных экономических интересов перед идейно-ценностной солидарностью с западными союзниками, не только не присоединившись к антироссийским санкциям Запада, но и запустившей новые масштабные совместные проекты с Россией (в частности, строительство газопровода «Турецкий

⁴⁷ Çavuşoğlu “Yeniden Asya” açılımını duyurdu // *Yeni Şafak*. 05.VIII.2019.

⁴⁸ 11. Büyükelçiler Konferansı Açılış Konuşması. 05.08.2019 // URL: <https://www.mfa.gov.tr/data/BAKAN/bkon2019.pdf> (дата обращения: 10.09.2024).

⁴⁹ BRICS and G7 countries // *Statista*. 15.VII.2024.

⁵⁰ *Mearsheimer J.J.* Bound to fail // *International Security*. 2019. Vol. 43. P. 7–50.

⁵¹ *Ikenberry G.J., et al.* Introduction // *World Politics*. 2009. Vol. 61. № 1. P. 18–19.

⁵² *Dayal G., et al.* Turkey and the West // *The German Marshall Fund of the US. Policy Paper*. 2020. № 6. P. 1–18.

⁵³ *Dayal G., Keyman E.F.* Turkish-U.S. Strategic Decoupling // *The German Marshall Fund of the US*. 21.II.2019.

поток», который давал Турции, не обладающей существенными запасами энергоресурсов, возможность стать заметным актором мирового энергетического рынка)⁵⁴.

При этом континуум поступательного сближения России и Турции в 2010-е годы оказался разделенным «самолетным кризисом», когда 25 ноября 2015 г. турецкий истребитель F-16 сбил российский фронтовой бомбардировщик Су-24, якобы нарушивший воздушное пространство Турции. За трагическим инцидентом последовал продлившийся более семи месяцев период жесткой конфронтации — замораживание политического диалога на всех уровнях, приостановление экономического сотрудничества, ограничения по финансовым операциям и внешнеторговым сделкам, сужение туристического потока, сворачивание гуманитарных контактов (в соответствии с установкой, сформулированной В.В. Путиным в послании Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г., что власти Турции «не отделеются помидорами... и еще не раз пожалеют о содеянном»⁵⁵). Россия развернула на базе «Хмеймим» ЗРК С-400, установив фактически бесполетную зону для турецких ВВС над Сирией⁵⁶, и демонстративно стала взаимодействовать с курдскими Отрядами народной самообороны (Yekîneyên Parastina Gel — YPG), которых официальная Анкара приравняла к террористам из запрещенной РПК, а Москва стала продвигать в роли «важных участников переговорного процесса по Сирии»⁵⁷. В порядке информационного противостояния турецкие газеты обвиняли российские власти в бомбардировках гражданского населения Сирии и связях с «РПК, у боевиков которой обнаружено оружие российского производства»⁵⁸.

Осознание пагубности и бесперспективности дальнейшей деградации отношений с Россией, нанесшей заметный урон национальной экономике и безопасности (особенно на приграничных с Сирией территориях)⁵⁹, подтолкнуло Эрдогана направить Путину «письмо с извинениями», как его окрестили российские СМИ⁶⁰, которое российскому лидеру было передано на саммите ШОС в Ташкенте при посредничестве Н. Назарбаева⁶¹. Вместе с сожалениями и соболезнованиями Эрдоган выражал желание перезапустить стратегическое партнерство с «готовностью к любой инициативе», что в конечном итоге вылилось в трансформацию модели российско-турецких отношений. Если раньше они характеризовались налаживанием тесного сотрудничества в экономической и гуманитарной сфере с элементами политического диалога, то во второй половине 2010-х годов первостепенной доминантой стало взаимодействие по вопросам региональной безопасности на Ближнем Востоке и в Средиземноморье. Удивительным образом темы, остававшиеся прежде вне двусторонней повестки дня (в среде экспертов это получило название «компартиментализации отношений»⁶²), оказались преобладающими. Парадокс этой новой модели российско-турецких отношений состоял в том, что существенные различия в подходах Москвы и Анкары к проблемам региональной безопасности и видении ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, в Восточном Средиземноморье не препятствовали диалогу и взаимодействию по этим вопросам.

Во второй половине 2010-х годов проявились две важные отличительные черты новой модели российско-турецких отношений: во-первых, это компромиссность подходов (по чувствительным для Анкары вопросам российские власти стремились учитывать «турецкие

⁵⁴ Необходимо отметить, что при этом Анкара не отказалась от проработки других альтернативных маршрутов транзита нефти и газа из Центральной Азии на Запад, минуя Россию.

⁵⁵ Послание Президента Федеральному Собранию. 03.12.2015 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 10.09.2024).

⁵⁶ *Stepanova E.* Russia's Policy on Syria after the Start of Military Engagement // PONARS Eurasia Policy Memo. 24.II.2016.

⁵⁷ Переговоры по межсирийскому урегулированию в Женеве // РИА «Новости». 25.I.2018.

⁵⁸ Weapons seized in southeast Russian-made: Turkish president // *Hürriyet Daily News*. 02.II.2016.

⁵⁹ *Parlar Dal E.* Impact of the transnationalization of the Syrian civil war on Turkey // *Cambridge Review of International Affairs*. 2016. Vol. 29. P. 1398–1401.

⁶⁰ Эрдоган извинился в послании к Путину // *Ведомости*. 27.VI.2016.

⁶¹ Story of secret diplomacy that ended Russia-Turkey jet crisis // *Hürriyet Daily News*. 09.VIII.2016.

⁶² *Öniş Z., Yılmaz Ş.* Op. cit. P. 71–95.

обстоятельства» или как минимум демонстрировали понимание, не в пример западным союзникам Турции, жестко критикующим «режим Эрдогана»); во-вторых, это нацеленность на создание прочного фундамента для долгосрочного сотрудничества, которое позволило бы на практике реализовать декларируемое стратегическое партнерство («самолетный кризис» показал всю хрупкость российско-турецкой дружбы). И Эрдоган, и Путин, сознавая ограниченность формата взаимодействия исключительно по вопросам региональной безопасности, стремились выйти за рамки сотрудничества по Сирии, чья относительная успешность (реализация совместных военных инициатив, запуск «Астанинского процесса» дипломатического урегулирования в 2016 г. и др.) превратила его в фактор, влияющий на другие сферы отношений, что даже вызвало иллюзию возможности экстраполировать «сирийский опыт» на другие сложные вопросы.

Символами новой модели российско-турецких отношений стали строительство газопровода «Турецкий поток», введенного в эксплуатацию в январе 2020 г., и поставки ЗРК С-400, первый контракт на покупку которых был подписан в 2017 г.⁶³, сделав Турцию единственной страной НАТО, купившей высокотехнологичное российское оружие. При этом сами отношения Москвы и Анкары, несмотря на успехи в достижении компромиссов по острым вопросам регионального сотрудничества, по своей сути сохраняли исторически присущие им черты «конкурентного взаимодействия с элементами геополитического противостояния»⁶⁴. Везде, где Россия и Турция непосредственно взаимодействовали — будь то Сирия, Ливия или регион Южного Кавказа, едва ли находился принципиально важный вопрос, по которому их позиции полностью совпадали. При этом экстраполировать «сирийский опыт» успешного конкурентного взаимодействия на иной региональный контекст — ливийский кризис (2010-е годы), Карабахский конфликт (2020) и др. — оказалось весьма затруднительно и не очень продуктивно.

Сохранившаяся и в 2010-е годы комплексная взаимозависимость России и Турции (одна из отличительных черт отношений двух стран в 2000-е годы) напрямую отразилась и на характере торгово-экономических отношений с количественным (отрицательное сальдо торгового баланса) и качественным дисбалансом⁶⁵. Для России Турция оставалась преимущественно поставщиком текстиля, овощей и фруктов, а также строительным подрядчиком (т.е. относительно легко замещаемым партнером, что и показал опыт конфронтации после «самолетного кризиса»). Для Турции же Россия выступала труднозаменимым ключевым поставщиком энергоносителей и туристов, создателем национальной атомной энергетики (строительство АЭС «Аккую») и источником современных вооружений и военных технологий (поставки С-400).

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2020-е годы: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СБЛИЖЕНИЯ И КОНКУРЕНЦИИ

Оформившаяся во второй половине 2010-х годов в ходе выстраивания взаимодействия по Сирии специфическая модель российско-турецких отношений, сочетающая геополитическое соперничество с тактической военно-политической кооперацией, в самом начале 2020-х годов прошла два важных стресс-теста в очень разных региональных конфликтах — сначала в Ливии, затем во время нового обострения вокруг Нагорного Карабаха. Хотя вовлечение Турции в ливийский конфликт фактически началось еще в 2014 г. (в форме поддержки местных исламистских группировок в ходе начавшейся гражданской войны)⁶⁶, лишь в самом конце 2019 г. стало возможно говорить о полномасштабном вмешательстве, когда Анкара открыто поддержала Правительство национального согласия (ПНС), разместив на подконтрольной ему территории ударные беспилотники Bayraktar TB2, перебросив туда несколько тысяч боевиков сирийской оппозиции и направив к берегам Ливии турецкие

⁶³ Глава ФСВТС заявил о начале поставок в Турцию второго полка С-400 // РБК. 18.VIII.2022.

⁶⁴ Ульянов Н.Ю., Шлыков П.В. Указ. соч. С. 75–80.

⁶⁵ Demiryol T. Türkiye – Rusya Arasında Asimetrik İlişki ve Bağlılık // Perspektif. 05.V.2020.

⁶⁶ Joffé G. Libya: the new geopolitical arena // The Journal of North African Studies. 2020. Vol. 25. P. 681–688.

боевые корабли⁶⁷. Благодаря военной помощи Турции ПНС смогло быстро уничтожить незащищенные протяженные линии снабжения Ливийской национальной армии (ЛНА) Х. Хафтар, что существенно изменило баланс сил на земле. К середине апреля 2020 г. ПНС заняло важные города на западном побережье, достигнув границы с Тунисом, а ЛНА покинула южный Триполи, сдав практически все завоеванные годом ранее позиции. При этом соблюдались негласные «красные линии»: так, иностранным инструкторам ЛНА (предположительно из ЧВК «Вагнер») предоставлялась возможность покинуть позиции⁶⁸, а для восстановления нарушенного баланса сил и сдерживания продвижения ПНС в мае 2020 г. на подконтрольную ЛНА авиабазу «Джудфра» были доставлены истребители МиГ-29 и бомбардировщики Су-24⁶⁹.

Россия и Турция на ливийском направлении фактически воспроизводили модель конкурентного взаимодействия, налаженную в Сирии, и совместными усилиями заполняли возникший вакуум власти. Инициативы ООН по Ливии оказались малоэффективными, внутри ЕС и НАТО отсутствовало согласие по ливийскому вопросу (Франция и Греция поддерживали ЛНА, Италия и Мальта — ПНС), что ставило страны альянса на грань военного столкновения (10 июня 2020 г. турецкие корабли трижды нацеливались на французский фрегат *Le Courbet*, участвовавший в миссии по введению эмбарго на поставки оружия в Ливию⁷⁰). При этом России и Турции, находившимся в противоположных геополитических лагерях, удавалось взаимодействовать на тактическом уровне, избегая прямого столкновения (как временами случалось в Сирии) и наращивая свое военное и политическое влияние в Ливии.

Вторая Карабахская война 2020 г. совсем с иной стороны высветила складывающуюся модель российско-турецких отношений. Для Москвы этот конфликт имел принципиально иное значение, чем война в Сирии и Ливии, поскольку речь шла о безопасности на постсоветском пространстве. Активное вовлечение в него Турции воспринималось как вызов и своеобразный «ответ» на масштабное присутствие России в чувствительном для Анкары регионе — Сирии⁷¹. На протяжении острой фазы армяно-азербайджанского противостояния Москва публично не принимала чью-либо сторону, дорожа как союзническими отношениями с Арменией, членом ОДКБ, так и масштабным экономическим партнерством с Азербайджаном, и перешла к активным действиям только на завершающем этапе, чтобы усилить военное присутствие в зоне Нагорно-Карабахского конфликта и исключить других внешних игроков, в том числе Запад и Турцию, принимавшую непосредственное участие в конфликте на стороне Азербайджана. В отличие от России, у Турции прочные отношения имелись лишь с одной из сторон конфликта — Азербайджаном, и никаких — с Арменией (формально закрытая граница и отсутствие диппредставительства). Это давало пространство для маневра и позволило Турции реализовать масштабную и многоуровневую поддержку Баку в планировании и проведении боевых действий, активно участвуя в руководстве военными операциями, предоставляя свои ВВС и направляя на передовую несколько тысяч завербованных наемников-исламистов⁷². Турция таким образом нацеливалась на демонтаж переговорного формата Минской группы ОБСЕ (с участием Франции и США) и создание аналога «астанинского формата» по Карабаху, а также кратное наращивание военно-политического влияния на Южном Кавказе через Азербайджан (турецкие генералы руководили действиями азербайджанской армии⁷³, а считавшиеся пророссийскими военачальники заменялись на подготовленных в турецких военных академиях⁷⁴). С окончанием Второй Карабахской войны турецкое присутствие в армейском руководстве Азербайджана

⁶⁷ Turkey sent up to 3,800 fighters to Libya // The National. 20.VII.2020.

⁶⁸ Hundreds more Russian mercenaries flee western Libya // Al-Jazeera. 25.05.2020.

⁶⁹ Libya'nın tümünde kontrol sağlanmasının yolu // Anadolu Ajansı. 23.VI.2020.

⁷⁰ Turkey demands apology from France over naval incident claim // France-24. 02.VII.2020.

⁷¹ Isachenko D. Turkey-Russia Partnership in the War over Nagorno-Karabakh // SWP Comment. 19.XI.2020.

⁷² Syrian Observatory of Human Rights. 06.X.2020 // URL: <https://www.syriahr.com/en/187150/> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷³ Принуждение к конфликту // Коммерсант. 16.X.2020.

⁷⁴ Azerbaijan-Türkiye Military Relations // Turkey Scope. 2023. Vol. 7. P. 1–6.

институционализировалось в виде Специальной группы военного командования под руководством четырех генералов вооруженных сил Турции⁷⁵. Все это показывало стремление Турции купировать геополитическое влияние России на постсоветском пространстве, что воспринималось как угроза национальной безопасности, поскольку «Закавказье становилось новым плацдармом для международных террористических организаций, откуда боевики в последующем могут просачиваться в сопредельные с Азербайджаном и Арменией государства»⁷⁶.

Подписание совместного заявления о прекращении огня в Нагорном Карабахе 10 ноября 2020 г.⁷⁷ показало ограниченность сирийской модели конкурентного взаимодействия Москвы и Анкары с точки зрения возможности ее экстраполяции на иной региональный контекст. На тот момент России удалось отстоять свои интересы, сохранив доминирование в армяно-азербайджанском политическом процессе, отодвинув на второй план двух сопредседателей Минской группы ОБСЕ (Францию и США) и ограничив распространение влияния Турции, которая даже не упоминалась в тексте совместного заявления. Россия размещала военных миротворцев в Нагорном Карабахе на территории Армении и Азербайджана (окончательно выведены весной 2024 г. после признания Ереваном границ Азербайджана по состоянию на 1991 г.), согласившись на создание совместного с Турцией центра мониторинга прекращения огня на территории Азербайджана (свернут в апреле 2024 г.), что стало символическим возвращением российских военных, покинувших Азербайджан в 2012 г.⁷⁸ При этом Вторая Карабахская война нанесла заметный имиджевый урон России. Москва не смогла в полной мере защитить важного союзника на Кавказе, а мировые СМИ облетели кадры уничтожения российских вооружений турецкими беспилотниками и израильскими ракетами, переданными азербайджанской армии. Прямым следствием стала и активизация турецко-украинского военного сотрудничества. В начале 2021 г. Анкара подписала с Киевом соглашение о сотрудничестве по 30 оборонным проектам, включающим закупку Украиной 48 ударных беспилотников Bayraktar TB2, развертывание совместного производства авиационных двигателей для перспективного беспилотника Bayraktar Akıncı, бронетехники и т.д. Уже в октябре 2021 г. украинская армия стала активно применять турецкие беспилотники в Донбассе⁷⁹.

Начало СВО в феврале 2022 г. не только маркировало новый виток поляризации в мировой политике вокруг России, но также обозначило новый этап в развитии модели конкурентного взаимодействия Москвы и Анкары. Западные страны инициировали беспрецедентные по своим масштабам экономические санкции против России и направили колоссальную по объему военную помощь Украине, стараясь изолировать Москву политически, экономически и финансово. Градус поляризации между Западом и Россией достиг невиданного со времен холодной войны значения, что пропорционально увеличило давление на Турцию с настойчивым требованием определиться с «правильной стороной». Однако Анкара продолжила следовать принципу разделения и комплементарности, продолжая вести торговлю и диалог с Россией, с одной стороны, и Украиной и западными союзниками — с другой. Как пояснял пресс-секретарь и главный советник Эрдогана по внешней политике И. Калын, «Турция, развивавшая сотрудничество с Россией и Украиной, в условиях войны не может принимать чью-либо сторону... мы должны выстроить диалог между всеми участниками конфликта ради прекращения войны»⁸⁰.

Турция объявила СВО «незаконным военным вторжением», проголосовав за осуждение России на Генассамблее ООН 2 марта 2022 г.⁸¹, и резко нарастила объемы военного

⁷⁵ В Баку создана спецгруппа военного командования Турции // Rusarminfo. 09.IX.2021.

⁷⁶ Нарышкин заявил, что Закавказье может стать новым плацдармом для сотен террористов // ТАСС. 06.X.2020.

⁷⁷ Заявление Президента АР, Премьер-министра РА и Президента РФ. 10.XI.2020 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷⁸ Russia and Turkey open joint military center in Azerbaijan // Eurasianet. 02.II.2021.

⁷⁹ Украина впервые задействовала турецкий беспилотник в бою в Донбассе // Lenta.ru. 26.X.2021.

⁸⁰ İbrahim Kalın: Rusya'ya yaptırım uygulamayı düşünmüyoruz // TRT Haber. 11.III.2022.

⁸¹ General Assembly resolution demands end to Russian offensive in Ukraine // UN News. 02.III.2022.

экспорта на Украину (в 30 раз уже к апрелю 2022 г. — с 1,9 млн долл. до 59,1 млн долл.⁸²), который включал поставки ударных беспилотников Bayraktar TB2⁸³ и бронемшины Kırpi⁸⁴. По сравнению с многомиллиардной американской и европейской военной помощью Украине объемы турецких военных поставок выглядели мизерными, но в первые месяцы войны, когда западная помощь ограничивалась противотанковыми и зенитными ракетами малой дальности, турецкие беспилотники ненадолго стали ее основным ударным оружием⁸⁵. Официальный Киев не скупился на комплименты в адрес Турции, В.А. Зеленский эмоционально благодарил «своего друга президента Р.Т. Эрдогана» за поддержку Украины и закрытие Черноморских проливов для российских кораблей в соответствии с положениями Конвенции Монре́ 1936 г.⁸⁶, забывая, что в начале февраля через Проливы в Черное море Россия перебросила значительные военно-морские силы⁸⁷.

При этом Анкара максимально дистанцировалась от санкционной войны против России. И. Калын постоянно подчеркивал, что Турция не считает возможным присоединиться к санкциям против России, поскольку, во-первых, имеет с ней тесные связи в таких чувствительных сферах, как энергетика, туризм и сельское хозяйство, а во-вторых, исходит из необходимости сохранить с Москвой открытый диалог ради мирного урегулирования конфликта⁸⁸. За первые полгода после начала СВО Турция более чем вдвое нарастила закупки российской нефти (с 90 тыс. до 200 тыс. баррелей в день), а в октябре 2022 г. Путин и Эрдоган по итогам саммита в Астане анонсировали выход российско-турецкого энергетического сотрудничества на новый уровень, представив проект создания в Турции «газового хаба», который мог бы стать альтернативой другим центрам определения цены газа в Европе⁸⁹. В этом же ключе можно упомянуть и дополнительные российские ассигнования в размере 5 млрд долл. на ускорение строительства АЭС «Аккую»⁹⁰, которые в условиях тяжелейшего финансового кризиса, переживаемого Турцией, стали важной дополнительной валютной ликвидностью для Центробанка.

На дипломатическом уровне Турция добила права проведения мирных переговоров на уровне глав МИД Украины и России (в Стамбуле 10 марта 2022 г.), которые хоть и провалились, но дали возможность турецким политикам говорить, что Турция — «единственная страна, которая действительно хочет прекращения украинского конфликта и прилагает искренние усилия для [восстановления] мира»⁹¹. Летом 2022 г. Анкара выступила посредником «зерновой сделки» между Россией, Украиной, Турцией и ООН об организации безопасного морского коридора⁹², а осенью 2022 г. организовала переговоры между главой СВР С.В. Нарышкиным и главой ЦРУ У. Бернсом на фоне ядерной эскалации⁹³.

В экономическом отношении Турция нацелилась на получение максимально возможных дивидендов от санкционной войны против России, привлекая ушедшие с российского рынка крупные международные компании и заполняя своими товарами освободившиеся ниши (подписанное еще в 2019 г. соглашение о расчетах в национальной валюте немало облегчило этот процесс). За короткий срок Турция смогла более чем двукратно увеличить

⁸² Ukraine's defence imports from Turkey jumped 30-fold in Q1 // Middle East Monitor. 06.IV.2022.

⁸³ Ukraine received 50 Turkish Bayraktar TB2 drones // Middle East Eye. 28.VI.2022.

⁸⁴ Turkey sends 50 mine-resistant vehicles to Ukraine // Defence News. 22.VIII.2022.

⁸⁵ Turkish-made drones likely involved in Moskva sinking // Nikkei Asia. 18.IV.2022.

⁸⁶ I thank my friend Mr. President of Turkey @RTErdogan // Twitter. 26.II.2022. URL: <https://twitter.com/ZelenskyyUa/status/1497564078897774598> (дата обращения: 10.09.2024).

⁸⁷ 6 Russian Warships and Submarine Now Entering Black Sea Towards Ukraine // Naval News. 08.II.2022.

⁸⁸ Ibrahim Kalin, "Rusya'ya yaptırım planlamıyoruz" dedi // Hürriyet. 01.III.2022.

⁸⁹ Новак привел подробности проекта по созданию газового хаба в Турции // Interfax. 23.XII.2022.

⁹⁰ Russia is Wiring Dollars to Turkey for \$20 Billion Nuclear Plant // Bloomberg. 29.VII.2022.

⁹¹ Kalin İ. Ukrayna savaşının bitmesini gerçekten isteyen... // Twitter. 21.IX.2022. URL: <https://twitter.com/ikalin1/status/1572566998328180737> (дата обращения: 10.09.2024).

⁹² Black Sea grain exports deal "a beacon of hope" amid Ukraine war — Guterres // UN News. 22.VII.2022.

⁹³ Россия и США сходили в разведку друг на друга // Коммерсант. 14.XI.2022.

товарооборот с Россией⁹⁴ и занять второе после Китая место по совокупному объему торговли, а особое географическое положение позволило Турции стать важнейшим связующим звеном России с Европой в решении транспортно-логистических, товарных и энергетических вопросов и одним из главных негласных каналов параллельного импорта в Россию.

Двойственная позиция Турции по украинскому кризису, с одной стороны, вписывалась в логику внешней политики Анкары конца 2010-х годов с ее императивом стратегической автономии, с другой — показывала устойчивость и адаптивность модели конкурентного взаимодействия России и Турции в условиях стремительно меняющейся международно-политической конъюнктуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ динамики развития российско-турецкого взаимодействия в первой четверти XXI в. позволяет выявить специфику трех последовательно сменявших друг друга моделей отношений, для которых были характерны, во-первых, свой набор движущих сил, локализованный во времени и пространстве, и, во-вторых, особое сочетание элементов конкуренции и сотрудничества. Это сочетание также не было статичным и менялось в зависимости от конкретного наполнения двусторонних отношений, а также глобального и регионального контекста.

В 2000-е годы движущими силами российско-турецких отношений выступали взаимный экономический интерес и стремление двух стран создать более прагматичный фундамент взаимодействия по сравнению с периодом холодной войны, инерция которого во многом определяла состояние двусторонних связей в 1990-е годы. На первое десятилетие XXI в. пришлось формирование новой документальной базы, выявление сфер взаимной заинтересованности в противовес сложным вопросам двусторонних отношений, изменения в региональных и глобальных ориентирах, характерных для внешней политики Турции (отход от ориентации исключительно на структуры «коллективного Запада» при сохранении членства в них). Тем самым в этот период стратегическое недоверие сменилось таким состоянием связей России и Турции, которое можно было охарактеризовать как стратегическое партнерство или максимально возможное приближение к нему. При том, что экономические проекты, которые Россия и Турция начали разрабатывать в этот период, несли больше практических выгод именно для турецкой стороны, Россия рассматривала их как важный политический вклад в будущее поступательное развитие отношений.

Специфика отношений России и Турции в 2010-е годы заключалась как минимум в двух аспектах. Во-первых, в этот период они приобрели более зрелый и комплементарный характер. К этому времени сложилось понимание общности подходов двух стран к формированию более справедливого международного порядка. Во-вторых, российско-турецкие отношения прошли несколько тестов на прочность (в частности, в связи с «самолетным кризисом» 2015 г. и необходимостью приведения к общему знаменателю разнонаправленных интересов России и Турции в серии региональных конфликтов — Сирии, Ливии и Нагорном Карабахе). В результате в ходе этого десятилетия сложилась такая модель отношений, которая не была свободна от противоречий, но характеризовалась становлением дипломатических инструментов аккомодации интересов друг друга либо готовностью к активному поиску таковых.

В первой половине 2020-х годов российско-турецкое взаимодействие во многом определялось динамикой развития украинского кризиса, в результате которого Турция, не присоединившаяся к антироссийским санкциям, оказалась для России одним из ключевых незападных партнеров в политико-дипломатическом (как посредник в переговорном процессе на ранних стадиях кризиса) и экономическом отношении (как альтернативный ЕС торговый и логистический партнер). Для Турции же Россия стала значимым источником наращивания своей международно-политической субъектности на региональном и даже глобальном уровне.

⁹⁴ Товарооборот России и Турции за 9 месяцев удвоился // Interfax. 21.10.2022.

При этом константой для всех трех этапов стоит считать нарастающую комплементарность позиций и заинтересованность в развитии системы альтернативных западным глобальных и региональных институтов. При том, что Россия и Турция руководствуются разными соображениями — Россия пытается выступать в качестве лидера этого процесса, а Турция рассматривает эти институты в качестве страховки и полезной альтернативы в дополнение к своему участию в западных институциональных форматах — их обоюдная заинтересованность в активизации такой системы вполне может дать кумулятивный эффект в дальнейшем.

Библиография / References

- Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологии Турции // Обозреватель — Observer. 2013. № 6 (281). С. 73–88.
- Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84–92.
- Страны Востока во внешней политике России / под ред. Д.В. Стрельцова, К.А. Ефремовой. М., 2022.
- Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М., 2014.
- Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 51–88.
- Druzhilovskij S.B., Avatkov V.A. Vneshnepoliticheskie ideologemy Turcii (2002–2012 gg.) [Foreign Policy Ideologies of Turkey (2002–2012)] // Obozrevatel' [Observer]. 2013. № (281). S. 73–88. (In Russ.)
- Nadein-Raevskij V.A. Vneshnyaya politika Turtsii: vetry peremen [Turkey's Foreign Policy: Winds of Change] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [The world economy and international relations]. 2013. № 2. S. 84–92. (In Russ.)
- Shlykov P.V. Mezhdru SSHA, Yevropy i Yevraziyey [Between the USA, Europe and Eurasia] // Aktual'nyye problemy Yevropy [Current problems in Europe]. 2020. № 1. S. 51–88. (In Russ.)
- Strany Vostoka vo vneshney politike Rossii [Countries of the East in Russian foreign policy] / red. D.V. Strel'tsov, K.A. Yefremova. Moskva, 2022. (In Russ.)
- Ul'chenko N.Yu., Shlykov P.V. Dinamika rossiysko-turetskikh otnosheniy v usloviyakh narastaniya global'noy nestabil'nosti [Dynamics of Russian-Turkish relations in the context of increasing global instability]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Aktürk Ş. Turkish-Russian Relations After the End of the Cold War (1992–2002) // Turkish Studies. 2006. Vol. 7. P. 337–364.
- Arslantaş D., Kaiser A. The “Competitive Authoritarian” Turn in Turkey // Third World Quarterly. 2023. Vol. 44. P. 496–512.
- Baev P. Turkey and Russia // The Routledge Handbook of Turkish Politics. London, 2019. P. 413–425.
- Balta E., Çelikpala M. Turkey and Russia // The Oxford Handbook of Turkish Politics. Oxford, 2021. P. 585–604.
- Çagaptay S. Erdogan's Empire. London, 2019.
- Dalay G., et al. Turkey and the West // The German Marshall Fund of the US. Policy Paper. 2020. № 6. P. 1–18.
- Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. İstanbul, 2001.
- Ergen E., Köstem S. Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order. London, 2019.
- Ikenberry G.J., et al. Introduction // World Politics. 2009. Vol. 61. № 1. P. 1–27.
- Joffé G. Libya: the new geopolitical arena // The Journal of North African Studies. 2020. Vol. 25. № 5. P. 681–688.
- Kubicek P. Strictly Pragmatism? // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2021. Vol. 23. № 2. P. 233–250.
- Mearsheimer J.J. Bound to fail // International Security. 2019. Vol. 43. № 4. P. 7–50.
- Oğuzlu T. Decoding Turkey's Rise // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. P. 617–636.
- Öniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a shifting global order // Third World Quarterly. 2016. Vol. 37. P. 71–95.
- Özcan G., et al. Kuşku ile Komşuluk. İstanbul, 2017.
- Parlar Dal E. Impact of the transnationalization of the Syrian civil war on Turkey // Cambridge Review of International Affairs. 2016. Vol. 29. P. 1396–1420.
- Shlykov P. The state of strategic hedging: Turkey's foreign policy and relations with Russia // Russia in Global Affairs. 2023. Vol. 21. P. 134–158.

DOI: 10.31857/S0130386424060151

© 2024 г. М.Д. БУХАРИН

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.И. РОСТОВЦЕВА В ЭМИГРАЦИИ (ПО ПЕРЕПИСКЕ С П.Б. СТРУВЕ)

Бухарин Михаил Дмитриевич — действительный член РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: michabucha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

Аннотация. Выдающийся историк-антиковед М.И. Ростовцев занимал центральное место не только в научной сфере Русского Зарубежья. Он вел активную общественно-политическую деятельность как до, так и после эмиграции из России в 1918 г. Особенно активной эта деятельность была в первые эмигрантские годы – в Великобритании, Франции, США. В Государственном архиве Российской Федерации хранятся копии четырех документов из Гуверовского института войны, революции и мира (Университет им. Леланда Стэнфорда-младшего), которые демонстрируют не только поддержание тесных отношений со своим единомышленником и коллегой П.Б. Струве – одним из лидеров русской политической эмиграции рубежа 1910-х – начала 1920-х годов, но и активную роль, которую Ростовцев стремился играть в продвижении антибольшевистских проектов в США. Видя очевидную бесперспективность антибольшевистской деятельности, Ростовцев тем не менее стремился по мере сил делать все от него зависящее, чтобы выполнить свой гражданский долг личным участием в общественной деятельности, помощи коллегам, находившимся в сложной жизненной ситуации, установлением и поддержанием связей с миром политики (особенно внешней) в США. Корреспонденция двух академиков – М.И. Ростовцева и П.Б. Струве, вводимая в научный оборот в статье, расширяет наши представления о жизненном и творческом пути этих выдающихся ученых и общественных деятелей и проливает свет на историю советско-американских связей до официального признания Советского государства Соединенными Штатами.

Ключевые слова: СССР, США, научная эмиграция, эмигранты, М.И. Ростовцев, П.Б. Струве, Гражданская война в СССР, Американский Красный Крест, внешняя политика.

M.D. Bukharin

Social and Political Activity of Mikhail Rostovtzeff in Emigration Through His Correspondence with Pyotr Struve

Mikhail Bukharin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: michabucha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

Abstract. Mikhail Rostovtzeff, an eminent classicist, occupied a pivotal role not only within the academic milieu of the Russian Diaspora but also in the years preceding and following his departure from Russia in 1918. His activities were especially noteworthy during the initial years of emigration. The State Archive of the Russian Federation holds copies of four documents from the Hoover Institution on War, Revolution, and Peace (Leland Stanford Junior University) that illustrate the close relationship Rostovtzeff maintained with his like-minded colleague Pyotr Struve, one of the leaders of the Russian political emigration at the turn of the 1910s and early 1920s. Furthermore,

the documents demonstrate Rostovtzeff's active involvement in advancing anti-Bolshevik initiatives within the United States. Despite the apparent futility of his anti-Bolshevik efforts, Rostovtzeff nevertheless endeavoured to fulfill his public obligation through active engagement in social life abroad. This entailed offering aid to colleagues confronting daunting circumstances, cultivating and sustaining ties with the political milieu, particularly in the realm of foreign affairs, within the United States. The article introduces a previously unexplored correspondence between Rostovtzeff and Struve, providing insights not only into the lives of these scholars but also into the historical context of Soviet-American relations prior to the formal establishment of diplomatic relations between the Soviet Union and the United States.

Keywords: USSR, USA, scientific emigration, emigrants, Mikhail Rostovtzeff, Pyotr Struve, the Civil War in the USSR, the American Red Cross, foreign policy.

Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) сыграл исключительную роль в развитии мирового антиковедения, истории древнего искусства, ближневосточной археологии. Талант полемиста и обостренное чувство социальной справедливости слились воедино в общественно-политической деятельности Ростовцева, которой он сам придавал едва ли не большее значение, чем деятельности научной. Ростовцев был признанным авторитетом не только в изучении древней истории, но и в диспутах по наиболее жгучим вопросам общественно-политической повестки дня первой четверти XX в. – как в до-, так и в послереволюционный период. Вынужденная эмиграция, отрыв от родной земли, от библиотек, музеев, друзей и коллег, трагическая смерть многих из них в послереволюционное лихолетье, предательство (в котором сам Ростовцев был уверен) других, в частности руководства Академии наук, еще более обострили его стремление принять участие в работе тех, кто не мог смириться с приходом большевиков к власти и распространением их влияния. Ростовцев видел в большевизации вселенскую катастрофу, воплощение самых страшных апокалиптических видений, крушение мировой цивилизации. Со временем его антибольшевистский пыл принял менее выраженный характер, однако до конца дней он сохранял отвращение к большевикам и при необходимости не стеснялся его открыто выражать. Впрочем, советская власть платила ему взаимностью, и в 1928 г. М.И. Ростовцев был исключен из числа действительных членов АН СССР.

Вместе с Ростовцевым из академии был исключен из Петр Бернгардович Струве (1870–1944) – единомышленник Ростовцева и его коллега по Академии наук. Со Струве Ростовцев был связан членством и активной деятельностью в кадетской партии, одним из лидеров которой и был Петр Бернгардович. Вместе с Ростовцевым Струве был избран в 1917 г. действительным членом Академии наук.

Ростовцев покинул Россию в июне 1918 г.,¹ формально отправившись в научную командировку, из которой так и не вернулся. Струве же первое время после октябрьского переворота оставался в России, сотрудничал с Белым движением, переходил во время пребывания в столицах на нелегальное положение, перебирался за границу (в Финляндию и Англию) и снова возвращался на юг России.

Сохранились свидетельства того, что Струве хотел сделать Ростовцева «посланником» в Англии². Трудно сказать, на что конкретно надеялся Струве, возможно, речь шла о представлении интересов правительства Юга России Н.П. Врангеля, в котором Струве с апреля 1920 г. по январь 1921 г. возглавлял управление иностранных сношений, однако ясно, что в начале 1920-х годов Ростовцева и Струве связывала не просто общность эмигрантской судьбы, но и совместная активная антибольшевистская деятельность.

¹ Бонгард-Левин Г.М. Научная командировка или эмиграция? Два года в Англии // Скифский роман / под общей редакцией академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 124–145.

² Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым / публ. Г.М. Бонгард-Левина, В.Ю. Зуева, И.Л. Кызласовой, И.В. Тункиной // Там же. С. 434.

Так, в январе – феврале 1919 г. при материальной поддержке финансиста Н.Х. Денисова М.И. Ростовцев совместно с А.В. Тырковой-Вильямс³ создал и возглавил Комитет освобождения России, в который входил в том числе и П.Б. Струве. Комитет был создан для информирования мировой общественности о реальном положении дел в Советской России. Струве окончательно принял идею эмиграции лишь в январе 1921 г. и сосредоточился на общественно-политической, издательской и научной деятельности.

Ростовцев и Струве печатали обличительные статьи, многократно выступали на публике. Угрозу распространения большевизма по Европе Ростовцев воспринимал совершенно серьезно, особенно опасаясь объединения русского и немецкого большевизма. Об этом, в частности, он писал еще в статье «Мировой большевизм»⁴.

Объектами совместных нападок Ростовцева и Струве были не только политики, но и их бывшие коллеги по научному цеху, в частности непримиримый секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург, о чем его (Ольденбурга) извещал коллега-индолог академик Ф.И. Щербатской в письме от 21 апреля 1921 г.⁵

Резкий спад политической активности Ростовцева не без основания связывается с тем, что в январе 1921 г. он получил профессорскую должность в университете Мэдисона (штат Висконсин) в США и сосредоточился на преподавательской и исследовательской деятельности⁶. Впрочем, антибольшевистским убеждениям Ростовцев не изменял в течение всей жизни.

Ростовцев и Струве были не только коллегами, но и друзьями: «Я Струве нежно люблю», – признавался Ростовцев в письме к А.В. Тырковой-Вильямс, отправленном не ранее января 1920 г.⁷

Ранее академик Г.М. Бонгард-Левин отмечал: «Заслуживают внимания ... письма Ростовцева, хранящиеся в архивах Гуверовского института (Стенфорд, Калифорния): три письма к известному писателю и общественному деятелю П.Б. Струве (они представляют несомненный интерес для понимания политической позиции ученого в первый период пребывания в США)»⁸. В примечании выражена благодарность сотруднику архива Е. Даниэльсон за помощь в получении фотокопий этих писем, однако они не были опубликованы. Микрофильмированные копии этих писем обнаружены также в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)⁹.

Публикация и анализ сохранившейся (явно, не полностью) корреспонденции Ростовцева и Струве важны в нескольких аспектах: как дополнение к выявленному и ранее опубликованному эпистолярному наследию великого ученого, как немаловажный источник по истории становления советско-американских отношений и по истории российской научной и политической эмиграции, как интересная зарисовка общественной обстановки в Северной Америке и в Европе в 1920-е годы.

* * *

М.И. Ростовцев прибыл в Париж летом 1919 г. как член группы Б.А. Бахметьева на Парижскую мирную конференцию. 18 июня 1919 г. на приеме, утроенном американской делегацией, он познакомился с профессором Висконсинского университета (Мэдисон)

³ Тыркова-Вильямс, Ариадна Владимировна (1869–1962) – деятель русской дореволюционной либеральной оппозиции, член ЦК Конституционно-демократической партии, активно поддерживала Белое движение, писательница и критик.

⁴ Rostovtzeff M.I. World Bolshevism // New Europe. 1918. Vol. 9. № 112. P. 169–173.

⁵ Переписка Ф.И. Щербатского с С.Ф. Ольденбургом // Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008. С. 340.

⁶ Fichtner N. Der Althistoriker Michail Rostovtzeff Wissenschaft und Politik im vorrevolutionären und bolschewistischen Russland (1890–1918) // PHILIPPIKA. Altertumswissenschaftliche Abhandlungen. Contributions to the Study of Ancient World Cultures / Hrsg. von / eds J. Hengstl, E. Irwin, A. Jördens, T. Mattern, R. Rollinger, K. Ruffing, O. Witthuhn. Vol. 142. Wiesbaden, 2020. S. 329.

⁷ Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу / публ. Г.М. Бонгард-Левина, И.В. Тункиной // Скифский роман. С. 479.

⁸ Бонгард-Левин Г.М. Архивы США и Европы // Скифский роман. С. 37.

⁹ Сердечно благодарен М.Н. Кирилловой (Институт всеобщей истории РАН) за помощь в работе с микрофильмами писем.

У.Л. Уэстерманном, который входил в число экспертов, сопровождавших официальную американскую делегацию¹⁰.

Борис Александрович Бахметьев (Бахметев) (1880–1951) – ученый, профессор Императорского Санкт-Петербургского политехнического института, специалист в сфере гидродинамики, предприниматель, как и многие ведущие ученые и профессора, имел активную общественно-политическую позицию. Во Временном правительстве он занимал должность товарища (заместителя) министра торговли и промышленности. В апреле 1917 г. Бахметьев возглавил чрезвычайную дипломатическую миссию в США. В июне 1917 г. Бахметьев был назначен послом России в США. После октябрьского переворота миссия Бахметьева продолжала занимать здание посольства и пользоваться значительными средствами, которые остались в его распоряжении. Бахметьев принимал активное участие в Парижской конференции – от лица Russian Political Conference, близкого по позиции к американской делегации (в частности, по вопросу сохранения территориальной целостности России), в которой участвовали и Ростовцев, и Уэстерманн. 30 июня 1922 г. после соответствующего запроса со своей стороны от 28 апреля 1922 г., последовавшего ввиду безуспешности собственной политической линии, Бахметьев был уведомлен правительством США, что его полномочия прекращены¹¹.

Прибыв в США 25 августа 1920 г., Ростовцев первым делом связался с Русским информационным бюро – американским аналогом Комитета освобождения России. Как он пишет в письме к Струве, благодаря помощи Бахметьева он получил аудиенцию у государственного секретаря США Б. Колби.

Колби был убежденным демократом, либералом-идеалистом в международных отношениях. Он призывал сохранять свободу мореходства, уважать государственные границы, соблюдать международные договоры и признавать верховенство международного права. В приветственном адресе Национальной конференции по иностранным сношениям США в 1917 г. (National Conference on Foreign Relations of the United States) он заявлял, что главной целью в международных отношениях человечества является «справедливость». При этом он находил вполне рациональные объяснения и становлению империализма, и причинам империалистических войн. Собственно, уход от экономических факторов происхождения войн и был главной целью внешнеполитической деятельности Колби: «Наша цель должна заключаться в уничтожении экономического корня войны, иными словами, в создании экономического, а не только политического интернационализма, сообщества интересов, пусть даже ограниченного и неполного, среди великих наций. Американская политика открытых дверей в управлении колониями должна найти признание в мире, если человечество хочет выйти из постоянной угрозы войны»¹², – писал он.

Колби категорически не признавал большевиков и в этом его взгляды с воззрениями Ростовцева полностью совпадали. Впрочем, «прекраснодушные», которым Колби руководствовался в практической политической деятельности по искоренению войн, было точно отмечено и Ростовцевым, выделившим призрачность проектов Колби по политическому переустройству большевистской России.

Политическая верхушка США не признавала большевиков, но и не придавала их пропаганде в США особенного значения, не видя в них серьезной угрозы. Единственной силой, которая пыталась связать настроения американских радикалов с распространением «красной заразы», были русские эмигранты. Дело дошло до того, что целый ряд американских политиков и общественных деятелей, например Джон Рид, были обвинены в проведении

¹⁰ См., например: *Westermann W.L. The Armenian Problem and the Disruption of Turkey // What Really Happened at Paris: the Story of the Peace Conference, 1918–1919, by American Delegates / eds E. Mandell House, Ch. Seymour. New York, 1921. P. 176–203.*

¹¹ *Killen L. The Search for a Democratic Russia. Bakhmetev and the United States // Diplomatic History. 1978. № 2 (3). P. 256.*

¹² *Colby B. The Democratic Ideal in International Relations // Proceedings of the Academy of Political Science in the City of New York. 1917. Vol. 7. № 2. The Foreign Relations of the United States. Pt. I. P. 123.*

большевистской пропаганды в США¹³. Тот же Ростовцев отдавал должное мастерству и размаху, с которым большевики вели пропаганду социальной революции по всему миру, делая ставку на всех, кто мог бы заинтересоваться лозунгом свержения существовавших режимов¹⁴.

Контекст самого раннего письма к Струве выясняется в том числе из послания М.И. Ростовцева, отправленного А.В. Тырковой-Вильямс 5 сентября 1920 г.¹⁵ Ростовцев сообщает Тырковой, что он уже более недели в Америке, ругает своего друга Струве за «безалаберность»: Ростовцев не получил ни инструкций, ни полномочий в своей деятельности. Более того, Бахметьев даже не был извещен о его приезде. И далее речь идет о том, что Ростовцев все же повидался с Бахметьевым и поговорил с ним «о Врангеле». Разговор сводился к обсуждению возможностей использовать армию Врангеля как единственное средство для свержения большевиков, тогда как Колби вынашивал идею созыва Учредительного собрания при сложении власти большевиками и признании любого правительства, которое это собрание выберет.

Этот «проект», очевидно, Колби изложил Ростовцеву неспроста. Возможно, некоторый свет на его происхождение проливает следующая история: на рубеже 1918 и 1919 гг. в Финляндии прибыли лидеры петроградской организации «Национальный центр», среди которых 9 декабря 1918 г. был и Струве. В январе 1919 г. со П.Б. Струве и А.В. Карташевым, так же прибывшим в Финляндию, встретился генерал Н.Н. Юденич. Как и другие лидеры Белого движения (генералы А.И. Деникин и адмирал А.В. Колчак), Юденич осознал пользу тесного сотрудничества с представителями «Национального центра», которые, со своей стороны, были готовы всесторонне поддерживать военную диктатуру впредь до созыва свободно избранного Учредительного собрания и в то же время вести активную политическую деятельность в лагере победивших союзников в пользу добровольческих армий¹⁶. Как показывает этот эпизод, идею свободного избрания Учредительного собрания и продолжения агитационной работы среди союзников-победителей активно пропагандировал (среди прочих) именно Струве. Идея о свободном выборе Учредительного собрания как способе восстановления законного порядка в России была выдвинута и Русским политическим совещанием, состоявшимся в Париже в марте – сентябре 1919 г., в работе которого активно участвовали и Струве, и прибывший из Вашингтона Бахметьев. «Только законно и свободно набранному Учредительному собранию принадлежит неоспоримое право решить вопрос о государственном устройстве России. До тех пор, пока большевистское господство не будет разрушено и русский народ не получит возможности свободно проявить свою волю, объединенные правительства не сложат оружия, взяться за которое они были вынуждены большевиками», – писал М.М. Карпович, секретарь Б.А. Бахметьева, 28 апреля 1919 г.¹⁷

Весьма вероятно, что этой идеей Струве и Русского политического совещания Бахметьев поделился с Колби, который и изложил ее в беседе с Ростовцевым, написавшим об этом Струве. Таким образом, предполагаемый круг (Струве – Бахметьев – Колби – Ростовцев – Струве) замкнулся.

Для поддержки Врангеля требовалось наладить снабжение его армии припасами. Ростовцев жалуется на общественную обстановку в США: засилье пробольшевистских газет, практическое отсутствие общественных настроений, альтернативных пробольшевистскому. Ростовцев надеялся начать издание антибольшевистского журнала и перечислял в письме те трудности, которые он ожидал в связи с этим. Определенно, Ростовцев не надеялся на конечный успех своей деятельности и пребывал в депрессии: «Ложусь спать с надеждой не

¹³ *McFadden D.W.* Alternative Paths. Soviets & Americans. 1917–1920. New York; Oxford, 1993. P. 297.

¹⁴ *Rostovtzeff M.I.* Bolshevik Russia and Civilized Mankind // *The Journal of International Relations*. 1921. Vol. 11. № 4. P. 527.

¹⁵ Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу. С. 480.

¹⁶ *Рутыч Н.* Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 52–54.

¹⁷ *Карпович М.М.* Русское политическое совещание в Париже. 1919 г. / публ. А.В. Смолина // *Труды кафедры нового и новейшего времени*. 2015. № 14. С. 195. Из Архива Гуверовского Института войны революции и мира Стэнфордского университета США (коллекция Б.И. Николаевского).

встать и встаю с отвращением... И не знаю, стоит ли такая жизнь, чтобы сохранять ее», – признавался он Тырковой-Вильямс в этом же письме¹⁸.

О встрече с М.И. Ростовцевым Б.А. Бахметьев сообщал в письме к В.А. Маклакову, активному стороннику Белого движения, от 14 декабря 1920 г. Речь шла о том, что парижские эмигрантские газеты («Последние известия», «Общее дело») негативно относились к вашингтонскому посольству с Бахметьевым во главе и создавали соответствующее общественное мнение, которое сам Бахметьев считал «важным политическим фактором». «Конфиденциально сообщая Вам, что по этому вопросу мы сносились с Ростовцевым, который к нам, вообще говоря, кажется, расположен, – писал Бахметьев. – М[ихаил] И[ванович] вполне понимает, что информация неправильна, но прозрачно намекал нам о предубеждении, существующем в парижских газетных кругах к Вашингтонскому посольству, указывая, что убедить их в вредоносности и неправильности корфизма¹⁹ трудно»²⁰. «Америка очень важна для нас сейчас», – пишет Ростовцев Струве. В этом мнении Ростовцева, перебравшегося в США из Великобритании, полностью совпадает с мнением Бахметьева, но отличается от точки зрения парижского эмигрантского сообщества.

Письмо к Струве было отправлено, вероятно, при посредничестве Тырковой-Вильямс. Во всяком случае, Ростовцев пишет ей в сентябре 1920 г.: «Я со своей стороны прилагаю письмо к Струве, которое просил бы отправить при первой возможной okazji»²¹. Вероятнее всего, речь идет именно о письме, публикуемом ниже.

№ 1

М.И. Ростовцев – П.Б. Струве

[не позднее сентября 1920 г.]

Дорогой Петр Бернгардович²²,

Несмотря на то что я так и не получил от Вас никакой инструкции, я все-таки считал себя связанным данным Вам обещанием и, по приезде в Америку, остановился в Нью-Йорке и Вашингтоне и постарался двинуть те вопросы, о которых мы с Вами говорили. Прежде всего, я должен констатировать, что русские дела здесь в хороших руках. Бахметьев оказался очень талантливым дипломатом, он пользуется большим уважением в здешних дипломатических сферах и ведет русскую политику осторожно и умело. Меня лично он встретил очень хорошо и помог мне повидаться с Colby (подчеркнуто автором. – М.Б.), с которым я имел сегодня получасовую беседу и которому подал прилагаемый меморандум²³. Это все для памяти. Когда это письмо дойдет до Вас, все положение дела изменится, и поэтому не стоит об этом писать. Существенно то, что снарядов и снаряжения они отправлять не разрешают, и сделать тут что-нибудь трудно²⁴. Боюсь, что и мой разговор эту стену не прошиб. Боятся labour, как и в Англии, а перед выборами²⁵ – более, чем когда бы то ни было. Настроение

¹⁸ Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу. С. 480.

¹⁹ Имеется в виду деятельность С.А. Корфа (1876–1924) – профессора права, историка, сотрудника российского посольства в Вашингтоне, позднее главы Информационного бюро в Париже. Корф критиковал политическую деятельность Б.А. Бахметьева.

²⁰ Цит. по: «Совершенно лично и доверительно!». Б.А. Бахметьев. В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3-х т. Т. I. Август 1919 – сентябрь 1921. М.; Стэнфорд, 2001. С. 320.

²¹ Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу. С. 481.

²² Здесь и далее так в рукописи и в машинописи вместо «Бернгардович».

²³ Вероятно, имеется в виду меморандум, опубликованный в New Russia: *Rostovtzeff M.I. Memorandum* // The New Russia. 1920. Vol. 1. № 12. P. 283–285. Переиздание см.: *Ростовцев М.И.* Политические статьи / пер. с англ., предисл. и вступ. ст. К.А. Аветисян. СПб., 2002. С. 126–132. Основная идея меморандума – организация поддержки армии генерала Врангеля и деятельности правительства Юга России.

²⁴ Правительство В. Вильсона не собиралось воевать с большевиками. См.: *Killen L.* Op. cit. P. 256.

²⁵ Очевидно, имеются в виду выборы ноября 1920 г., на которых победу одержал республиканец У. Гардинг.

здесь плохое²⁶. Большевикам не верят, большевиков боятся и с ними не хотят иметь дело. Но почти все еврейство здесь – по большей части русские – за большевиков и значительная часть неамериканских рабочих, особенно русских, тоже. Они вопят и галдят, и кое-кого запугивают. Для Америки это пока не опасно, так как большевизм у этих элементов для России, но для русского дела неприятно. Поэтому Colby носится с разными проектами. Один из них он мне излагал. Обратиться к большевикам от имени рабочих лидеров (каких?) с предложением созвать учредительное собрание. На это он смотрит как на средство пропаганды, так как предвидит отказ большевиков. Этот шаг я считаю бесполезным, но, думаю, что, если правительство Врангеля будет еще существовать в это время, отклонять это предложение *a limine*²⁷ не следует. Пусть получают отказ от большевиков, а с ним дадут гарантии настоящего учредительного собрания, собранного небольшевиками. Впрочем, полагаю, что это академические разговоры, но сейчас все возможно, и считаю своим долгом об этом шаге Вас предупредить. Таково положение. Америка очень важна для нас сейчас, неплохо было бы, если какое-либо более авторитетное лицо, и притом с Юга, приехало бы сюда после выборов. Тогда можно было бы сделать больше и лучше. Желаю Вам бодрости и успеха в Вашем трудном деле. Если что-то нужно сообщить, всегда готов быть полезен. Адрес мой всегда в Посольстве будет известен. Поклон П.Н. Милюкову, если он с Вами.

Преданный Вам

М. Ростовцев.

ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 15. Д. 13. П. 49. Автограф, машинопись.

Короткая каблограмма, направленная П.Б. Струве для подтверждения получения письма (№ 1), содержит весьма важную информацию для реконструкции американско-российских отношений во второй половине 1920 г. Каблограмма упоминает получение гуманитарной помощи, доставленной в Южную Россию при посредничестве Миссии Американского Красного Креста (АКК) в России – специальной дипломатической миссии, направленной в Россию в июне 1917 г. под руководством американского политика и филантропа Ф.Б. Кэллога, – сам АКК действовал в России еще с 1915 г.

Летом 1920 г. деятельность миссии в России переживала серьезный кризис: нарастало внешнее давление, значительно падала поддержка деятельности Красного Креста в самих Соединенных Штатах. Средства, оставшиеся в распоряжении АКК, были крайне ограничены. Комиссар АКК в Европе Р. Олдс признавал: «Атмосфера не благоприятствует выдвижению масштабных требований к американскому народу. Это президентский год и многие в нашей стране говорят, что Америка, а не Европа, должна находиться в фокусе внимания в этот момент»²⁸.

Работа АКК по оказанию помощи в Албании была закрыта в сентябре, затем последовали Черногория и Сербия. Хотя АКК сохранял свой персонал в Польше, Южной России и на Балтике до 1 января 1921 г., лидеры АКК заявили о своем намерении сворачивать свою деятельность в Европе.

Как следует из каблограммы Струве, Ростовцев вместе с Бахметьевым продолжали искать поддержку в американском политическом истеблишменте для продолжения гуманитарной деятельности Американского Красного Креста в Южной России и в этих крайне неблагоприятных условиях.

²⁶ Ср. вывод современного исследователя: «Фактически, к декабрю 1919 г. приверженность Америки Бахметьевской России явно пошла на спад. Как бы сильно Соединенные Штаты ни хотели видеть Россию прогрессивной, антибольшевистской, они не были готовы взять на себя все бремя. Общественность не хотела воевать с большевиками и не одобрила бы расходы на эти цели» (*Killen L. Op. cit. P. 253*).

²⁷ С порога (*am.*).

²⁸ Цит. по: *Irwin J.F. Making the World Safe. The American Red Cross and a Nations's Humanitarian Awakening. Oxford, 2013. P. 164.*

№ 2

П.Б. Струве – М.И. Ростовцеву

Professor Mikhael Rostovtzeff University Madison Wisconsin

Lettre reçu. Oeuvre humanitaire Croix Rouge Americaine Sud Russie donnée. Résultats merveilleux. Continuation absolument nécessaire. Agissez ce sens harmonie Bakhmetieff.

Струве.

Перевод: Письмо получено. Гуманитарная помощь Американского Красного Креста Южной России передана. Результаты превосходные. Продолжение абсолютно необходимо. Действуйте в том же духе в гармонии с Бахметьевым.

Струве.

ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 15. Д. 13. Папка 49. Черновик каблогаммы 20.X(1920), Клэрм. Автограф, машинопись.

Следующие документы не связаны с первыми двумя и свидетельствуют о продолжении общественно-политических и личных контактов между М.И. Ростовцевым и П.Б. Струве.

В письме 1925 г. Ростовцева к Струве, тогда главному редактору газеты «Возрождение», говорится о статье, написанной Ростовцевым для данного издания. «Возрождение» – ежедневная газета, выходившая в Париже под редакцией Струве в 1925–1927 гг. Первый номер вышел в среду 1 июня 1925 г. В архиве газеты «Возрождение» публикации Ростовцева не обнаружены. Портал Historical Periodicals библиотеки Принстонского университета позволяет установить этот факт.

№ 3

М.И. Ростовцев – П.Б. Струве

23 июля 1925 г.

Дорогой Петр Бернардович!

Хотя Возрождения я еще не получил, но шлю Вам в уплату за него статью о [неразборчиво]. Строк не считал, но, думаю, что будет не более 300. Каталог я получил, передал его одному книжному червю наше<й> библиотеки и просил его сообщить, несколько адресов покупателей редких книг, что он и обещал сделать. Пошлите также каталоги Prof. A. Coolidge²⁹, Harvard Library, Cambridge Mass (U.S.A.), Prof. F.A. Golder³⁰, Stanford University, California (U.S.A.), Congress Library, Washington D.C. (U.S.A.) и Library, Michigan University, Ann Arbor Mich. (U.S.A.). Любой справочник, например, Minerva, даст Вам список других американских университетов и библиотек. Очень интересно будет увидеть Возрождение.

Преданный Вам

М. Ростовцев.

ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 15. Д. 13. П. 49. Автограф.

²⁹ Имеется в виду А. Кулидж – специалист по истории России, один из основоположников американского славяноведения; профессор Гарвардского университета с 1908 г. С 1911 г. до самой кончины – директор университетской библиотеки. В 1890–1891 гг. работал в Санкт-Петербурге.

Так как Ростовцев с 1 сентября 1890 г. учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, то нельзя исключить, что Ростовцев и Кулидж могли быть знакомы еще по петербургскому периоду жизни гарвардского профессора.

³⁰ Имеется в виду Ф.А. Голдер – американский историк, архивист, специалист по американско-российским отношениям. Голдер родился в Одессе и переехал в США в 1880 г., в 1914–1917 гг. неоднократно бывал в России и работал в архивах Москвы и Петрограда. В 1921–1923 гг. работал в РСФСР в составе Американской организации помощи, с 1924 г. – директор Гуверовского института войны, революции и мира Стенфордского университета.

Принимая во внимание деятельность Ростовцева в первые годы пребывания в США по сбору гуманитарной помощи для юга России, можно предположить, что и фамилия Голдера появилась в письме к Струве не случайно, а на основе личного знакомства Голдера и Ростовцева. Голдер упоминается в одном из писем Ростовцева (от 18 января 1928 г.) другу и коллеге Ростовцева византинисту А.А. Васильеву как источник информации о том, что Академия наук СССР ждет возвращения Васильева на Родину (см.: *Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В.* М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Скифский роман. С. 269).

Судя по письму к А.А. Васильеву от 25 июля 1927 г., М.И. Ростовцев оказался в Париже в начале июля 1927 г., куда, судя по открытке финскому коллеге археологу А. Тальгрону³¹, он перебрался из Рима: «Живем здесь вот уже две недели, отдыхая от жары. В августе будем в Бейруте, затем в сентябре в Париж», – писал он своему другу и коллеге³². Судя по описанию совместного времяпрепровождения с Ростовцевым в письме Васильева к другу и коллеге Ростовцева антиковеду А.А. Жебелёву от 15 октября 1927 г.³³, пребывание в Париже носило характер «творческого отпуска», посвященного в том числе работе в главных научных центрах Европы.

Однако у Ростовцева могла быть и «практическая» цель увидеться со Струве. 16 августа 1927 г. ввиду накопившихся разногласий с А.О. Гукасовым – владельцем газеты «Возрождение» – П.Б. Струве был снят с должности главного редактора. Пережить это событие было для Струве, определенно, нелегко. Правда, у Струве были новые издательские проекты³⁴. Возможно, обсуждение положения дел в эмигрантской периодике должно было стать предметом разговора между старыми друзьями и коллегами. До своего переезда в Прагу в марте 1928 г. Струве оставался в Париже, и если его встреча с Ростовцевым не состоялась, то причина должна была быть относительно случайной.

№ 4

М.И. Ростовцев – П.Б. Струве

18 сентября 1927 г.

Дорогой Петр Бернардович!

Не хотелось бы проехать через Париж, не повидав Вас. Единственный свободный вечер у меня – вторник 14го сентября. Сообщите *Unic Hôtel*, 151bis rue de Rennes³⁵, могу ли я [неразборчиво³⁶] Вам в этот вечер (часов около 8½). Если не получу ответа, это будет значить, что Вы заняты и что придется отложить наше свидание до следующего моего приезда в Париж. Мы уезжаем из Парижа в пятницу.

Преданный Вам

М. Ростовцев.

ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 15. Д. 13. П. 49. Автограф.

Библиография

Бонгард-Левин Г.М. Архивы США и Европы // Скифский роман / под общей ред. академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 35–43.

Бонгард-Левин Г.М. Научная командировка или эмиграция? Два года в Англии // Скифский роман / под общей ред. академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 124–145.

Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Скифский роман / под общей ред. академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 259–287.

Карпович М.М. Русское политическое совещание в Париже. 1919 г. / публ. А.В. Смолина // Труды кафедр нового и новейшего времени. 2015. № 14. С. 187–197.

Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008. С. 273–444.

Скифский роман / под общей ред. академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.

Ростовцев М.И. Политические статьи / пер. с англ., предисл. и вступ. ст. К.А. Аветисян. СПб., 2002. С. 126–132.

Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002.

«Совершенно лично и доверительно!». Б.А. Бахметьев. В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3-х т. Т. 1. Август 1919 – сентябрь 1921. М.; Стэнфорд, 2001.

³¹ Цитируется: Письма М.И. Ростовцева А.М. Тальгрону / публ. Г.М. Бонгард-Левина, И.В. Тункиной // Скифский роман. С. 512.

³² Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. Указ. соч. С. 269.

³³ Там же. С. 281, прим. 205.

³⁴ См. подробнее об увольнении из «Возрождения» и реакции Струве: *Pipes R. Struve. Liberal on the Right. 1905–1944. Vol. 80. Russian Research Centre Studies. Cambridge (Mass.); London, 1980. P. 388–393.*

³⁵ В настоящее время в этом здании, расположенном недалеко от вокзала Монпарнас, находится отель Legend.

³⁶ По смыслу письма – «заехать к Вам» или «навестить/повидать Вас».

- Colby B.* The Democratic Ideal in International Relations // Proceedings of the Academy of Political Science in the City of New York. 1917. Vol. 7. № 2. The Foreign Relations of the United States. Pt. I. P. 121–123.
- Fichtner N.* Der Althistoriker Michail Rostovtzeff Wissenschaft und Politik im vorrevolutionären und bolschewistischen Russland (1890–1918) // PHILIPPIKA. Altertumswissenschaftliche Abhandlungen. Contributions to the Study of Ancient World Cultures / Hrsg. von / eds J. Hengstl, E. Irwin, A. Jördens, T. Mattern, R. Rollinger, K. Ruffing, O. Witthuhn. Vol. 142. Wiesbaden, 2020. S. 329.
- Irwin J.F.* Making the World Safe. The American Red Cross and a Nations's Humanitarian Awakening. Oxford, 2013.
- Killen L.* The Search for a Democratic Russia. Bakhmetev and the United States // Diplomatic History. 1978. № 2 (3). P. 237–256.
- McFadden D.W.* Alternative Paths. Soviets & Americans. 1917–1920. New York; Oxford, 1993.
- Pipes R.* Struve. Liberal on the Right. 1905–1944. Vol. 80. Russian Research Centre Studies. Cambridge (Mass.); London, 1980.
- Rostovtzeff M.I.* Bolshevik Russia and Civilized Mankind // The Journal of International Relations. 1921. Vol. 11. № 4. P. 517–527.
- Rostovtzeff M.I.* Memorandum // The New Russia. 1920. Vol. 1. № 12. October 28. P. 283–285.
- Westermann W.L.* The Armenian Problem and the Disruption of Turkey // What Really Happened at Paris: the Story of the Peace Conference, 1918–1919, by American Delegates / eds E. Mandell House, Ch. Seymour. New York, 1921. P. 176–203.

References

- “Sovershenno lichno i doveritel'no!”. B.A. Bakhmet'ev. V.A. Maklakov. Perepiska [“Completely personally and confidentially!”. B.A. Bakhmet'ev. V.A. Maklakov. Correspondence]. 1919–1951: v 3 t. T. 1. Avgust 1919 – sentyabr' 1921. Moskva; Stehford, 2001. (In Russ.)
- Bongard-Levin G.M.* Arkhivy SShA i Evropy [Archives of the USA and Europe] // Skifskij roman [Scythian novel] / pod obschej red. akademika G.M. Bongard-Levina. Moskva, 1997. S. 35–43. (In Russ.)
- Bongard-Levin G.M.* Nauchnaya komandirovka ili eh migratsiya? Dva goda v Anglii [Scientific trip or emigration? Two years in England] // Skifskij roman [Scythian novel] / pod obschej red. akademika G.M. Bongard-Levina. Moskva, 1997. S. 124–145. (In Russ.)
- Bongard-Levin G.M., Tunkina I.V.* M.I. Rostovtsev i A.A. Vasil'ev: shest' desyatiletij družby i tvorcheskogo sotrudnichestva [M.I. Rostovtsev and A.A. Vasiliev: six ten years of friendship and creative cooperation] // Skifskij roman [Scythian novel] / pod obschej red. akademika G.M. Bongard-Levina. Moskva, 1997. S. 259–287. (In Russ.)
- Karpovich M.M.* Russkoe politicheskoe soveshanie v Parizhe [Russian political conference in Paris]. 1919 g. / publ. A.V. Smolina // Trudy kafedry Novogo i Novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and modern times]. 2015. № 14. S. 187–197. (In Russ.)
- Rostovtsev M.I.* Politicheskie stat'i [Political articles] / per. s angl., predisl. i vstup. st. K.A. Avetisyan. Sankt-Peterburg, 2002. S. 126–132. (In Russ.)
- Rutysh N.* Belyj front generala Yudenicha. Biografii chinov Severo-Zapadnoj armii [The White Front of General Yudenich. Biographies of the ranks of the North-Western Army]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Skifskij roman [Scythian novel] / pod obschej red. akademika G.M. Bongard-Levina. Moskva, 1997. (In Russ.)*
- Vigasini A.A.* Izuchenie Indii v Rossii (očerki i materialy) [The study of India in Russia (essays and materials)]. Moskva, 2008. S. 273–444. (In Russ.)
- Colby B.* The Democratic Ideal in International Relations // Proceedings of the Academy of Political Science in the City of New York. 1917. Vol. 7. № 2. P. 121–123.
- Fichtner N.* Der Althistoriker Michail Rostovtzeff Wissenschaft und Politik im vorrevolutionären und bolschewistischen Russland (1890–1918) // PHILIPPIKA. Altertumswissenschaftliche Abhandlungen. Contributions to the Study of Ancient World Cultures / Hrsg. von / eds J. Hengstl, E. Irwin, A. Jördens, T. Mattern, R. Rollinger, K. Ruffing, O. Witthuhn. Vol. 142. Wiesbaden, 2020. S. 329.
- Irwin J.F.* Making the World Safe. The American Red Cross and a Nations's Humanitarian Awakening. Oxford, 2013.
- Killen L.* The Search for a Democratic Russia. Bakhmetev and the United States // Diplomatic History. 1978. № 2 (3). P. 237–256.
- McFadden D.W.* Alternative Paths. Soviets & Americans. 1917–1920. New York; Oxford, 1993.
- Pipes R.* Struve. Liberal on the Right. 1905–1944. Vol. 80. Russian Research Centre Studies. Cambridge (Mass.); London, 1980.
- Rostovtzeff M.I.* Bolshevik Russia and Civilized Mankind // The Journal of International Relations. 1921. Vol. 11. № 4. P. 517–527.
- Rostovtzeff M.I.* Memorandum // The New Russia. 1920. Vol. 1. № 12. P. 283–285.
- Westermann W.L.* The Armenian Problem and the Disruption of Turkey // What Really Happened at Paris: the Story of the Peace Conference, 1918–1919, by American Delegates / eds E. Mandell House, Ch. Seymour. New York, 1921. P. 176–203.

DOI: 10.31857/S0130386424060163

© 2024 г. М.С. Бобкова

ПОЧЕМУ НЕВОЗМОЖНО НАПИСАТЬ БИОГРАФИЮ УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

Рец. на книгу: Y. Dureau. WHY IT IS IMPOSSIBLE TO WRITE A BIOGRAPHY OF WILLIAM SHAKESPEARE: MULTIPLE NAMES. CONTRADICTIONARY SOURCES AND POLITICAL PURPOSES. Lewiston; New York: Edwin Mellen Press, 2018. 260 p.

Бобкова Марина Станиславовна — доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: bobkova_marina@list.ru

Scopus Author ID: 57236849700; ORCID: 0000-0001-6293-2813

M.S. Bobkova

WHY IT IS IMPOSSIBLE TO WRITE A BIOGRAPHY OF WILLIAM SHAKESPEARE

Rec. ad op.: Y. Dureau. WHY IT IS IMPOSSIBLE TO WRITE A BIOGRAPHY OF WILLIAM SHAKESPEARE: MULTIPLE NAMES. CONTRADICTIONARY SOURCES AND POLITICAL PURPOSES. Lewiston; New York: Edwin Mellen Press, 2018. 260 p.

Marina Bobkova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: bobkova_marina@list.ru

Scopus Author ID: 57236849700; ORCID: 0000-0001-6293-2813

Исследования жизни и творчества выдающегося английского драматурга раннего Нового времени Уильяма Шекспира уже более 400 лет держат высокий градус напряжения в среде ученых, изучающих различные аспекты английского Возрождения. Особенно это касается ответов на шекспировский вопрос: кто автор гениальных 38 пьес и 154 сонетов. Впервые он возник после смерти Уильяма Шекспира в 1616 г. и обнаружения завещания (Appendixes, Fig. 11), в котором ничего не было сказано о его сочинениях, стихах или пьесах и, следовательно, наследовании авторских прав на них. Хотя завещание подробно описывало имущество Шекспира, так как это делал бы любой зажиточный человек его времени. На роль авторов бессмертных творений в разные периоды времени претендовали более 80 исторических личностей. В их числе ученый Фрэнсис Бэкон; поэт Кристофер Марло; аристократ, военачальник и меценат Роджер Меннерс, 5-й граф Ретленда; Эдвард де Вер, 17-й граф Оксфорд и многие другие. Есть и теории «коллективного автора». Например, Эдвард де Вер, Фрэнсис Бэкон, Роджер Меннерс, Уильям Герберт и Мэри Сидни были объявлены членами группы, так называемой The Oxford Syndicate. Довольно посредственный актер Уильям Шекспир из Стратфорда также участвует в группе, но как ее менеджер, представитель и лицо группы.

Профессор университета Сен-Этьен в Лионе Йона Клер Дюро, блестящий специалист по истории, философии, литературе и эпистемологии английского Возрождения, в небольшой книге, но с обширной библиографией и приложением, в которое включена 21 цветная иллюстрация источников, не ставила задачу дать окончательный ответ об авторстве Шекспира. Ее книга снова обращает нас к прочтению его биографий и исторических источников, которые используются при ее реконструкции. Дюро как бы подводит своеобразный промежуточный итог, оценивая позиции сторонников авторства Шекспира — стратфордianцев или традиционалистов¹ и их противников — нестратфордianцев (антистратфордianцев). В этом сочинении автор рассматривает все значимые научные исследования и расследования жизни Шекспира.

Книга начинается с предисловия д-ра Уэйна Нэри, профессора университета штата Арканзас, известного шекспироведа (с. I–XII). В начале этого небольшого отзыва профессор делится своим горьким опытом задержки на год публикации его статьи в журнале *Shakespeare Survey* — «драгоценном камне» шек-

¹ По общему признанию, этот расплывчатый термин плохо подходит для такой обширной критической области, как изучение Шекспира.

спироведения только потому, что многочисленность шекспироведов гарантировала их консерватизм по отношению к любым новым исследованиям и идеям. Он же поддерживает изыскания Дюро и подчеркивает, что она показала реальные многочисленные трудности при реконструкции точной и основанной на фактах биографии Шекспира. Прежде всего, это противоречивые источники, которые используют разные имена с разными политическими целями. Напомним, что «классические» биографии Шекспира были написаны в викторианской Англии.

Во введении Дюро отмечает важность критического взгляда, особенно ценного при обсуждении вероятностей, а не фактов. Эта книга о парадоксе. Она не претендует на заполнение пробелов в биографии Шекспира, сталкиваясь с огромным количеством трудностей вокруг жизни одного из самых известных писателей человечества. Раздражение от этого парадокса может быть проигнорировано или преуменшено, или преобразовано в создание вымышленной биографии. Оно может быть и проанализировано и можно попробовать узнать правду, но пройти этот квест пока никто не смог. Исследователь литературных и исторических вопросов Й.К. Дюро оценивает биографию Шекспира как тему для любых наукоподобных фальсификаций. Для нее, как для любителя литературы, неполнота данных, собранных о жизни Шекспира, стала источником мотивации интересных поисков и новых идей. Но для Дюро-историка очевидно, что эту информацию невозможно получить, поскольку любой исторический факт должен быть основан на большом количестве источников. Первая глава книги посвящена исследованию использования в ранних сочинениях Шекспира подписи, напоминающей скорее псевдоним Shake-Spear, Break-Spear (потряхивающий копьем, ломающий копье), происхождения поэта и драматурга, невозможности реконструкции истории его семьи. Здесь показана и несостоятельность версии о классическом образовании стратфордского Шекспира, потому что списки учеников грамматических школ того времени погибли в пожарах. Других источников нет. К вопросу вообще о грамотности человека из Стратфорда-на-Эване Й. Дюро обращается вновь, анализируя шесть сохранившихся подписей — предполагаемых автографов Шекспира, принадлежавших якобы одному человеку (с. 113). Для современной графологии очевидно, что подписи сделаны разными людьми. Одни из них представляют скорее нарисованные каракули, а вот другие отличаются уверенностью и четкостью в написании каждой буквы. Кроме того, Дюро обратила внимание читателя на омонимы фамилии Шекспир, которых в хрониках и генеалогических книгах Честера, Камберленда, Эссекса, Глостершира, Кента, Ноттингемшира, Стратфорда, Йоркшира и Варвикшира, как и в Ирландии, насчитывается около 1400 (с. 9–13). Самое древнее упоминание относится к Шекспирам графам Варвикшира, деятельность которых, очевидно, была овеяна воинской доблестью, и в их гербе присутствовало вверх пущенное копье (анализ герба Шекспира с. 102–107 с подписью на

французском языке «Не без права»). Кроме того, Дюро указывает, что после XV в. такая фамилия с фантастическими вариациями, которых более 70 (Shakespree, Schacosper, Scakespree, Saxper, Chacsper, Schaftsper, Shakstaf и прочие), уже встречается в Кембридже, Дерби, Лестере и Лондоне.

Далее автор освещает парадоксы и путаницу исторических деталей в трудностях поиска «потерянных лет» Шекспира, а также вернулся ли он вообще домой в Стратфорд, почему он так часто переезжал из своих лондонских жилищ, вопросы о его вероисповедании и общие заблуждения о его жизни. Вся вторая глава книги в целом посвящена анализу новейших исследований в области шекспироведения, рассуждениям о появлении «новых» документов и их изучении (с. 9–25). Дюро пишет о явлении на свет парадоксальных биографических творений в основе которых лежит отсутствие доказательств как доказательств. Она определяет основные оси творческого импульса ученых, которые «теряют» фигуру автора, но увлечены написанием биографии. В этом свою роль сыграли социальные и академические причины следовать золотому пути предшественников — академической традиции.

Перечитывание Дюро биографов Шекспира, «доказательство» его жизни как игрока и драматурга, подвергается радикальному пересмотру. Хотя, возможно, ее утверждения и не понравятся традиционалистам, но ее аргументы достигнут того, чего должна достичь всякая хорошая критика. Ее работа откроет диалог, который побуждает читателя вернуться к собранным историческим рассказам поэта Уильяма Шекспира. Потому что, по мнению Дюро, высказанному и аргументированному в третьей главе книги (с. 40–51), подлинную биографию автора следует реконструировать на основе его гениальных пьес и стихов. Как она это показала в блестящем исследовании трагедии «Кориолан» Шекспира, начатом еще в 2007 г., опубликованном на английском, французском и русском языках и посвященном рецепции античных («Кориолан» из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха), политических и социально-экономических идей XVI–XVII вв. («Ответы на “Парадоксы” господина Мальтруа» и «Шесть книг о государстве» французского правоведа Жана Бодена), через их актуализацию политической конъюнктурой Англии XVII в. (речь Якова I Стюарта в парламенте 21 марта 1609 г.)². Й. Дюро умело обрисовывает литературные и исторические дебаты по поводу личности автора пьес, подписанных Шекспиром, подчеркивая силу государственного и институционального давления в этом вопросе.

Й. Дюро не только заостряет свое внимание на проблеме авторства, но показывает, что анализ сочинений условно «человека из Стратфорда» дает возможность исследователю выдвинуть предположение

² Дюро Й.К. Рецепция политических идей Жана Бодена в пьесах Уильяма Шекспира // Интеллектуальные горизонты мира Жана Бодена / под ред. М.С. Бобковой. М., 2023. С. 216–262.

в отношении аудитории, к которой обращался автор. И это не «народ» в театре «Глобус», а скорее всего, придворная аристократия, королевский двор. Труппа «Слуги лорда-камергера» (при Якове I — «Слуги короля») сделала Шекспира очень богатым человеком, судя по его инвестициям в недвижимость и театры.

В пятой главе (с. 111–129) Й. Дюро касается и надгробного памятника Шекспиру в Стратфорде и указывает на парадоксальную ситуацию. Нам известны десятки изображений поэта и не известно ни одного, потому что первая гравюра с портретом Шекспира появилась через семь лет после его смерти и именно с нее был сооружен в этом же 1623 г. надгробный бюст, где человек с несколько непривычной нам внешностью опирается на несоответствующий общим стереотипам мешок с шерстью! Это только в XVIII в. мешок под рукой умелого ремесленника превратится в подобие книги или рукописи, человека слегка «побреют и постригут» и вложат в его руку гусиное перо. Еще через небольшое время для пушного эффекта надгробный памятник раскрасят. И вот перед нами известное изображение неизвестного человека, по договоренности — Шекспира.

Третья глава показывает нам методологию исследования Дюро (с. 51–75). Это как бы ее исследовательское кредо, которое можно рассматривать не только по отношению к изучению сочинений и жизни человека из Стратфорда, но и к реконструкции исторических биографий вообще. Прежде всего, она обращает внимание на то, что мы должны иметь в виду, занимаясь историческим исследованием, — написание истории напрямую связано с поиском документов и основано на них. Она подчеркивает, что документы и сравнение разнотипных и разновременных по происхождению источников являются ключом к исторической реконструкции. Особенно следует обратить внимание на то, что реконструкция биографии возможна только в историческом контексте эпохи жизни того или иного исторического деятеля. И документы могут иметь истинное прочтение только при условии рассмотрения их через анализ конкретного времени и места их происхождения. Здесь же дается определение исторического источника, «исторического документа». В этой же главе с отсылкой к сочинениям Мишеля Фуко и Жака Ле Гоффа отстаивается независимость истории от госу-

дарственной власти, политического или религиозного ангажемента. И констатируется высокая степень политизации фигуры Шекспира, тем более что он, безусловно, является одной из важных составляющих национальной самоидентичности англичан. Вслед за Ле Гоффом Дюро рассматривает биографии Шекспира через призму новой политической истории. По ее мнению, реконструкция биографии человека из Стратфорда возможна только на основе анализа его сочинений, в которых автор часто, плетя паутину своих трагедий, смешивает исторические и литературные аллюзии с работами классиков и современников. Только тщательное и пристальное обращение к истории итальянского Возрождения, реалиям культуры Венеции, Сиены, Пизы, английской политической и религиозной истории конца XVI — начала XVII в. может пролить свет на историю жизни автора бесмертных творений.

Читайте эту работу без предубеждений, сравнивайте предложенное Й. Дюро с известным вам и с «новыми биографиями», но помните, что в жизни Шекспира множество вопросов, начиная с проблемы соответствия Шекспира лондонского и стратфордского. Дюро размышляет, кому из них принадлежат всем известные сочинения. Читая эту книгу, вы обновите свои взгляды на Шекспира, узнаете достаточно много новой информации в век, когда кажется, что ничего нового про этого гения сказать нельзя. У меня нет сомнений, что идеи Дюро в будущем станут классическими в новой биографической истории.

Библиография

Дюро Й.К. Рецепция политических идей Жана Бодена в пьесах Уильяма Шекспира // Интеллектуальные горизонты мира Жана Бодена / под ред. М.С. Бобковой. М., 2023.

References

Dyuro J.K. Recepciya politicheskikh idej Zhana Bodena v p'esax Uil'yama Shekspira [Reception of Jean Bodin's political ideas in the plays of William Shakespeare] // *Intellectual'ny'e gorizonty' mira Zhana Bodena* [Intellectual horizons of the world by Jean Bodin] / pod red. M.S. Bobkovo. Moskva, 2023. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S0130386424060172

© 2024 г. **А.Н. Комаров****НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В 1925–1932 годах: СУЩНОСТЬ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ДИНАМИКА****Рец. на книгу: Е.Ю. Сергеев. ОБМАНЧИВЫЙ РАССВЕТ. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В 1925–1932 гг. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2024. 397 с., 16 вкл.***Комаров Андрей Николаевич — доктор исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).**E-mail: ruslan10@inbox.ru**ORCID: 0009-0008-6083-2964***A.N. Komarov****A NEW PERSPECTIVE ON THE HISTORY OF SOVIET-BRITISH RELATIONS
IN 1925–1932: ESSENCE, CONTRADICTIONS, AND DYNAMICS****Rec. ad op.: E.Y. Sergeev. AN ILLUSORY DAWN. THE SOVIET UNION AND GREAT BRITAIN
IN 1925–1932. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2024. 397 s., 16 vkl.***Andrey Komarov, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).**E-mail: ruslan10@inbox.ru**ORCID: 0009-0008-6083-2964*

Монография главного научного сотрудника Института всеобщей истории РАН д.и.н., проф. Е.Ю. Сергеева посвящена дискуссионным и наиболее сложным моментам советско-британских отношений в 1925–1932 гг. Именно данный период новейшей истории в рамках системы Версальско-Вашингтонского миропорядка всегда отличался несомненной сложностью и противоречивостью.

Структура и организация текста этого фундаментального труда отвечает самым высоким научным требованиям. На основе широкого корпуса исторических источников, в том числе официальных дипломатических документов, служебной и личной корреспонденции, материалов парламентских дебатов, публикаций в средствах массовой информации, дневников и мемуаров современников, автор анализирует крайне сложную динамику отношений СССР и Великобритании в рассматриваемый период времени. В частности, автор вводит в научный оборот аналитические обзоры и дневники советских дипломатов из Архива внешней политики Российской Федерации, материалы личных фондов советских руководителей, Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) и т.д.

Е.Ю. Сергеев аргументированно обосновывает хронологические рамки своего исследования, которые связаны как со стабилизацией в сфере международных отношений, с одной стороны, так

и с рядом кризисных явлений — с другой. Более того, автор выделяет параграф «Избранная хронология», где указывает на события, самым прямым образом повлиявшие в 1925–1932 гг. на советско-британские отношения (с. 9–13).

Отличительной особенностью монографического исследования является четко выверенная и продуманная методология. В частности, автор использует историко-динамический, типологический и сравнительный (компаративный) подходы. Вполне можно согласиться с его мнением, что именно «они в сочетании с элементами многофакторного анализа и просопографии позволили собрать “исторический пазл”» (с. 16).

Интересная и продуманная подача материала свидетельствует о глубоком владении темой, о чем говорит объемный перечень работ в списке источников и библиографии. Одна только исследовательская литература, отечественная и зарубежная, представленная автором, занимает 20 страниц (с. 368–388).

Монография состоит из пяти глав, предисловия, заключения, избранной библиографии, списка иллюстраций, списка сокращений, избранной хронологии.

В первой главе «“Эхо письма Зиновьева”, начало “эры Локарно” и проблема Китая в советско-британских отношениях» автор останавливается на событиях, предшествующих разрыву дипломатических отношений между двумя государствами. К первому из них можно отнести фактор письма Г.Е. Зиновьева.

Можно вполне согласиться с мнением автора, что публикация в британской прессе письма Г.Е. Зиновьева с требованиями подготовки вооруженного восстания и установления пролетарской диктатуры, заложила негативный фундамент для дальнейших советско-британских отношений в 1925–1926 гг. В частности, автор подчеркивает, что «по вполне понятным причинам возмущение и обеспокоенность представителей британского истеблишмента вызвал призыв ИККИ создавать коммунистические ячейки во всех войсковых частях» (с. 21). Кроме того, как отмечает Е.Ю. Сергеев, «общественное мнение Великобритании оставалось под впечатлением “Красного письма” на протяжении нескольких месяцев» (с. 21). Автор высказывает интересное мнение, что, даже если допустить, что текст этого документа «был скомпонован из фрагментов различных директив ИККИ и публичных выступлений Зиновьева, его содержание убеждало в подлинности обращения руководства Коминтерна к членам Коммунистической партии Великобритании» (с. 21). Второй фактор, оказавший негативное влияние на развитие советско-британских отношений в этот период, автор видит в проблеме Китая в политике Москвы и Лондона и вмешательстве СССР в события гражданской войны в Китае (с. 65–78).

Во второй главе «Эффект всеобщей забастовки и национальных движений 1925–1926 гг.» показано прямое вмешательство СССР во всеобщую забастовку британских шахтеров 3–12 мая 1926 г. В частности, автор подчеркивает, что «всего с мая 1926 г. по март 1927 г. британские шахтеры получили от 60 республиканских, краевых, областных и губернских профсоюзных организаций СССР колоссальную сумму, точный размер которой в диапазоне от 10,5 до 20 млн рублей» (с. 89). Более того, оказывается, советские профсоюзы требовали со своих членов пожертвований в пользу британских шахтеров, «размер которых нередко превышал рекомендованные партийными органами 25% дневного заработка» (с. 90). Приводимые Е.Ю. Сергеевым факты говорят о том, что СССР финансировал британских шахтеров с целью подготовки вооруженного восстания, эскалации классового конфликта и революционного взрыва на Британских островах. Все это свидетельствовало о первоначальном стремлении к «мировой революции», которым руководствовался советский истеблишмент в 20-е годы XX в. Заслуживает внимания и интересный вывод автора, что «крупнейшее классовое столкновение XX века на Британских островах завершило эпоху открытых социальных конфликтов, характерную для перехода от раннего к развитому индустриализму» (с. 104).

В третьей главе «Разрыв двусторонних отношений в 1927 г.: причины, характер и последствия» показаны причины разрыва дипломатических отношений, охарактеризован сам разрыв и его последствия. Можно вполне согласиться с автором в том, что британский истеблишмент имел весьма веские причины для разрыва дипломатических отношений с СССР. Первая из них была, безусловно, связана с вмешательством

СССР во внутренние дела Великобритании, в частности во всеобщую стачку 1926 г.

Это вмешательство дополнялось публикациями в советской прессе с критикой О. Чемберлена. Вторая причина была связана, как отмечает автор, со шпионажем под прикрытием Всероссийского кооперативного акционерного общества (АРКОС) в пользу СССР (с. 153). «Большинство советских граждан – служащих АРКОС, не владела английским языком, слабо разбирались в бизнес-процессах, занимаясь сбором различной информации экономического, но при удобном случае и военно-политического характера, для советских спецслужб» (с. 153–154). Автор убедительно доказывает, что решение о приостановке британско-советских отношений, принятое Великобританией 23 мая 1927 г., опиралось на реальные обвинения СССР, в частности в шпионаже через АРКОС, а также вмешательстве СССР во внутренние дела Великобритании (с. 168). В то же время отмечается, что Великобритания оставалась заинтересованной в продолжении торгово-экономических связей с СССР (с. 169).

В четвертой главе «Нормализация и новые проблемы: 1927–1929 гг.» автор подчеркивает, что заинтересованность во взаимных торгово-экономических связях обеих сторон формировала фундамент для нормализации отношений между двумя государствами и восстановления дипломатических отношений. Интересно рассказано о визите в СССР в апреле 1929 г. 84 представителей деловых кругов Великобритании (с. 248). При этом показательными были и дискуссии, имевшие место среди британского истеблишмента, о необходимости восстановления дипломатических отношений с СССР. Автор приводит любопытный факт: помимо экономических причин, представители Лейбористской партии Великобритании приводили и геополитический аргумент о необходимости нормализации отношений с СССР, что позитивно бы сказалось на политике разоружения соседних восточноевропейских государств (с. 254).

Важную роль в восстановлении дипломатических отношений между двумя государствами, по мнению автора, сыграл протокол Гендерсона – Довгалевского. В советской печати, в частности в газете «Правда» от 10 декабря 1929 г., подчеркивалось, что инициатива восстановления дипломатических отношений исходила исключительно от британской стороны, желающей восстановить торговые связи с СССР. В свою очередь, советское руководство не желало отказываться от геополитических принципов и классовой пропаганды на Британских островах. Е.Ю. Сергеев отмечает, что советская пресса настаивала, что «восстановление отношений необходимо лейбористскому кабинету исключительно по соображениям торговли, и поэтому никакого признания российских долгов, также как и прекращения коммунистической агитации, сделано Кремлем не будет, поскольку советское правительство не несет ответственности за деятельность Коминтерна» (с. 263).

В пятой главе «Взлеты и падения двусторонних отношений в 1930–1932 гг.» автор размышляет о взлетах и падениях советско-британских отношений

в 1930–1932 гг. Эта глава особенно интересна тем, что Е.Ю. Сергеев пытается подвести идейно-философскую основу под рассматриваемую им проблематику и объяснить, почему советско-британские отношения не стали ни по-настоящему партнерскими, ни союзническими. В частности, он останавливается на имагологическом ракурсе советско-британских отношений (с. 269–298). Он подчеркивает, что ни британская, ни советская сторона не смогли преодолеть сложившиеся ранее стереотипы и предубеждения для кардинального улучшения отношений между двумя государствами. И.В. Сталин «не доверял британцам, считая их природными монархистами» (с. 270). В свою очередь, премьер-министр Великобритании и лидер Лейбористской партии Дж. Макдональд критически относился к советской командно-административной системе. Да и О. Чемберлен воспринимал СССР только лишь как страну, которая в перспективе может присоединиться к мировому сообществу. Е.Ю. Сергеев, как представляется, достиг поставленной в монографии цели «рассмотреть ключевые направления взаимодействия Москвы и Лондона по проблемам, решение которых не только определяло характер и вектор развития советско-британского диалога, но и ощутимо воздействовало на миропорядок в межвоенный период» (с. 14). Автору удалось решить поставленную методологическую задачу: показать предметно-проблемное поле советско-британских отношений в рамках событий внутренней и внешней политики СССР и Соединенного Королевства (СК).

Один из главных выводов автора — «эпоха 1925–1932 гг. представляет во многом рубежный этап советско-британских отношений. Войдя в историю как семилетие “малой разрядки”, он, казалось, обещал плодотворное сотрудничество СССР и СК во всех сферах» (с. 346). Справедливо также замечание, что очень скоро для современников «стал понятен обманчивый характер этого “рассвета”, а динамика отношений приобрела негативные тенденции, угрожавшие международной безопасности на региональном и глобальном уровнях» (с. 346).

Несомненным достоинством и отличительной чертой монографии являются представленные в приложении автором уникальные фотографии М.М. Литвинова, Л.М. Карахана, Ф.А. Ротштейна, Х.Г. Раковского, Л.Б. Красина, А.П. Розенгольца, Г.Я. Сокольникова, И.М. Майского, О. Чемберлена, А. Гендерсона, Дж. Саймона, Р. Ходжсона, Э. Овия,

а также карикатуры той далекой эпохи, взятые из средств массовой информации и пропагандистских плакатов. Именно они украшают монографию.

Замечания имеют скорее рекомендательный характер. Возможно, дискуссионным кажется утверждение автора об имперском векторе политики Кремля в отношениях с Уайтхоллом (с. 56). Здесь следует учесть несколько моментов. Во-первых, в 1920-е годы СССР только выстраивал свою линию на международной арене, геополитически лавируя между различными блоками государств. Указывать на имперский вектор его внешней политики, с моей точки зрения, было бы преждевременно. На тот момент у него не было столь обширных имперских возможностей, каковые имелись у Российской империи, особенно во второй половине XIX — начале XX в. Во-вторых, можно говорить о британофобских настроениях Г.В. Чичерина (с. 57), однако следует учесть, что анти-советскими настроениями в 20-е годы XX в. обладала и значительная часть британского истеблишмента. В-третьих, допустимо упомянуть имперские настроения советского руководства этого периода, но следует указать и на то, что, за исключением союзничества Российской и Британской империй в период наполеоновских войн и Первой мировой войны, а СССР и Великобритании в годы Второй мировой войны, британским политическим элитам в большинстве своем перманентно были присущи антироссийские настроения, которые то преобладали, то временно отходили на второй план.

В имагологическом ракурсе советско-британских отношений, который чрезвычайно интересен (с. 269–298), с моей точки зрения, следовало бы больше уделить внимания воспоминаниям тех британцев, кто позитивно высказывался о СССР. Но эта рекомендация остается на усмотрение автора, поскольку он рассказывает о визите Б. Шоу и супругов Вебб в СССР, чьи отзывы содержали и позитивные мнения.

Без преувеличения можно сказать, что книга Е.Ю. Сергеева — значимое научное событие и весомый вклад в отечественную историографию. Монография в равной мере представляет интерес как для специалистов в области дипломатической истории, так и для широкого круга читателей, которых интересует история российско-британских отношений.

DOI: 10.31857/S0130386424060186

© 2024 г. Б.В. Петелин

ФАШИЗМ: ПОМНИТЬ. ЗНАТЬ. ПРЕДОТВРАТИТЬ

Рец. на книгу: Б.Л. Хавкин. НАЦИЗМ. ТРЕТИЙ РЕЙХ. СОПРОТИВЛЕНИЕ. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2023. 378 с.*Петелин Борис Валентинович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия).**E-mail: pbwtscherepowez@mail.ru**Scopus Author ID: 57215036067; ORCID: 0000-0001-6644-5932***B.V. Petelin**

FASCISM: REMEMBER. KNOW. PREVENT

Rec. ad op.: B.L. Khavkin. NAZISM. THIRD REICH. RESISTANCE. Moscow: Association of scientific publications KMK, 2023. 378 p.*Boris Petelin, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia).**E-mail: pbwtscherepowez@mail.ru**Scopus Author ID: 57215036067; ORCID: 0000-0001-6644-5932*

Немецкий историк Эрнст Нольте считал, что фашизм принадлежит только одной «своей эпохе» и, хотя он «не исчез во всех своих формах своего проявления, как явление мировой истории он уже мертв. А о том, что мертво, наука в состоянии сказать свое слово, как бы не были велики отдельные трудности»¹. Книга Нольте была издана в ФРГ в 1963 г., и автор полагал, что фашизм — германский национал-социализм — это «предмет для науки» и говорить о его возможном возрождении бессмысленно. Слишком велика трагедия, чтобы не извлечь из нее уроки. Но оказалось, что «плодоносить способно чрево, которое вынашивало гада». Эти слова, принадлежащие Бертольту Брехту, актуальны в наше время, отстоявшее от победного мая 1945 г. почти на восемь десятилетий.

Д.и.н., проф. Б.Л. Хавкин (Историко-архивный институт) давно известен в России и за ее пределами монографиями, книгами, статьями, выступлениями в СМИ, докладами на научных конференциях по проблемам германской истории, германо-российским отношениям и связям в XX в.² В этом он не просто исследователь — он продолжатель дела поколения историков-германистов, заложивших научные основы в изучении германского фашизма. Их имена, как и их работы, продолжают жить в научных трудах Б.Л. Хавкина, бережно сохраняющего традицию пред-

шественников, что свойственно далеко не каждому российскому исследователю.

В его новую книгу, отнесем ее к научно-популярному жанру, вошли опубликованные ранее статьи, а также новые материалы из богатого личного архива. Отмеченный нами «жанр» книги ни в коей мере не снижает ее научного уровня. Автор не ищет сенсаций, хотя отдельные сюжеты не лишены детективного расследования, но и в этом случае их основой стали конкретные исторические факты или обоснованные предположения в связи с отсутствием документальной базы. Главные разделы книги: «Фашизм», «Сопrotивление», «Холокост». Даже если автор рассказывает о судьбе Паулюса или майора Куна и посла Шуленбурга, адмирала Канариса, руководителя КПГ Тельмана, деятельности Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ) — это логично встроено в главную тематику книги.

Что есть фашизм? Не только кровавая и террористическая диктатура, но и «состояние массового и даже индивидуального сознания» (с. 17). Марксистские историки замалчивали или толковали по-своему, тот факт, что фашизм в Италии и Германии имел немалую социальную поддержку. Объяснять это только демагогией и популизмом, что было свойственно нацистской верхушке, значит игнорировать существенные черты фашистских режимов. Автор справедливо отмечает, что «универсальные определения фашизма» могут оказаться поверхностными, обыденными, уводящими в сторону от осознания возможного повторения катастрофы (с. 20).

¹ Нольте Э. Фашизм в его эпохе. М.; Новосибирск, 2001. С. 19.

² См., например: Хавкин Б.Л. Россия и Германия. 1900–1945. Сплетение истории. М., 2014.

Полагаем, что исследователи не в праве игнорировать тот факт, что фашизм, как и национал-социализм, есть порождение капитализма. Тирании были и в древности, диктаторы — в Средние века и Новое время. Буржуазия, по Марксу, сыграла в истории революционную роль. «Свобода, равенство и братство» — это ее лозунги. И разве не прав Маяковский, что «капитализм в молодые года был ничего, деловой парнишка»? Не все капиталистические страны оказались под властью фашизма. В США в 30-е годы XX в. «друзей новой Германии» было немало: «Американо-германский союз» под охраной полиции организовывал массовые митинги и шествия со всей атрибутикой Третьего рейха³. Но демократия устояла. В Великобритании, несмотря на организации доморожденных фашистов, парламентская система не рухнула. Во Франции попытки захватить власть сторонниками «Огненных крестов» и «Аксон франсез» провалились. Значит, не любой капитализм мог быть «ретортой фашизма»?

Но если фашизм способен к мимикрии, как справедливо отмечает Б.Л. Хавкин, то и капитализм «меняет свое лицо». «Набор» признаков фашизма с оглядкой на век минувший немного даст в выявлении современного тоталитаризма. Не осталась незамеченной книга американского политолога Дж. Голдберга «Либеральный фашизм», где автор представил «историю левых сил от Муссолини до Обамы». «Когда фашизм придет в Америку, он не будет одет в коричневые или черные рубахи. Сапог на нем тоже не будет. Будут кроссовки Nike и футболки со “смайликами”. Очень добрыми “смайликами”. Фашизм... Германия потерпела поражение во Второй мировой войне. А фашизм победил»⁴.

Есть ли у России иммунитет к фашизму? Автор популярного научного издания «Германский фашизм» А.А. Галкин полагал, что Россия обладает «устойчивым иммунитетом». По мнению Б.Л. Хавкина, «абсолютного иммунитета не бывает» и при определенных условиях фашизм может стать реальностью (с. 19–20). В первой трети XX в. в орбите фашизма оказались десятки организаций с названием «Русские фашисты», создаваемые из остатков белогвардейских армий и русской эмиграции с набором националистических, монархических, антисемитских идей. Одна из первых была создана в Харбине в конце 1926 г.⁵ В мае 1933 г. в США была создана «Всероссийская фашистская организация» с той же свастикой, что и у НСДАП. Даже гимн этой организации «Знамена выше» был написан на мотив «Хорста Весселя»⁶. Да, действовали они не в Советской России — условия не позволяли; но условия переменчивы...

В строго научном подходе понятия «фашизм» и «национал-социализм» не тождественны (с. 24).

Как быть? Может показаться, что «принцип неопределенности» Карла Гейзенберга применим и здесь: «Чем тщательнее вы изучаете предмет, тем менее определенным он становится». Но Б.Л. Хавкин не создает надуманных конструкций. Главной гитлеровской идеей была ведущая роль арийской расы, тогда как все остальные народы должны быть поработаны. Добавим к этому: нацистское государство — государство тотального контроля над человеком, чтобы иметь над ним власть, чтобы распоряжаться жизнью, собственностью, будущим, точнее, оставить без всякого будущего. И чтобы человек, где бы он ни был, постоянно испытывал страх. В романе Анны Зегерс «Седьмой крест» сбежавший из лагеря Вестгофен молодой рабочий, коммунист Георг Гейслер пытается уйти от преследователей. Прежние друзья ненадежны, запуганы, да и он не хочет подводить их. Шестеро беглецов уже схвачены и висят на крестах. Пустует последний, седьмой крест. Гейслера вот-вот схватят. И все-таки ему помогли, ибо предательство останется навсегда, а страх можно преодолеть...

Значительное место в книге Б.Л. Хавкина занимает история немецкого Сопротивления, которое, по мнению автора, «никогда не было единым, сильным и массовым». Но оно все же было «намного больше, активнее, разнообразнее, чем считалось раньше» (с. 144). Да, оно было разнообразным. С нацизмом боролись в самой Германии, нередко даже те, кто ранее поддерживал Гитлера. Например, Фридрих Вернер фон дер Шуленбург — посол в Москве с 1934 г., которому пришлось исполнять свои задачи в чрезвычайно трудных политических условиях, заданных властью⁷. Именно ему пришлось 22 июня 1941 г. вручать В.М. Молотову ноту германского правительства о начале войны с СССР. В дальнейшем ему удалось установить связи с антигитлеровской оппозицией, был вовлечен в заговор 20 июля 1944 г. Как многие участники заговора, Шуленбург был казнен в ноябре 1944 г. Одним из заговорщиков, майору Йоахиму Куну, повезло: он добровольно сдался красноармейцам, помог контрразведке «Смерш» найти важные документы заговора, но после войны был приговорен советским судом к 25 годам тюремного заключения (с. 191–194). В 1956 г. Кун все же вернется на родину, но это был уже другой человек.

Особое место в Сопротивлении осталось за «Красной капеллой», члены которой собирали и переправляли в Москву важную информацию еще до нападения Германии на СССР. Из отечественных историков первым, кто обратился к деятельности «Красной капеллы», был проф. А.С. Бланк⁸ — учитель и наставник Б.Л. Хавкина, о чем он проникновенно рассказал на конференции в Липецке в феврале 2023 г., посвященной памяти другого замечательного

³ Кашин Р.Г. Американский вариант «коричневой чумы»: нацистский опыт на службе реакции. М., 1986. С. 10–12.

⁴ Голдберге Дж. Либеральный фашизм. М., 2012. С. 8.

⁵ Окорков А.В. Фашизм и русская эмиграция 1920–1945 гг. М., 2002. С. 25.

⁶ Там же. С. 269.

⁷ Граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург. Дипломат и участник Сопротивления. Сб. статей. М., 2012.

⁸ Бланк А.С. В сердце третьего рейха. Из истории антифашистского Народного фронта в подполье. М., 1974.

российского ученого А.И. Борозняка⁹. Руководители берлинской группы Арвид Харнак («Корсиканец») и Харро-Шульце Бойзен («Старшина») действовали не как «классические агенты», а, наоборот своим взглядам и убеждениям — вовсе не коммунистическим. Почему Сталин не доверял этой информации, из которой следовало, что Германия скоро нападет на СССР? (с. 152). Во-первых, военная разведка не игнорировала поступающую информацию и вовремя докладывала советскому руководству¹⁰. Во-вторых, информация поступала не только от «Корсиканца» и «Старшины», к тому же немалая доля дезинформации просачивалась и в сведения «Красной капеллы». Следует учитывать официальную позицию советского руководства, надевшегося оттянуть начало войны, что, как мы знаем, обернулось тяжелыми поражениями в 1941 г.

Антигитлеровское Сопротивление было не только «внутренним», но и «внешним», что связано с деятельностью НКСГ, созданного в июле 1943 г. в подмосковном Красногорске¹¹. В НКСГ вошли немецкие коммунисты, профсоюзные деятели, депутаты рейхстага, писатели, находившиеся в Советском Союзе, военнопленные в основном рядового состава. Деятельность Национального комитета сводилась преимущественно к антифашистской пропаганде как среди военнопленных, так и среди солдат вермахта на советско-германском фронте¹². В августе 1943 г. был создан «Союз немецких офицеров» (СНО) во главе с генералом Вальтером фон Зайдлицем. Через год в СНО вступил фельдмаршал Фридрих Паулюс. «Рассказание» зачлось Паулюсу: на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками фельдмаршал был допрошен не в качестве обвиняемого, а как свидетель. Что касается НКСГ и СНО, то обе организации были распущены 30 октября 1945 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) (с. 232).

Физическое уничтожение европейского еврейства было одной из главных целей развязывания нацистами Второй мировой войны (с. 70). Причем эта цель была определена еще до ее начала, а все происходящее в Третьем рейхе: дискриминация евреев, расовые законы, законы о гражданстве, «ариизация», «Хрустальная ночь», «мадагаскарский проект»... — завершилось Ванзейской конференцией и «окончательным

решением еврейского вопроса»¹³. Западные страны, куда еще можно было выехать евреям из Германии, отказывались их принимать, о чем свидетельствует провал Эвианской конференции, проходившей в июле 1938 г. в курортном городке на берегу Женевского озера. Почему стал возможен Холокост? Есть публикации, где описываются многочисленные версии этого невиданного в истории преступления. О причинах Холокоста размышляли многие, в частности немецкий философ Гюннар Хайзон в книге «Почему Освенцим?», обширную рецензию на которую написал советский исследователь Самсон Мадиевский¹⁴. Но наличие тех или иных версий не способны изменить того, что было в реальности: треть еврейского народа была уничтожена Гитлером и его нацистским режимом.

Нацистский геноцид касался не только евреев и цыган; в перспективе он был направлен против славянских народов в Европе. В этих целях разрабатывался Генеральный план «Ост», который, как пишет Б.Л. Хавкин, обладает большой саморазоблачающей силой, но недостаточно изучен историками, из-за отсутствия его полного, окончательного варианта (с. 129). Целью плана была колонизация территорий на востоке Европы, с обязательным выселением и уничтожением проживавшего там населения. Так, половину чехов следовало наместить, а остальных отправить в Сибирь. Полякам была уготована более ужасная участь. Предполагалось «стереть навеки само понятие Польши». Особенно жестокими были цели относительно народов Советского Союза. Русский народ, как видно из этого плана, следовало «ослабить в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»¹⁵. Несомненно, что колонизация востока Европы преследовала ту же цель, что и «окончательное решение еврейского вопроса». Но программа, принятая в Ванзее, уже осуществлялась, а Генеральный план «Ост» намечалось реализовать после окончания войны в течение 20–30 лет¹⁶.

Б.Л. Хавкин, хотя и кратко, но затронул не простую проблему коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны (с. 135–137). Частью восточной политики рейха было стремление разобщить народы, приблизить одних и натравить на других. Была разработана специальная «инструкция» об отноше-

⁹ Хавкин Б.Л. Александр Соломонович Бланк // Россия и Германия в судьбах российских историков. К 90-летию со дня рождения профессора ЛГПУ Александра Ивановича Борозняка. Материалы Международной научной конференции. Липецк, 2023. С. 11–20.

¹⁰ Очерки истории российской внешней разведки: в 6-ти т. Т. 3. 1933–1943 годы. М., 1997. С. 454–455.

¹¹ «За Германию против Гитлера!»: документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. М., 1993.

¹² Blimbach E. Flugblattpropaganda des Nationalkomitees "Freies Deutschland" // Widerstand gegen den Nationalsozialismus / Hrsg. P. Steinbach, J. Tuchel. Bonn, 1994. S. 488–494.

¹³ Моммзен Г. Нацистский режим и уничтожение евреев в Европе. М., 2018. С. 129–130.

¹⁴ Мадиевский С.А. Почему Холокост? // Новый мир. 1999. № 9. С. 219–227.

¹⁵ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: в 4-х т. Т. 3. Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР. 1941–1943. М., 2005. С. 37.

¹⁶ Мадайчук Ч. Существует ли синхронность между «Генеральным планом Ост» и «окончательным решением еврейского вопроса»? // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 678.

нии к казачеству и калмыкам¹⁷. В составе вермахта были легионы из мусульман Поволжья и Крыма, западноукраинские и прибалтийские эсэсовские части. В конце войны украинские коллаборационисты были объединены в Украинскую повстанческую армию (УПА — «бандеровцы»), чья борьба с советской властью продолжалась и после войны. Из числа советских солдат, попавших в немецкий плен, формировались восточные легионы, казаки войска, прочие соединения в так называемой Русской освободительной армии, через которые прошло не менее 1 млн человек (с. 136).

Безусловно, читателю интересно будет узнать мнение авторитетного специалиста об «Аненербе», программе «Лебенсборн», «арийской науке» и эсэсовской медицине, о завещании Гитлера... Автор не посчитал нужным останавливаться на «популярных» изданиях, где раскрываются «оккультные корни национал-социализма», описываются походы нацистов в Тибет за «сокровенными знаниями», поиски Грааля, создание «чудо оружия», чудесное «спасение» Гитлера, строительство в Антарктиде под ее ледяным панцирем «новой Швабии» и т.п.¹⁸ Вот только реальность такова, что германский фашизм воевал не магией, а обученными и подготовленными дивизиями с танками, самолетами, артиллерией, фаустпатронами и прочим смертоносным оружием. Победителям пришлось применить немалые усилия, чтобы разгромить Третий рейх, судить нацистских военных преступников, попытаться искоренить нацизм. Денацификация в оккупированных зонах оказалась неоднозначной, но со временем немцы смогли «преодолеть прошлое» (с. 372—376).

В предисловии к книге Б.Л. Хавкина профессор МГИМО (У) МИД РФ Н.В. Павлов пишет, что следует не только знать и помнить о нацизме и его преступлениях против человечества, но и проявлять бдительность, когда по вине безответственных политиков мир может оказаться «на пороге глобальной катастрофы» (с. 5). Не стоит забывать слова Юлиуса Фучика: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!» Новая книга Бориса Львовича Хавкина как раз об этом — о будущем без фашизма.

Библиография

Бланк А.С. В сердце третьего рейха. Из истории антифашистского Народного фронта в подполье. М., 1974.

Голдберг Дж. Либеральный фашизм. М., 2012.

Граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург. Дипломат и участник Сопrotивления. Сб. статей. М., 2012.

Дашичев В.И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933—1945: в 4-х т. Т. 3. Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР. 1941—1943. М., 2005.

«За Германию против Гитлера!»: документы и материалы

о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. М., 1993.

Ивашов Л.Г. Опрокинутый мир. Тайны прошлого — загадки грядущего. Что скрывают архивы Спецотдела НКВД, Аненербе и Верховного командования Вермахта. М., 2017.

Кашин Р.Г. Американский вариант «коричневой чумы»: нацистский опыт на службе реакции. М., 1986.

Коллаборационизм в Советском Союзе, 1941—1945: справочник по фондам РГВА. М., 2014.

Мадиевский С.А. Почему Холокост? // Новый мир. 1999. № 9. С. 219—227.

Мадайтчик Ч. Существует ли синхронность между «Генеральным планом Ост» и «окончательным решением еврейского вопроса»? // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 670—680.

Моммзен Г. Нацистский режим и уничтожение евреев в Европе. М., 2018.

Нольте Э. Фашизм в его эпохе. М.; Новосибирск, 2001.

Осороков А.В. Фашизм и русская эмиграция 1920—1945 гг. М., 2002.

Очерки истории российской внешней разведки: в 6-ти т. Т. 3. 1933—1943 годы. М., 1997.

Хавкин Б.Л. Россия и Германия. 1900—1945. Сплетение истории. М., 2014.

Хавкин Б.Л. Александр Соломонович Бланк // Россия и Германия в судьбах российских историков. К 90-летию со дня рождения профессора ЛГПУ Александра Ивановича Борозняка: материалы Международной научной конференции. Липецк, 2023. С. 11—20.

Blimbach E. Flugblattpropaganda des Nationalkomitees "Freies Deutschland" // Widerstand gegen den Nationalsozialismus / Hrsg P. Steinbach, J. Tuchel. Bonn, 1994. S. 488—494.

References

“Za Germaniiu protiv Gitlera!”: dokumenty i materialy o sozdanii i deiatel'nosti Natsional'nogo komiteta "Svobodnaia Germaniia" i Soiuzu nemetskhkh ofitserov ["For Germany against Hitler!": documents and materials on the creation and activities of the National Committee "Free Germany" and the Union of German Officers]. Moskva, 1993. (In Russ.)

Blank A.S. V serdtse tret'ego reikha. Iz istorii antifashist-skogo Narodnogo fronta v podpol'e [In the heart of the Third Reich. From the history of the anti-Fascist Popular Front in the underground]. Moskva, 1974. (In Russ.)

Dashichev V.I. Strategiia Gitlera — put' k katastrofe, 1933—1945: v 4 t. T. 3. Bankrotstvo nastupatel'noi strategii v voine protiv SSSR. 1941—1943 [Hitler's Strategy — the path to disaster, 1933—1945: in 4 vol. T. 3. Bankruptcy of the offensive strategy in the war against the USSR. 1941—1943]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Goldberg Dzh. Liberal'nyi fashizm [Liberal fascism]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Graf Fridrikh-Verner fon der Shulenburg. Diplomatskiy uchastnik Soprotivleniia. Sb. statei [Count Friedrich-Werner von der Schulenburg. A diplomat and a member of the Resistance. Collection of articles]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Ivashov L.G. Oprokinutyi mir. Tainy proshlogo — zagadki griadushchego. Chto skryvaiut arkhivy Spetsotdela NKVD, Anenerbe i Verkhovnogo komandovaniia Vermakhta [The Overturned world. The mysteries of the past are the mysteries of the future. What are the archives of the NKVD Special Department, Ahnenerbe and the Wehrmacht High Command hiding]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Kashin R.G. Amerikanskii variant "korichnevoi chumy": natsistskii opyt na sluzhbe reaktsii [The American version of the "brown plague": the Nazi experience in the service of reaction]. Moskva, 1986. (In Russ.)

Khavkin B.L. Aleksandr Solomonovich Blank [Alexander Solomonovich Blank] // Rossiya i Germaniya v sud'bx rossijskix istorikov. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora LGPU Aleksandra Ivanovicha Boroznyaka: materialy' Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Russia and Germany in the destinies of Russian historians. To the 90th anniversary of the birth of LSPU Professor Alexander Ivanovich Boroznyak: proceedings of the International Scientific Conference]. Lipetsk, 2023. S. 11–20. (In Russ.)

Khavkin B.L. Rossiya i Germaniya. 1900–1945. Spletenie istorii [Russia and Germany. 1900–1945. The Weave of history]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Kollaboratsionizm v Sovetskom Soiuze, 1941–1945: spravochnik po fondam RGVA [Collaboration in the Soviet Union, 1941–1945: Handbook of funds of the Russian Academy of Sciences]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Madajchik Ch. Sushhestvuet li sinxronnost' mezhdru "General'ny'm planom Ost" i "okonchatel'ny'm resheniem evrejskogo voprosa"? [Is there a synchronicity between the "General Plan of the East" and the "final solution of the Jewish

question"?] // Vtoraya mirovaya vojna. Diskussii. Osnovny'e tendencii. Rezul'taty' issledovanij [World War II. Discussions. The main trends. Research results]. Moskva, 1997. S. 670–680. (In Russ.)

Madievskij S.A. Pochemu Kholokost? [Why the Holocaust?] // Novyi mir [A new world]. 1999. № 9. S. 219–227. (In Russ.)

Mommzen G. Nacistskij rezhim i unichtozhenie evreev v Evrope [The Nazi regime and the extermination of Jews in Europe]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Nol'te E. Fashizm v ego e'poxe [Fascism in its epoch]. Moskva; Novosibirsk, 2001. (In Russ.)

Ocherki istorii rossijskoj vneshnej razvedki [Essays on the history of Russian foreign intelligence]: v 6 t. T. 3. 1933–1943 gody. Moskva, 1997. (In Russ.)

Okorokov A.V. Fashizma i russkaya e'migraciya 1920–1945 gg. [Fascism and Russian emigration 1920–1945]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Blimbach E. Flugblattpropaganda des Nationalkomitees "Freies Deutschland" // Widerstand gegen den Nationalsozialismus / Hrsg P. Steinbach, J. Tüchel. Bonn, 1994. S. 488–494.

© 2024 г.

К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА А.Б. ДАВИДСОНА **On the 95th Anniversary of Academician Apollon Davidson**

23 августа 2024 г. исполнилось 95 лет крупному отечественному африканисту, англоведу и специалисту по истории Серебряного века академику Аполлону Борисовичу Давидсону.

Аполлон Борисович Давидсон родился в сибирской деревне Ермаково, ныне Свердловской области, куда его мать, Тамара Александровна, отправилась за ссыльным мужем. Она сумела добраться до ближайшего поселка, где можно было зарегистрировать рождение сына, только неделями позже, когда книга регистраций за август была уже закрыта — так появилась официальная дата его рождения 1 сентября.

Тамара Александровна не была ссыльной, и ей удалось вернуться с сыном в Ленинград, где они пережили первую блокадную зиму, а затем были вывезены в эвакуацию в Свердловск. После войны семья вернулась в Ленинград, где Аполлон Борисович закончил школу и в 1948 г. поступил на истфак Ленинградского университета по специальности «история международных отношений».

Именно в те годы Аполлон Борисович заинтересовался Африкой, но на истфаке ею тогда не занимались. Поэтому фактическим его руководителем стал патриарх отечественной африканистики Д.А. Ольдерогге, заведовавший кафедрой африканистики на восточном факультете. В 1953 г. Аполлон Борисович поступил в очную аспирантуру Института истории АН СССР, специализируясь под руководством Н.А. Ерофеева на колониальной политике Англии. В 1956 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Завоевание Родезии», а в 1958 г. опубликовал на ее основе книгу «Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации»¹, впервые в мировой африканистике посвя-

щенную антиколониальной борьбе африканских народов.

Он был ведущим сотрудником созданного в 1956 г. Отдела Африки Института востоковедения, а затем и созданного в 1959 г. Института Африки АН СССР. Там в 1964 г. вышла в соавторстве с Г.А. Нерсесовым и С.Р. Смирновым «Новейшая история Африки»², один из первых обобщающих трудов в мировой африканистике.

В 1960 г. в Институте восточных языков при МГУ (ныне Институт стран Азии и Африки МГУ) была создана кафедра африканистики, и Аполлон Борисович стал одним из первых ее сотрудников. Он читал там, также одним из первых в мировой африканистике, курсы новой и новейшей истории Африки, историографии Африки, а также многие другие, и до сих пор читает спецкурсы и руководит студенческими работами. Он преподавал также в Дипломатической академии МИД, закрытых учебных заведениях при ЦК КПСС. Ныне является ординарным профессором Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ), где впервые поставил курсы «Афроазиатизация мира», «Культура Серебряного века» и др. Среди его бывших студентов российские и зарубежные журналисты, дипломаты, ученые, преподаватели, политики, парламентарии, министры, общественные и государственные деятели.

Аполлон Борисович организовал и возглавлял в 1994–1998 гг. Центр российских исследований при Кейптаунском университете (ЮАР), где он не только читал лекции по истории и культуре России, но и провел несколько конференций по истории связей между нашими странами, а также впервые в Кейптауне организовал преподавание русского языка.

¹ Давидсон А.Б. Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации. 1888–1897. М., 1958.

² Давидсон А.Б., Нерсесов Г.А., Смирнов С.Р. Новейшая история Африки. М., 1964.

Но главным детищем Аполлона Борисовича был и остается Центр Африканских исследований, созданный по его инициативе в Институте всеобщей истории в 1971 г. как сектор истории Африки. Аполлон Борисович продолжает руководить работой центра, который выпустил под его руководством ряд серьезных коллективных монографий³, учебных пособий⁴ и публикаций документов по истории Тропической и Южной Африки⁵, остающихся в центре внимания отечественных и зарубежных африканистов.

Аполлон Борисович — автор около двух десятков книг и свыше 500 научных публикаций. Заметное место среди них занимает его новаторская монография по докторской диссертации «Южная Африка. Становление сил протеста. 1870—1924»⁶.

Он открыватель многих новых научных направлений в африканистике и не только. Одно из них — исследование истории связей России и Африки, начало которому положили две его книги в соавторстве в С.А. Макрушиным⁷. Еще одно новое направление, открытое им, — изучение истории отечественной африканистики. Свои многочисленные публикации по этой теме он обобщил, в частности, в книге «Становление отечественной африканистики»⁸.

Аполлон Борисович впервые в нашей стране издал книгу о Н.С. Гумилёве⁹, удостоившись в свое время личной встречи с А.А. Ахматовой. За ней последовали другие книги, многочисленные статьи и публичные выступления об этом прекрасном поэте.

Его книги переведены на иностранные языки, ряд из них опубликован за рубежом. Большой резонанс, в частности, вызвали

его изданные совместно с И.И. Филатовой в ЮАР на английском языке книги о русских добровольцах в англо-бурской войне¹⁰ и отношениях СССР с ЮАР¹¹.

Среди многочисленных наград А.Б. Давидсона — российский орден Дружбы и южноафриканский Орден компаньонов О.Р. Тамбо в серебре.

Жизнь и научное творчество Аполлона Борисовича вот уже 71 год связаны с Институтом всеобщей истории. Поздравляя его со славным юбилеем, руководство и коллектив института, а также редакция журнала «Новая и новейшая история», членом редколлегии и постоянным автором которого он является многие десятилетия, желают ему здоровья и новых научных свершений.

³ См., например: Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки. М., 2019.

⁴ См., например: Черная Африка: прошлое и настоящее: учебное пособие по новой и новейшей истории Африки. М., 2016.

⁵ Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 — начало 1970-х. М., 2021.

⁶ Давидсон А.Б. Южная Африка. Становление сил протеста. 1870—1924. М., 1972.

⁷ Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Облик далекой страны. М., 1975; *Их же*. Зов дальних морей. М., 1979.

⁸ Становление отечественной африканистики. 1920-е — начало 1960-х / под ред. А.Б. Давидсона. М., 2003.

⁹ Давидсон А.Б. Муза странствий Николая Гумилева. М., 1992.

¹⁰ Davidson A.B., Filatova I.I. The Russians in the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998.

¹¹ Filatova I.I., Davidson A.B. The Hidden Thread: Russia and South Africa in the Soviet Era. Cape Town; Johannesburg, 2013.

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ» В 2024 году

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Белоусов Л.С. Режим Муссолини: концепция консенсуса в современной историографии
Воробьева О.В. Экистика в творчестве А. Дж. Тойнби

№ 6

№ 3

Кимленко Е.А. Об источниках по истории Римской курии 1860–1870-х годов

№ 4

Малкин С.Г. Кризис лояльности и оборона империи в оценках британского военного класса: колониальная армия в межвоенный период

№ 1

Матвеева А.Г. Западногерманская историография Германской империи как пример реализации исторической политики

№ 4

Митрофанов А.А. Концепция «народного роялизма» в новейшей историографии Французской революции и эпохи Наполеона: за и против

№ 4

Нагорных О.С., Шок Н.П. Медианарративы в социальной истории медицины (на примере Хабаровского процесса 1949 года)

№ 2

Петрова М.А. Старые источники — новые подходы: изучение европейской дипломатии раннего Нового времени в зарубежной историографии конца XX — начала XXI века

№ 6

Федоров С.Е. Эпистемологический поворот и эпистема социального в интеллектуальном дискурсе XVI—XVII веков

№ 5

Чернега В.Н. «Франсафрик» в державной политике Франции: становление, эволюция, кризис (1960–2023)

№ 2

НОВОЕ ВРЕМЯ

Аксенова М.Д. Кредитная история Н.П. Панина (1770–1837)

№ 2

Ардашников А.Н., Коняшкина Т.А. За фасадом церемониальной дипломатии: о результатах закупительной миссии Хосрова-мирзы 1829 года

№ 6

Букин Д.С. Окрашивая страну в нативные цвета: антикварные проекты Джона Лиланда в контексте имперского и национального строительства Англии 30–40-х годов XVI века

№ 1

Бухарин М.Д. Пограничный вопрос и «Большая игра» в донесениях Р. Коббольда в 1898–1899 годах

№ 4

Елохин К.А., Цыганова Л.А. Интерпретация изобразительного девиза итальянскими интеллектуалами в начале XVII века

№ 1

Жангиев Д.Р. Завоевание Сирии Мухаммадом Али-пашой в 1831–1832 годах и его влияние на российско-османские отношения

№ 6

Зябриков В.В. Саксонская дипломатия в первые месяцы Второй Силезской войны (август–октябрь 1744 года)

№ 1

Карп С.Я. Эдмунд Бёрк, его читатели и читатели в России XVIII века. Часть первая

№ 6

Кириллина С.А. Дар Божий: природа Ближнего Востока в паломнических записках российских иеромонахов Леонтия и Мелетия (XVIII столетие)

№ 6

Кобищанов Т.Ю. История одного пророчества: дамасская «Легенда об астраханских старцах» в контексте арабо-российских контактов XVIII века

№ 6

Кудрявцева Е.П. Начало средиземноморской торговли России (к 250-летию Кучук-Кайнарджийского мира)

№ 5

Кузина Н.А. Роль церкви в конструировании каталонского национализма на рубеже XIX–XX веков

№ 4

Лабутина Т.Л. «Двуликий Янус»: состоял ли канцлер А.П. Бестужев-Рюмин на службе у англичан?

№ 3

Лиманова С.А. Юбилей по телеграфу. 50-летие правления королевы Виктории (1887) в зеркале русской прессы

№ 5

Марей А.В. По закону или по справедливости: дебаты в испанском Конгрессе депутатов вокруг законопроекта о диктатуре 1848 года

№ 5

Орлов В.В. «Заклочим тогда статьи мирные...»: морская стратегия Российской империи и становление русско-марокканских отношений (вторая половина XVIII века)

№ 6

Паламарчук А.А. «Социальная» терминология в лексикографии De verborum significatione Джона Скина

№ 5

Панченко К.А. Российская миссия в Стамбуле в середине 1740-х годов: повседневная жизнь

№ 6

Староскольская Д.С. Америка геральдическая

№ 3

Суриков К.А. «Свои среди чужих, чужие среди своих»: польские офицеры на службе в армии Османской империи в 1840–1870-х годах

№ 6

Терентьева Е.А. Социальная терминология в «Трактате о знати» Ж.А. де Ларока де Лалонтьера (1678)

№ 5

Турыгин А.А. Военные цели и планы Пангерманского союза в воспоминаниях Генриха Класа (1868–1953)

№ 1

Федосеев Н.Н. Академическая типография в истории русского искусства и просвещения первой половины XVIII века. К 300-летию Российской академии наук

№ 2

Хорошева А.О. Российское посольство в Брюсселе и польское восстание 1863–1864 годов

№ 5

Черкасов П.П. «Республика господина Тьера» в оценках русских дипломатов (август 1871 — октябрь 1872 года)

№ 3

Черкасов П.П. Падение Адольфа Тьера 24 мая 1873 года (по документам российского посольства в Париже)

№ 6

Чудинов А.В. Египетский поход Бонапарта и Ближний Восток

№ 3

Шатохина-Мордвинцева Г.А. «Не пожелала бы ничего лучшего, чем быть приглашенной к этому объединению сил»: присоединение Республики Соединенных провинций Нидерландов к Лиге вооруженного нейтралитета в 1780 году

№ 5

Шпак Г.В. Россия как фронт Европы в британских образовательных играх эпохи Георгов

№ 3

Штеллер Ф. (Чехия). Родственники Петра III при петербургском дворе

№ 3

Яблонская О.В. «Отверженные» дети Великобритании в Канаде: миграционная программа Мэри Рай

№ 1

XX ВЕК
Абдалла М.М.Э. Советско-египетские отношения (1970–1973)
Балезин А.С. Социалистический выбор стран Восточной Африки: ожидания Москвы и реальность

№ 1

- Беглов А.Л.** Что было до «кремлевской встречи»? Становление политики «нового курса» советского руководства в отношении Русской православной церкви в 1941–1943 годах № 6
- Боркунов Н.В.** Дискуссии на страницах журнала *Чешче* и модернизация в Танзании (1967–1970) № 2
- Воеводский А.В.** «Человек из Москвы»: Кеннет Кома и отношения СССР с Ботсваной в 1960-х – первой половине 1970-х годов № 2
- Ганин М.А.** Научно-технические командировки ученых в Германию в 1920-е годы как один из факторов развития ленинградского промышленного комплекса № 5
- Дамье В.В.** Анархистские тенденции в раннем социалистическом движении в Корее (1919–1924) № 4
- Живанович М.** (Сербия). Образ Союзной Республики Югославия в российской прессе в период санкционного давления на страну (1992–1995) № 3
- Зорин А.В.** Эдвард Бенеш в дипломатической переписке США, 1945–1948 годы № 2
- Клинова М.В.** Космическая «нить Ариадны» для Франции и Европы в середине XX – начале XXI века № 4
- Котов Б.С.** «Германия и балканская распря»: оценка российской прессой политики Германии в период двух Балканских войн, 1912–1913 годы № 3
- Ланник Л.В.** Метаморфозы превосходства: германские военные миссии межвоенного периода как (пост)травматический опыт экспансии № 4
- Ларин А.Б.** «Чисто культурно-экономический характер...»: российская земле(вла)дельческая колонизация прикаспийских провинций Ирана и категория «культурное завоевание» № 5
- Люльчак А.С.** Идеологическая индоктринация и пропаганда в антикемалистской прессе начала 1930-х годов № 6
- Магадеев И.Э.** «Ислам» и «мусульманство» в официальном дискурсе и категориальном аппарате французских властей в 1920-е годы № 5
- Мазов С.В.** Документы из Архива внешней политики Российской Федерации о позиции африканских стран в отношении гражданской войны в Нигерии (1967–1970) и о миротворчестве ОАЕ № 2
- Манухин А.А.** Висенте Ломбардо Толедано и подход СССР к левым силам Мексики после Второй мировой войны № 3
- Мельникова Н.В.** Вокруг советского атомного проекта: американская разведка и информаторы, 1945–1949 годы № 4
- Михайлова Ю.Л.** Формирование исторической памяти в Латвии о периоде первой независимости в годы перестройки. 1987–1990 № 5
- Окунев А.Ю.** Режим Омара Торрихоса в Панаме в 1968–1981 годах и экономическая интеграция Латинской Америки № 1
- Орлов И.А.** Судьба проекта Объединенной Арабской Республики: долгожданное возникновение и закономерное разрушение панарабского государства № 2
- Осипов Е.А.** «Пробуждение ислама». Французский взгляд на Исламскую революцию в Иране. На основе документов архива МИД Франции № 5
- Савицкий Е.Е.** Н.А. Булганин и Н.С. Хрушев в Бирме в 1955 году: оттепель, деколонизация и амбивалентности советского официального языка № 5
- Салахов Д.А.** Проблема «двух Корей» в политике США в 1974–1980 годах № 3
- Сафронов А.В.** Академия наук и новые подходы к планированию народного хозяйства в СССР (конец 1950-х – начало 1960-х годов) № 1
- Селезнев Ф.А.** Российско-румынские отношения в период Балканских войн по воспоминаниям и донесениям посланника в Бухаресте Н.Н. Шебеко (1912–1913) № 5
- Сергеев Е.Ю.** «Коммунистический милитаризм» и «доктрина Монро» в интерпретации советского и британского политического руководства (середина 1920-х годов) № 4
- Талганов Л.** Несостоявшийся Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Алжире в 1965 году № 1
- Тихонов Ю.Н.** Заключение советско-афганского Договора о дружбе 1921 года в контексте новых архивных источников № 4
- Тогоева О.И.** Повседневность vs политика: образ Жанны д'Арк в кинематографе XX века № 3
- Филитов А.М.** Тегеранские дискуссии: официальные и неофициальные № 5
- Ходнев А.С.** «Насколько неэффективным является существующий Международный офис здравоохранения»: проблемы создания Организации здравоохранения Лиги Наций № 1
- Чагадаева О.А.** К вопросу о размывании социального слоя инженерно-технических работников в годы социально-экономического транзита (1987–1999) № 3
- Шалимов С.В.** Советско-французские научные связи в области молекулярной биологии и биохимии в первой половине 1970-х годов № 1
- Шлыков П.В.** Борьба с кемалистским государством: земельный вопрос и низовая гражданская активность в Турции в 1920–1930-е годы № 3
- Шубин А.В.** Советская военная помощь Турции в 1920–1922 годах № 5
- Щелчков А.А.** Союзники поневоле: СССР, компартия Аргентины перед лицом военной диктатуры (1976–1983) № 4
- СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ**
- Дудайти А.К.** Геополитика на Южном Кавказе: динамика регионального соперничества Турции и Ирана после Второй карабахской войны № 4
- Наумкин В.В., Кузнецов В.А.** Халифат и «мечта-воспоминание» об исламском государстве-цивилизации № 2
- Трунов Ф.О.** Подход ФРГ к комплектованию постоянных группировок НАТО в середине 2010-х – начале 2020-х годов № 5
- Филиппов Д.А.** Взгляды премьер-министра Юкио Хатоямы на внешнюю политику Японии в контексте поиска дипломатической стратегии № 3
- Шалом В.В.** Вспоминаю апартхейд: южноафриканское студенческое движение #FeesMustFall в середине 2010-х годов № 2
- Шипилов А.Ю.** Беженцы в трансграничных конфликтах: на примере Сьерра-Леоне (1991–2002) № 1
- Шлыков П.В.** Отношения России и Турции в начале XXI века: трансформация моделей взаимодействия № 6
- ПУБЛИКАЦИИ**
- Бухарин М.Д.** Общественно-политическая деятельность М.И. Ростовцева в эмиграции (по переписке с П.Б. Струве) № 6

- Дадченко П.А.** К вопросу о роли российской дипломатии в урегулировании германского кризиса 1850 года. Переписка П.К. Мейендорфа с МИД об Ольмюцком соглашении 29 ноября 1850 года
№ 4
- Замулин В.Н.** Почему наступление германских войск на Курск не состоялось в мае 1943 года. Новые документы
№ 3
- Ковалев М.В., Мирзеханов В.С.** «Наше внимание к Ирану как стране-соседу, безусловно, должно быть резко повышено». Документы о пребывании делегации Верховного Совета СССР в Иране (январь 1968 года)
№ 1
- Тихомиров Н.В.** «Мы одни здесь, как сиротинушки»: деревенская практика ленинградских студентов в начальный период коллективизации
№ 3
- Фадеев И.А., Паламарчук А.А.** Литургия как инструмент конфессиональной идентификации: Уильям Лод и проблема «иностранных церквей» в Англии
№ 2
- СООБЩЕНИЯ**
- Соколов М.М.** Российские историки: структура профессионального сообщества
№ 2
- Филимонова М.А.** Фридрих-Вильгельм фон Штойбен: адъютант Фридриха Великого в армии Вашингтона
№ 1
- Ананьев В.Г., Вахромеева О.Б.** Два первых директора Антирелигиозного музея в Исаакиевском соборе: траектории судеб до, во время и после культурной революции
№ 1
- Сагомонян А.А.** Евгений Петрович Новиков (1826—1903) — дипломат «горчаковской школы»
№ 4
- РЕЦЕНЗИИ**
- Артамошин С.В.** На пути к установлению дипломатических отношений: большевики и кайзеровская Германия в 1918 году (Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы / авт.-сост. А.Ю. Ватлин, Л.В. Ланник, Т. Пентер. М., 2023)
№ 4
- Бобкова М.С.** Почему невозможно написать биографию Уильяма Шекспира (Y. Dureau. Why it is Impossible to Write a Biography of William Shakespeare: Multiple Names. Contradictory Sources and Political Purposes. Lewiston; New York, 2018)
№ 6
- Богомолов И.К.** Нейтралитет в годы Первой мировой войны (M. Abbenhuis, I. Tames. Global War, Global Catastrophe. Neutrals, Belligerents and the Transformation of the First World War. London, 2022)
№ 4
- Комаров А.Н.** Новый взгляд на историю советско-британских отношений в 1925—1932 годов: сущность, противоречия и динамика (Е.Ю. Сергеев. Обманчивый рассвет. Советский Союз и Великобритания в 1925—1932 гг. М., 2024)
№ 6
- Любин В.П.** К столетию убийства фашистами Дж. Маттеотти (M. Degli Innocenti. Giacomo Matteotti e il socialismo riformista. Milano, 2022)
№ 5
- Малкин С.Г.** Россия и Западный мир: грани конфликтного взаимодействия (Запад и Россия: история противостояния / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб., 2023)
№ 3
- Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю.** Польские дипломаты о положении католической церкви в СССР (Bolszewicy w walce z religią. Kościół rzymskokatolicki w Związku Sowieckim w polskich dokumentach dyplomatycznych 1922—1938 / Redakcja naukowa R. Dzwonkowski, A. Szabaciuk. Warszawa, 2021)
№ 1
- Михель Д.В.** Глобальная история для университетов (Т.Л. Шестова. Глобальная История. Учебное пособие. М., 2022)
№ 3
- Орлов А.А.** Становление консервативной идеологии в Англии в начальный период «ганно-вериянского века» (М.А. Ковалёв. У истоков консерватизма в Англии. Общественно-политические взгляды ранних тори (1714—1760 гг.). СПб., 2024)
№ 2
- Петелин Б.В.** Фашизм: Помнить. Знать. Предотвратить (Б.Л. Хавкин. Нацизм. Третий рейх. Сопротивление. М., 2023)
№ 6
- Третьякова М.Ч.** Депортация евреев из Македонии, Фракии и Пирот — темная страница истории Болгарии (Базичного антисемитского законодательство на Бугария: сборник документи / сост. С. Асани, В. Поповски, Н. Маличи. Скопје, 2020)
№ 3
- Улунян А.А.** Французский прорыв на Балканы (Г. Пеев. Военни аспекти на българо-френските отношения от 1878 до 1918 година. София, 2023)
№ 1
- Фельдман М.А.** Уникальное исследование экономики СССР в годы второй пятилетки (R.W. Davies. Industrialization of Soviet Russia. Vol. 6. Years of Progress: Soviet Economy, 1934—1936. Basingstoke, 2014)
№ 1
- Хавкин Б.Л.** «Такой человек исключительно опасен для общества. Тем более если он находится у власти» (А. Кронфельд. Дегенераты у власти. Сексуальные извращения и нацизм: свидетельство психиатра / под ред. Л. Мекаччи, А. Эткинды. М., 2023)
№ 5
- Хохолькова Н.Е.** Историческая африканистика: вызовы и возможности источниковедения (Источники по истории Африки: проблемы, тенденции, перспективы изучения и использования / кол. монография под общ. ред. А.С. Балезина. М., 2023)
№ 5
- НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**
- Богдашкин А.А., Теплухин В.В.** Конференция по проблемам фашизма и милитаризма в Воронеже К 70-летию Сергея Васильевича Мазова
№ 2
№ 4
- Кузьмина М.В.** Международная конференция «Россия между Западом и Востоком: диалог и противостояние цивилизаций»
№ 1
- Мягков М.Ю.** 100 лет выдающемуся российскому военному историку Олегу Александровичу Ржевскому
№ 3
- Памяти ушедших**
- Памяти Элен Каррер д'Анкосс**
№ 1
- Иванов Н.С.** Памяти Евгения Александровича Ларина
№ 1
- Памяти А.И. Попова (1953—2022)**
№ 2

INDEX OF CONTRIBUTIONS PUBLISHED IN THE JOURNAL “MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY” IN 2024

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Belousov L.S. Mussolini's Regime: the Concept of Consensus in Contemporary Historiography № 6

Chernega V.N. “Françafrika” in French Power Politics: Formation, Evolution, Crisis (1960–2023) № 2

Fyodorov S.E. The Epistemological Turn and the Episteme of the Social in the Intellectual Discourse of the Sixteenth and Seventeenth Centuries № 5

Kimlenka K.A. On the sources for the history of the Roman Curia, 1860–70s № 4

Malkin S.G. Crisis of Loyalty and the Defense of Empire in the Estimates of the British Military Class: Colonial Army During the Inter-War Period № 1

Matveeva A.G. West German Historiography of the German Empire as an Example of the Implementation of Historical Policy № 4

Mitrofanov A.A. The Concept of “Popular Roy-alism” in the Latest Historiography of the French Revolution and the Napoleonic Era: Pro and Contra № 4

Nagornyykh O.S., Shok N.P. Media Narratives in the Social History of Medicine: the Case Study of the 1949 Khabarovsk Trial № 2

Petrova M.A. Old Sources – New Approaches: Early Modern European Diplomacy in the International Historiography of the Late Twentieth and Early Twenty-First Centuries № 6

Vorobieva O.V. Ekistics in Arnold J. Toynbee Works № 3

MODERN HISTORY

Aksenova M.D. Credit History of Nikita Panin (1770–1837) № 2

Ardashnikova A.N., Konyashkina T.A. Behind the Facade of Ceremonial Diplomacy: The Results of Khosrow Mirza's “Redemption” Mission of 1829 № 6

Bukharin M.D. The Great Game and the Border Issue in the Pamirs in the Reports of Ralph Cobbold, 1898–1899 № 4

Bukin D.S. Painting the Nation in its Native Colours: John Leland's Antiquarian Projects in the Context of Imperial and National Building of Eng-land, 1530–1540 № 1

Cherkasov P.P. “Mr. Thiers' Republic” in the As-sessments of Russian Diplomats, August 1871 – October 1872 № 3

Cherkasov P.P. The Fall of Adolphe Thiers on 24 May 1873: Documentary Evidence from the Rus-sian Embassy in Paris № 6

Elokhin K.A., Tsyganova L.A. Interpretation of the Badges by Italian Intellectuals at the Beginning of the Sventeenth Century № 1

Fedoseenkov N.N. Academic Typography in the History of Russian Art and Enlightenment in the First Half of the Eighteenth Century. In honour of the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences № 2

Karp S.Ya. Edmund Burke, His Readers and Ad-mirers in 18th Century Russia. Part One № 6

Khorosheva A.O. Russian Embassy in Brussels and the January Uprising, 1863–1864 № 5

Kirillina S.A. The Gift of God: The Nature of the Middle East in the Pilgrimage Writings of Russian Hieromonks Leontius and Meletius, 18th Century № 6

Kobishchanov T.Yu. The Story of a Prophecy: The Damascene “Legend of the Astrakhan Elders” in

the Context of Arab-Russian Encounters in the 18th Century № 6

Kudriavtseva E.P. The Origins of Russia's Mediter-ranean Trade: The 250th Anniversary of the Küçük Kaynarca Treaty № 5

Kuzina N.A. The Role of the Church in the Con-struction of Catalan Nationalism at the Turn of the 19th–20th Centuries № 4

Labutina T.L. “Two-Faced Janus”: Was Chancel-lor Alexey Bestuzhev-Ryumin in the Service of the British? № 3

Limanova S.A. Jubilee by Telegraph: The 50th An-niversary of Queen Victoria's Reign (1887) in the Mirror of the Russian Press № 5

Marey A.V. By Law or by Justice: Debates in the Spanish Congress of Deputies Around the Bill on Dictatorship of 1848 № 5

Orlov V.V. “Let Us Conclude Then the Articles of Peace...”: The Naval Strategy of the Russian Em-pire and the Formation of Russian-Moroccan Re-lations in the Second Half of the Eighteenth Century № 6

Palamarchuk A.A. “Social” Terminology in Sir John Skene's Lexicography “De Verborum Signi-ficatione” № 5

Panchenko C.A. The Russian Mission in Istanbul in the mid-1740s: Everyday Life № 6

Shatokhina-Mordvintseva G.A. “I Would Not Wish for Anything Better Than to be Invited to This Unification of Forces”: Accession of the Re-public of the Seven United Netherlands to the First League of Armed Neutrality (1780) № 5

Shpak G.V. Russia as a Frontier of Europe in the British Educational Games of the Georgian Age № 3

Staroskolskaya D.S. Heraldic America № 3

Stellner F. (Czech Republic). Peter III's Relatives at Petersburg Court № 3

Surikov K.A. “Friends to Foes, Foes to Friends”: Polish Officers in the Ottoman Army in 1840–1870s № 6

Tchoudinov A.V. The Egyptian Campaign and the Middle East № 3

Terenteva E.A. Social Terminology in “Traité de la Noblesse” by Gilles-André La Roque de La Lon-tière (1678) № 5

Turygin A.A. Military Goals and Plans of the “Pan-German League” in the Memories of Hein-rich Claß (1868–1953) № 1

Yablonskaya O.V. “Les Misérables” Children of Great Britain in Canada: Maria Rye's Migration Programme № 1

Zhantiev D.R. The Conquest of Syria by Muham-mad Ali Pasha in 1831–1832 and Its Influence on Russian-Ottoman Relations № 6

Zyabrikov V.V. Saxon Diplomacy in the First Months of the Second Silesian War (August/October 1744) № 1

TWENTIETH CENTURY

Abdalla M.M.E. Soviet-Egyptian Relations (1970–1973) № 1

Balezin A.S. The Socialist Choice of East African Countries: Moscow's Expectations and Reality № 2

Beglov A.L. What Happened Before the “Kremlin Meeting”? Formation of the Soviet Leadership's “New Deal” Policy Towards the Russian Orthodox Church in 1941–1943 № 6

- Borkunov N.V.** Discussions in “Cheche” Magazine and Modernisation in Tanzania (1967–1970)
- Chagadaeva O.A.** On the Issue of the Erosion of the Social Stratum of Engineering and Technical Workers During the Years of Socio-Economic Transition (1987–1999)
- Damier V.V.** Anarchist Tendencies in the Early Socialist Movement in Korea, 1919–1924
- Filitov A.M.** The Tehran Discussions, Formal and Informal
- Ganin M.A.** Scientific and Technical Business Trips of Scientists to Germany in the 1920s as One of the Factors in the Development of the Lenin-grad Industrial Complex
- Khodnev A.S.** “How Ineffective is the Existing International Health Office”: Problems in the Creation of the Health Organization of the League of Nations
- Klinova M.V.** The “Ariadne’s Space Thread” for France and Europe in the Mid-Twentieth and Early Twenty-First Centuries
- Kotov B.S.** “Germany and the Balkan Feud”: The Russian Press Assessment of German Policy During the Two Balkan Wars of 1912–1913
- Lannik L.V.** Metamorphoses of Superiority: German Military Missions in the Interwar Period as a (Post)Traumatic Experience of Expansion
- Larin A.B.** “Purely Cultural and Economic in Nature...”: Russian Agricultural Colonisation and Land Ownership of the Caspian Provinces of Iran and the Category of “Cultural Conquest”
- Lyulchak A.S.** Ideological Indoctrination and Propaganda in the Anti-Kemalist Press of the Early 1930s
- Magadeev I.E.** “Islam” and “Muslimism” in the Official Discourse and Categorical Apparatus of the French Authorities in the 1920s
- Manukhin A.A.** Vicente Lombardo Toledano and the Soviet Approach to the Mexican Left After the Second World War
- Mazov S.V.** Documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation on the Position of African Countries Towards the Nigerian Civil War (1967–1970) and on the OAU’s Peace-making
- Melnikova N.V.** The Soviet Atomic Program: American Intelligence and Informants, 1945–1949
- Mikhailova J.L.** Formation of Historical Memory of the First Independence Period in Latvia in the Perestroika Years, 1987–1990
- Okunev A.Y.** Omar Torrijos Regime in Panama 1968–1981 and the Economic Integration of Latin America
- Orlov I.A.** The Fate of the United Arab Republic Project: Long-Awaited Emergence and Natural Destruction of the Pan-Arab State
- Osipov E.A.** “The Revival of Islam”: A French View of the Islamic Revolution in Iran
- Sadakov D.A.** The “Two Koreas” Problem in U.S. Policy, 1974–1980
- Safronov A.V.** Academy of Sciences and New Approaches to Economic Planning in the USSR (late 1950s – early 1960s)
- Savitsky E.E.** Nikolai Bulganin and Nikita Khrushchev in Burma in 1955: Thaw, Decolonization, and Ambivalences of the Soviet Official Language
- Schelchikov A.A.** Unwilling Allies: The USSR, the Communist Party of Argentina, and the Military Dictatorship in Argentina, 1976–1983
- Seleznov F.A.** Russian-Romanian Relations During the Balkan Wars in the to Memoirs and Reports of Nikolai Shebeko, Envoy to Bucharest (1912–1913)
- Sergeev E.Yu.** “Communist Militarism” and the “Monroe Doctrine” in the Interpretation of Soviet and British Political Leadership, mid-1920s
- Shalimov S.V.** Soviet-French Scientific Relationships in the Field of Molecular Biology and Biochemistry in the First Half of the 1970s
- Shlykov P.V.** Contesting the Kemalist State: The Land Question and the Grass Root Civic Activity in the 1920–1930s Turkey
- Shubin A.V.** Soviet Military Assistance to Turkey in 1920–1922
- Taltangov L.** The Failed World Festival of Youth and Students in Algiers in 1965
- Tikhonov Yu.N.** The Conclusion of the Soviet-Afghan “Treaty of Friendship” in the Context of New Archival Sources
- Togoeva O.I.** Everyday Life vs. Politics: the Image of Joan of Arc in the Cinema of the Twentieth Century
- Voevodskiy A.V.** “The Man from Moscow”: Kenneth Koma and the USSR’s relations with Botswana in the 1960s – the first half of the 1970s
- Zhivanovic M.** (Serbia). The Image of Federal Republic of Yugoslavia in the Russian Press During the Sanction Pressure on the Country, 1992–1995
- Zorin A.V.** Edvard Beneš in American Diplomatic Correspondence, 1945–1948
- ### CONTEMPORARY HISTORY
- Dudayti A.K.** Geopolitics in the South Caucasus: The Dynamics of Regional Rivalry Between Turkey and Iran After the Second Karabakh War
- Filippov D.A.** The Views of Prime Minister Hatoyama Yukio (2009–2010) on Japan’s Foreign Policy Within the Context of the Search for a New Grand Strategy
- Filippov D.A.** The Views of Prime Minister Hatoyama Yukio (2009–2010) on Japan’s Foreign Policy Within the Context of the Search for a New Grand Strategy
- Naumkin V.V., Kuznetsov V.A.** Caliphate and the “Dream-Memory” of the Islamic State-Civilization
- Shalom V.V.** Remembering the Apartheid Past: The South African Student-led Protest Movement #FeesMustFall in the Middle of the 2010s
- Shipilov A.Yu.** Refugees in Trans-Border Conflict: The Case of Sierra Leone, 1991–2002
- Shlykov P.V.** Russia and Turkey in the Early 21st Century: Transformation of Bilateral Interaction Models
- Trunov Ph.O.** Germany’s Approach to the Functioning of NATO Standing Force Groups in the Mid-2010s and Early 2020s
- ### ANALYSING ORIGINAL DOCUMENTS
- Bukharin M.D.** Social and Political Activity of Mikhail Rostovtzeff in Emigration Through. His Correspondence with Pyotr Struve
- Datsenko P.A.** On the Role of Russian Diplomacy in Resolving the Autumn Crisis of 1850: Diplomatic Correspondence between Peter von Meyendorff and the Ministry of Foreign Affairs on the Punctuation of Olmütz, 29 November 1850
- Fadeyev I.A., Palamarchuk A.A.** Liturgy as an Instrument of Confessional Identification: William

Laud and the Challenge of “Foreign Churches” in England

Kovalev M.V., Mirzekhanov V.S. “Our Attention to Iran, as a Neighboring Country, Should Certainly be Sharply Increased”: the Documents on the Visit of the Delegation of the Supreme Soviet of the USSR to Iran, January 1968

Tikhomirov N.V. “We Are Alone Here Like Orphans”: Leningrad Students’ Rural Practice in the Initial Period of Collectivisation

Zamulin V.N. Why Did the German Offensive on Kursk Not Take Place in May 1943? New Documents

MESSAGES

Ananiev V.G. The First Two Directors of the Anti-Religious Museum in the St. Isaac’s Cathedral: Trajectory of Lives Before, During and After Cultural Revolution

Filimonova M.A. Friedrich Wilhelm von Steuben: Aide-de-camp to Frederick the Great in Washington’s Army

Sagomonyan A.A. Evgeny Petrovich Novikov (1826–1903) – Diplomat of the Gorchakov School

Sokolov M.M. Historians in Russia: The Structure of a Professional Community

REVIEWS

Artamoshin S.V. On the Way to Establishing Diplomatic Relations: the Bolsheviks and the Kaiser’s Germany in 1918 (Berlin Mission of Plenipotentiary Ioffe 1918. Documents / author is the compiler A.Y. Vatlin, L.V. Lannick, T. Penter. Moscow, 2023)

Bobkova M.S. Why it is Impossible to Write a Biography of William Shakespeare (Y. Dureau. Why it is Impossible to Write a Biography of William Shakespeare: Multiple Names. Contradictory Sources and Political Purposes. Lewiston; New York, 2018)

Bogomolov I.K. Neutrality During the Great War (M. Abbenhuis, I. Tames. Global War, Global Catastrophe. Neutrals, Belligerents and the Transformation of the First World War. London, 2022)

Feldman M.A. Unique Study of the USSR Economy in the Years the Second Five-Year Plan (R.W. Davies. Industrialization of Soviet Russia. Vol. 6. Years of Progress: Soviet Economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014)

Khavkin B.L. “Such a Person is Extremely Dangerous to Society. Especially if He is in Power” (A. Kronfeld. Degenerates Are in Power. Sexual Perversion and Nazism. Testimony of a Psychiatrist / eds L. Mecacci, A. Etkind. Moscow, 2023)

Khokhlova N.E. African Historical Studies: Challenges and Opportunities of Source Studies (Sources on the History of Africa: Problems, Trends, Prospects for Study and Application / col. monograph under the general note by A.S. Balezin. Moscow, 2023)

Komarov A.N. A New Perspective on the History of Soviet-British Relations in 1925–1932: Essence, Contradictions, and Dynamics (E.Y. Sergeev. An Illusory Dawn. The Soviet Union and Great Britain in 1925–1932. Moscow, 2024)

Ljubin V.P. On the Centenary of Giacomo Matteotti’s Murder by the Fascists (M. Degli Innocenti. Giacomo Matteotti e il socialismo riformista. Milano, 2022)

Malkin S.G. Russia and the Western World: the Facets of Conflict Interaction (The West and Russia: the History of Confrontation / ed. T.L. Labutin. Saint-Petersburg, 2023)

Matveev G.F., Matveeva E.Yu. Polish Diplomats on the Situation of the Catholic Church in the USSR (Bolszewicy w walce z religią. Kościół rzymskokatolicki w Związku Sowieckim w polskich dokumentach dyplomatycznych 1922–1938 / Redakcja naukowa R. Dzwonkowski, A. Szabaciuk. Warszawa, 2021)

Mikhel D.V. Global History for Universities (T.L. Shestova. Global History. A Manual. Moscow, 2022)

Orlov A.A. The Formation of Conservative Ideology in England in the Early Period of the “Hanoverian Age” (M.A. Kovalev. At the Origins of Conservatism in England. Social and Political Views of the Early Tories (1714–1760). Saint-Petersburg, 2024)

Petelin B.V. Fascism: Remember. Know. Prevent (B.L. Khavkin. Nazism. Third Reich. Resistance. Moscow, 2023)

Tretjakova M.Ch. Deportation of Jews From Macedonia, Thrace and Pirot: a Dark Page in the History of Bulgaria (Basic Anti-semitic Legislation of the Kingdom of Bulgaria / comp. S. Asani, N. Malici, V. Popovski. Skopje, 2020)

Ulunyan A.A. French Breakthrough in the Balkans (G. Peev. Military Aspects of Bulgarian-French Relations Since 1878 Till 1918. Sofiya, 2023)

ACADEMIC LIFE

Bogdashkin A.A., Teplukhin V.V. Conference on Fascism and Militarism in Voronezh In Honour of the 70th Anniversary of Sergey Vasilyevich Mazov

Kuzmina M.V. International Conference “Russia Between West and East: Dialogue and Confrontation of the Civilizations”

Myagkov M.Yu. Centenary of the Outstanding Russian Military Historian Oleg Alexandrovich Rzheshevsky

On the 95th Anniversary of Academician Apollon Davidson

In Memoriam

In Memory of Hélène Carrère d’Encausse

Ivanov N.S. In Memory of Evgeny Alexandrovich Larin

In memory of A.I. Popov (1953–2022)

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта — 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200—230 слов) и ключевые слова (до 5—9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10—15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активной кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Д.А. Саноян

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110133 от 4 февраля 1993 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписано к печати хх.04.2024 г.
Дата выхода в свет: хх.04.2024 г.
Тираж   экз.

70•100¹/₁₆•
Зак.

Уч.-изд. л.
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

18+

Издатель: Российская академия наук, 119991, г. Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-038-24 ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1